

РУССКАЯ
СТИХОТВОРНАЯ
САТИРА
1908-1917-х
ГОДОВ

РУССКАЯ
СТИХОТВОРНАЯ САТИРА
1908-1917-х ГОДОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов, А. Н. Болдырев,
П. У. Бровка, А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, А. В. Западов,
К. Ш. Кулиев, М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

**РУССКАЯ
СТИХОТВОРНАЯ САТИРА
1908-1917-х ГОДОВ**

*Вступительная статья,
составление, подготовка текста
и примечания
И. С. Эвентова*

Этой книгой «Библиотека поэта» представляет читателю еще одну эпоху в жизни русской сатирической поэзии — период предоктябрьского десятилетия. Наряду с произведениями знаменитых поэтов, здесь собраны образцы творчества многочисленного отряда забытых и малоизвестных сатириков. В своих стихах они изобличали антинародную политику царизма и его учреждения (министерства, полицию, охранное отделение), лидеров правых и соглашательских партий. Под огонь сатирической поэзии того времени попадали также обывательские нравы мещанской публики, продажная буржуазная пресса, модернистские выверты в искусстве. Предыдущий сборник Большой серии аналогичного типа был издан в 1969 г. под названием «Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907)».

© Издательство «Советский писатель», 1974 г.

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ПРЕДОКТЯБРЬСКИХ ЛЕТ

1

Десятилетие, предшествовавшее Октябрю, было одним из сложнейших периодов в историческом развитии России. Оно известно как время созревания революционной энергии масс, время накопления сил для свершения величайшего в мире социального переворота. Процессы эти проходили в условиях кризиса феодально-капиталистической системы, распада буржуазной идеологии и усиления самодержавной реакции.

Поражение революции 1905—1907 годов, последовавший за нею разгул черносотенного террора вызвали резкий спад общественных настроений в стране. Легальные революционные организации были разгромлены, от демократического лагеря отошли его случайные прозелиты, буржуазная интеллигенция совершала, по словам А. В. Луначарского, «равноускоренное движение слева направо». ¹ Характерными явлениями общественной жизни стали «упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство». ²

Нет обновления
В скорбных селениях
Русской земли.
Правды поборники
В старшие дворники
Частью ушли;
Частью в далекие
Шахты глубокие
Их увели... —

¹ А. Луначарский, Отклики жизни, СПб., 1906, с. 192.

² В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 10.

так обрисовал русскую жизнь того времени поэт из крестьян Михаил Праскунин, ставший активным участником сатирической прессы.¹

М. Горький писал в те годы о «разрушении личности» и о таких бесспорных признаках оскудения духовной жизни общества, как «социальный аморализм, нигилизм и озлобление, типичное для хулигана».² Никогда еще в России не обнажались так сильно родовые пороки буржуазной системы с ее культом наживы, мещанской пошлостью, карьеризмом, приспособленчеством, индивидуализмом, упадком нравственности и деградацией художественной культуры, как в годы столыпинского режима.

Наступили времена, которые требовали гневного слова осуждения, беспощадной критики, испепеляющей сатиры. Нужен был новый Щедрин, чтобы предать осмеянию все гнусности жизни, весь ужас самовластья, зловредный дух ренегатства, «передонощины», «саннищины», лакейства, мещанского прозябания и декадентского словоблудия — печальных порождений реакционной эпохи.

Еще в начале 1907 года В. И. Ленин писал: «Пора родиться новому Щедрину, чтобы высмеять Васильева и меньшевиков, защищающих революцию посредством лозунга «отсутствие» революционеров, «отсутствие» революции».³ «Щедрина надо бы нам в эти шальные дни», — восклицал в одном из писем М. Горький.⁴ Составляя в 1908—1909 годах курс истории русской литературы, Алексей Максимович, дойдя до Щедрина, отметил: «В наши дни Щедрин ожил весь, и нет почти ни одной его злой мысли, которая не могла бы найти оправдания в переживаемом моменте».⁵ А молодой критик-марксист Александр Воронский, обозревая в своих «Литературных заметках» современный юмор, писал: «Смеются мелко, незначительно смеются. Смеются... над малюсенькими мелочами, привычками в жизни... Тот смех, которым смеются теперь, лишен чего-то необходимого, важного, в нем нет серьезного общественного содержания. В смехе, которым смеются теперь, нет души, того, что Чехов называл богом живого человека». И заканчивал свою

¹ М. П р а с к у н и н, Наши дни. — «Доля бедняка», 1909, 25 октября.

² М. Горький, Разрушение личности. — Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, М., 1953, с. 39. В дальнейшем цитаты из сочинений М. Горького приводятся по этому изданию.

³ В. И. Л е н и н, Плеханов и Васильев. — Полн. собр. соч., т. 14, с. 237.

⁴ М. Горький, Письмо С. Елпатьевскому, август 1909 г. — Собр. соч., т. 29, с. 92.

⁵ М. Горький, История русской литературы, М., 1939, с. 274.

статью так: «Нам виден другой смех — смех Гоголя, Щедрина, Чехова. И нужен их смех». ¹

Время созрело для новой, гневной сатиры щедринского типа, для разоблачительного юмора Гоголя, для неистощимой иронии Чехова. Ежедневно и ежечасно русская жизнь поставляла материал для сатиры. Но одним из самых очевидных проявлений реакционного режима было гонение на свободное слово, а критика существующих порядков — тем более критика язвительная, облеченная в форму сатиры, — преследовалась с особой свирепостью. Условия для развития сатирической литературы были в эту пору самыми неподходящими.

Годы первой русской революции явились, как известно, годами расцвета сатирической печати, на страницах которой увидело свет множество замечательных произведений стихотворной сатиры. ² Но к началу 1908 года из трехсот сатирических изданий революционной поры не осталось почти ни одного: все они были закрыты властями. Единственным журналом, дожившим до жестокого лихолетья, был «Зритель», и то, несмотря на умеренно-либеральный тон своей сатиры, он подвергался репрессиям, издавался с перерывами, за три неполных года вышел только 39 раз (хотя и считался еженедельным), а 27 апреля 1908 года вовсе закрылся, сменив за последние месяцы четырех редакторов. Следом за ним перестал выходить журнал «Серый волк» — одно из последних сатирических изданий революционного времени; он возник в июле 1907 года и просуществовал всего лишь одиннадцать месяцев.

На долю русского читателя остались безобидные юмористические журнальчики — «Осколки», «Шут», «Стрекоза», «Будильник» и другие вполне благонамеренные издания, каждое из которых насчитывало уже десятки лет существования. Юмор, процветавший на страницах этих еженедельников, не поднимался над уровнем приказчиье-галантерейной эстетики. В «Осколках» за 1909 год можно было прочесть стихи под заглавиями, откровенно выражавшими их нехитрое содержание и пошлый вкус сочинителей: «Она вернулась, а он отвернулся», «Ножки», «Порванная цепь Гименея», «Бойкая барышня и большая лужа», «Расчувствовавшийся муж», «Бесноватая дама», «Амуры за трико». В журналах этого типа, как писал в свое время В. В. Князев, «Цвел трафарет и гарцевал на теще Замызганный, лишенный хмеля смех». ³ Справедливо жаловался и другой поэт — Ф. Куликов:

¹ «Ясная заря», 1911, 25 октября.

² См.: «Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907)», «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1969.

³ В. Князев, Двуногие без перьев, СПб., 1914, с. 40.

Конец. Исчерпаны сюжеты!
Сатирик с думой роковой
Твердит, поникнув головой:
«Деянья «ближнего» воспеты,
«Союз» ругали все поэты,
Кого ж теперь, кого на смену. . .
Трамвай ли двинуть городской,
Тащить ли тещу на арену?!»¹

Но кроме жалких и безвкусных обывательских журналов существовали еще и неприкрыто реакционные, скабрёзно-порнографические, развязно-демагогические издания, рассадники дешевого остроумия и улично-балаганного смеха, вроде журналов «Кнут», «Вече», «Жгут» и других. «Неужели у русского юмора, — писал с горечью А. В. Амфитеатров, — нет средств шить себе новое платье, что он с таким усердием пользуется обносками каламбуристов «Нового времени!»² Подводя в январе 1909 года итоги минувшего литературного года, В. В. Воровский констатировал:

«Потребность в смехе породила спрос на смех, такой же рыночный спрос, какой бывает на яркие материи или модные меха.

Под влиянием этого спроса создалась целая профессия смеющихся и смешавших литераторов, именуемых обыкновенно маленькими фельетонистами. . .

Размах смеха был сужен, круг его ограничен. . .

Кругом царил мрак и уныние, а они смеялись. Общественная мысль была загнана в узкий круг, где кроме литературы и искусства ей ничего не оставили, а они всё смеялись. . .

Sclavus saltans.

И эта жалкая картина пляшущего раба, когда кругом его царит мерзость запустения, особенно ярко резала глаза в истекшем году».³

Так же расценивал буржуазную юмористику М. Горький, который почти одновременно с Воровским (в конце 1908 года) писал: «На Руси великой народился новый тип писателя, — это общественный шут, забавник жадного до развлечения мещанства, он служит

¹ Кулик, «Конец. Исчерпаны сюжеты. . .» — «Стрекоза», 1908, № 17, с. 6. «Союз» — «Союз русского народа», черносотенная организация. См. также: Мёб (М. М. Бескин), Мели, Емеля! . . — «Будильник», 1912, № 14, с. 4.

² А. В. Амфитеатров, О российском юморе. — В его кн.: «Разговоры по душе», М., (1910?), с. 197.

³ В. В. Воровский, *Sclavus saltans* (Пляшущий раб). — В его кн.: «Литературно-критические статьи», М., 1956, с. 417—418.

публике, а не родине, и служит не как судья и свидетель жизни, а как нищий приживал — богатому. . . Видимо, смех и ласка публики дороже для него, чем уважение ее. Его готовность рассказывать хозяину своему похабные анекдоты должна вызывать у мещанина презрение к своему слуге». ¹

Был, правда, в литературе того времени и смех другого рода — смех бессильной горечи, вызванный сознанием непреодолимости общественного зла. С острой болью говорил об этом Александр Блок: «Много ли мы знаем и видим примеров *созидающего* «звонкого» смеха. . . Нет, мы видим всегда и всюду — то лица, скованные серьезностью, не умеющие улыбаться, то лица — судорожно дергающиеся от внутреннего смеха, который готов затопить всю душу человеческую, все благие ее порывы, смести человека, уничтожить его; мы видим людей, одержимых *разлагающим* смехом, в котором топят они, как в водке, свою радость и свое отчаяние, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь и, наконец, свою смерть». ²

Годы эти были, конечно, тягчайшими для русской литературы, для сатиры особенно, — и все же важнейшее обстоятельство исторического характера наложило на них свой неизгладимый отпечаток и не дало умолкнуть чистому голосу гражданского чувства.

Мы говорим о только что прогремевших в России революционных боях; мы говорим также о славных страницах, вписанных в историю освободительной мысли революционной сатирой 1905—1907 годов.

Ничто не могло стереть в сознании русских людей память о дерзких, хлестких, остроумных выступлениях сатириков против царя и его камарильи, против держиморд, администраторов и холопов, подпиравших самодержавную власть. Недаром многие произведения сатиры 1905—1907 годов имели подпольное или изустное хождение в период реакции, а отдельные номера сатирических журналов того времени продавались тайком по баснословным ценам. Жива была не только память — живы были многие поэты и художники, сотрудничавшие в журналах 1905—1907 годов, и главное — не могла угаснуть, не могла умереть творческая и духовная традиция, созданная певцами русской революции, как не погибли в свое время ни традиции декабристов, ни традиции шестидесятников.

В самом деле, сквозь дым и смрад реакционной эпохи то и дело раздавались голоса, призывавшие к возрождению живой, целенаправленной политической и социальной сатиры. Раньше всего голоса эти

¹ М. Горький, Разрушение личности. — Собр. соч., т. 24, с. 68.

² Александр Блок, Ирония. — Собр. соч., т. 5, М.—Л., 1962, с. 346.

прозвучали в лагере демократической литературы. Певец московских баррикад Евгений Тарасов опубликовал в 1908 году стихотворение «Будем смеяться!», начинающееся словами: «Смеха не надо бояться... Смех благородней печали...» Призывая обрушить смех на врагов общества, поэт восклицал:

Смех ваш сердца их отравит
Жгучим и медленным ядом,
Смех ваш к земле их придавит.
Смейтесь словами и взглядом...¹

В том же году Федор Шкулев в стихотворении «Другу» писал:

Под бури стон и ветра вой
Сатирой меткой и живой
 Рази людей до боли:
Кто закрывает знания свет,
В ком сердце — лед, в ком правды нет,
 И враг добра и воли.²

Литераторы, которые — в отличие от Е. Тарасова и Ф. Шкулева — не участвовали в революционном движении, но сотрудничали в сатирических журналах 1905—1907 годов, также пытались сблечь традиции реализма и гражданственности, накопленные русской сатирой. Фельетонист и поэт А. А. Измайлов с уважением вспоминал времена, когда «салтыковился нещадно Над пошляками гневный смех», и осуждал тех стихотворцев, которые, «завет отцов сочтя за гиль», блуждают в поисках претенциозного и трескучего слова.³ Поэт Аркадий Бухов в годовщину смерти Щедрина призывал товарищей по перу: «Вспомни, брат, того, кто нам когда-то Дал слова, какие знал один...» Поэт Владимир Воинов дважды за небольшой период времени выступил с программными стихами, защищающими высокий, гражданственный смех. «Смешить — одно, осмеивать — другое», — утверждал он, клеймя презрением литературных фигляров, которые смеются «для удовольствия заплеванной галерки».⁴ И он же в стихотворении «Credo» призывал:

¹ Е. Тарасов, *Земные дали*, СПб., 1908, с. 86—87.

² «Ясный сокол», 1908, № 1, с. 4.

³ А. Измайлов, *Новый век* (см. в настоящем издании). В дальнейшем цитаты из текстов, публикуемых в этом сборнике, даются без ссылки на источник.

⁴ В. Воинов, *Смех*. — «Новый сатирик», 1914, № 4, с. 2.

Поэт, спугни звучащей лирой
Следы усталости на лбу
И пошлость пламенной сатирой
Прибей к позорному столбу.

Где же могла найти себе убежище острая и живая сатира, сохранившая хотя бы часть великого опыта, приобретенного русской литературой в предыдущие годы?

Решение этого вопроса в обстановке столыпинского режима было отнюдь не простым, но оно все же существовало, — и в разные годы разные органы печати становились то скоропреходящим, то более устойчивым пристанищем для произведений передовой, злободневной сатиры.

2

Такую роль в начале 1908 года играли упоминавшиеся нами сатирические журналы, унаследованные от революционной поры: «Зритель» и «Серый волк». Они познакомили читателей со стихотворениями Василия Князева («Бабушка и внучек»), Саши Черного («Вопль», «Дерзкая задача», «Слишком много»), Н. Тэффи, П. Егорова и других — это были стихи, высмеивавшие царских администраторов, черносотенных деятелей, думских говорунов.

Сатирические произведения на актуальные темы появлялись иногда и в «Стрекозе». Волею судьбы журнал этот, который долгое время был синонимом обывательской юмористики (Саша Черный не без намека писал в стихотворении «Отбой»: «Страшно дрожать по своим беспартийным углам Крылья спалившим стрекозам!»), весной 1908 года стал прибежищем группы поэтов, ранее выступавших на страницах передовых сатирических изданий и теперь пытавшихся возродить в литературе общественно значимый смех.

За несколько месяцев 1908 года в «Стрекозе» появилось около двадцати стихотворных произведений на темы политической жизни, в том числе памфлет Красного, направленный против одного из реакционнейших деятелей царского правительства («Стихи о генерале фон Вендрихе»), сатирический этюд В. Уманова-Каплуновского о слуге царской охраны («Шпик»), фельетоны А. Бухова, В. Князева и А. Радакова о ренегатствующих интеллигентах и обывателях, наконец очень злые сатиры Саши Черного, имевшие большой общественный резонанс: «Верх лояльности» (о Гучкове) и «Стилизованный осел» (о модернистах). С поэтами в журнале сотрудничала группа талантливых карикатуристов (А. Юнгер, А. Яковлев, А. Радаков, Н. Ремизов); среди юмористов-прозаиков появился

одаренный рассказчик (писавший также и стихи) Аркадий Аверченко, — все они хотели реформировать старый журнал, вдохнуть в него жизнь, вывести на большую общественную арену. Реформа эта, однако, не удалась, и тогда они основали еженедельник «Сатирикон», собрав в нем сотрудников закрывшейся вскоре «Стрекозы». Новый журнал выходил с апреля 1908 года.

С первых же номеров «Сатирикон» стал культивировать политическую эпиграмму, фельетон, обличительный куплет, юмористический рассказ на злободневную тему. Делался он изобретательно, с выдумкой и вкусом, чему немало способствовала деятельность художников и оформителей (кроме перечисленных выше, в журнале работали Б. Кустодиев, Л. Бакст, И. Билибин, Е. Лансере). К поэтам, пришедшим сюда из «Стрекозы», присоединились Е. Венский, В. Лихачев, В. Воинов, П. Потемкин, С. Городецкий, В. Волженин; в отдельных номерах «Сатирикона» печатались также А. Блок, А. Куприн, С. Маршак, А. Толстой. Журнал быстро приобрел популярность и благодаря составу сотрудников и, главным образом, благодаря дерзким и остроумным выступлениям против царских сановников, главарей черносотенных организаций, лидеров буржуазных политических партий. Большой успех выпал на долю фельетонов и юморесок (в стихах), высмеивающих политических обывателей, омещанившихся интеллигентов. Привлекала читателей и борьба сатириконцев против модернистских извращений в искусстве.

Пора смелых обличений продолжалась, однако, в журнале недолго. Уже в начале 1910 года на его страницах стал преобладать бытовой юмор; политический фельетон уступал место легкой иронической новелле, стихотворный памфлет сменился малосодержательной эпиграммой. Этот процесс «поправения» журнала особенно усилился в 1911—1912 годах, когда его позиции пришли в резкое столкновение с настроениями отдельных сотрудников, по-прежнему видевших цель своего творчества в борьбе с политической реакцией. Так, Саша Черный продолжал публиковать в начале 1911 года стихотворения, полные нападок на лжепатриотов, черносотенцев, казнокрадов и «гогочущих кретинов», служивших опорой правителям страны («Во имя чего?», «На лыжах» и др.). Стихи эти расходились с общим направлением журнала, и поэт в том же году порвал с «Сатириконом». Позднее ушел из журнала и Василий Князев. В эти годы лишь изредка появлялись в «Сатириконе» стихотворения на гражданские темы, отвечавшие первоначальным установкам журнала.

Но рядом с «Сатириконом» возникали другие издания, заметно уступавшие ему по культуре оформления и стилистической отделке

материала, но весьма часто превосходившие его по остроте постановки социальных вопросов.

На протяжении пяти лет — с 1909 по 1914 год — выходил журнал «Остряк», отличавшийся устойчивой демократической ориентацией. В нем сотрудничали поэты Ф. Шкулев, Е. Нечаев, М. Праскунин, С. Кошкарлов. Отдел сатиры велся в газете «Доля бедняка», которая рекомендовала себя как «маленькая народная газета»; в ней печатались сотрудники «Остряка». В 1911 году начал издаваться сатирико-юмористический еженедельник «Бой-рожок» (с перерывами он просуществовал около трех лет), в котором также выступал Ф. Шкулев. Значительно короче была биография журналов «Народный рожок» и «Волынка». Редакция «Воынки» успела выпустить всего лишь четыре номера (в 1912 году). Это было издание, рассчитанное на самый широкий круг читателей; в нем печатались Д. Бедный, Л. Никулин и другие, а редактировал его даровитый сатирический поэт, участник «Зрителя» и других журналов 1905 года, Н. А. Фольбаум, скрывавшийся теперь под псевдонимом «Скандер-бег».

Немало внимания уделял журнальной сатире М. Горький. Разочаровавшись в «Сатириконе» (к которому первоначально питал некоторый интерес), он стал подумывать об организации боевого сатирического отдела в одном из крупных ежемесячных изданий. Выбор пал на петербургский журнал «Современник», куда Горький был приглашен руководить литературно-художественной частью. В сентябре 1912 года он разослал письма ряду литераторов, приглашая их испытать свои силы «на серьезной общественной и политической сатире».¹ Из поэтов Алексей Максимович пригласил прежде всего Сашу Черного, которого считал художником искренним, одаренным, пришедшим в литературу с серьезными целями.²

Саша Черный сотрудничал в «Современнике» на протяжении целого полугодия. Он опубликовал там фельетоны в стихах: «Бездарность», «Проект», «Раздаватели венков», «Табу» и другие. Однако развернуть в журнале сатиру по намеченной программе, как и реорганизовать журнал в целом Горькому не удалось (редактор

¹ М. Горький, Письмо к Н. Иванову от 19 сентября 1912 г. См.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. 1, Л., 1934, с. 278.

² См. письма М. Горького А. С. Черемнову от августа—сентября 1912 г. («Архив А. М. Горького», т. 7, М., 1959, с. 111), И. П. Ладыжникову от октября 1912 г. (там же, с. 206), А. Н. Тихонову от августа 1912 г. («Горьковские чтения. 1953—1957», М., 1959, с. 25) и М. М. Коцюбинскому от 24 сентября 1912 г. (Собр. соч., т. 29, с. 253).

Е. А. Ляцкий убоился радикализма горьковских требований и воспротивился его намерению привлечь к сотрудничеству литераторов-большевиков). Горький порвал с «Современником» в мае 1913 года, и тогда же ушел из журнала Саша Черный.

Весьма знаменательными для настроений поэтов-сатириков явились попытки возродить в русской печати те формы сатиры, которые культивировал когда-то Добролюбов в своем знаменитом «Свистке».

Некоторые из этих попыток были заранее обречены на неудачу. Так, в середине 1913 года Василий Князев вознамерился создать «Свисток» на страницах «Сатирикона». В стихотворении «Наш „Свисток“» он оповестил об этом читателей:

Молниеносен и жесток,
Как бич в руках ковбоя,
Он будет эхом, наш «Свисток»,
Ревущего приборя.

Воскликая: «Вперед с веселым свистом!», поэт наносил своим «бичом» первый удар «почтенным октябристам»:

За что? За добрые дела!
За ложь! За лихоедейство!
За робкий лай из-за угла
И громкое лакейство!

Программа эта как будто и впрямь отвечала традициям добролюбовской сатиры. Но осуществиться ей было не дано. «Сатирикон» находился тогда в стадии глубокого кризиса. Он окончательно выродился в орган «сытого смеха» (так еще летом 1912 года назвала его большевистская «Правда»¹); вскоре с ним порвало еще несколько сотрудников, учредивших параллельное издание — «Новый сатирикон», после чего старый «Сатирикон» просуществовал всего несколько месяцев. «Свисток» поэта Князева прозвучал в нем одиноко. Редакция не поддержала этого начинания. Под рубрикой «Свисток» поэту довелось выступить еще лишь один раз.²

Уйдя из «Сатирикона» в газету «День», Князев учредил там «Щелчок» — отдел стихотворной сатиры, который, судя по названию

¹ Венкулев (М. С. Ольминский), Сытый смех. — «Правда», 1912, 24 июля.

² Джо (В. Князев), Все злее, час за часом... — «Сатирикон», 1913, № 32, с. 4.

и по некоторым опубликованным в нем вещам, должен был осуществить несостоявшийся замысел поэта. Но «День» был стерильным органом либеральной печати, ни в чем не отступавшим от буржуазной программы, и дать в нем голос «ревущему прибою» редакция не собиралась. «Щелчок» выходил, но голос поэта звучал в нем сдавленно, в четверть силы. М. Горький, ценивший Князева как сатирика (Алексей Максимович собирался переиздать его стихотворный сатирический сборник «Двуногие без перьев»), с пониманием писал ему: «По стихам Вашим в «Дне» вижу, что Вам не легко живется, но крепко уверен — Вы выдержите».¹

Значительно дольше, чем в «Сатириконе», продержался «Свисток» в качестве «листка смеха и сатиры» в журнале «Остряк». Это была подборка стихотворных мелочей, печатавшихся обычно без подписи и не отличавшихся, к сожалению, ни художественным блеском, ни политической остротой. Своего названия «листок» не оправдывал.

Одно время в Москве выходил «юмористический журнал с карикатурами», который так и назывался — «Свисток». Судя по всему, под многочисленными псевдонимами, которыми подписывались материалы (Балагур, Некто, Скромный литератор, Барс, Шутник и др.), скрывались два автора: редактор-издатель Я. Д. Земский и поэт П. П. Бунаков. На разворотах журнала печаталась пародийная сатирическая «газета» под названием «Гусь», которая была объявлена «органом не сокрушительным, но внушительным, враждебным „мошенникам пера“ и „разбойникам печати“»; автором всех ее материалов был П. Бунаков. Он же вел отдел стихотворных мелочей, который, в соответствии с заглавием журнала, назывался «Копилкой свистунов». Но к добролюбовскому предку восходила, кроме названия, лишь жанровая структура издания (оба упомянутых нами раздела изобиловали пародиями, шаржами, шутками, афоризмами). И хотя доставалось тут порой и черносотенцам, и октябристам, сатира в целом носила здесь умеренный, «дежурный» характер; она не выходила за круг тем, общепринятых в либеральных изданиях.

Средоточием подлинно революционной сатиры стала большевистская печать; она возродилась на гребне новой волны рабочего движения, поднявшейся в 1911—1913 годах. На страницах «Звезды» дебютировал как автор фельетонов и басен Демьян Бедный. В «Звезде», «Невской звезде», «Правде», «Просвещении» сформировалась целая плеяда поэтов, поднявших знамя пролетарской сатиры.

¹ Надпись на книге М. Горького «По Руси», подаренной В. Князеву. Архив В. В. Князева (Рукописный отдел института русской литературы Академии наук СССР).

В противовес бездушному развлекательству буржуазного юмора и либеральной половинчатости «узаконенной» сатиры, поэзия пролетарских изданий утверждала принципы революционного действия и потому касалась самих основ критикуемой и высмеиваемой социальной системы. Под огонь большевистской сатиры попадала не только господствующая в стране политическая власть, но и ее социальная опора — буржуазия, помещики, кулаки. Стихи были исполнены гражданского пафоса, священного гнева. Бывало так, что со страниц газет, из нелегальных списков или непосредственно из уст поэтов-рабочих они попадали в массы, звучали на митингах, на революционных шествиях. Рассказывая о майских демонстрациях 1913 года, В. И. Ленин заметил: «Рабочие смеялись над бессильной злобой царской шайки и класса капиталистов, иронизировали над грозными и жалкими «объявлениями» градоначальника, писали и пускали по рукам — или передавали из уст в уста — сатирические стишки...»¹

Эта новая сатира оказывала свое влияние и на поэтов-демократов, сотрудничавших в либеральной печати. Жанр политической басни, созданный Демьяном Бедным, нашел применение в творчестве ряда литераторов. Фельетоны и пародии В. Воровского считались образцами злободневной сатиры. В произведениях поэтов, выступивших в последующие годы — В. Маяковского, д'Актиля, М. Пустынина, Э. Кроткого, — в стихах многих неизвестных авторов, да и в отдельных сочинениях «сатириконцев» (Красного, В. Воинова, В. Князева) нетрудно заметить следы влияния революционной сатиры.

Итак, в годы, следовавшие за первой революцией, в России не исчезла и не умерла прогрессивная, боевая сатира; заметно оживилась она, благодаря большевистской печати, в период нового революционного подъема. Но все эти годы она существовала в тяжелых условиях и понесла немало потерь. Мартиролог русской литературы заметно разросся. Обозревать сатиру этих лет нам приходится с неизменным учетом того, чего не сумела и не успела она высказать на страницах печати.

Царская администрация располагала широчайшими возможностями для подавления свободного слова. Она опиралась при этом на целую систему законоположений, прежде всего — на «Временные правила о повременных изданиях», принятые еще в ноябре 1905 года, и на неоднократные «дополнения» к ним. Документы эти отменили предварительную цензуру на произведения печати (такова была

¹ В. И. Ленин, Маевка революционного пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 297.

«уступка» правительства народу, дарованная на основе царского манифеста от 17 октября 1905 года), но ввели цензуру последующую, то есть право ареста и конфискации уже вышедших изданий, право их запрещения, а также наложения штрафов и привлечения к уголовному суду редакторов.

На основании этих законов была разгромлена вся сатирическая печать 1905—1907 годов и подпала под жесточайший пресс журналистика последующих лет. Лишь за пятилетний период (с 1906 по 1910 год) в России было запрещено 2500 периодических изданий. Но законотворчество реакционных правителей продолжалось. Согласно новому положению о печати, принятому в 1907 году, министр внутренних дел мог собственной властью и без всяких предупреждений (до решения Сената) приостанавливать негодный периодический орган, а Столыпин ввел практику наложения штрафов на редакторов через градоначальников, то есть количество чиновников, имевших власть над печатью, непомерно увеличилось.

Легко понять, в каких условиях находились сатирические издания. Поэт А. Н. Будищев с полным основанием писал о «плате за смех», которую приходилось нести редакторам и сотрудникам:

Но кто согласен взять как плату
Полгода крепости за смех?!.

(«Товарищам»)

Фактически существовала и предварительная цензура, поскольку редакторы, во избежание конфискации, заранее «прощупывали» чиновников цензурного ведомства, выясняя степень риска, сопряженного с публикацией того или иного материала. В зависимости от результатов они либо воздерживались от помещения таких материалов, либо видоизменяли (чаще всего — урезывали) текст.

Формула «по не зависящим от редакции обстоятельствам» стала дежурной фразой редакционных извещений о не прошедших в печать материалах. Так, специальный номер «Сатирикона», посвященный студенческому движению, «не мог быть выпущен в таком виде, как редакция предполагала». ¹ В одном лишь стихотворении А. Зарницына (Красного) «Сон студента» было произведено семь изъятий (каждое — по несколько строк), так что произведение увидело свет в совершенно изуродованном виде.

Даже в те годы, когда редакция «Сатирикона» следовала принципу «умеренности и осторожности», целые номера журнала

¹ «Сатирикон», 1908, № 25, с. 1.

подпадали под конфискацию. Так было с первым номером за 1913 год, с номерами 13, 23 и 48 за тот же год. Приходилось держать ответ и за отдельные стихотворения, например за «Колыбельную (Юго-западную)» неизвестного автора, «Веселую жизнь» и «На перекрестках» В. Князева, «Взрослое» П. Клейнера, «Депутата и мирную идиллию» и «Весну на заводе» Красного, «В карцере» Саши Черного, «Репку» А. Измайлова и другие.

В своих воспоминаниях А. Аверченко, редактировавший этот журнал, указал на четыре категории лиц, которых решительно запрещалось касаться сатирикам: «1) военных (даже бытовые рисунки), 2) голодающих крестьян, 3) монахов (даже самых скверных), 4) министров (даже самых бездарных)». ¹ Был случай, когда цензор задержал рисунок, иллюстрирующий известный анекдот о неопытном наезднике, съехавшем на лошадиный хвост: «Дайте мне другую лошадь, — эта уже кончается!» Объяснение цензора было обезоруживающе простым: «Теперь, когда стали поговаривать об отставке министра Хвостова, — это намек, который каждому понятен». ²

А о том, чего разрешено касаться, писал А. Амфитеатров:

Кто говорит, что пыл свобод
Погас во льду крутой цензуры?
Рисуй себе из года в год
На Вяльцеву карикатуры!

.

Кто говорит, что юмор наш —
Как узник на тюремной барже?
Бери, о Линский, карандаш,
Рисуй на думских гласных шаржи. ³

Естественно, в наиболее тяжелом положении оказались органы демократической прессы. Как только вышел в свет первый номер журнала «Народный рожок», цензор доложил прокурору Московской судебной палаты: «Номер этот имеет такой эпиграф: «Наши шутки не по вкусу будут вору, «зубру», трусу, мироеду, бюрократу, кулаку и плутократу» — и в соответствии с этим эпиграфом весь

¹ Арк. Аверченко, Мы за пять лет (Материалы). — «Новый сатирикон», 1913, № 28, с. 7.

² Арк. Аверченко, О бывшей цензуре (Воспоминания). — «Новый сатирикон», 1917, № 12, с. 4.

³ А. В. Амфитеатров, Разговоры по душе, с. 196. А. Д. Вяльцева — эстрадная певица. М. Линский — художник. Думские гласные — депутаты городской думы.

составлен в духе классовой борьбы». ¹ Вскоре журнал был закрыт, а его редактор Ф. С. Шкулев приговорен к году одиночного заключения, которое он отбывал в Таганской тюрьме.

Первый номер «Волынки» был конфискован властями, в третьем номере вместо карикатуры Д. Моора «по не зависящим от редакции обстоятельствам» появилось изображение... цветка, а месяц спустя журнал прекратил свое существование. Много бед выпало и на долю журнала «Остряк», который в конце концов был закрыт приговором Московской судебной палаты.

Что уж и говорить о большевистских изданиях, ставших излюбленным объектом «псовой охоты», какую чинили блюстители государственного порядка. Несмотря на все принимавшиеся редакторами меры предосторожности (умелую шифровку «опасных» материалов, условный язык, недомолвки), репрессии сыпались на редакции как из рога изобилия, причем немало их было вызвано публикацией сатирических стихотворений. Например, за напечатание басни Демьяна Бедного «Хозяин» номер «Правды» от 23 июля 1913 года был конфискован, а после публикации басни «Суд» и других материалов, посвященных судебной расправе над рабочими Обуховского завода, газету «Путь правды» закрыли. За басню «Свеча», помещенную в журнале «Просвещение», редактор попал в тюрьму. Ряд стихотворений был изъят из первой книги басен Демьяна Бедного, несколько текстов урезано.

Механизм преследований, которым подвергалась передовая печать, показался правительству недостаточно эффективным, и уже после смерти Столыпина оно стало разрабатывать новый закон, призванный еще более ухудшить положение демократической прессы. Проект «Устава о печати» был опубликован в 1913 году и удостоился многих откликов в русской сатире, поскольку ей одной из первых предстояло испытать на себе силу припасенных властями репрессий. Фельетонист и редактор мыслились теперь в образе гомеровского Одиссея, неизбежная участь которого — метаться между Сциллой и Харибдой новых цензурных запретов:

Рад-радешенок, конечно,
Коль протащишь мимо них,
Между этих чудищ злых,
Обесцененный, увечный,
Ампутированный стих. . .

(Красный, «Литературный Одиссей»)

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, фонд Главного управления по делам печати.

С грустным юмором писали поэты о многих нянюшках-цензурах (драматической, политической, еретической, эротической, физико-химической и даже ортопедической), которые были приставлены к бедному Ванюшке — русской печати («Детская песенка» Чуж-Чуженина, «Рождение мысли» Я. Сиркеса и др.).

Никто из поэтов не мог, конечно, предвидеть, какие изуверские жестокости обрушатся на печать спустя короткое время — с началом войны. Но об этом нам еще придется говорить.

3

Буржуазная критика старалась направить сатиру совсем не на тот путь, на который толкала ее сама жизнь. Обвиняя поэтов в «субъективности» настроений, в преобладании желчи над смехом, эта критика пыталась умалить значение освещаемых сатирой политических тем. «Все эти Гучковы, Буренины, Суворины или октябристы и кадеты слишком часто злободневны, чтоб служить сюжетом для сатиры, — писала Е. Колтоновская в статье «Новая сатира» (1910), посвященной книге стихов Саши Черного. — Воспевая «плохой дух» Буренина, поэт только принижает свою лиру, приучая себя к легкому шаржу и карикатуре». ¹

Между тем, если говорить о здоровых традициях, которые сатира тех лет унаследовала от своих ближайших предшественников — поэтов первой русской революции, — то это прежде всего обращенность к тем явлениям жизни, какие были решающими для судеб народа, то есть к явлениям политическим и социальным. Ни в какие времена это не «принижало» лиры поэтов.

Сатирическим журналам 1905 года удавалось порой выходить из-под контроля цензуры, ставить в центр своих обличений царя-палача и его ближайших сатрапов. В пору столыпинского режима такие прорывы не удавались, но тем ценнее то, что сумела сделать сатира для разоблачения царской государственной машины и поддерживающих ее политических сил.

Произведения стихотворной сатиры, относящиеся к этим годам, воссоздают мрачную картину полицейского застенка, в который превратил царизм великую страну. Тайная или явная слежка агентов охранки за людьми превратилась тогда в бытовое явление — и это не преминули отразить в своих фельетонах поэты («Современный роман» В. Волженина, «Пятый» Г. Вяткина, «Крамольник» В. Болы-

¹ Е. Колтоновская, Критические этюды, СПб., 1912, с. 198.

чева и др.). «Беспечальное житье», которое изобразил в одноименном стихотворении поэт А. Гомолицкий, — это запросы, доносы, аресты, протесты, безработица, голод. Засилие урядников и жандармов («Рукава» В. Воинова, «Горе рыболова» С. Городецкого), бедствия народа («Тишь да гладь» В. Лихачева, «На вербе» и «Пантелей» А. Гомолицкого) — все это штрихи общей картины, которую в синтезированном виде, в форме зловещей поэтической аллегии попытался нарисовать автор фельетона «Моя Америка», скрывшийся под псевдонимом «Жан Сансуси». Вывод о том, что климат России отнюдь не умеренный, а «экваториальный», подтверждался автором «ссылкой» на изобилие змей, рептилий, ящеров, аллигаторов, хищных птиц, то есть чиновников, провокаторов, погромщиков и реакционеров, причем последние фигурируют в фельетоне под собственными именами. В том же духе поэт Красный изобразил уличный перекресток российского города как средоточие «разной нечисти», имея в виду соглядатаев и полицейских служак («На перекрестках»).

Чтобы сильнее ударить по ненавистному общественному строю или политическому режиму, надо было выставить напоказ его типичных носителей. Этот принцип реалистической сатиры был неплохо усвоен поэтами 1905—1907 годов и во многом унаследован сатириками более позднего времени. Они создали немало ярких сатирических типов, сосредоточив в них характерные черты людей реакционной эпохи. Здесь и господин Ренегатов — герой одноименного стихотворения А. Гомолицкого, и «ортодоксальный меньшевик» из «Политической лирики» Красного, и продажный чиновник из фельетона И. К. Пруткина «Плевков», и вице-губернатор из стихотворения Ю. Нилова «Вице».

Рядом с ними в памфлетах, эпиграммах и фельетонах шли доподлинные «герои» современности, как-то: вожаки российской реакции (Пуришкевич, Дубровин, Меньшиков, Марков-второй, Хомяков), царские министры (Витте, Шварц, Кассо, Щегловитов), наместники и губернаторы (Толмачев, Хвостов, Думбадзе), бесславные царские генералы (Стессель, Штакельберг, Куропаткин) и тому подобные лица.

Конечно, далеко не просто было в цензурных условиях того времени расправляться с видными сановниками, столпами режима, да и с их прислужниками по сыскной и жандармской части (не считаем меньшевиков и заурядных ренегатов, нападки на которых не беспокоили предерживающую власть). Но и тут пригодился блистательный опыт революционного времени, когда сатира проявила чудеса изворотливости, выработав целую азбуку условных обозначений,

которые подсказывали читателю, против кого или чего направлен сдкий намек.

Скажем, в обращении к Государственной думе сатирик восклицает:

Исполать тебе, «народница»,
Небу звездному угодница. . .

(В. Светобор, «Дума»)

Звездное небо могло быть понято в прямом смысле: Дума — «божья угодница», и это толкование вполне устраивало цензуру. Но ведь многие читатели еще с 1905 года знали термин «звездная палата», обозначавший группу титулованных лиц, наиболее близких царю, — в нее входили 35 «звезд», а именно: 24 сановника, 3 князя, 4 графа, 3 барона и 1 митрополит. В таком контексте Дума превращалась уже в пособницу монархической власти.

Другое стихотворение — «Небесный свод» М. Савина — начинается так:

Лоно неба голубого,
Грудь небесной высоты
Изукрасили обильно
Звезды, пряжки и кресты.

Тут, конечно, с одной стороны — звезды на небе, с другой — звезды на груди. Но память услужливо подсказывает все ту же «звездную палату», ведущую прямо к царю. . .

Целым фейерверком иносказаний и намеков выпалил А. Измайлов в фельетоне «Проект всероссийской выставки». Тут и шебуевские пулеметы (напоминание о закрытом властями журнале «Пулемет», редактором которого был Н. Г. Шебуев), и академический диплом Максима Горького (намек на избрание М. Горького в почетные академики, «отмененное» царем), и истинно русские резны (резновые дубинки, которыми пользовалась «черная сотня»), и опереточные громы Гермогена (погромные выступления саратовского епископа), и пресловутый «овес Дурново» (спекулятивная афера с поставкой овса, на которой отхватил большой денежный куш министр внутренних дел Дурново).

Но ведь можно говорить о тех или иных вещах, даже не называя их, ставя вместо них слова самого благонамеренного содержания, но делая это в конце строки, где по закону рифменного созвучия должны находиться совсем другие слова. На таких рифмах-ловушках построено стихотворение В. Воинова «Мы»:

Мы — сыны равнины дикой,
Мы — враги кривых путей,

Мы идем к мечте великой
Под веселый свист... полевого ветра.

Наше право за границей
Широко блюдут послы,
Указуя всем десницей
Путь, куда идут... осторожные люди.

Читатель легко ставил в конце первой строфы слово «плетей», в конце второй — «ослы» и т. д. Близкий к этому пример — басня Саккара «Об умном отце и несчастном сыне», содержащая такие строки:

Пойми, мой друг, тебе же польза тут!
Вопрос для логики весьма, весьма не смутен:
Коль я освобожу тебя от тяжких *пут*,
O, sancta logica! ¹ Ты будешь ведь *распутен!*

В печати нельзя было открыто назвать имя авантюриста-проходимца Григория Распутина, ставшего знаменем времени: безграмотный мужик, известный в Сибири конокрад, он выдавал себя за «святого», вошел в доверие к царю и царице и стал управлять государственными делами. Имя его было у всех на устах, но в печать не пропускалось. Сатирик нашел выход: он назвал это имя, пользуясь словом не собственным, а нарицательным, которое для большей впечатляемости усилил рифмовкой.

В таких случаях поэт был с читателями как бы накоротке: они понимали его с полуслова. Надо учесть также, что система загадок и намеков таила в себе познавательный эффект особого рода: обличаемый предмет выглядел еще более смешным, а издевка над ним была сильнее, когда читатель для распознавания его должен был проявить свою догадливость и память. С радостью узнавал он подразумеваемое явление (или лицо) и смеялся над ним в полную силу. Этот прием неоднократно использовал Демьян Бедный, который в своих баснях давал обличаемым лицам вымышленные, причем совершенно экзотические имена. Так появились Счегло де ля Витта (министр юстиции Щегловитов), Аля Родзя (председатель Государственной думы Родзянко), донна Вера дель Чебера (уголовница Вера Чеберяк, с помощью которой черносотенцы спровоцировали «дело Бейлиса») и т. п.

Политическая сатира вписала важную страницу в поэзию конца

¹ Святая логика! (лат.). — *Ред.*

900-х — начала 1910-х годов. И, пожалуй, не менее весом был тот вклад, который внесла сатира в анализ характерных для того времени процессов духовного распада буржуазного общества. Едва ли не самой большой заслугой сатирических поэтов следует признать то, что они высмеяли и заклеймили «мерзость запустения» — деградацию умов, которую переживали интеллигенция и мещанство после поражения первой русской революции. Капитулянтство, приспособленчество, политический индифферентизм, утрата нравственных и идейных критериев, мещанское прозябание, растительная жизнь — все эти порождения реакционной эпохи давали обильный материал для сатиры, и она щедро использовала его.

В. Князев в стихотворении «Моя политическая платформа» изобразил типичного оборотня, который «в дни бурные, свободные» высказывал сочувствие народу и носил красный бант, а как только революция отступила, стал «покорным адъютантом» торжествующей власти. Н. Агнивцев пропел сатирический гимн «его высокоблагородию» — коллежскому регистратору, который мнит себя «центром притяжения» и «осью земли», тогда как истинной отрадой его жизни является «чай с малиновым вареньем» («Гимн... Ивану Ивановичу г-ну Иванову»). Л. Никифорова в стихотворении «Five o'clock» дала картину убогого житейского прозябания интеллигентных мещан. А Саша Черный, по справедливому замечанию К. И. Чуковского, «надел на себя ненавистную ему маску обывателя и стал чуть не каждое стихотворение писать от имени этой отвратительной маски». «Если читать его сатиры одну за другой, — продолжает Чуковский, — покажется, что перед тобою дневник растленного интеллигента той эпохи». ¹

Довольно дружно выступили поэты-сатирики и против пагубных явлений в области художественной культуры, вызванных атмосферой реакции. Они обличали декадентские извращения в живописи и поэзии, увлечение салонно-будуарной беллетристикой, мистику и эротику, безвкусицу и пошлость («Поэт над озером» В. Воинова, «На выставке „Треугольник“» П. Потемкина, «Триумфаторы» В. Князева, «Из альбома модерниста» неизвестного автора).

В целом поэты-сатирики запечатлели в своих произведениях страшный облик реакционной эпохи. Они осудили полицейский произвол, развенчали обывательщину, высмеяли декадентство. И в этом была положительная сторона их деятельности в тяжелейшие для отечества годы.

¹ Корней Чуковский, Современники. Портреты и этюды, М., 1962, с. 387.

Но были в их творчестве и слабые стороны.

Первую из них очень легко уловить, если вспомнить известные слова Н. А. Добролюбова о недостатках обличительной литературы прошлого. Писатели, указывал он, «нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствие законности, спесь и жестокость в обращении с низшими, подлость пред высшими и пр. Но весьма редко в этих обличениях проглядывала мысль, что все эти частные явления суть не что иное, как неизбежные следствия ненормальности всего общественного устройства».¹

Характерной чертой большинства поэтов-сатириков 1908—1917 годов является то, что против существующих порядков они выступали с общедемократических, либеральных позиций, что, обличая пороки окружающей среды, они не ощущали непригодности всей политической, экономической и социальной системы.

В отличие от них поэты-сатирики большевистской печати выступали с программой коренного преобразования русского общества. Эта программа выразилась не в специальных политических декларациях, а в самих художественных принципах и направленности их сатиры. Поэты обличали министров, жандармов, цензоров, администраторов не только как тупых и жестоких людей, но и как представителей господствующих классов общества. Именно в таком качестве эти персонажи и стали основной мишенью революционной сатиры.

Демьян Бедный посвятил им цикл басен «Дерунов 1001-й» и множество других произведений («Лапоть и сапог», «Свеча», «Шпага и топор», «Хозяин и батрак», «Народник» и др.). Его сатиры, о чем бы он ни писал — об административных Соломонах или наемных погромщиках, о либеральных правдолюбях или реакционных писателях, — были проникнуты духом классовой, революционной борьбы. Это сразу же было замечено теми, кому власть поручила следить за печатью. «В этой басне, — гласило донесение цензора по поводу басни «Лапоть и сапог», — автор возбуждает крестьян сплотиться подобно рабочим и противодействовать правительству, а то и воевать с ним, если оно будет вводить реформы среди крестьян, подобные отрубной, которая приводит их к окончательному разорению».²

Родственными признаками обладали сатирические произведения Ф. Шкулева (см. его стихотворения «Постник», «Титовский дом»), Ивана Батрака («Крестьянин и комар»), Е. Нечаева (Тип),

¹ Н. А. Добролюбов, Русская сатира екатерининского времени. — Собр. соч. в девяти томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 315.

² Цит. по кн.: «Пролетарские поэты», т. 2 (1911—1914), «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1936, с. 298.

А. Скорбина («Пальто рабочего») и ряда анонимных авторов, выступавших в пролетарской печати. Пахарь-мужик из басни И. Батрака, раздавивший в конце концов своего мучителя комара-кровососа (эксплуататора), довольно откровенно выражал чаяния этих поэтов.

Отсутствие ясной политической и социальной программы накладывало на творчество поэтов, о которых мы говорили раньше, свой отпечаток. Их произведения были исполнены презрения к злу и жажды справедливости, но лишены твердой веры в неизбежность сокрушения зла, в его историческую обреченность. Отсюда — нотки скепсиса, налет трагедийности и печали, свойственный творчеству этих авторов и совершенно не присущий революционным поэтам.

«Цель этого предисловия, — сообщала Н. Тэффи в одной из своих книг, — предупредить читателя: в этой книге много невеселого».¹ Сказано это, правда, по поводу сборника юмористических рассказов, но подобных признаний сколько угодно и в стихах: «Что хуже: „смех ли на кладбище“ Иль над „живым“ надгробный вой?» — с горечью вопрошал В. Воинов в стихотворении «Рыцарю скорби и гнева».² «Все мертво, — сокрушался А. Бухов. — Ни песен, ни улыбок, Стыд и муть и вялость без конца», — и заканчивал свое стихотворение («Поэтам») невеселыми строчками:

Нашим дням, когда и на пророке
Шутовства проклятого печать,
Не нужны ласкающие строки:
Научитесь царственно молчать.

Даже когда стихи были пропитаны ядом сарказма, когда они дышали чувствами отвращения и злости, в голосе поэта, наряду с насмешкой, звучала и тоска. Недаром один из разделов своей книги «Сатиры и лирика» Саша Черный назвал «Горький мед». Оттенок грустной иронии лег на многие его сатирические стихи («Опять», «Желтый дом», «Простые слова» и др.). В них люди — как призраки, кругом — ни света, ни красок, бесформенный мрак; город безрадостен, жизнь — без надежд:

А рядом духовная смерть свирепеет
И сослепу косит, пьяна и сильна.

(«Опять»)

¹ Н. Тэффи, Неживой зверь, Пг., 1916, с. 3—4.

² «Новый сатирик», 1913, № 28, с. 3.

С горьким отчаянием писал поэт о том, что «заливают помоями правду и свет», о засилии чиновной знати, о бесправии художников, о самовластии губернаторов, о процветающих казнокрадах, о мерзкой черносотенной падали, — и все свои страстные, клеймящие обвинения сопровождал трагически безысходным рефреном: «Во имя чего?» Так названо и его стихотворение.

Эта черта творчества поэтов-сатириков — и Саши Черного в особенности — не прошла незамеченной для современников. А. И. Куприн в статье под характерным названием «Поэт-одиночка» отмечал, что «в причудливые, капризные, прелестные, сжатые формы» Саша Черный облакал «и гнев, и скорбь, и смех, и задумчивую печаль...»¹ Еще ранее А. Амфитеатров в статье «О Саше Черном» писал: «...Такой мрачно-язвительной, комически-унылой, смешно-свирепой стихотворной маски не появлялось на российском Парнасе со времен почти незапамятных».² А Е. Колтоновская восклицала: «Какая странная сатира! Сатира-шарж, почти карикатура на современность, а вместе с тем — элегия, интимнейшая жалоба сердца, словно слова дневника».³

Никто из критиков, однако, не задавался вопросом о социальной природе этого скепсиса, этих горестных интонаций, сопровождавших высокий и едкий, сардонический смех. Только М. Горький в статье «Разрушение личности», говоря о том, что в смехе современного человека «звучат ноты болезненной усталости», что «когда-то святая дерзость принимает характер отчаянного озорства», связывал эти явления с общей атмосферой эпохи.⁴

Лирический элемент в творчестве сатириков предоктябрьской эпохи способствовал проявлению той душевной боли, которую испытывали они перед лицом обступивших их гнусностей и пороков. Но он же выражал и ущербность мирознания поэтов, их социальный пессимизм, отсутствие положительного идеала. Трагедия этих художников состояла в том, что они выступали против язв и пороков социальной системы, стоя на почве той же системы, то есть не возвышаясь до идеи полной ее ликвидации и замены ее новой, более совершенной. Они признавали свое бессилие перед ней, и это окрашивало их лиро-сатиру в пессимистические тона.

Конечно, нельзя отождествлять маску поэта с его личностью, но ведь и под маской достаточно ясно звучит истинный голос художника, как это отчетливо видно на примере Саши Черного. И не само

¹ «Журнал журналов», 1915, № 7, с. 3.

² А. Амфитеатров, Разговоры по душе, с. 62.

³ Е. Колтоновская, Критические этюды, СПб., 1912, с. 189.

⁴ См.: М. Горький, Собр. соч., т. 24, с. 67.

по себе наличие этого голоса — не лиризм и не самоирония привели в тупик этих поэтов, а ограниченность их социального зрения.

В сатире поэтов революционного лагеря смех также имел свою эмоциональную окраску. Там тоже была своя лирическая струя, но она питалась не скепсисом, не безверием, а твердым сознанием превосходства тех общественных сил, от имени которых выступает поэт, над силами социального зла.

В письме от 4 сентября 1913 года к одному из первых своих критиков, к литератору-большевику В. Д. Бонч-Бруевичу, Демьян Бедный поведал: «Я со страхом стал замечать, что от меня уходит «смех», «добродушный смех»... заменяясь «гневом». Я подумывал: не падаю ли я? Органическое ли для меня, смехотворца, явление — гнев? Читая Вашу статью, я был поражен: почему никто не заметил того, что замечено Вами, а именно: гнева-то и в первой книге гораздо больше, чем смеха. И именно гнев-то и есть главное, нужное».¹

Под «гневом» поэт понимал то революционное чувство, которым была вдохновлена его сатира. Едва ли он или его критик сколько-нибудь принижали значение смеха. Оба отлично понимали, что смех усиливает обличение, что он дает возможность читателю увидеть изображаемый предмет с неожиданной стороны, заметить его смешные и нелепые стороны, что смех, наконец, создает особый эмоциональный контакт между читателем и поэтом. Важно было, однако, каким чувством вдохновлен этот смех, — для пролетарского баснописца определяющим было чувство классовой ненависти, революционного гнева. Это придавало не только памфлетную остроту его обличениям, но и вносило в сатиру уже не просто лирическую, а лирико-патетическую струю. Она выражалась то в «трибунных», «митинговых» интонациях, то в душевном, исповедальном тоне его стихов, которые тоже, по сути дела, можно отнести к лиро-сатире, с тем лишь добавлением, что, в отличие от поэзии «сатириконцев», она дышала чувством социального оптимизма.

Ниже мы увидим, как олицетворялось это чувство у Маяковского и других революционных поэтов.

4

Мировая война, начавшаяся в июле 1914 года объявлением Германией войны России, вызвала растерянность среди многих русских

¹ Демьян Бедный, Собр. соч. в восьми томах, т. 8, М., 1964, с. 419. Статья, о которой говорится в письме, — рецензия В. Бонч-Бруевича на первую книгу Д. Бедного «Басни» (в газете «Утро», 1913, 3 сентября).

поэтов. Часть из них поспешила примириться с буржуазно-монархическим строем, дабы помочь «спасти» страну от иноземца. В их числе были и некоторые поэты-сатирики. Они направили свою сердитую музу против кайзера Вильгельма и «тевтонских завоевателей». Они верили, что святая цель войны — это, как писал Е. Венский в стихотворении «Герой», «свергнуть крупновский кумир... и завещать потомкам мир». Н. Агнивцев в стихотворении «Пора», адресуясь к друзьям-стихотворцам, объявил:

Пора жеманные сонеты
Перековать на звонкий меч! ¹

В. Воинов печатал барабанные и ура-патриотические стихи, в которых гремел дешевыми афоризмами (вроде: «Живая сила русской рати Дороже кучи кирпича!» ²); он же выпустил сборник рассказов «Сильные духом», который в критике был справедливо квалифицирован как образец «маргариновой беллетристики». ³ Те, кто не хотел включаться в хор военных песнопевцев, блуждали в закоулках мелкотемья. М. Пустынин писал стихи на дачные темы, С. Михеев пробавлялся описанием праздников на Фоминой неделе... Снова выполз на поверхность утробный, бессмысленный, обывательский смех, призванный заглушить трагические звуки войны.

Буржуазные критики пытались подвести под такого рода смех эстетическую и даже философскую базу. «Искаленные духовно, — писал Б. Олидорт в журнале «Рампа и жизнь», — не могут быть оставлены без помощи: они должны смеяться, чтобы суметь завтра плакать... Как больное животное находит чутьем целебные травы, так толпа пришла к смеху». ⁴

Однако по мере того, как становился очевидным преступный характер войны, как обнажалась вся глубина бедствий, постигших народ, в литературе стали раздаваться трезвые голоса. Послышались слова осуждения по адресу наемных шутников и фигляров, поставивших публике балаганно-увеселительный смех. Комментируя статью Б. Олидорта о «целебной траве» подобного смеха, анонимный обозреватель «Журнала журналов» в статье «Еженедельники» писал:

¹ Николай Агнивцев, Под звон мечей, Пг., 1915, с. 3.

² В. Воинов, Прости. — «Новый сатирикон», 1915, № 32, с. 5.

³ О. Слицын, Маргариновая беллетристика. — «Журнал журналов», 1916, № 8, с. 7.

⁴ Борис Олидорт, В защиту смеха. — «Рампа и жизнь», 1916, № 3, с. 5.

«Но ведь есть же, есть разница между гоголевским, диккенсовским и т. п. смехом — и смехом пошляка-куплетиста, подмигивающего с подмостков открытой сцены? Или это все равно? Было бы только смешно, грохотала бы галерка, а остальное не важно?»¹

Как и в годы реакции, возникла настоящая потребность в сатире, наследующей гуманистические традиции писателей-классиков. Жизнь сама подсказывала темы, подбрасывала сюжеты; вокруг поэтов копошились люди, которые сами напрашивались в «герои» фельетонов, басен, эпиграмм. Даже те из поэтов, кто, не разобравшись в событиях, ударил в литавры при первом грохоте пушек, стали осматриваться и понимать, в чем их гражданский и нравственный долг. На страницах печати начала возрождаться реалистическая сатира.

Едва ли не самыми первыми ее мишенями стали «дезертиры духа» и «паразиты войны» — журналисты и литераторы верноподданнических изданий, наживавших на страданиях народа имя, деньги и политический капитал. О них писали: А. д'Актиль в стихотворении «Брешко» и «То, что неизбежно», В. Воинов в фельетоне «Очевидец», С. Михеев в этюде «Из жизни военной газеты», В. Князев в памфлетах «Лукоморская компания» и «Паразиты войны».

Картинки военного быта, служившие поначалу материалом для легких, снисходительных фельетонов («Философские стихи» А. Бухова, «Тот, кому повезло» Д. Тигера), дали толчок бурным инвективам, направленным против барышников войны и купцов-мародеров. Стихотворение В. Князева «О хвостах» — это уже не просто шутовская зарисовка толпы, стоящей в очереди за продуктами, а гневный рассказ о том, как «жирел сверхмерно лавочник презренный И в крокодилы лезли караси». А. Бухов в стихотворении «Спекулянты» грозился плюнуть «в мерзкие лица людей, обогретых войной». С негодованием писал А. д'Актиль в фельетоне «Подходное» об антипатриотах-буржуа, которые заприходовали миллионы, распродавая страну «поверстно и поидеально». Образ разбогатевшего на войне капиталиста, всесильного тирана, отвратительного чудовища, на котором лежит «каинова печать» продажности и убийств, становится одним из центральных образов сатиры («Тыловик» А. Бухова, «Молитва мародера» М. Стронина, «Требник капиталиста» В. Князева).

Сатира начинает приобретать социально-заостренные черты. Она не ополчается еще против буржуазного строя в целом, против системы социального гнета и неравенства, но уже видит в наживаю-

¹ «Журнал журналов», 1916, № 5, с. 12.

щёмся тыловике, в наливающемся жиром капиталисте непосредственного виновника страданий, которые приносит людям война.

Обнажила война и порочные стороны государственной системы — казнокрадство, очковтирательство, беззаконие властей, бездарность военного руководства, лихоимство чиновников — и все это также должно было стать предметом сатиры. Но здесь был пущен в ход механизм цензурных заграждений, который по масштабам действия, по грубости приемов не имел precedентов в истории русской цензуры.

Все легальные большевистские издания были правительством уничтожены (редакция «Правды» подверглась разгрому еще до начала войны), а их постоянные сотрудники частью репрессированы, частью отправлены на фронт. Над остальными же изданиями государственная и военная цензура получила неограниченную власть. Из газет и журналов удалялись не только отдельные строки или абзацы, но и целые статьи, фельетоны, стихотворения, вместо которых на бумажных полосах оставались белые места. Ненамного отступил от истины безымянный поэт, который по этому поводу заметил:

Писал я «на полях газет»,
Но так писать не в силах боле:
Теперь «полей» в газете нет,
Теперь она — сплошное поле! ¹

Другой поэт, М. Пустынни, задавался вопросом: «Как между строк читать я буду Статью, в которой — ни строки?..» С горестным сарказмом писал А. д'Актиль в стихотворении «Седьмая держава» об участи многострадальной русской печати, которую попросту гонят взащей, — она потому и зовется державой, что к ней подходят с единой методой «Схватить и держать!».

Сатирических журналов было в эти годы меньше, чем прежде.

«Новый сатирик» в первом же номере, вышедшем после объявления войны, заявил, что забудет все внутренние распри, то есть откажется от критики отрицательных явлений русской жизни во имя интересов войны. Правда, редакция обязалась не только «запечатлеть на своих страницах наших врагов и друзей», но и показать «ужас, печаль, коварство» и «мерзость» войны.² Однако редакция поначалу плохо выполняла свое обязательство. Это отмечала и современная критика. «Лицо врага, — писала В. Славенсон о «Новом сатириконе», — совершенно заслонило для него страшное лицо самой войны,

¹ Н., Прежде и теперь. — «Новый сатирик», 1916, № 3, с. 10.

² От редакции. — «Новый сатирик», 1914, № 31, с. 2.

отбросившей тень на всю Европу». ¹ Политика в журнале, отмечал другой критик, «такая никчемная, такая неживая при всей злободневности своей», и сводится она «к пылкому разносу Вильгельма и покойного Франца-Иосифа». ² Лишь впоследствии «Новый сатирикон» отошел от милитаристской бравады и от позиции «здравого смысла», стал печатать произведения, обличающие «нахлебников войны» и отражающие быт и экономику военного времени (продовольственный кризис, разгул спекуляции, обесценение денег и т. п.).

Своеобразную эволюцию проделал к этому времени «Будильник». Будучи одним из ветеранов юмористической журналистики с репутацией салонно-будуарного развлекательного издания, «Будильник» еще за несколько лет до войны начал менять свое лицо. Наряду с обычным, непритязательным юмором, он печатал отклики на события текущей жизни, чему ближайшим образом способствовало участие в журнале группы молодых, талантливых, остро чувствующих время художников и поэтов: Д. Моора, И. Милютина, М. Бескина, Л. Никулина, А. Гомолицкого. Этой своей тенденции журнал не утратил в годы войны, опубликовав такие знаменательные вещи, как «Правовед» Л. Никулина (портрет наследственного бюрократа-крепостника), «Песенка» В. Старикова (сатирический гимн «его превосходительству»), как ловко замаскированная антиправительственная эпиграмма А. Гомолицкого «Нецензурная мебель». Не удивительно, что в 1917 году журнал этот оказался на левом, революционном фланге нашей журналистики. ³

Новые журналы появлялись в годы войны крайне редко, были они недолговечны, но каждый из них оставил в истории предоктябрьской сатиры свой заметный след.

Первым должен быть назван «Рудин» — двухнедельный журнал, основанный в конце 1915 года передовым общественным деятелем Михаилом Рейснером при активном участии его дочери, впоследствии известной советской писательницы Ларисы Рейснер. Редакция этого журнала считала одной из своих задач «создание органа, который бы клеймил бичом сатиры, карикатуры и памфлета все безобразие русской жизни, где бы оно ни находилось». ⁴ Как явствует из неопубликованных документов, журнал должен был открыть такой «поход»

¹ В. Славенсон. Милитарная карикатура. — «Русская мысль», 1916, № 6, с. 29.

² Л. Фортунатов, Зря топающие. — «Журнал журналов», 1916, № 52, с. 8—9.

³ Подробнее об этом см. в воспоминаниях Льва Никулина («Годы нашей жизни», М., 1966, с. 307—308).

⁴ От редакции. — «Рудин», 1916, № 4, обложка.

против буржуазного общества, «какого не было со времен французской революции». ¹ В нем сотрудничала группа молодых поэтов (кроме Л. Рейснер — Вс. Рождественский, О. Мандельштам, Л. Никулин, Д. Майзельс), и журнал немало успел в критике социальных и культурных основ буржуазного общества, в борьбе с идеологической реакцией, с декадентством. Но из-за тяжелых цензурных условий и материальных трудностей просуществовал он всего лишь полгода.

Печальна была судьба и других сатирических журналов, возникших во время войны, — «Красный смех» и «Божья коровка». Последний, в котором сотрудничали В. Князев, А. д'Актиль, Красный и другие, вышел всего тремя номерами. До революции дожил лишь еженедельник «Бич», начавший выходить в августе 1916 года. Его попросту не успели «прихлопнуть» предрержащие власти. У журнала был обширный круг сотрудников, и на его страницах появился ряд интересных произведений сатиры. Демьян Бедный, потерявший в эти годы свою «главную трибуну» («Правду»), вынужден был пользоваться страницами либеральных изданий («Современный мир», «Жизнь для всех», «Новый колос»). В такое же положение попал Маяковский, начавший тогда свой путь поэта-сатирика. Единственным органом, где мог он печатать свои памфлеты, оказался «Новый сатирикон».

Ни одно из перечисленных изданий, в том числе и «Новый сатирикон», не избежало цензурных репрессий. Гонениям и запретам подверглись и произведения стихотворной сатиры. Двадцать строк было изъято из стихотворения Веди «Обывательское», две строфы — из фельетона В. Горянского «Милость пророка», ² целое стихотворение — из цикла «Стратеги», ³ половина стихотворения — из цикла «Вскользь». ⁴ Белые, совершенно чистые полосы стали в журналах обычным явлением. ⁵ Бывали случаи, когда поэтов за их произведения сажали в тюрьму. ⁶

О том, в какое положение попадал сатирик, желая показать в своих творениях реакционных политических деятелей, администрато-

¹ Из неоконченной автобиографической повести Л. М. Рейснер. — Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

² «Новый сатирикон», 1915, № 19, с. 2 и 1916, № 4, с. 5.

³ Олег К., Стратеги. — «Будильник», 1915, № 29, с. 3.

⁴ «Божья коровка», 1916, № 3, с. 2. Автор — В. Князев.

⁵ См., например, «Будильник», 1915, № 38, с. 4; «Божья коровка», 1916, № 2, обложка.

⁶ «Будильник» 15 ноября 1915 г. сообщил: «Наш сотрудник Жаксас вышел в свет и печатается». Первое его стихотворение после «выхода в свет» называлось «Тюремная прогулка (Гимн русского единения)» («Будильник», 1915, № 46, с. 6). Жаксас — псевдоним Н. А. Фольбаума (см.: «Скандерберг», с. 663 наст. издания).

ров и т. п., красноречиво рассказал Е. Венский в предисловии к своей книге лирики и сатиры. Все «герои», которых он хотел изобразить, оказались под охраной цензуры. Говоря об этом в стихах (напечатанных в виде прозы), поэт пояснял:

«Пучков, великий сентябрист, войной забронирован, а Дураш-кевич-скандалист надолго застрахован; совсем чудесный был герой, — для нас первейший номер! — увы, и Карков наш второй для фельетона помер... Нельзя теперь Годзянку взять, — спаси меня, создатель! — Годзянко ныне, так сказать, простейший обыватель.

Взять гласных? Боже упаси! Нет, это путь опасный: теперь персона на Руси любой досель безгласный... Что ж, околоточного взять, градского санитаря, управцев аховую рать, хапугу комиссара? Того нельзя, того не тронь!

— Велик, хотя и шкодит!»¹

Такова уж логика истории: Амфитеатров в годы реакции жаловался, что рисовать карикатуры позволено лишь на эстрадную певицу и думских гласных; теперь же нельзя было и на гласных. Мало того: чтобы сформулировать свою жалобу, Е. Венскому пришлось зашифровать в тексте (хотя бы слегка) приводимые им фамилии Гучкова (октябриста), Пурншкевича, Маркова-второго и Родзянки.

Нетрудно понять, сколько изобретательности требовалось от сатириков, когда они протаскивали через цензуру произведения, в которых подразумевалась верховная власть. Упомянутая выше эпиграмма «Нецензурная мебель» принадлежит к числу таких именно сочинений. Поэт как бы задался целью написать о мебели. И кончил четверостишие фразой:

...Этот кабинет

Во многом схож, по-моему, с передней.

Цензор спокойно пропустил сие «гарнитурное» откровение. А ведь говорилось-то в нем о кабинете... министров! И приравнивался этот кабинет к лакейской («передней»)...

Целой серией подобных находок блеснул в своих произведениях Демьян Бедный. Ему удалось напомнить читателям о «вологодской стуже» (о политических ссыльных в Вологодской губернии), высмеять «шегла» (министра Щегловитова), добраться даже до царского орла («Орел на сокола решил идти войной...») и назвать войну жестокой бойней («Я не охотник до похвал, так отдающих явно... бойней!»). Но при этом он вынужден был пользоваться си-

¹ Евг. Венский, В тылу, Пг., (1916), с. 7—8.

стемой иносказаний, а частично перейти на сюжеты Эзопа (т. е. перелагать Эзоповы басни стихами, допуская при этом некоторые «вольности» и «поправки»).

Литература сильно пострадала в эти годы от цензурных репрессий. Можно составить длинный список произведений стихотворной сатиры, так и не увидевших света в период войны. Среди них — повесть С. Басова-Верхоянцева «Король Бубён», «Сказка о том, как царь места лишился» Эмиля Кроткого, «Марсельеза социал-шовинистов» И. Логнинова, «Про фараона» Чуж-Чуженина и множество произведений Д. Бедного («Морока», «На заезжем дворе», «Против укуса», «Помощь», «Добряк» и др.). Некоторые из перечисленных здесь вещей (например, «Марсельеза социал-шовинистов») распространялись в списках подпольным путем, другие стали известны читателям лишь после свержения царской власти.

Если взять сатирическую поэзию этих лет в целом (включая и произведения, не пропущенные в печать), можно увидеть, что в ней, по сравнению с предыдущим периодом, усилились антибуржуазные и антимонархические мотивы. Капиталист как виновник бедствий народа был в свое время открыт и «освоен» революционной сатирой. Теперь он стал достоянием произведений самых разных поэтов, хотя они нередко выделяли и подчеркивали чисто физиологическую сторону этого образа, связанную с понятиями хищничества и наживы (см., например, «Жирный» А. Радакова), затушевывая его классовое содержание. Нападки на представителей царской бюрократии носили прежде «личный», персональный характер, теперь они нередко обобщались и поднимались до признания нежизнеспособности всего государственного порядка, а в произведениях наиболее передовых художников — до идеи революционного преобразования общества.

Можно заметить и другую черту. Привычные темы сатиры прошлых лет — темы борьбы с мещанской косностью, духовным упадком — продолжали жить и в годы войны. Однако теперь они ставились глубже и с большей степенью типизации. Вместе со всеми пороками буржуазного мира война раскрыла истинные масштабы нравственной деградации и духовного растрепания личности в условиях капитализма — и это привлекло внимание художников к судьбам цивилизации, к проблемам гуманизма. Весьма показательны в этом смысле такие произведения, как «Приятный собеседник» А. Бухова, «Nihil» А. Вознесенского, «Страшное стихотворение» В. Горянского, «В тылу» неизвестного автора.

Стихотворение Горянского представляет собой развернутую реализацию метафоры «содрал семь шкур», причем она конкретизирована как проклятие тому бесчеловечному строю, который губит множе-

ство людей во имя обогащения одиночек. «Nihil» Вознесенского — скорбный рассказ о том, как под лай собак и хохот дворни, среди «жалящих, звенящих насекомых» человеческая личность превращается в ничто. Наконец, А. Бухов в своем «наброске желчью» рисует последнюю ступень деградации личности, когда ее постигает «ужас вырождения»:

Я смотрю: за черепной коробкою
Этой тли природою положена
Смесь трухи с изжеванной пробкою
И какой-то слизью переложена.

Ничего другого. Ни горения,
Ни сердечных взрывов, ни сомнения,
Ни тоски, ни страсти, ни мучения. . .
Человек? Нет: недоразумение.

От портного — брюки с заворотами,
От брошюр — солидные суждения,
От кого-то — фразы с оборотами,
От себя — лишь ужас вырождения.

(«Приятный собеседник»)

Все же поэтов не покидало чувство скепсиса, бессилия перед страшным и жестоким миром. И стихотворение А. Бухова, при всей резкости эпитетов, при всей страстности обличения, заканчивается беспомощным: «Плюнь на них — хоть в этом утешенне». А В. Горянский, ужасаясь зверством буржуа-живодера, уповал на . . . божий суд.

Наибольшей цельности и философской глубины в раскрытии противоречий между человеческим и обществом достиг в эту пору поэт, которому суждено было стать провозвестником гибели старого и созидания нового мира. Это был Маяковский. Двадцать пять сатирических произведений, с которыми он выступил в 1915—1916 годах, и проникнутые обличительным пафосом лирические поэмы («Облако в штанах», «Война и мир», «Человек») — это приговор ненавистному миру и в то же время «летопись души» человека, восстающего против него.

Еще в ранних стихах Маяковского мера презрения к буржуазному обществу определялась эволюцией от «кривлянья» к «хохоту», то есть от эпатажа к социальной сатире. Громадная сила ненависти, смешанной с горечью, гневом, надеждой, нуждалась для своего вы-

ражения в мощных гиперболических образах, способных заклеить и низвергнуть великое зло. Отсюда у Маяковского трагический, гневный гротеск. Отсюда вся система гипертрофированных физиологических образов («кресла, облитые в дамскую мякоть», «толстая сема» в бороде сытого, «зубы туши опоенной»), в которых запечатлено лицо проклятого мира. Нечто подобное было, правда, и в стихах других сатириков, но там эти образы призваны были развенчать «жирного» эстетически и морально, Маяковский же шел значительно дальше. Он подчеркивал, с одной стороны, бесчеловечность самой буржуазной системы:

Нет людей.
Понимаете
крик тысячедневных мук?
Душа не хочет немая идти,
а сказать кому? —

(«Надоело»)

а с другой стороны, выявлял огромную вселенскую власть этой системы, с которой нельзя примириться — ее необходимо уничтожить.

Уродливый, бесчеловечный мир этот подобен взвихренным на земной оси каруселям Вавилонищ и Вавилончиков; именно от него пошла война, где «бьются государством в государство шестнадцать отборных гладиаторов», где «люстрой подвешена целая зажженная Европа» и даже солнце спустилось вниз «пылающими сходнями» (поэма «Война и мир»). Гиперболизм этих образов не скрывает от нас и реальных носителей всемирного зла. Поэт олицетворяет их в фигуре Лысого (поэма «Человек»), через которого проходит золоторот франков, долларов и рублей; он — новоявленный бог, «повелитель всего», «главный танцмейстер земного канкана», некоронованный владелец человеческих сердец.

Таким образом, и в «гимнах» своих, обличающих буржуазный строй с его неправым судом, ханжеской нравственностью, продажной критикой, педантской наукой, с его взяточничеством, чревоугодием, паразитизмом («Гимн судьбе», «Гимн учёному», «Гимн критику», «Внимательное отношение к взяточникам», «Гимн обеду», «Надоело» и др.), и в поэмах, расширяющих картину до масштабов вселенной, Маяковский концентрирует наше внимание на огромной социальной машине подавления человека и угнетения человечества, которую представляет собой капиталистический мир.

Сатира Маяковского отнюдь не лишена трагедийных мотивов.

И это понятно при том сильнейшем ощущении боли, которую испытывает поэт — выразитель страданий всего человечества. Мотивы эти вызываются и тем, что поэт не сразу находит выход из сложных психологических и социальных коллизий, что порою он ощущает свое одиночество перед «пиджачной кучей» людей, перед сытыми, наглыми, самодовольными буржуа, что он в отчаянье готов броситься на землю, изодрать камнем лицо, омыть слезами улицу, как об этом сказано в цитированном выше стихотворении «Надоело».

Такое же, казалось бы, горе и отчаяние выражено и в произведениях Саши Черного, В. Горянского, А. Бухова... Но они растворялись в этом чувстве, а Маяковский его мужественно преодолевал. Его трагизм не был трагизмом безверия, безвыходности, тупика. Это был трагизм бунтующий, отвергающий, саркастический, гордый — в конечном счете он свидетельствовал о духовной и нравственной силе поэта.

Избавиться от чувства одиночества — первое, что было необходимо Маяковскому, дабы разрешить трагический конфликт между собой и окружающим миром. Условия для этого были заложены еще в его довоенном творчестве. Образ поэта в трагедии «Владимир Маяковский», написанной еще в 1913 году, — это образ страдальца, который не только мучится болями всех обездоленных, отвергнутых, искалеченных, но и зовет их за собой, восклицая: «Ищите жирных в домах-скорлупах!» В поэме «Облако в штанах» это уже не просто страдалец и за ним — не просто нищие и калеки. Он трибун революционной толпы — тех, кто «чище венецианского лазорья», кто держит в своих руках «миров приводные ремни». В поэме «Человек» на поединок с Лысым выступает Человек, который воплощает в себе и образ поэта, и идею творчества, и веру в могущество масс. И, наконец, в поэме «Война и мир» — как противовес кровавым Вавилонам — картина грядущего, торжество всемирного братства народов.

Так соотносятся в поэме Маяковского комическое и трагическое; так возникает в ней героическое — то, что было присуще лишь революционной сатире, ибо только она жила чувством социального оптимизма и пафосом революционной борьбы.

5

Февральская буржуазная революция изменила политическую обстановку в стране. Свержение царской власти привело к ликвидации всех правительственных учреждений, ведавших печатью. Поэты-сатирики встретили эти перемены с громадным облегчением.

Дымятся кровью амбразуры
При свете розовой зари...
Сатир! На волю! Нет цензуры!
На бой! В народ! Твори, гори! —

воскликнул В. Воинов в стихотворении «На грани». ¹ Поэт Красный торжествовал по поводу того, что «свободна мысль, свободен стих», что «Не искалечит цензор хмурый Ни рифм, ни образов» его поэтической музы. ²

Ниже мы увидим, каковы были пределы обретенной художниками «свободы», но пока что сатирическая пресса выходила без контроля цензуры, и с ее страниц раздавались неприглушенные голоса поэтов, придерживавшихся самых разных политических убеждений либо же пренебрегавших политикой вовсе и зачисливших себя в разряд «социал-каламбуристов».

Журнал «Бич» мог, например, в апреле 1917 года опубликовать стихи, приветствовавшие возвращение В. И. Ленина в Россию, и с насмешкой рассказать о том, как пытались его «опровергнуть» меньшевистские лидеры:

И в ответ ему Плеханов взял и вытрусил назло
Из подштопанных карманов code civil и common law. ³

В «Биче», как и в «Новом сатириконе», появился ряд антибуржуазных памфлетов и метких фельетонов «на тему дня». Но в тех же изданиях, особенно летом и осенью 1917 года, находили место сочинения, проникнутые либерально-кадетской идеологией, и почерпнутые из реакционной политической кухни инсинуации против большевиков.

Газета «Новая жизнь» в своих политических выступлениях клонила к меньшевикам, а в отделе поэзии печатала сатирические стихи В. Маяковского и Эмиля Кроткого — стихи революционного содержания, воспроизводившиеся затем на страницах большевистских газет.

Одни и те же поэты нередко совмещали сотрудничество в «Новом сатириконе» и «Биче» с участием в «Трепаче» — бульварно-анархическом издании, именовавшем себя «журналом сатиры, юмора

¹ «Красный смех», 1917, № 1, с. 4.

² «К музе». — «Новый сатирикон», 1917, № 12, с. 14.

³ А. д'Актиль, Credo (Заявление «по душам»). — «Бич», 1917, № 15, с. 2. Code civil (франц.) — гражданский кодекс; common law (англ.) — общее право.

и быта улицы новой, распоясанной России». ¹ С другой стороны, престарелый «Будильник», как мы уже говорили, перешел в лагерь революционной демократии и выражал сочувствие большевикам.

Таковы были парадоксы времени, отражавшие необычайную сложность расстановки общественных сил. Но были и твердые политические ориентиры, дававшие возможность определять течение событий и находить правильный курс. В области печати это были издания большевистской партии, которые возродились после сокрушения царской власти и выпускались теперь не только в Петрограде (где 5 марта 1917 года возобновилось издание «Правды»), но и во многих городах России. И немало интереснейших произведений стихотворной сатиры, отличавшихся точным выбором цели и силой ударов, появилось на страницах большевистских газет («Правда», «Социал-демократ», «Красноярский рабочий», «Голос правды», «Солдатская правда» и др.). Это — стихотворения Д. Бедного, И. Логинова, И. Мукосеева, И. Ионова и других.

Жизнь показала, что радость по поводу обретенной обществом «свободы слова» оказалась преждевременной. В июле 1917 года, когда Временное правительство перешло к политике контрреволюционного террора, от «свободы» мало что оставалось. Редакция «Правды» была разгромлена, многие газеты закрыты. Ряду литераторов угрожала судебная расправа. Была восстановлена военная цензура. В августе 1917 года поэт А. д'Актиль обнародовал такую «молитву»:

Господь! Во все часы и дни
Не наказуй и не кляни,
И не взирай на нас сурово:
От рабства слова нас храни,
А паки — от свободы слова!

(«Эпитафия»)

Другой поэт охарактеризовал создавшуюся обстановку как торжество желтой прессы, которая стала красной от... крови, пушенной буржуазными властями на улицах городов («Радуйся, желтая пресса...» Скандербега). Тот же автор в фельетоне «Возвращение» отметил восстановление «красного карандаша», то есть цензуры.

Но и в этих условиях продолжал звучать голос революционной сатиры. Большевистские газеты возобновлялись под новыми названиями, некоторые из них перешли на полулегальное положение. Лозунги большевиков, их популярность в массах оказывали свое

¹ «Треспач», 1917, № 1, с. 15.

влияние и на поэтов, сотрудничавших в беспартийных органах прессы (каковыми были в большинстве своем сатирические журналы) или в такой полуменьшевицкой газете, как «Новая жизнь». В этих изданиях появились обличительные стихи и фельетоны, направленные против политики продолжения империалистической войны, против керенщины и корниловщины, против кадетов и «прогрессистов» (то бишь капиталистов типа Рябушинского).

Характернейшей чертой стихотворной сатиры 1917 года является ее обращенность к самым актуальным вопросам общественной жизни и политической борьбы. Произведения сатиры составили своеобразную летопись революционного года, — в ней отразились и последние дни императорской власти, и министерская чехарда во Временном правительстве, и борьба вокруг лозунга Учредительного собрания, и июльская реакция, и «Демократическое совещание», и корниловский мятеж, и кризис социал-соглашательских партий. Мишенями сатиры стали политические деятели, именами которых пестрела газетная хроника — Милюков, Родзянко, Савинков, Керенский, Церетели, Гучков, Алексинский, Бурцев, Корнилов, Либер, Дан (не говорим о столпах царского режима, продефилировавших по страницам сатирических изданий еще в первые послефевральские дни). Никто из них не избежал клеймящих эпитетов, язвительных характеристик. Вот несколько примеров: Милюков — князь Олег, вступающий в Царьград, за что удостаивается титула «султан Абдул-кадет» (намек на воинствующую шовинистическую программу партии кадетов и ее лидера в фельетоне В. Князева «Взятие Константинополя»); Керенский — провинциальный адвокат, засевший в пышных императорских покоях («Проказник бунт...» Эмиля Кроткого), он же — бледная копия парижского Бонапарта («Частушки» И. Логинова), жалкая тень Самозванца («У петергофских фонтанов» неизвестного автора); Корнилов — капрал, продавший пол-России («О Корнилове» И. Мукосеева); Либер и Дан — меньшевистские плясуны, в подхалимском рвении подтанцовывающие Милюкову («Либердан» Д. Бедного); Бурцев — гнусный доносчик и «тошный инвалид» («Пушкинское» Скандербегга); Савинков — «корниловский козырь» («По Сеньке и шапка» И. Ионова).

Любопытно, что некоторые из этих кличек и эпитетов прижились в обиходной политической речи, вошли в публицистику. Милюкова называли то Дарданелльским, то Константинопольским; за Керенским прочно закрепилось прозвище Бонапарта. А Либердан стал излюбленной в большевицкой печати кличкой меньшевиков-отщепенцев. В. И. Ленин в одной лишь статье «О героях подлога и об ошибках

большевиков» несколько раз употребил эту кличку.¹ Можно встретить ее и в других статьях Ленина, написанных осенью 1917 года.²

Следует, правда, оговорить, что в первых двух случаях (Милюков — Константинопольский и Керенский — Бонапарт) имена-клички могли быть позаимствованы авторами стихов из публичной речи или газет; сатира при этом способствовала их дальнейшему распространению. Что же касается Либердана, то доподлинно известно, что прозвище это придумано Д. Бедным; до публикации фельетона «Либердан» (25 августа 1917 года в газете «Социал-демократ») оно нигде не встречалось. Как образ сатирический оно выполняет двоякую функцию: во-первых, контаминирует фамилии меньшевистских лидеров, сливая их в одно лицо; во-вторых, пародирует название модного в ту пору эстрадного танца «лабердан», что немаловажно для всей художественной структуры произведения, ибо оно выполнено в танцевальном ритме, содержит мотив танца в сюжете («Пред военным барабаном, Мастера на штучки, Танцевали Либер с Даном, Взявшись за ручки») и, наконец, имеет подзаголовок «Подхалимский танец».

Как и в прошлые годы, в произведениях стихотворной сатиры перед читателем предстала не только галерея исторических лиц, но и галерея типов, причем на новом этапе жизни страны они обнаружили новые черты. Существо каждого из них определялось теперь не одними лишь бытовыми, социальными, психологическими чертами, но прежде всего отношением к событиям текущего времени, к борьбе политических сил. Ибо именно этим характеризуется теперь лицо каждого человека, его место в жизни.

Сошлемся на фигуру буржуа, обывателя, мещанина, столь часто появлявшуюся в произведениях дореволюционной сатиры. Одной из отличительных черт ее было самоустранение от политической жизни. Теперь — наоборот. Лишь выделяя и подчеркивая отношение человека к событиям современности, можно выявить его психологическую сущность, его нравственный мир. «Перекормившийся пошляк», который «душой и подбородком» ушел «в свой всеобъемлющий живот»,³ еще встречается в произведениях некоторых поэтов как дань вчерашнему дню. Ему на смену приходит буржуа, вынужденный определить свое место в обстановке решающей политической схватки и неизбежных общественных перемен.

¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, с. 248—255.

² Там же, с. 259, 260, 340, 403, 408, 409 и др.

³ А. д'Актиль, В вагоне. — «Солнце России», 1917, № 17, с. 9.

Вот «средний человек» А. Радзиевского из стихотворного цикла «Лики современности». «Трачен молью, вечно с болью», он раньше был склонен к религии, ударялся в мистику, не чуждался кабака, был предан культуре «радужных бумажек». Но «завеяли красные флаги», и он «в сознании долга» высунул нос из ворот: он почувствовал в душе «зуд словопрений», его потянуло на простор площадей, к публичке, в гущу спорящих людей. Куда же привело его это влечение?

Мелькнули недели, подобные летам;
Он видит кошмарные сны.
Дрожит его сердце. Он верит приметам
Грядущей гражданской войны. . .

. . . Мерещатся всюду лишь зло и напасти,
Свобода не так хороша. . .
И слезно взывает к низвергнутой власти
Залезшая в пятку душа! . .

Эту тягу буржуазного обывателя к старым, «надежным» порядкам, к благостному покою, на страже которого стояли раньше полиция, дворник, цензура, подметил также В. Князев в фельетоне «Обывательщина». От зоркого глаза поэтов не ушло и другое характерное явление времени — политическое хамелеонство, гнусное приспособленчество, попытки перекраситься в «модный» цвет революции.

Вся Русь по-новому одета,
Чертовски пестрый маскарад!
Погромщик принял вид кадета,
А кто теперь не демократ?

Республиканцем стал охранник,
Социалистом стал палач,
Зане тюремный хлеб — не пряник
И не калач, —

писал Д. Семеновский в стихотворении «Политические святки». Даже пресловутая мещанская пошлость, издревле кичившаяся безразличием к вопросам социальной жизни, выпорхнула на политическую арену. Об этом хорошо писал начинавший тогда свой творческий путь сатирик А. Флит в стихотворении «Ее величество пошлость». Обращаясь к тем, кто не на словах, а на деле помогал победе демократии, поэт говорил:

Вы свергли иго, вы свободны,
Но он оплеван — красный цвет,
И цвета крови всенародной
Конторщик сшил себе жилет. . .

. . .Пройдя с триумфом по панели,
Кричать всем гражданам «ура»
Ее величество велели
Коротким росчерком пера. . .

Особого внимания заслуживает сатирический портрет «меньшевика из акцизных», нарисованный д'Актилем в «Истории одной жизни». Тут не просто хамелеонство, перекрасившаяся пошлость, тут сверху донизу — жизненный уклад и социальная программа закоренелого собственника, накопителя, мещанина, проповедующего «святые убеждения» меньшевика. Излюбленное его занятие — разглагольствовать против «кровопийц-буржуазов»; сам же он — при доме, саде и немалом капитале — типичный выкормыш буржуазии. Детей своих он готовит к той же стезе, и они надежд его не обманут:

Подвернется эсер — аргументом убьют,
А буржуя — убьют капиталом.

Портрет нарисован впечатляюще, изобилует сочными бытовыми деталями. Как видим, политическое заострение образа не помешало полноте воспроизведения его жизненных основ. И откровенный шарж в «Либердане», и явная карикатура в образе султан-кадета Милюкова, придавая броскость и остроту изображенному, ничуть не снизили его достоверности. Обогащение приемов сатиры и «политизация» содержания способствовали ее художественному развитию.

И еще одна важная черта должна быть отмечена в сатире 1917 года. Из нее выветрилось ощущение незыблемости всех старых житейских порядков и порожденных ими отношений между людьми. Вся жизнь пришла в движение, и теперь уже едва ли можно было сомневаться в том, что страна и народ стоят на пороге больших исторических перемен. Система насилия, зла, мерзкое лицо торжествующего обывателя, «гогочущего кретина», уже не казались извечными, нерушимыми явлениями жизни.

В то же время заметно усилилось идеологическое размежевание в литературных рядах, ибо по-разному смотрели на будущее художники с разным отношением к жизни, к происходящим событиям: одни — с опасением и тревогой, другие — с непониманием и растерянностью, третьи — с радостным ожиданием и надеждой. Поэтому

столь пестрой по идейной окраске оказалась поэтическая сатира 1917 года, где был и яд бессильной злобы сопротивляющихся революции сил, и жалкий скулеж рутинеров, и разящий сарказм революционных борцов, возводивших на эшафот старый мир.

История неуклонно шла вперед, процесс распада все глубже охватывал лагерь врагов демократии, революция спланивала вокруг себя лучшие силы народа и интеллигенции. Поэтому рос и пополнялся отряд революционной сатиры, к которому примкнули теперь многие из поэтов, сотрудничавших ранее в либеральных изданиях. Об этом ясно говорят приведенные выше примеры антибуржуазных памфлетов, сатирических портретов врагов революции, стихотворных откликов на события дня.

Никогда прежде произведения сатиры не пользовались таким широким распространением, как в 1917 году. Никогда прежде они не подхватывались одновременно многими органами печати. Фельетоны, шаржи, эпиграммы, частушки переходили из одной газеты в другую. Так перепечатывались по нескольку раз «Сказка о красной шапочке» Маяковского, «Мои сердечные пожелания» И. Мукосеева, «День министра-председателя» Л. Никулина, «Квартет» Н. Дубровского, «Братание» И. Логинова, «Сказка о мужике Филате, храбром солдате» Затеишика-Грамотея. Количество публикаций одних и тех же стихотворений Демьяна Бедного столь велико, что до сих пор они еще не все учтены.

О необычайной популярности произведений сатиры свидетельствует также их фольклоризация. «Марсельеза социал-шовинистов» И. Логинова прекратила свое подпольное существование и теперь в обновленном виде (под названием «Марсельеза оборонцев») не только печаталась, но и распевалась. На фронтах и в гарнизонах читали вслух или пели группами (иногда на митингах, на демонстрациях) солдатскую песню Д. Бедного «Приказано — да правды не сказано» — сатирический отклик на приказ Временного правительства о переходе к наступлению на фронте. Буржуазная печать была столь шокирована успехом этого произведения, что потребовала суда над поэтом, ибо песня его «разлагающе» действовала на войска.

Совершенно особый случай фольклоризации литературного текста — судьба двестишестидесяти Маяковского:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!

Двестишестидесяти это стало известно еще до появления в печати. Автор как-то напел его на мотив «Ехал из ярмарки ухарь-купец» в петро-

градском кафе «Привал комедиантов». Импровизированная поэтом частушка вышла за стены маленького подвальчика и стала кочевать из уст в уста. Она прозвучала как отходная всему буржуазному строю. Ее пели матросы, когда шли штурмовать Зимний дворец.

6

Сатирическая поэзия 1908—1917 годов явилась своеобразным мостом между стихотворной сатирой первой русской революции и сатирическим творчеством поэтов советской эпохи.

Она не только связала эти два периода хронологически — она восприняла плодотворные традиции сатиры 1905—1907 годов и передала их молодой сатире победившей революции. Быстрота откликов на события, умение запечатлеть их в «лицах», в броских сатирических зарисовках, в острых фельетонах, метких пародиях, разящих эпиграммах — эти черты, характерные для лучших произведений сатиры изучаемой нами эпохи, были позаимствованы из опыта сатирической журналистики 1905—1907 годов и по эстафете времени переданы дальше.

В этом процессе наследования художественных традиций была одна крайне важная особенность.

Жизнь требовала сатиры щедринского типа. Об этом говорили сами современники. Сатира 1908—1917 годов (если учитывать и поэзию, и прозу) лишь в самых высших своих образцах — в «Русских сказках» М. Горького, в «гимнах» Маяковского, в ряде басен Демьяна Бедного и некоторых других — поднималась до уровня нашей художественной классики. В массе своей она пребывала ниже этого уровня. И при всем том нельзя не заметить следующего: будучи преемственно связана с сатирой первой русской революции, она воспринимала и синтезированные в ней крупницы того замечательного художественного опыта, который завещала русской литературе революционно-демократическая сатира второй половины прошлого века, то есть сатира Некрасова, Щедрина, Добролюбова, поэтов «Искры» и «Свистка». Очень многое из того, что сатира 1908—1917 годов брала у своих ближайших предшественников, было открыто и найдено сатириками шестидесятых — семидесятых годов.

Выше говорилось о попытках некоторых поэтов предоктябрьской поры возродить в печати добролюбовский «Свисток». Попытки эти, в силу ряда обстоятельств, не имели успеха. Но ведь творчески многие поэты были вполне подготовлены к осуществлению этого замысла, и готовность свою они реализовали на практике, работая так, как ра-

ботали сатирики 1905—1907 годов, а до них — поэты некрасовской школы.

Чем обогатили русскую сатиру поэты «Искры» и «Свистка»? Они внесли в нее боевитость и смелость, злободневность и полемичность содержания, замечательные новшества в области стихотворной формы. Эти поэты были отличными импровизаторами, быстро реагировали на события и умело находили творческий ключ почти к каждой выдвигаемой жизнью теме. Они старались выразить содержание (иногда довольно сложное) легким, непринужденным — близким к разговорному — языком, наконец широко пользовались они методом сатирической «перелицовки» (перепева, пародийной интерпретации) известных художественных образцов. Через сатирическую журналистику 1905—1907 годов, а частью и непосредственно, бесценный опыт этот со многими его стилистическими новшествами был усвоен сатириками предоктябрьских лет.

Нет нужды приводить здесь примеры оперативности, изобретательности, гибкости, проявленных ими в стремлении придать изображаемому наибольший сатирический эффект и сделать текст «удобопечатаемым», то есть способным пройти через цензуру, — эти примеры есть в предыдущем изложении, да они легко обнаруживаются и при чтении собранных в этой книге текстов. Остановимся хотя бы на двух, еще не освещавшихся нами, сторонах творческого опыта «искровцев» — на художественной стилистике и на жанровых решениях избранных тем. Они помогут нам уяснить некоторые особенности поэзии сатириков предреволюционной эпохи.

Фразеология и стилистика в стихотворной сатире имеют существенные отличия от фразеологии и стилистики обычной поэтической речи. Каждую частицу образной системы, каждый элемент речи, да и самую структуру стиха сатирик старается использовать так, чтоб рассказ об изображаемом предмете вызывал у читателей насмешливое к нему отношение, чтоб рассказ этот был острым, веселым, смешным. Поэты «Искры» и «Свистка», а за ними поэты «Сигнала», «Пулемета», «Жупела» и других сатирических журналов 1905—1907 годов в совершенстве владели мастерством организации поэтической речи, обеспечивающей нужный эффект: они широко использовали в этих целях такие приемы, как столкновение стилей (высокого и низкого), игру синонимических понятий, каламбурное сочетание слов, особое расположение рифм.

Обратимся теперь к материалу изучаемой нами эпохи.

В 1912 году, когда ряд российских губерний был охвачен голодом, в Ревеле сооружали военный порт. Отклик сатирика на это событие был до предела краток:

Каков бы ни был спор там,
Но вывод мой таков:
Россия будет с портом,
Хотя и без. . .портов.

(«Эпиграммы»)

Летом 1917 года председатель Государственной думы Родзянко был уличен в афере с поставкой военным заводам негодного металлического сырья. В стихотворном монологе, вложенном в уста этого деятеля, читаем:

Я поставлял в казну болванки —
Враги мне ставят это в грех,
Открыли кое-что с изнанки
И оболванили — на смех. . .

(«Новочеркасский мессия»)

Каламбурная рифма и столкновение омонимов в первом случае, игра на однокорневых словах (болванка — оболванили) в другом — эти излюбленные приемы «искровской» сатиры употреблены здесь с нужным эффектом: каждое из приведенных четверостиший (автор первого — А. Гомолицкий, второго — Грибко-Гольшовский) звучит обличающе и смешно.

Другой пример — «Из альбома пародий» неизвестного автора. В нем рифмуются слова: гласными — безгласными — несчастными — опасными — многогласными — согласными — напрасными. В этих концевых созвучиях заключен смысл всего стихотворения. Приведем одну лишь строфу:

Не стремитесь быть, юноши, гласными,
Автоматами будьте безгласными,
С ерундой будьте вечно согласными,
Не живите мечтами напрасными.

Если вспомнить, что стихотворение написано в связи с выборами гласных (то есть депутатов) в городскую думу, станет ясным, какую роль в раскрытии темы играет здесь набор полногласных рифм с многократным повторением (при разных приставках) опорного по значению слова.

А вот еще один стихотворный фокус (в произведении анонимного автора) — рифмовка слов, идентичных по звучанию, но совершенно разных по смыслу:

Выйдешь ли, родная пресса,
Из-под тягостного пресса?

Иль, под веяньем реакции,
Ярко-черные реакции
Совершатся в черепах,
И получишь в формах права
Ты указ злорадный справа —
В духе мудрых черепах. . .

(«Вопрос»)

Не ясно ли, что «демонстрация формы» понадобилась тут для наиболее выразительной передачи злободневного, острополитического содержания? Много находчивости проявили поэты-сатирики в применении составных, каламбурных рифм. Тут не только «господи» — «пос поди», «веси и» — «концессин», «реальности» — «медаль поднести», «кураж того» — «каждого»; тут и сближение разноязычных слов и выражений («клерком» — «à la guette somme»), и целые каскады оригинальных концевых созвучий («власти лица» — «Властелица» — «в пасти литься» — «Влас телится», — в стихотворении неизвестного автора «Рифмы», состоящем всего лишь из четырех строк). Все это не голая «техника смеха», а искусные способы раскрытия темы, то есть выполнение обличительной, социальной задачи.

Поэты «Искры» и «Свистка» необычайно расширили жанровый репертуар стихотворной сатиры. Не только любой жанр самой поэзии (будь то баллада, сонет, пастораль, элегия, ода) брался ими на вооружение, перевоплощаясь в форму сатиры, но и любой вид письма (записка, послание, поздравление, заметка в блокноте, запись в альбом) и даже документа (манифест, приказ, реляция, протокол, реестр, отчет). Это было по сути дела пародийное использование разнообразнейших форм деловой и художественной речи.

Такую же россыпь жанров и богатство стилистических возможностей продемонстрировали сатирики, выступившие в начале и во втором десятилетии нашего века. Мы встречаем здесь эпитафии («На случай кончины» В. Зоргенфрея, «Эпитафия „Новому времени“» Л. Никулина), оды («Ода на посрамление студенческих доктрин. . .» Н. Шебуева), сонеты («Газават» Скандербега и «Сонет» П. Потемкина), гимны (Н. Агнивцева, В. Маяковского), фронтные депеши («Телеграммы с войны» А. Дмитриева), газетные объявления (П. Бунакова), обзоры печати (В. Воинова), дневниковые записи («День министра-председателя» Л. Никулина), альбомные стихи («В альбомы» М. Бескина), мистифицированные переводы («Невесты Христа» М. Праскунина, «Воевода», «Вельможа» и «Генерал» В. Ладыженского), воспоминания («Знаменитые встречи» А. Измайлова), пожелания

(«Мои сердечные пожелания» И. Мукосеева) и даже молитвы («Моя молитва» Д. Бединого, «Требник капиталиста» В. Князева).

Нетрудно догадаться, что в целом ряде подобных случаев сатирический эффект вызывается резким контрастом между привычным назначением жанра и его конкретным применением (например, сонет посвящен... полицейскому; гимны — судьям, взяточникам, обжорам; эпитафии — газетам; в объявлениях рекламируются лакейские ливреи октябристов, «хирургические» способности погромщика Маркова и т. п.).

Пародия была, как известно, одним из самых распространенных жанров сатиры Некрасова, Добролюбова и их последователей. Наряду с общепринятой, исторически сложившейся формой литературной пародии, в которой подвергается критике (методом насмешливой интерпретации) та или иная художественная система — будь то индивидуальный поэтический стиль или стиль целой поэтической школы, — они культивировали и жанр сатирического перепева. Перепев не подвергает критике ни содержание, ни художественные стороны используемого текста, его цель — создать сатирический эффект путем применения знакомого читателю словесного и ритмического рисунка. Такие «заимствования» создают в стихотворении поэтический фон, резко контрастный его содержанию. Классический образец такого перепева, решающего отнюдь не узколитературную, а остросоциальную тему, — «Колыбельная песня» Некрасова, написанная на мотив «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова.

Подобных примеров немало в творчестве поэтов-демократов прошлого столетия, но — скажем без преувеличения — еще больше их в сатире изучаемого нами периода. Произведения классических авторов, «перепетых» сатириками, могли бы составить популярную хрестоматию русской поэзии. В их числе — многие сочинения Пушкина («Зимняя дорога», «Моя родословная», «Черная шаль», «Стансы», «Зимний вечер», «Цыганы», «Борис Годунов»), Лермонтова («Ангел», «Парус», «Сосна», «Молитва», «Нищий», «Спор», «Казачья колыбельная песня»), Крылова («Слон на воеводстве», «Квартет»), Некрасова («Калистрат», «Коробейники», «Забятая деревня»), Жуковского, А. К. Толстого, Плещеева, Апухтина и других. Есть тут и поэты иноязычные (Гейне, Цедлиц, Беранже), произведения которых берутся в русских классических переводах (переводы Жуковского, Лермонтова, В. С. Курочкина).

Любая тема, добытая из любого жизненного пласта, была доступна сатире такого рода. Как и в предыдущем случае (с пародийным использованием жанровых форм — сонетов, гимнов, эпитафий и т. д.), чем больше материал, взятый сатириком, отдален по своей

стилистической окраске от литературного источника, то есть чем контрастнее они друг другу, тем сильнее вызываемый «перепевом» комический эффект. В этом легко убедиться на таких произведениях, как «Водокачка» М. Пустынина, «Из Лермонтова» Я. Сиркеса, «На выбор» В. Лихачева, «Гадание» Красного, «Как будто из Гейне» Ф. Шкулева и другие.

Свое законное место в сатире этих лет заняла и «чисто литературная» пародия, материалом которой было творчество современных поэтов, главным образом представителей модернистских течений — Бальмонта, Сологуба, Игоря Северянина и других. Здесь уже на первый план выступало умение сатириков проникнуть в художественный мир критикуемых авторов, подметить особенности их поэтики и стилистики, воспроизведя их в несколько деформированном (преувеличенном, иронически переосмысленном) виде. В этой области были свои мастера (А. Измайлов, Ф. Благов, Е. Венский), но в большинстве своих пародий они не выходили за пределы образной системы поэтов-модернистов, оставляя часто без внимания их антигражданскую направленность.

Иное дело — стихотворные пародии М. Горького и В. Воровского. В них поставлена далеко идущая цель: посредством имитации словаря декадентов, их ритмико-интонационной системы обратить внимание на коренные пороки их мировоззрения и творчества (пессимизм, уход от действительности, эстетство, индивидуализм). В убедительном и точном решении этой задачи — особая ценность стихотворений Смертяшкина (из «Русских сказок» М. Горького) и пародий на поэтов-модернистов в фельетонах В. Воровского.

Наследуя и развивая творческий опыт своих предшественников, сатирики предоктябрьских лет вносили в поэзию и нечто свое. Этого требовали и материал новой действительности, и новый уровень развития поэтического искусства, и эстетические запросы читателя.

На всем протяжении рассматриваемого нами периода происходил процесс «политизации» стихотворной сатиры, начатый еще в 1905 и особенно сильно обострившийся в 1917 году. Это нашло свое отражение не только в материале, содержании произведений сатиры, но и в их жанровой структуре, поэтике, языке. Они все больше насыщались элементами публицистического стиля, а это привело к своеобразной «миграции» жанров: в пародии появляются элементы эпиграммы; в эпиграмме, шутке, экспромте — черты фельетона; фельетон иногда перерастает в памфлет и т. д.

Наиболее яркий пример трансформации привычного жанра, его возрождения и расцвета — басенное творчество Демьяна Бедного.

После смерти Крылова басенный жанр заглох в русской поэзии; его обнаженная условность, аллегоризм долгое время считались приемами устаревшими и малопригодными. «Смешно вспомнить, — рассказывал впоследствии Демьян Бедный, — но в большинстве распространенных старых учебников по теории словесности о басне было сказано буквально следующее: «Басня — вымершая литературная форма». Аминь, значит. Отжила свое время, покойница. Мертвая форма!»¹. Учитывая народные истоки этого жанра и его познавательные возможности, поэт и решил принять его на вооружение. При этом, исходя из потребностей времени и непосредственных задач своего революционного творчества, он деформировал элементы внутренней структуры самого жанра: насытил басенные аллегории злободневным политическим содержанием, ослабил нравоучительный элемент, придал басне памфлетную остроту.

Как форма злободневной сатирической поэзии басня не только закрепилась в творчестве Демьяна Бедного, но и стала применяться другими поэтами. Басни писали И. Батрак, И. К. Прутков, Скандербег, Ф. Сыромолотов, А. Грин. «Интернациональную басню» сочинил в 1917 году В. Маяковский.

Разрабатывали поэты-сатирики и другие жанры народного творчества, мимо которых (как и мимо басни) прошло большинство поэтов «нскровской» плеяды. Широко применялись формы стихотворной сказки («О сером зайке и лютном волке» К. Кравцова, «Сказка про старого воробья» Бобыля, «Усы да борода» и другие сказки Д. Бедного, «Сказка о красной шапочке» В. Маяковского), песни, частушки, народной баллады. Особой популярностью пользовались стихотворные повести-сказки типа знаменитой сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок».

Этот жанр интенсивно разрабатывал С. Басов-Верхоянцев, который в 1906 году создал нашумевшую антимионархическую повесть «Конек-скакунок», реализуя в традиционной форме народного сказа самый злободневный политический материал. Под видом царя Берендея в повести был изображен Николай II, под видом «двух цариц» — его мать и жена; в образе «дворцового воеводы» легко угадывался генерал-палач Трепов, в образе «воеводы Сысоя» — граф Витте, а в «злом кудеснике», «дьявольском холопе» — временщик предпоследнего русского царя Победоносцев. В повести, которая может показаться лишь вариацией народной сказки с использованием ершовских моти-

¹ Демьян Бедный, Вступительное слово на торжественном заседании, посвященном столетию со дня смерти И. А. Крылова. — Собр. соч. в восьми томах, т. 8, М., 1965, с. 395.

вов (действие происходит в некоем сказочном царстве-государстве и т. п.), на самом деле изображались события первой русской революции: «кровавое воскресенье», стачечная борьба, аграрные «беспорядки», декабрьское восстание, созыв и разгон Государственной думы. Сюжет завершался бегством царя Берендея, так что автор не только шел по следам реальных событий, но и предугадал их возможный исход.

Особо широкое распространение повесть «Конек-скакунок» получила в годы реакции, когда в ходу были не только ее предыдущие издания (в том числе нелегальное, вышедшее в 1907 году под заглавием «Шапка-невидимка» и вызвавшее целый поток правительственных реляций), но и новое издание 1908 года, появившееся в Петербурге под маркой издательства «Водопад».

В те же годы автор продолжал разрабатывать столь же удобный для политической агитации, сколь и доходчивый и близкий к народно-поэтической традиции жанр. Он написал стихотворную повесть «Черная сотня», вышедшую в 1908 году в Казани с подзаголовком «Русская быль», а также «Русскую историю в стихах», изданную там же и в том же году. Позднее — в годы войны и революции — он создал стихотворную сказку «Король Бубён» и новый вариант «Русской истории» (переименованную в «Сказ, отколь пошли цари у нас»).

Пробовали свое перо в этом жанре и другие поэты (Л. Никулин — в повести «О старце Григории и русской истории», Эмиль Кроткий — в «Сказке о том, как царь места лишился»).

Сатирическая поэзия не могла не обогатиться и за счет новшеств, открытий, которые имела в начале XX века поэзия в целом, искавшая и находившая пути обновления структурных форм поэтической речи. А. Блок и А. Белый во многом реформировали традиционный русский стих, вводя в стихотворный язык элементы разговорной речи, расширяя возможности метрики и словаря. Громадный шаг в деле обновления поэтической техники сделал Маяковский (акцентный стих, свободные ритмы, неологизмы).

Некоторые поэты-сатирики восприняли часть этих новшеств, — мы находим их в стихах П. Потемкина, А. Радакова, В. Горянского, А. Грина. В частности, обращают на себя внимание приемы ритмического выделения «значимых» слов (своеобразной смысловой «разрядки») у Потемкина, тяготение к «свободному стиху» и к разговорным интонациям у Горянского. Возникли даже отдельные переключки (схожее звучание, схожая ритмическая организация речи) между стихами Маяковского и произведениями названных авторов.

Это породило — уже в советские годы — версию, будто Маяков-

ский, сотрудничая в «Новом сатириконе», воспринял свои стиховые новации от «ведущих» поэтов журнала, Потемкина и Горянского.¹ В действительности же каждый из них в своих творческих исканиях отражал общие процессы развития русской поэзии XX века, причем у Маяковского эти поиски дали неизмеримо более яркие и ценные результаты.²

Стихотворная сатира 1908—1917 годов имела немалый общественный и литературный резонанс. Она пользовалась популярностью у читателей, была одним из приметных литературных явлений своего времени. Опыт ее не прошел бесследно для русской поэзии: он передан сатирикам новой, советской эпохи. В значительном большинстве своем поэты-сатирики предоктябрьских лет — С. Басов-Верхоянцев, И. Батрак, Д. Бедный, П. Бунаков, Е. Венский, В. Воинов, В. Волженин, С. Городецкий, А. д'Актиль, И. Ионов, В. Князев, Э. Кроткий, И. Логинов, С. Маршак, В. Маяковский, Л. Никулин, И. К. Прутков, М. Пустынин, Скандербег, Д. Тигер, М. Праскунин, А. Флит, Д. Цензор, Чуж-Чуженин, Н. Шебуев, Ф. Шкулев, а также вернувшиеся в двадцатые годы из эмиграции Н. Агнiewicz и А. Бухов — стали активными сотрудниками советских сатирических изданий.

И. Эвентов

¹ См.: В. Тренин и Н. Харджиев, Маяковский и сатириконская поэзия. — «Литературный критик», 1934, № 4, с. 132. Статья вошла в кн.: Н. Харджиев, В. Тренин, Поэтическая культура Маяковского, М., 1970.

² Подробнее об этом см. в кн.: И. Эвентов, Маяковский-сатирик, Л., 1941, с. 60—63. Интересные суждения по этому поводу высказывает Л. Евстигнеева в книге «Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконы», М., 1968, с. 420—451.

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

ЯНВАРЬ 1908 — ИЮНЬ 1914

1. ИЗ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ МОТИВОВ

Навозну кучу разрывая,
Петух не отыскал там ни зерна.
И говорит: «Ага, я понимаю:
То голодающим назначена она!»

(1912)

2

А. И. Гучков! Твои «А», «И»
Не заиграли как «Аи».
Они звучат, как «А» и «У»,
Ау! Гучков! Ау! Ау! ..

1912

3. ГИМН

Е(ГО) В(ЫСОКО)Б(ЛАГОРОДИЮ) ИВАНУ ИВАНОВИЧУ
Г-НУ ИВАНОВУ

Гремите, бубны и фаготы,
Со всем усердием в кредит, —
Сегодня, милые, работы
Нам очень много предстоит.
Пылая жаром, что экватор,
Пою, как сотня теноров,
Тебя, коллежский регистратор
Иван Иваныч Иванов.

Обужен, сплюснут, без отметин,
В семи водах прокипячен,
Он вездесущ, хоть незаметен,
Он тот, чье имя — «легион».
И на картине Мироздания
Он — фон гигантского холста,
На коем в дерзком сочетаньи
Горят эффектные цвета...
Ах, как бы выглядели сонно
Герои шпаги и чернил,
Когда бы — собственной персоной —
Он их в веках не отменил?!
Пусть он уйдет — и потускнеют
В один момент герои те...
Ведь звезды всех сортов умеют
Блестать лишь только в темноте!

Богат спиной, с душой ручной,
С упругим лбом — покрепче скал —

Он создан матерью-землею
Для равновесья всех начал.
Ахиллов притких, как омаров,
Он тянет вежливо назад,
Он ловит за ноги Икаров,
Он учит разуму щенят.
Он — то «земное притяженье»,
Он — та мифическая ось,
Без коих шар наш, в дерзновеньи,
Давно б расползся вкривь и вкось.

О, славься ж ты, забытый тленьем,
Титан, засунутый во тьму,
Ты . . . чай с малиновым вареньем
Предпочитающий всему! . .

(1913)

4. ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОС

Министр просвещения любезно дает
Вновь мне фельетонную тему,
Решивши ввести, без хлопот и забот,
Опять «курсовую систему».

Ну, что же? Попятимся, значит, опять
Подобно классическим ракам!
Нам к этому способу не привыкать!
Что делать? Наш жребий не лаком!

По международной культурной меже
Идем мы с зулусами рядом,
Зане Alma mater¹ давненько уже
К науке поставлена задом!

На всех факультетах — священная тишь,
Лишь педель спросонья ругнется,
Услышав, что где-то какая-то мышь
Вне правил последних скребется.

¹ Мать-кормилица (лат.) — традиционное старинное название высшей школы. — *Ред.*

Да изредка вдруг забежит покурить
Студент, от тоски изнывая...
И тихо, и пусто!.. — позвольте спросить:
«А... это... система какая?»

Система текущих, последних двух лет,
Привитая нынешней школе?!»
— «Предметная?» — «Нет!» — «Курсовая?» — «О, нет!»
— «Какая ж? *Разгонная*, что ли?!»

(1913)

5. ПРОЕКТ

Лекции «назначенных профессоров»
по-прежнему проходят перед пустой
аудиторией.

Из газет

Хотя горчичное зерно
Никак не может по рождению
Дать ананаса... всё равно —
«Профессора по назначенью»
Играют в лекции давно!
Во избежанье инцидентов
Нельзя ли экстренно для них
«Назначить» собственных студентов
Из отставных городских?!

(1913)

6. «ШАШЛЫК НА ВЕРТЕЛЕ»

Без платья и белья
Лежит наука кротко,
Не видно у нея
Ни глаз, ни подбородка.

Один сплошной синяк!
«Откуда? — вот вопрос-то!»
— «Синяк? — Да просто так!
И даже — очень просто!»

«Подбили, значит. Да-с,
Кому, а ей — нет спуску!
Наука ведь у нас
Так . . . „блюдо на закуску“ . . .»

Покойся ж на столе,
С филе телячьим в паре,
Шашлык на вертеле,
То бишь — на циркуляре!

(1913)

7. В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СТОЛОВКЕ

На катар давно патент
Взял студент со злобы!
Ну-ка, где такой студент,
Без катара чтобы?!

Каша гречневая — 3,
Полбитка — 13,
Хлеб же даром! Знай — бери!
Итого — 16.

Если ж вздумаешь когда
Тихо лопнуть с жиру,
То возьми еще тогда
На пятак — гарниру!

Ну, а если твой бюджет
С горя деликатно
Объявил нейтралитет,
Помни: хлеб — бесплатно!

Для студента-голяка
Много ли потребно?
Каша с хлебом, полбитка,
И — великолепно!

(1913)

8. ЗЛОВРЕДНЫЙ ПОЛКОВНИК И СПАСИТЕЛЬНЫЙ КОСТЕР

Петербургская баллада

По распоряжению морского министерства у слушателей Военно-морской академии был отобран учебник полковника Клаго. Из учебника были вырезаны и сожжены страницы, заключающие в себе критику некоторых деятелей русско-японской войны, а также проводившие взгляды на необходимость отстаивания своих мнений. После операции книга была возвращена слушателям.

«Киевская мысль», № 64.

Споём мы на лад петербургской земли:
«Ой, ладо, ой, ладушки-ладо!
В морском министерстве намедни сожгли
Учебник полковника Клаго».
Почто же такой возгорелся костер,
Как призрак былых инквизиций?
Крамольный учебник был слишком остер
В разборе цусимских позиций.
Коварною ложью смущая умы,
Шептал он, с кивком на уронцы,
Что в битве тогда победили не мы,
А нас расчесали японцы.
Сплетая для внемлющих юношей¹ сеть,
Шипел он змеиным обманом,

¹ Каждому не менее 30 лет от роду.

Что надобно думать, сужденья иметь,
Не быть автоматом-болваном.
Но зоркая правда на хитрую ложь
Восстала с коробкою спичек,
И вырезал ложь из учебника нож,
И вспыхнули пачки страничек.
Безумный полковник! ты вник ли, когда
Преступное тлело тисненье,
Что паче ерунд всех твоя ерунда —
Отстаивать право на мненье?
Держи, коли велено, руки по швам,
Нам критиков даром не надо. . .
На лад министерский пропели мы вам:
«Ай, Кладо! Ай, Кладушки-Кладо!»

(1912)

9. ОДА

НА ПОБЕДУ НАД ГРАММОФОНОМ

Товарищ министра внутренних дел Золотарев обратился к Щегловитову с предложением ввести цензуру граммофонных пластинок.

Телеграмма

Ты знаешь бич ужасный века?
Ты слышал звук удавный тот,
Как будто душат человека,
А он, хоть душат, всё поет?
Внебрачный правнук аристана,
Синематографа кузен,
Под мрачной фирмой граммофона
Россию взял в крамольный плен.
Холмы, долины, грады, веси
Взревели, им оглашены,
Как будто в них вселились бесы,
Геенским скрежетам верны.
Но в помещении закрытом
Еще свирепей граммофон —
Как будто болен дифтеритом
В нем даже Собинова тон!

Орет жестокая машина,
Хрипя, храпя, шипя, звеня, —
Гремит Шаляпина «Дубина»,
Его ж — «Колена преклоня»!
То — Карапетом, либо Ицкой —
Врет анекдоты без конца,
То заголосит вдруг Плевицкой
Скандал про «Ухаря-купца».
Подобны ржавому железу
В нем трели даже серебра...
Порою грянет «Марсельезу»,
Порою рывкает «ура!»...
А в заключение несчастий,
Звончее, чем локомотив,
Гнусит он Вяльцевою Настей,
Как будто насморк захватив.
Но граммофонного страданья
Свершился рок, окончен срок,
И, горделивым в назиданье,
Готов решительный урок.
Патриотической натуре
Несносен стал крамольный рев.
И подчинить его цензуре
Решил мосье Золотарев.
Статьею сто двадцать девятой
Заткнется дерзостная пасть.
Узнаешь, граммофон проклятый,
Что значит крепкая-то власть!
Одет в намордники повсюду,
Явишь закона торжество,
Пища: «Простите! я не буду!
Не буду больше, вашествó!»
Спасла от горя государство
Опять Всевышнего рука,
И новый опыт золотарства
Прославят русские века!

(1912)

10. ПОСЛАНИЕ КНЯЗЕВУ

По получении книги «Двуногие без перьев»

От всей души вам говорю:
 Благодарю!
Принес мне множество утех
 Ваш дельный смех!
Бесперых пошляков обезобразив,
 Вот так и впредь
Хлещите их сплеча, Василий Князев,
 На то и плеть!
Долой со всякой ряженой вороны
 Павлиний пух!
Жаль, плетка не достанет до короны,
 А то бы — ух!

1914

11. ПЕСНЬ ОКТЯБРИСТА

Год целиком — о, этот пыл,
О, дрожь, о, страсти фуги! —
Я с революцией делил
Любовные досуги.

Потом я крикнул: «Альгвазил!
Возьми сию красотку!» —
И с Конституцией вступил
В невинную щекотку.

Вчера ж пред милой запер дверь,
Задвинув шпингалеты:
Я с Декларацией теперь
Готовлюсь петь дуэты.

То не любовь, но некий флирт, —
Красавиц перемена.
Дух — сиречь гений, сиречь спирт —
Терпеть не может плена!..

Но дева есть, с которой пут
Я не порву мятежно, —
Ту Ассигнацией зовут,
И ту люблю я нежно.

(1908)

12. КРЕСТЬЯНИН И КОМАР

Басня

Крестьянин страдною порой
Ходил поспешно за сохой,
А над головой его открытой
Комар кружился и визжал.
Язвил крестьянина насмешкой ядовитой:
«Я сам, хоть неказист и мал,
Не ведаю трудов по воле провиденья:
Век целый провожу лишь только в наслажденьи.
К чему ж трудиться ты,
Когда в избе холодной,
Как раб, как данник нищеты,
Ты будешь зимовать с семьей своей голодной?»
Напрасно мой мужик отстать его просил —
По совести — с насмешкою своею,
Комар же, как назло, вдруг сел ему на шею
И больно укусил.
Крестьянин комару тут с гневом возразил,
Не вытерпев с досады:
«Когда б ты кровь мою не пил,
Свой дух давно бы испустил», —
И комара он без пощады
Рукою раздавил.

Кто хочет басни смысл открыть,
Попробуй-ка за плугом походить.

13. «УМНИЦА»

«Ни капли гордости аль совести. Эх ты! —
Ворчал свинье Кудлай. — Есть разные скоты,
Но ты поистине особая скотина:
Тебя не оскорбить ни словом, ни пинком.
Наплюй тебе в глаза — умоешься плевком.
Скажи, пожалуйста: oprичь тебя по ком
Гуляет часто так хозяйская дубина?»

— «Эх-ма! —

Хавронья хрюкнула. — Большого ты ума.

Недаром ребра видно.

Ну, малость и побьют. Подумаешь: обидно!

Бокам, чай, больно да спине?

При чем же совесть тут? Голубчик, да по мне

Так, право, всё равно: что бита, что не бита.

Не гнали б только от корыта!»

Свинья, а в ней ума какая бездна скрыта!

Философ — не свинья!

Ведь рассуждает как? Ну, ровно бы по нотам!

С согласия вашего, читатели-друзья,

Да будет басенка сия

Посвящена российским... «патриотам»!

(1912)

14. СИЛУЯН

Нашла тоска на Силуяна:
«ТЬфу, окаянная пора!
Как оплошал народ: ни одного двора,
Где б не было изъяна.
Куда ни сунешься — прямая нищета:
Ни хлеба, ни скота.
Где лошаденка есть, так беспреренно кляча.
Повеситься, такая незадача:
На всё село — лихой хотя б один конек!
Хотя б один!»
Бедняк лил слезы чуть не градом.
Из-за чужих коней?! А так! Ведь паренек
Был... конокрадом!

(1913)

15. ЗМЕЯ

Вчера неведомо откуда в Государственную думу вползла самая настоящая змея.

Суеверные депутаты говорили:
«Не к добру это!»

«Биржевые ведомости», 26 марта

«Биржевка» в страхе нам намедни рассказала,
Что в Думу-де змея вползла.
Взаправду ли вползла? Иль, может быть, из зала
Обратно уползла,
Успев наделать зла?
Кто с буйным Марковым шипел всё время рядом?
Кто Пуришкевичу любезно плешь обвил?
Кто клеветническим своим змеиным ядом
Недавно нас травил?
К чему одной змее дивиться, точно чуду,
И лживо вопиять: к добру она иль к худу?
Ни к худу, ни к добру:
О, сколько их еще, злых, сытых и надменных,
Людей по внешности, но гадов несомненных
По их змеиному нутру!

Между 26 и 29 марта 1914

16. ВОЛОДИН ДОМИК

В думской комиссии, благодаря
сплоченности пуришкевичского боль-
шинства, законопроект о печати про-
шел целиком.

Было работы Володе!
Он отличился, ваш комик:
Карты смешавши в колоде,
Чудный он выстроил домик.

Домик — одно загляденье.
Кто ни посмотрит — похвалит.
Жалко, что это строенье
Первым же ветром повалит.

1914

17. ХРЕН ДА РЕДЬКА — ЕЛЕНА ДА ФЕДЬКА

В булочной Стенеги штрейк-
брехерствует *Елена Сапата*, а для
булочной Эртиса штрейкбрехеров
поставляет *Федька Большой*.

Из рабочих корреспонденций

Редька слаще хрену,
Хрен ли слаще редьки?
Помянув Елену,
Не забудем Федьки!
Загляденье — пара!
Дрожжи да опара!
Он — *Большим* зовется,
А она — *Сапатой*,
Он — квашней клянется,
А она — лопатой.
Молодцу молодка —
Сушная находка:
Стыд прикрыт заслонкой.
Обойдем сторонкой
Эту пару, — аще
«Редьки хрен не слаще!»

1914

18. АДМИНИСТРАТИВНАЯ «МЕТОДИКА»

Харьковским губернатором запрещена лекция проф. К. о методике русского языка.

Из газет

Розгою дух святой детище бити велит,
Розга убо ниже мало здравия вредит.
Розга разум во главу детям вгоняет...
Розга учит делати вся присно ради хлеба,
Розга дети ведет правым путем до неба.
Розга убо всяким добротам научает...
Вразуми, боже, матери и учителя
Розгою малых детей быти ранители.
Благослови, боже, оные леса,
Иже розги добрые родят на долгие времена!

Из «Азбуковника» XVII века

В писаньи сказано — тому примеров тьма, —
Что «власть не без ума
Меч носит».

Не верьте никому, кто всеу власть поносит!

«Да-с! Переключал всех!»

— «Ведь это смех!»

— «Не смех, а горе-с!»

— «O tempora! O mores!»¹

— «На всю губернию скандал!»

— «Не губернатор, а вандал!»

— «Над здравым смыслом ведь

глумленье!»

— «Какое: просто — аппетит!

Он и «грамматику», пожалуй, запретит,
Коли «методика» взята уж «под сумленье!»

— «Поосторожнее: влетит!»

— «Какое зрелище, о боги!..»

Так волновались педагоги

(На что покорливый народ!):

«Никандр Кузьмич, вы что ж воды набрали в рот?

Ужель поступите законными правами?

Ведь это, черт возьми, не ижица, не ять:

Ме-то-ди-ка! Ее должны мы отстоять.

¹ О времена! О нравы! (лат.) — *Ред.*

Сходите... Может быть, поговоривши с вами...»

И вот методик наш явился к самому

Вельможе:

«Ваш-сясь!.. Методика!.. Помилуйте...»

За что же?..»

— «За что? — вельможа взвыл. — Лукавить-то

негоже!

Вы думали небось, что я и не пойму —

Что в ваших методах к чему?!»

— «Ваш-сясь!»

— «Оставьте отговорки!

У революции позиция слаба,

Не выйти из норы, так двинулась в отнорки:

Со старую муштрой поведена борьба.

Ме-то-ди-ка... Хе-хе! «Мы — что?.. Мы бе-а-ба!»

В-вон! Все методики не стоят доброй порки!!»

1914

19. УТРО

Гордеич утром в воскресенье

Беседует с женой:

«Ну, ладно, старая, не ной!

Подумаешь: землетрясение.

Ей-богу, дело — пустяки.

И чем лишь только я вчера был так напуган?

Ну, был избит, ну, был обруган.

Буянил кто? Озорники!

Вот невидаль! Кулак велик, да плечи узки:

Вся храбрость-то небось до первой же кутузки...»

За «Правдой» бы послать... Есть? Подавай сюда.

И где она взялась, треклятая газетка?

Порой пропишет так, — сгорел бы со стыда.

Вот... про вчерашний бой заметка:

«Товарищи! — холера их возьми! —

Вчера вы, около семи

С хозяйской жадностью начав борьбу спокойно,

Закончили ее позорно, недостойно!

Слыхала, матушка? Изволь-ка тут, пойми:

„Борьба решается не схваткой рукопашной,

Не тем, чтоб стекла бить... Враг дрогнет — для него

Вы силой явитесь... неодолимой, страшной,

*Лишь став один за всех и все за одного...
Объединяйтесь! Тогда-то... общей силой...“»*

— «Гордеич!.. Господи помилуй!..

Очнися, миленький!..»

— «Тог... да...»

— «Федосья!.. Марья!.. Фекла!..

Фекла!..»

— «Воды!»

— «Вот, батюшка, вода!..»

— «Спа... си... бо... Душно как... Ох, вся рубаха
смокла.

Так вот оно к чему! Так вот они куда!

«Объеди-няйтесь!..» Ох, били б лучше стекла!!»

20. ЗОЛОТОЕ МОЛЧАНИЕ

Басня

Последние съезды были совершенно лишены возможности высказаться.

Из газет

«Молчанье — золото», — промолвил пристав
частный,
На съезде болтуну заткнув крикливый рот,
А тот,
Как ни молил несчастный,
Был председателем с трибуны удален
И посрамлен.
Прошло три дня. Всё тот же частный пристав,
Уставший несколько от выкриков и свистов
Людей и дерзостных, и вредных, и смешных,
Командирован был на съезд глухонемых.
Администратор наш, мечтавший о покое,
Желавший провести хоть пару дней в тиши,
Доволен был до глубины души,
Но сборище немое
Своею скукою отчаянье такое
Нагнало на него,
Что он, как ни крепился,
А удавился.

Хотите вы мораль? Она вам говорит:
Молчанье золото, хотя и не блестит.

1913

21. ВЕСЕЛАЯ ПОРА

Как интересно стало жить, —
Сюрпризов всяких тьма!
Сплели пестреющую нить
Холера и чума,
Земля трясется там и тут,
Нет скуки на Руси!
Сегодня радуется приют,
А завтра — де Ласси.
Давно забыты сон и лень,
Веселье — наш девиз!
Судьба дарит нам каждый день
Какой-нибудь сюрприз:
Пришла веселая пора,
Могучий грянул гром:
Пускай зевали мы вчера —
Сегодня мы живем.
Находим в ворохе газет
Мы много новостей,
Костров мы видим красный свет
И слышим стук костей.
Былые радости в тени,
Холера — пустяки!
Мы от холеры в эти дни
Душою далеки.
Прошла боязнь ее сетей,
Ее покрыла тьма,
Она забава для детей,
Для взрослых есть чума.

От скуки — боже упаси! —
Теперь уж нет следа;
Кой-где с землею на Руси
Сровнялись города.
Не жизнь, а прямо благодать!
Тоски исчез и след,
Нам стало некогда скучать
Среди обилья бед.

(1911)

22—24. В АЛБОМЫ

1

«НОВОМУ ВРЕМЕНИ»

Читатель долго и напрасно
Понять пытается одно:
Навозну кучу видит ясно,
Но где жемчужное зерно?

2

«МОСКОВСКИМ ВЕДОМОСТЯМ»

Субсидий грозные витии,
Борцы оплаченных идей,
Внушить хотите вы России,
Что вы Катковы наших дней;
Вы правы, в этом нет сомненья,
Но согласиться вы должны:
Он был Катковым от рожденья,
А вы — Катковы от казны.

3

«СВЕТУ»

Противен «Свету» всякий свет,
Но как же светом быть при этом?
Прими-ка дружеский совет
И стань отныне полусветом.

(1911)

**25. НАРОДНЫЙ ПЕЧАЛЬНИК,
ВПЕРВЫЕ ПОПАВШИЙ В ДЕРЕВНЮ**

Радостный запах земли,
Поле, объятые дрожью,
Яркий расцвет конопли,
Смешанной с желтою рожью;
Жницы изогнутый стан,
Коршун, поющий на воле,
Черные фраки пейзажа,
С зорькою вышедших в поле;
Стройное пение кос,
Волосы женские в сетках,
Темно-зеленый овес,
Зреющий мирно на ветках;
Гул оживленной толпы,
Девушки радостной профиль,
Старец, связавший в снопы
С дерева снятый картофель;
Чья-то могучая брань,
Чьи-то истомные зовы,
Травку жующая лань,
Звонкая песня коровы;
Вкусно дымящийся грог
В кружках цветной майолики,
К небу поднявшийся стог
Пахнущей лесом клубники;
Жарко пылающий день,
Полог пурпурного неба,
Благословенный ячмень,
Посланный людям для хлеба;
Кос сладострастная дрожь,
Сохи и прочая мебель
И благодатная рожь,
Долу клонящая стебель;
Девичья песнь от души,
Жнущие репу мужчины, —
Боже мой, как хороши
Русской деревни картины!

(1911)

26. ИДИЛЛИЯ

В наши хмурые будни — береза да каша...
Но теперь как-никак рождество —
Разрешите ж нам елку, о строгий папаша!
Допустите кутью, ваше-ство!
И, отдавшись моменту, как милые детки,
Мы забудем и двойки, и класс —
И с веселой улыбкой посмотрим на ветки,
А не ветки на нас.
Мы куда-нибудь длинные бороды денем,
Мы волос перекрасим клочки,
А на мудрые лысины наши наденем,
Из хлопушек достав, колпаки.
И тогда, кое-как застегнувши штанишки,
Все желанья кутьей утоля,
Мы, как резвые телом и духом детишки,
Запоем: «Тра-ля-ля, тра-ля-ля!»
И под свежим дыханьем рождественской хвон
Поведем себе свой хоровод,
Позабывши, что будем мы пороты вдвое
В наступающий год.
А Потапенко ниткой очки перевяжет,
За ресницей накопит слезу
И, как старая няня, немудро расскажет
Нам рассказ про «козу-дерезу».
В наши будни всегда за козой идет Сидор,
Но сегодня пускай не идет!
Пусть зато сам кадетский неистовый лидер
Петушком побежит в хоровод.
Лишь останутся мрачно, в сторонке от прочих,
Те, кто сердцем крамольным не чист,
Да еще — мужички, да немножко рабочих,
Да еще скоморох-юморист.

(1912)

27. ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

Немирович-Данченко сидит на коне,
Едет Немирович по вражьей стране,
Грозно хмуря брови, глядит на восток,
Пишет телеграмму в 400 строк,
А кругом, среди болгар, идет суетня:
Немирович-Данченко им всем — как родня.
Офицеры льнут к нему, забыв про полки,
Сочиняют адрес в обозе «селяки»,
А солдаты в радости не знают, что начать,
Как им Немировича достойно величать.
Горько плачут лошади, мулы и ослы:
«Первый раз в истории — мы на Аллаха злы!
Едет мимо Данченко, а мы молчать должны,
Между тем как мы к нему симпатии полны. . .»
Немирович-Данченко весьма их пылу рад,
Пишет телеграммы и едет на Царьград,
Пишет телеграммы во много тысяч строк
Всё о том же — как его приветствует Восток.

1912

28

Я на качелях высоко летаю,
Высоко! Далеко! Вновь сладостный миг!
Снова я падаю, снова мечтаю,
Высоко над всеми я радость постиг.

Я на качелях высоко летаю.
Но не так высоко, как в «Веселой вдове»...
О мистическом анархизме всё время мечтаю.
О, если бы мог я пройти на голове!

Я в пьяном стремлении... Бояться кого мне?..
В тайге я не боялся медведей и волков.
Кто лучше: шаманка или кузина в Коломне?..
Никак не решит Георгий Чулков.

(1908)

29

Вижу на западе волны я
Облачно-грозных твердынь.
Вижу — сапфирная молния
Блещет над далью пустынь.

Грохот небесного молота...
Что-то, крича, унеслось.
Море вечернего золота
В небе опять разлилось.

Вижу на западе вспышки я
Облачно-грозных твердынь.

Кушаю теплые пышки я
С нежным вареньем из дынь.

Грохот небесного молота...
Дай-ка стихи построчу...
Всё уж давно перемолото...
Как я строфу сколочу?..

Плачу над новой симфонией...
Море воды разлилось...
Кто-то грозит мне с иронией...
Кто там: олень или лось?..

(1908)

30

Затаился в траве и лежу, —
И усталость мою позабыл,
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.

Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.

И на небе моем облака
То растают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.

«Затаился в траве и лежу», —
Убаюкал меня мелкий бес.
И во сне я сметану лижу.
Ты с деньгами, а я пока без.

Сердце галкой на крыше сидит,
А душа на осине — орлом.
И мечта, как курьерский, садит.
На Парнас я пролез напролом.

Целый мир в моем небе застрял:
Тут и мул, тут и стул, и аул.

Я все члены свои растерял:
Где ж рука? Где нога? Караул! . .

(1908)

31

Камень. Бронза. Железо. Холодная сталь.
Утро. Полдень звенящий. Закатность. Печаль.
Солнце. Пьяные Солнцем. Их спутанный
фронт.

. Камнем первый повержен был ниц
мастодонт.

*К. Бальмонт.
«Через столетия столетий»*

Туфля. Цапля. Клубника. Юпитер. Ломбард.
Незабудка. Набрюшник. Графин. Бакенбард.
Бесконечных предметностей спутанный фронт.
С головой потонул в них великий Бальмонт.

Выпив рюмочку Солнца, вот — слышишь ты? чу! —
Я еще раз похлопал его по плечу.
Птеродактиль. Подтяжки. Идиллия. Риф.
Квадратура. Подсвечник. Сицилия. Тиф.

(1912)

32. ЭГОФУТУРИСТ

Иду я, голову озонтив
От дождевеющей воды,
И, мозг стихами пробальмонтив,
Глазю на девные следы.

Баретят туфли вдлинь бульвара,
Желтя в калошной черноте;
Синдетиконясь к деве яро,
Я панихидюсь красоте.

Но, продожденная сквознично,
Она морозится в ответ

И амурезит мне реснично:
«Ах, нет мне хроноса, поэт! . . .»

Ветрит. . . Ублекший лист вальсится,
Аэропланя с сучьев вниз,
И что-то в небе голосится, —
То птицы южить принялись. . .

Земля! Довольно же грязиться!
О, осугробься! Оснежись!
Пусть будут тройки вновь стрелиться
И конеправ горлить: «Держись! . . .»

(1912)

33. БАЛЬМОНТ. «ЗАРЕВО ЗОРЬ», К-ВО «ГРИФ», 1912

Водительство (стр. 36)

Водительство. . . Родительство. . .
Созвездья. . . Луны. . . Боги. . .
Водительство. . . Мучительство. . .
Зубчатые пороги. . .

Глаза в глаза. Гряди, гроза.
Подъятый меч пою.
Луна, Звезда и Щит Златой,
Берите кровь мою! . .

Воэзия. . . Поэзия. . .
Боэзия золотая. . .
Сиам и Полинезия
И моря ширь пустая. . .

Кораблики, вораблики
Плывут. Уют кают.
Вот. Да. Мне снятся зяблики
И кровь из сердца пьют.

Рождение. . . Вождение. . .
Каждение буруна. . .
Из моря исхождение
Угрозного Нептуна. . .

Голландия... Молландия...
Волландия... Да. Так.
Поэма — симуляндия.
А ценность ей — пятак.

(1912)

34. СОЗВЕЗДИЯ

Он смотрит с доброю усмешкой
На простенькие чудеса,
А там *Медведица*, тележкой
Гремя, ползет на небеса.

Большое в небе оживленье...
Везет Возничий с гиком тёс,
Из конуры своей в волненьи,
Залязгав цепью, лезет Пес.

Вон с луком за Овном стремится
Изрядно выпивший Стрелец;
Задравши хвост, куда-то мчится
Буланый с пятнами Телец.

Вон скачет Дева в модном саке,
Неся пружинные Весы.
Вон Скорпион верхом на Раке
Ползет, надев на грудь часы.

А Водолей, оставив небо,
Кряхтя, на землю соскочил
И из-за заработка хлеба
Стихи в «Шиповник» застрочил...

(1912)

35. ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке золотом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это! ..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

36

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей! ..

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабрзный анекдот! ..

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон. . .
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале».
— «Усталый друг, могила холодна».
— «Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена. . .»

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови. . .
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви. . .

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова. . .

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он. . .
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

В ее ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

37. КРАМОЛЬНИК

На усадьбе небогатого
Мещанина Суковатого
Целый год на черствой корочке,
Одинок, что крот в каморочке,
Жил он жизнью пустытника
И порой из-за полтинника
Для кормилицы-редакции
Относительно реакции,
Как умел, мыслишки грешные
Воплощал в стишки потешные.
Не вступал ни с кем в беседушки. . .
И сочли тогда соседушки
Молчаливого подвижника
За злодея-чернокнижника,
Проболталися духовнику.
Ну, а тот развил истории,
И жандармскому полковнику
Из духовной консистории
На рассвете в воскресенье
Сдал в пакете донесение:
«Сам, о ваше благородие,
Доношу, что на угодии
Мещанина небогатого
Валентина Суковатого
Так примерно год без малого,
По оплошности хожалого,
Поселилась личность скромная,
Молчаливая, но темная,
Чрезвычайно осторожная,

Сиречь неблагонадежная,
Что из дела выясняется.
Ниже вкратце поясняется
Акт довольно обвинительный:
Что-де «личностью сомнительной
Ономняся прихожанину
Силе Карпову Сусанину
Было выдано две книжицы,
Где от азу и до ижицы
В изложеньи поэтическом,
Но отнюдь не назидательном,
О движеньи поэтическом
И о времени карательном
Мысль проводится крамольная,
Нелегальная, подпольная!!!
И к тому же, личность темная
Не честит заветов сродников,
Ест постом всегда скромное
И не верует в угодников,
Не бывает в день торжественный
У литургии божественной...
На свободе, ради праздника,
Доношу на безобразника
Во шестое новолуние,
Утром третьего июня
В день святой Пятидесятницы

Иерей Лука от Пятницы».

(1909)

38. ТОВАРИЩАМ

Смех, яркий смех — удел немногих,
Смех — светлой правды грозный меч,
Смех — тяжкий бич для душ убогих,
Веселый вождь бескровных сеч!
Смех — шум дождя над нивой бедной,
Смех — вод весенних бодрый рёв,
Смех — юной жизни гимн победный,
Смех — звон расторженных оков!
Для этих смех — улыбка брату,
Смех — лязг пощечины для тех!

Но кто согласен взять как плату
Полгода крепости за смех?!

(1913)

39—43. *ОБЪЯВЛЕНИЯ*

1

Тем, кто низко клонит шею,
Мелкой сошке — карьеристу
Продаю свою ливрею;
Обращаться к *октябристу*.

2

Всех лечу и утешаю. . .
Самый опытный хирург:
Зубы, ребра сокрушаю.
Адрес: *Марков, Петербург*.

3

Я заработать хочу.
Ловко доносы строчу,
Есть аттестатов два пуда. . .
Новоременский Иуда.

4

Примите, господа, *Азефа*
Хотя б на службу даже *Трефа*.
Такой талант. . . Жаль, право, вчуже!
Ведь жизнь его собачьей хуже. . .

Сбежал Илиодор.
 Приметы: юркий взор,
 Бородка, длинный волос
 И дребезжащий голос.
 На вид как будто слаб.
 Он идол глупых баб.
 Ловите же, ищейки!
 Награды. . . три копейки.

1911—1912

44. СОВРЕМЕННОЕ

Коль любить, так без рассудку,
 Коль грозить, так не на шутку. . .

А. К. Толстой

Коль дуэлишки, так на хлыстиках,
 Коли книжечки, так в двух листиках,
 Коли выходки, так вандальные,
 Коли повести, так уж сальные,
 Коли проповедь, так дешевая,
 Коль поэзия, так грошовая,
 Коли критики, так сердитые,
 Коль писатели, так побитые! . .

(1912)

45. ОТКРЫТИЕ ДАРДАНЕЛЛ

Открыли, открыли пролив! . .
 Не будь, россиянин, ленив
 И сплавь к басурманам за море
 Свое безутешное горе.
 Сплавь Думу, что еле жива, —
 Роняет пустые слова
 И, вместо народного дела,
 Хомут канцелярский надела;
 Всё сплавь до конца, до конца,

Что злобой терзало сердца,
Что тело в борьбе надрывало
И к темному прошлому звало!

1912

46. ЖЕСТОКИЙ

Дубровин с тощею сумой
Стоял, просящий подаянья
На «Знамя русское» с мольбой
И для себя — на пропитанье...

Копейку только он просил,
И взор являл живую муку...
Тут Пуришкевич проходил
И... плюнул доктору на руку...

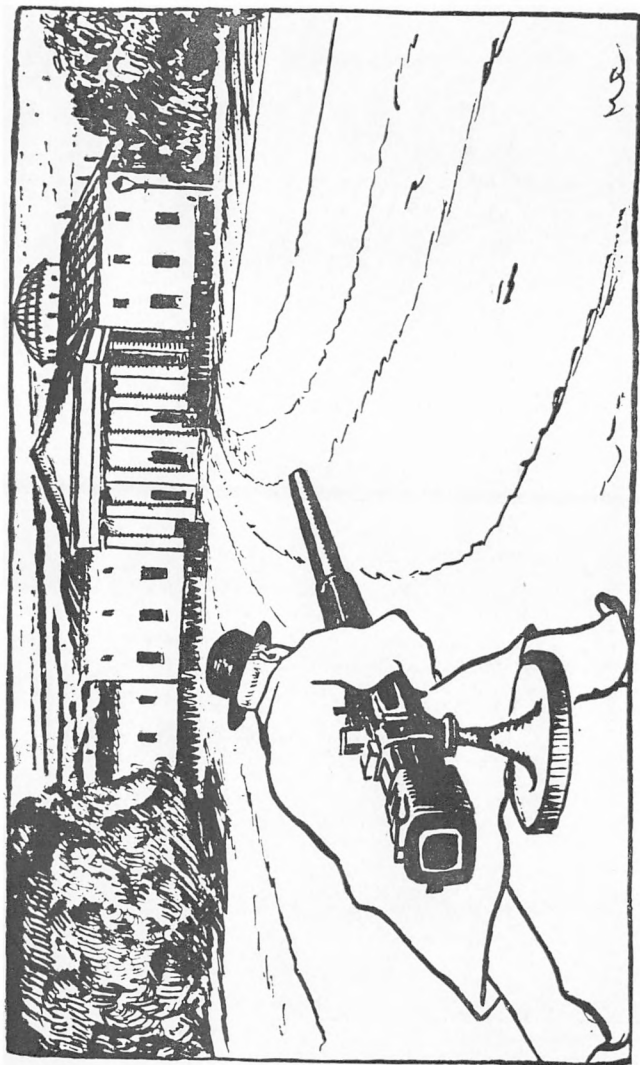
Так иногда кадет иной,
От оптимизма весь неистов,
Победы ждет... А за спиной
Давно стоит суровый пристав...

*У некоего г. Лермонтова
позаимствовал Арк. Б—в*

(1908)

47. АФИНСКИЕ НОЧИ

Сарапьянц из «Курьера» и Теткин из «Края»,
Сознавая, что жизнь наслаждений короче,
И мещанскую этику зло презирая,
По субботам открыли афинские ночи.
Декадентка Петрова, вдова-акушерка,
Две матерые, местно-известные Фрины

Въ Государственную Думу внесенъ новый законопроектъ о печати. (Изъ газетъ).

Цена отд. № 15 коп.

П-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

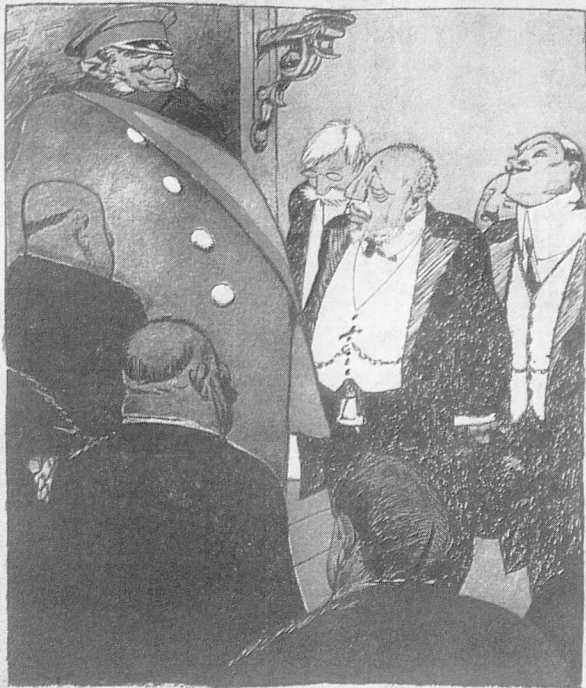
№ 19

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1914

Рис. Ревин.

8 МАЯ.

У ПАРАДНАГО ПОДЪЪЗДА,

Вотъ парадный подъездъ...
По торжественнымъ дорожкамъ,
Охраняемъ золотою оградой,
Идемъ черезъ съѣздовъ-то и выѣздовъ,
Подъѣзжаемъ въ этотъ вѣкъ дурной...

Мои зѣры вѣсти съкрыты для живыхъ...

(Изъ устныхъ произвѣденій Г. Г. Г.)

В уголке, где трясется без книг этажерка,
Обнажаются гордо и знойно-картинно. . .
Обстановка афинская стильно-красива:
На стене Айвазовский, открыток две пары,
На столе — колбаса, солонина и пиво,
В гонорарные дни — монпансье и сигары.
Ах, афинские ночи античного тона,
Сколько в вас отреченья от нудной морали,
Сколько красок в волнах голубого хитона
Из утащенной на ночь кухаркиной шали! . .
Правда, пристав здесь видит одно балагурство,
Но по клубам шипят о крушеньи устоев. . .
Да, недаром сюда прибегают с дежурства
Фармацевт Шепшелевич и писарь Обоев. . .
Да, недаром, продав букинистам все книги
И собрав восемнадцать рублей торопливо,
Гимназисты нашли помещенье для «лиги»
(Как у тех. . .) и скупают сигары и пиво.
А в «Общественном сквере», на главной аллее,
Представители «Края» с «Курьером» едва ли
Не слышали, как шепчут подросточки, млея:
«...Это те, что . . . афинские ночи. . . Узнали? . .»

(1912)

48. ДВА НАПОЛЕОНА

Да, были два Наполеона:
Один из книг, с гравюр и карт,
Такая важная персона,
Другой был просто — Бонапарт.

Один с фигурой исполина,
Со страхом смерти не знаком,
Другого била Жозефина
В минуты ссоры башмаком.

Один, смотря на пирамиды,
Вещал о сорока веках,
Другой к артисткам нес обиды
И оставался в дураках.

Мне тот, другой, всегда милее,
Простой обычный буржуа,
Стихийный раб пустой идеи,
Артист на чуждом амплуа.

Я не кощунствую: бороться
Со всей историей не мне. . .
Такого, верю, полководца
Не будет ни в одной стране.

Наполеон был наготове
Всесильной логикой штыка
По грудам тел и лужам крови
Всего достичь наверняка.

Ему без долгих размышлений
Авторитетов разных тьма
Прижгла ко лбу печатью: «гений»
Взамен позорного клейма. . .

Но тот, другой, всегда с иголки
Одетый в новенький мундир,
В традиционной треуголке,
Незрелых школьников кумир,

Мне и милей и ближе второе,
И рад я ставить всем в пример,
Как может выбиться в герои
Артиллерийский офицер.

(1912)

49. ПОЭТАМ

Пусть душа безвременьем убита:
Если в сердце алая мечта,
Не бросайте розы под копыта
Табунов усталого скота.
Замолкайте. Время не такое,
Чтобы нежность белого цветка
Разбудила гордое в герое,

Увлекла на подвиг дурака...
Всё мертво. Ни песен, ни улыбок,
Стыд, и муть, и вялость без конца,
Точно цепь содеянных ошибок
Нам связала руки и сердца...
Все сейчас — моральные калеки,
Не для них ли, думаете вы,
Говорить о счастье, человеке
И о тихом шелесте травы...
Не поймут, не вникнут, хоть убейте, —
Вашу святость примут за обман,
Не играйте, глупые, на флейте
Там, где нужен только барабан...
Нашим дням, когда и на пророке
Шутовства проклятого печать,
Не нужны ласкающие строки:
Научитесь царственно молчать.

(1912)

50. ЛЕГЕНДА О СТРАШНОЙ КНИГЕ

Сергею Горному

Ему надевали железный сапог
И гвозди под ногти вбивали,
Но тайну не выдать измученный смог:
Уста горделиво молчали.
Расплавленным оловом выжгли глаза
И кости ломали сердито,
Был стон, и струилась кроваво слеза,
Но тайна была нераскрыта.
Сидит инквизитор, бледней полотна:
«Еще отпирается?! . Ну-ка!»
Горящая жердь палачу подана,
Готовится новая мука.
«Сожгите! Но тайну узнайте вы мне —
Пусть скажет единое слово».
Шипит человеческий жир на огне,
Но — длится молчание снова.

Заплакал палач и бессильно сложил
К работе привыкшие руки,
Судья-инквизитор слезу уронил,
Как выдумать лучшие муки?!
Конвой зарыдал, и задумался суд,
Вдруг кто-то промолвил речисто:
«О ваше сиятельство! Пусть принесут
Стихи одного футуриста.
И пусть обвиняемый здесь же прочтет
Страничку, какую захочет. . .»
Судья предложившему руку трясет,
Палач, умилившись, хохочет.
Велели — и книгу на стол принесли:
Такая хорошая книга. . .
Измученный молча поднялся с земли
В предчувствии страшного мига.
«Довольно! — сказал он. — Пытали огнем,
Подвергли ненужным обидам,
Я гордо и честно стоял на своем
И только твердил вам: «Не выдам!»
Но если стихи футуриста читать —
Нет: лучше ботинок железный. . .
Какую там тайну вам надо узнать?!
Пожалуйста — будьте любезны. . .»
И выдана тайна. В глухой полумгле
Рассказана чья-то интрига.
Свершилось. И грозно лежит на столе
Кровавая страшная книга. . .

(1913)

51. ВСПОМНИТЕ!

Юбилейное

Много вас, в провинциальной тине
Утопивших грустно имена,
Всё еще питается доньне
Распыленным прахом Щедрина.
Много вас, с повадкой хитрой, волчьей,
Под цензурным крепким колпаком
Подбирает капли едкой желчи,

Оброненной умным стариком.
Ваш читатель ласковой и проще,
Чем у нас, — он любит простоту,
Но устал: от гласных, и от тещи,
И от нравов граждан Тимбукту...
Знаю я: когда сосед — Европа,
Тяжело перо переломить,
Между строчек, с запахом Эзопа,
Щедриным исправника громить...
Тяжело потертые словечки
Доставать из пожелтевших книг,
Старый смех топить в газетной речке,
Потеряв свой собственный язык.
Так-то так... А всё-таки берете,
В тине душ бессилье затая:
Щедриным, друзья мои, живете,
Щедриным питаетесь, друзья...
Мы рабы одной каменоломни,
Что зовется — русская печать,
И теперь одно лишь слово «вспомни!»
Мне собрату хочется сказать...
Вспомни, брат, того, кто нам когда-то
Дал слова, какие знал один...

.

И услышу отповедь собрата:
«Что пристал? Я сам себе — Щедрин».

(1914)

52. ЧЕГО НЕ УСПЕЛ НАПИСАТЬ ГЕЙНЕ

Сказала раз Клара поэту:
«Мне надо героя в мужья;
Пойди и постранствуй по свету,
Вернешься героем — твоя».

Фриц понял, что плохи делишки, —
Хозяину продал часы,
Взял Шиллера томик под мышку
И в сумку кусок колбасы...

Немало с тех пор миновало;
Он сотни земель исходил,
И счастье поэта ласкало,
И случай ему ворожил.

Он был: музыкантом, артистом,
Врачом, полотором, судьей,
Маркёром, писцом, футуристом,
В нужде — городским головой.

Судьба не перечила хмуро,
Удаче он не был чужой:
Он стал королем Сингапура
И даже индийским раджой.

С открытой душой паладина
И с жутко неполной сумой
В родной переулок Берлина
Фриц взял — и вернулся домой.

Из окон увидевши Фрица,
Сдержавшего строгий обет,
В истерику впала девица,
Любовь сохраняя шесть лет.

В восторгах два дня пламенея,
Поэт ей события раскрыл,
Вдруг Клара спросила, бледнея:
«А ты . . . в унтерах не служил? . . .»

«Что? Я — в унтерах?! Да к чему же:
Я так покорю тебе мир».
— «Как, — вскрикнула Клара, — быть
мужем,
Не зная, как носят мундир?! .

Иди! Потеряла охоту
Быть нежной с таким дураком!»
И верите ль: в ту же субботу
Венчалась с одним денщиком. . .

Фриц запил. . . И с видом апаша
В пивных напивался и сох,
А вежливый Кларин папаша
Кричал ему ласково: «Ноч!»¹

1914

¹ «Ура!» (немецк.) — *Ред.*

53. ПОРТРЕТ

Куда вы делись, века Аттил,
Как не жил Эллис и не кадил
Тем, кто на троны Парнаса сел
И в Аполлоны пройти сумел;
Когда Корнея не ведал свет
И не робея строчил поэт,
Когда сердитый Корней молодой
На вся пииты не шел войной?!

Попал в поэты Шматков Егор.
Пестрят газеты, кричит забор,
Жужжат сэндвичи, визжит печать:
«Шматковской дичи нельзя объять.
Сергеев-Ценский ей подражал,
Евгений Венский ее ругал,
И сам Смоленский писал о ней,
Оттуда — Ленский списал, злодей.
Купил панаму Егор вчера,
Большую драму творит... Ура!
На днях решился писать роман,
Вчера обрился... Купил кальян...
Поехал в Лугу... Задумал фарс...
Купил лачугу... Летал на Марс...
Был под арестом... С недавних пор
Пилад с Орестом — с Толстым Егор...»
Как ходит, дышит — всё знает свет.
Но что он пишет — его секрет.

(1910)

54. ИНТУИТИВНЫЕ КРАСКИ

Вонзите штопор в упругость пробки —
И взоры женщин не будут робки! ..
Да, взоры женщин не будут робки,
И к знойной страсти завьются тропки. . .

Плесните в чаши янтарь муската
И созерцайте цветы заката. . .
Раскрасьте мысли в цветы заката
И ждите, ждите любви раската!

Ловите женщин, теряйте мысли. . .
Счет поцелуям поди исчисли!
А к поцелуям финал причисли,
И будет счастье в удобном смысле! . .

(1911)

55. ПОЭТ, ОБЕД И ЛУННЫЙ СВЕТ

С поминального обеда шел Деметриус домой.
У него между собой шла разумная беседа.
«Знаменит я, пьян и сыт:
Каждый день дивертисменты.
Так всю жизнь без перемен ты
И прокормишься, пиит.
Только завтра — гладный мор:
Ни обеда, ни концерта.
Почитательница Берта
Не накормит. . . Never more!»¹
Под ногами лунный свет, — и вскричал пиита:
«Стой-ка!
Блик, канал, фонарик, Мойка! . .
Запиши сие, поэт! . .»
Покачнулся, записал, вынув книжку из кармана:
«Чуден вечером канал
Под вуалью из тумана. . .»
Повернул страницу:
«Ба!

¹ Никогда больше! (англ.). — *Ред.*

Завтра зван я на крестины...
У Панфиловой Христины!..
О, прелестница судьба!..»
И быстрее зашагал бард-мечтатель влево-вправо,
За спиной его лукаво ухмыляется канал...

(1911)

56. АРЕСТ... ТЬФУ, АКАДЕМИЧЕСКАЯ

Две пары портянок
Да пара котов,
Кандалы надеты, —
Д'я в Сибирь готов...

Белая подкладка,
Голубой картуз,
Бравая ухватка,
Штрипки у рейтуз;

На лице отвага
И на лбу — «топ чер»;¹
По панели шпага,
Где-то револьвер.

Как у мериносо,
Ляжки позади.
Двадцать три доноса
В преданной груди.

С Шуркой у «Эрнеста»
Триста суток в год.
Вдруг зовут «на место» —
«Задурил народ».

Раз опять свобода,
Роты на мосту —
Значит, стой у входа
Честно на посту.

¹ Мой дорогой (франц.). — *Ред.*

Тихо, смирно, гладко
Льет профессор речь.
Нужно для порядка
Лекцию сберечь.

Чудная наука —
Римские права:
Не понять ни звука,
Пухнет голова.

С неба упадают
Звезды и чины...
.

Сколько пропадает
Даром ветчины!

(1912)

57. САМОЕ АДЕКВАТНОЕ

Омское переселенческое управление циркулярно распорядилось, чтобы крестьяне, образовавшие новые поселки, воздержались от названий их в честь писателей, а именовали их по местным горам, рекам и озерам, а также в честь героев русской истории.

Были злобны, словно волки,
Все «слова» пустили в ход.
Чуть не до ночи в поселке
Бушевал сердитый сход.

Как назвать поселок новый:
Ни озер, ни гор, ни рек;
Есть ручей да пень еловый,
Дальше степь, земля да снег... .

«Безозерный»? .. «Бездубровный»?
«Белоснежный»? .. «Земляной»?
«Беспредельный»? .. «Бескоровный»?
«Двухъеловый»? .. иль «Степной»?

Вышел Тишкин (из штундистов):
«Назовем „Толстовским“?!» — «Ври!
Вот дурак! А вдруг да пристав?
Отсидишь недельки три...»

Был прибит Иван Уренский,
Был обруган Пров Нагой:
Первый хочет, чтобы «Венский»!
И «Аверченко» — другой.

Вышла баба Ковалиха:
«„Тэффи“ ладно бы назвать!»
Обругали бабу лихо:
«Надо, дура, понимать!»

Волновались, кипятились,
Все со зла передрались,
С братом брат перебрались...
Утром снова принялись.

Был денечек!.. Злее втрое,
Стал искать название сход,
Каждый лучшего героя
Из истории сует:

«Штакельберг»!.. «Хвостов»!.. «Муратов»!..
«Трепов»!.. «Марков»!.. «Толмачев»!..
«Зеленой»!.. «Бирон»!.. «Скуратов»!..
«Стессель»!.. «Герич»!.. «Левашов»!..

Пятый день в поселке смута:
Лезут в драку, спорят, бьют...

.

А поселок почему-то
Вдруг Нееловкой зовут...

(1912)

58. MENS MALA IN CORPORE MALO ¹

Попечитель Петербургского учебного округа констатирует в отчете сильнейший упадок умственного и физического развития молодежи за этот год.

Из газет

Надо мной певала Кас... ушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка,
Будешь жить ты припеваючи».

И сбылось по воле божией
Предсказанье доброй Кас... ушки:
Нет покорней, нет пригожее,
Нет смирнее Калистратушки.

Слаб я мозгом лишь, детинушка,
И в науках я профанушка;
Говорят, что я дубинушка, —
Настоящий Митрофанушка.

Не Цифиркины нас мучили,
Не Кутейкин, враг цугундера, —
Мы глаза всё время пучили
За шагистикой на ундера.

Было важное открытие
(В нем не много, правда, логики),
Будто детское развитие —
Не задача педагогики;

Будто с ружьями гимнастика
(Взять хоть самого ледящего)
Превращает головастика
В гражданина настоящего.

И шагали мы баранами,
Как к войне вооруженные,

¹ В нездоровом теле слабый дух (лат.). — *Ред.*

Всё гуляли с барабанами,
Пели песни забубенные.

Вот гордитесь пред Европами
Вы плодами просвещения —
Молодыми недотепами
От моднейшего течения. . .

(1913)

59. ОСТАЛИСЬ ЛАЗЕЙКИ

«Дождались мы светлого мая,
Цветы и деревья цветут. . .»
И, длань на печать поднимая,
Законы с угрозой ползут.

«Спокойно ложись на полати
И лапу блаженно соси. . .» —
Вот новый закон о печати,
Смиряющий резвость Руси.

Заснуть ли? . . Возьмутся ль за лапу?
Умрет ли навеки печать?
Опять не придется сатрапу
Вторые законы писать?

Заплачет бедняга издатель,
Редактор поплачет за ним,
За ним коновод-подстрекатель,
Передовик-аноним.

Заплачут политики кучей,
Забыв вызывающий тон;
Повоет без рифм и созвучий
Строчащий в стихах фельетон.

Корректор заплачет, читатель;
Читателей сват и свояк;
Читателей дальний приятель
И ближний читателей враг.

Там всё предусмотрено строго,
Кружится кругом голова,
Но всё ж, попущением бога,
Останется пресса жива,

И будет сильна и здорова, —
Ее не покроет кора,
Читателя кот и корова
Забыты в законе! .. Ура!!

В законе о них ни полслова,
О, как еще много свобод!
Читателя кот и корова
Доставят немало хлопот...

1913

60. РОССИЯ В КАВЫЧКАХ

(Под Бальмонта)

Жалкая, мизерная,
В выдумках безмерная,
Вечно лицемерная,
Разве ты — «печать»?

По приказу страстная,
Умственно несчастная,
О казенно-частная,
Для чего кричать?

Малоблагородная,
Нагло-сумасбродная,
Мирно-бутербродная,
Что ты нам сулишь?

Грозная, курьезная,
Детски несерьезная,
Официозная,
Для чего скулишь?

(1909)

1

«РУСЬ»

Тихо плавает в тумане
Без руля и без ветрил
И на «братце Иоанне»
Портит озеро чернил.

2

«РЕЧЬ»

Я — не «Дело», всякий знает,
И — не «Мысль». Я просто — «Речь».
А отсюда вытекает —
Нужно Думу уберечь.

3

«РУССКОЕ ЗНАМЯ»

Как Венера, — в дни «измены»
Взоры «правых» веселя, —
Родилось оно из пены...
Кабинета «два ноля».

(1909)

64. ПОЭТ НАД ОЗЕРОМ

«Не хочу я яркого, шумного и звонкого;
Я люблю «неясное» — аромат духов,
Тихий голос издали, шелест платья тонкого,
Краски бледной осени, кружево стихов.
Что мне речи жаркие! Что мне «область умного»,
Позы олимпийские, лавры, пьедестал!
От всего безмерного, от всего безумного
Я давно избавился, я давно устал.

И об обладании смелостью и силою
Не взываю к Сущему, скорбно не молю.
Я сижу над озером и рукой унылою
Струны арфы трепетной тихо шевелю.
Но когда над озером — яростный, стремительный —
Ураган поднимется, загремит Перун —
Я очнусь и вырежу пламенный, губительный
Лук из арфы сломанной с тетивой из струн!»

Так поэт безвременья с арфой тихострунную
Песенку красивую о себе тянул
И под всплески озера мягкой ночью лунною,
Наклонясь над берегом, счастливо уснул.
Шли людишки темные, — мигом всё обтяпали:
Видят парня сонного, жалкого, как тля, —
Сперли арфу звонкую и из струн состряпали
То, что называется «мертвая петля».

(1912)

65. МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРИТИК ДУРНОЙ

Басня, пожалуй

Однажды, а когда — я позабыл число,
Дурного на концерт зачем-то принесло.
Окинул взором зал, взял место, где не глушит,
Уперся в землю лбом, развесил чинно уши
И принялся внимать с улыбкой на губах
Тому, что написал когда-то немец Бах.
Ворочались смычки, аккорды трепетали,
Сердился контрабас, тромбоны рокотали,
И вот уже вошли в круг баховских идей
Все «сорок человек и восемь лошадей» —
Весь доблестный состав прелестного оркестра:
Отчаянно махал конечностью маэстро;
За звуковой волной плыла опять волна,
Мистического трепета полна.
Проснулся старый Бах. Толпа заволновалась,
И в души слушавших, как в пропасти, вливалась...
И чутко приняла великого творца
От самого начала до конца.

У входа полисмен — и тот залюбовался. . .
Один только Дурной сидел и улыбался,
Потом сердито встал и плюнул на паркет:
«Моп Dieux! ¹ какая дрянь! Ведь это ж виногрет!
Где девственность игры? Скрипичная невинность?
Где эти сладкие клубничность и малинность,
Которые в своей стыдливой нагоде
Уносят нашу мысль к предвечной пустоте?
Аккорды труб должны огнем вливаться в вены, —
У вас они сверлят лишь потолок да стены
И глхнут, как старик столетний на одре.
У сцены бьется звук, как в кожаном ведре,
Теряя красоту, воинственность и зычность,
Рождая в голове одну ка-ко-фо-ничность.
О, не играйте так! Я вас молю, прошу,
Иначе я о вас такое напишу. . .»
Тут кто-то оборвал ворчливого Дурного:
«Послушай, борода! Да это же не ново!
Пиши об этом всем в свой «Вестник», «Голос»,
«Край»».

Но только знай:
Коль в критики тебя пришлось избрать судьбе,
То прежде отнесись критически к себе, —
Под черепом своим учти-ка всю наличность:
А ну, как там всего одна ка-ко-фо-ничность?!»

(1912)

66. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ

Сначала — вспышки здесь и там
Из-за лесных угодий;
Затем поставят по местам
Различных «благородий»;

Потом маэстро со звездой
Расписывает ноты;
Потом унылой чередой
Ползут полки и роты.

¹ Боже мой! (франц.). — *Ред.*

И побеждать, и умирать
Умеет рать Христова.
Хоть нот не знает эта рать, —
Прелюдия готова...

Пылают заревом дома,
Сердца пылают гневом.
Теперь симфония сама
Звучит стальным напевом:

«Отцы, — вызывают, — помози,
Савватий и Зосима!
Из всех щелей ползут «врази»...
Артур... Мукден... Цусима...

Христова рать уходит вспять
Под рев чужой гранаты,
И появляются опять
На сцену дипломаты.

Еще немного звучных фраз:
На сцене — хор народа,
Crescendo, presto, solo,¹ бас, —
И наступает coda.²

Кровопролитию — конец,
Конец кошмарной смуте,
И государственный делец
Дает final³ в Портсмуте.

(1912)

67. CURRICULUM VITAE⁴

При конституции был в «маврах»,
Вершил туманные дела,

¹ Нарастая, быстро, одним голосом (муз. термины). — *Ред.*

² Заключительная часть произведения (муз. термин). — *Ред.*

³ Конец (муз. термин). — *Ред.*

⁴ Жизнеописание (лат.) — *Ред.*

Мечтал о почестях, о лаврах
И крохах с барского стола;

Трещал на кафедре сорокой,
Как новорожденный юрист,
В законодательстве был докой,
Как в апельсинах октябрист;

В передних кланялся умело,
Умел где надо угодить,
Свершил указанное «дело»
И смело может уходить.

Гляди же гордо, без печали —
Мечты нарушены в пустом:
Не всех же лаврами венчали,
Иных — и фиговым листом!

(1912)

68. «ЖУТЬ ЗЕЛЕНАЯ»

В дни «культуры и прогресса»,
Исхудавшая, как тень,
Молчаливо терпит пресса
Ото всех кому не лень.
Кроме мелких унижений,
Ничего теперь не ждешь
От различных «положений» —
Щекотливых, точно еж.
Подвозить «идею» к «массе»
Нужно, трепетно дрожа,
Будто «зайца» в третьем классе
Под тюками багажа;
А покажется паружу
Голова твоих затей —
Полезай, голубчик, в лужу,
Словно в песенке детей:
«Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет,

Пиф!
Паф!

Ой-ой-ой! . . .»
Вмиг
Штраф!
Да такой,
Что расчетливый издатель
Станет впятеро «умней».
Унеси меня, создатель,
От «культуры» наших дней!

(1913)

69. «РАСПРОДАЖА ЖИЗНИ»
(Пьеса Смурского)

*Пессимистическая рецензия
об оптимистической пьесе*

Одержимый страстью к треску,
Жаждой звонкого витийства,
Нацарапал автор пьеску
О вреде самоубийства.
С предисловием: «О дети,
Как опасны ваши лета!
Хорошо на этом свете
Без стрельбы из пистолета.
Жизнь — прелестна, мир — прекрасен,
А сомненья? Ну их к бесу!
Кто со мною не согласен,
Приходите слушать пьесу».

«Номер» автора удался:
Я с «проблемами» не лажу,
Но на этот раз поддался
И пошел на «распродажу».
В первом акте все смеялись, —
Было глупенько, но мило,
Во втором — уже ругались,
От «проблемы» затошнило;
В третьем акте две кликуши
Разразились grand ¹-скандалом;

¹ Большим (франц.). — *Ред.*

Я заткнул афишей уши
И ушел бродить по залам.

Увидав себя в буфете,
До бесчувствия напился,
Написал стихи вот эти,
Отослал и застрелился.
А чтоб было всё в порядке
(Я — поклонник разных правил),
Вырвал листик из тетрадки
И записочку оставил:
«Сообщите о «причине»
Полицейскому и в прессу —
Обвинить в моей кончине
Поучительную пьесу».

(1913)

70. «МЫ»

*Прозаические стихи
или стихотворная проза*

Мы — сыны равнины дикой,
Мы — враги кривых путей,
Мы идем к мечте великой
Под веселый свист. . . полевого ветра.

Наше право за границей
Широко блюдут послы,
Указуя всем десницей
Путь, куда идут. . . осторожные люди.

Наши боги очень строги,
Но режим у нас не строг,
По бокам прямой дороги —
Что ни сажень, то . . . отдыхай сколько влезет.

Берегут нас чрезвычайно,
Не житье, а чистый клад!

Заезаешься случайно —
В ухо просится. . . приглашение быть
осмотрительнее.

Даровых «постановлений»
Намело вокруг сугроб;
Вместо «мирных обновлений»
Нам всучили прочный. . . государственный
порядок.

Вам видны теперь причины,
Почему мы по ночам
Просим «мирныя кончины»
Нашим добрым. . . покровителям из участка.

(1913)

71. «ЯМА СЧАСТЬЯ, ИЛИ КЛЮЧИ ОТ ЯМЫ»

*Роман Куприцкой, в 8-ми частях
с прологом и эпилогом*

Пролог

Часть первая, глава первая

«В тяжелом сумраке тумана,
За час до утренней зари. . .»

А остальную часть романа
Пускай кончает Амори!

(1913)

72. CREDO ¹

В годину тяжких испытаний,
Когда в обломках лжи и зла

¹ Символ веры (лат.). — *Ред.*

Душа людей во мгле скитаний
Сама себя не обрела, —
Поэт, спугни звучащей лирой
Следы усталости на лбу
И пошлость пламенной сатирой
Прибей к позорному столбу.
Входи без страха в ров со львами,
Под кров лачуги и дворца
И жги горячими словами
Обледенелые сердца;
Коснись израненных губами,
Внимай их робким голосам,
Ищи людей между рабами,
Зови погрязших к небесам,
Неси в карающей деснице
Святое пламя в мертвой мгле...
Ты — огонь, сверкающий в темнице,
Ты — голос неба на земле.
Но если дашь, дрожа за шкуру,
В *самом себе* приют рабу,
Ты лучше сам свою бандуру
Прибей к позорному столбу!

(1913)

73. ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Каждый день порою ранней —
Чтобы дома не мешать —
Выходила няня с Ваней
«Кислородом подышать».
Взбив высокую прическу,
Взяв пеленки и фланель,
Затыкала в Ваню соску
И шагала на панель.
Исполняя свято дело,
Пробиралась на народ,
На пожарников глядела
И «вдыхала кислород».
Загляделся раз на няню
Постовой городской,

Уронила няня Ваню
Обо что-то головой.
Уграздило Ванюшку
Малость вывихнуть скелет,
И пропал ни за понюшку
Бедный парень в цвете лет.
И вот с этой самой «статии» —
Если выводы верны, —
И не стало у дитяти
Целой «левой» стороны.
Дальше всё ужасно просто,
Труден первый лишь скачок:
Вырос парень, стал прохвостом,
Приобрел себе значок,
Без «истории» — ни шагу,
Вицмундиром бьет в глаза,
Пьет малагу, носит шпагу
И не знает ни аза.
А во время забастовки
Проявился свой задор:
Безо всякой подготовки
Охраняет коридор.
И когда с ним виден рядом
Постовой городской —
Ваня гордо блещет взглядом
И кивает головой,
И с чарующею миной —
Точно суть вещей постиг —
Всею «правой» половиной
Вспоминает дивный миг:
Как когда-то на панели,
Где стоял городской,
Няня Ваню из фланели
Уронила головой...

(1913)

74. РУКАВА

Итоги банкета в честь «Русских ведомостей»

Академик Бунин привлекается за «оскорбление действием» пристава Строева. Оскорбление это выразилось в том, что Бунин ... взял пристава за рукав.

Из газет

Пристава Строева взяв за рукав,
Бунин затеял полемику.
Пристав, глазами в упор засверкав,
Отповедь дал академику
И, обнаружив чиновничий такт,
В «сферы» потек за содействием,
Квалифицируя названный факт
Как «оскорбление действием».
Что же тут странного? Бунин — поэт,
Имя, талант, эрудиция...
Ну, а у пристава «имени» нет —
Только мундир да амбиция!
О россиянин! Твой жребий лукав,
Жить на Руси нужно истово.
Ведай: поэту нельзя за рукав
Трогать казенного пристава.

Меру воздействия вмиг изыскав, —
Гордость должна быть приструнена, —
Пристав поспешно повлек за рукав
«В часть» академика Бунина.
И погрузился печальный поэт
В недра российской полиции,
Ибо «мундира» на Бунине нет,
Стало быть, нет и амбиции.
Умер в печати подавленный звук,
Тихо застыл, как чахоточный,
Ибо писателя взять за сюртук
Может любой околоточный...
Да, россиянин! Твой жребий лукав,
Жить на Руси нужно истово...
Ценятся розно — поэта рукав
И таковой же у пристава!

1913

75. НА МОГИЛЕ

25 марта в залах «Регины» состоится великосветский балет в память погибшего при Цусиме капитана I ранга С. П. Шейна.

Балет, в котором участвуют ** и великосветские дамы, закончится дивертисментом.

Бывают дни великой кары,
Когда железный поворот
Судьбы, решающей удары,
Народ бросает на народ;
Когда за избранным героем,
Сплотившись в пламенную рать,
Идут полки упорным строем
И побеждать и умирать;
Когда, бросая рати в дело,
При гордом возгласе «вперед»,
Герой, давая смерти тело,
Душе бессмертие берет.
В такие дни, собравши силы,
Глубокой горести полна,
Глядит на свежие могилы
Осиротелая страна.
В такие дни над черным миром,
При алом зареве зари,
Своим поверженным кумирам
Страна возводит алтари.
И, в ослеплении гордыни,
Народы, царства, племена
На вековечные твердыни
Заносят чьи-то имена...

.
Пройдут года... Один... Три... Сорок...
Сотрут какую-то черту,
И стадо милых балаболок
Взойдет на хладную плиту.
И там, где храм стоял Победе
(Афина! Что же ты молчишь?),
Достопроставленные леди
Отпляшут пламенный матчиш.

76. СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН

Из дневника курсистки

Кто он, бесшумный, словно тень,
За мною ходит ночь и день?
Кто он? Брюнет, шатен, блондин?
Высокий, стройный господин...
Вчера, следя за мной, промок,
Найти извозчика помог.

Вчера, чтоб виду не подать,
С городовым вдруг рассуждать
Пустился он о сем, о том.
За мною двинулся потом,
Но я, храня девичью честь,
В трамвай одна успела сесть.

Вчера спросила: «Где пройти
В театр и как его найти?..»
Глаза расширив, словно рак,
Он мне ответил: «Точно так!..»
Смущен бедняжка, верно, был...
Немного глуп, но очень мил.

Звонок. «Письмо!» Открыла дверь
(Дрожу от страха и теперь)...
Отряд полиции и... ах!..
Я на момент забыла страх...
Изумлена: их ввел блондин,
Высокий, стройный господин.

(1909)

77. ПРИВЫЧКА — ВТОРАЯ НАТУРА

Зажав рукою нос от смраду,
Марон Вергилий шел по аду.
 За ним тащился Дант.
Вертлявый черт, подняв копыто,
Им указал ногой корыто,
 Где пекся интендант.

«За что терплю? — вопил он в муке,
К Марону простирая руки. —
 Я в пекле изнемог!»
Прошли туристы безответно,
А грешник «свистнул» незаметно
 У черта шерсти клочок.

(1909)

78. СЛЕЗА

Посвящается М. О. Меньшикову

Михайло Иудин кусает перо,
Опершись кулаком на бюро,
И думает: «Господи! Сколько добра
Я творю при посредстве пера!»

Но жемчуг слезы незаметно упал
На место, где номер лежал,
И капля святая, в строке растворясь,
Блеснула, как свежая грязь.

(1909)

79. ЛЯГУШКА

Посвящение

Зеленовато-бесформенно-странная,
Мягко-холодная, мокрая, склизкая,
Ты для меня непонятно желанная,
Ты для меня отвратительно близкая.
Взгляд твой загадочный, полный значения,
Тайн недоступных источник пленительный,
В душу забросил мне трепет влечения.
В бездну болотную, в омут губительный.
Ночью ко мне приползла одинокая,
К сердцу прижалась с лаской змеиною
И рассказала мне повесть жестокую,
Повесть про деву, что дремлет под тиною.
Пусть тебя злобно преследует множество,
Мне твои склизкие любви лобзания,
Нежно влюбленный в мое Я ничтожество,
«Где ты?» — зову тебя в муках страдания.

Амфибиоман

(1908)

80. МАНИФЕСТ МОЛОДЫХ АМФИБИЙ

Мы — литераторы, а это значит:
Мы пишем, пишем без счета —
И мало читаем.

Да, мы — новаторы.
А это значит:

Учиться нам неохота —
Миры открываем! . .

Мы мистике служим,
Себя под тайной скрывая.
А это значит:
Мистификаторы.

Но мы не тужим,
Чужие мысли собирая.
Ужель то значит:
Плагиаторы?

(1908)

Эволюция.

Рис. А. Р.

Въ 25 лѣтъ.
Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестей, друзья!
Зарю святаго искушенья
Ужъ въ небесахъ завидѣляя!

35 лѣтъ.
Впередъ безъ страха, и сомнѣнья
Пусть не смущаютъ насъ, друзья!
Хоть порой отъ преслѣзенья
Съ овчинку небо няжу е.

45 лѣтъ.
Впередъ со стравкою, полнь сомнѣнья,
Глажу и думаю, друзья,
Противно грубою свѣченью
Но въ легкомъ выку пользу я!

55 лѣтъ.
Впередъ! ни страха, ни сомнѣнья
Власть не должна имѣть, друзья!
Испорчить безъ сожалѣнья
Нотъ въ чѣмъ спасенье няжу я!

Р.

Взираая на солнце, прищурь глаза свои, и ты смѣло разглядишь на немъ пятна.

Достатокъ распутнаго равняется короткому одѣялу: когда натянешь его къ носу, оголятся ноги.

81. СЛЕСАРЬ

Пришел рабочий к королю:
«Я — слесарь. . .» — «Наш привет! —
Король ответил. — Очень жаль,
Что королевы нет. . .»

«Сойдет и так, — сказал бедняк, —
К тебе я: трудно жить! . . .»
— «Кому легко! — вздохнул король. —
Но чем могу служить?»

«Ломоть бы хлеба мне. . .» — «Ломоть?
Ясней сказать изволь!»
— «Но что же может быть ясней:
Я голоден, король!»

«Что значит — голоден, мой друг?
В таких делах я — пас!
Но канцлер мой — знаток большой;
За ним пошлю сейчас. . .»

Немало времени прошло,
Пока скакал гонец;
Премудрый канцлер во дворец
Явился наконец.

«Послушай, канцлер, — как же так?
Вот — голоден бедняк. . .»
И был ответ учтив и быстр:
«Сейчас придет министр».

Пришел и он, отдал поклон
И, не подняв очей,
Сказал печально: «Государь,
Здесь нужен казначей».

И тот пришел, и тот нашел,
Что правда дело дрянь,
Но в этом деле не сильна
И казначея длань.

«От склада хлеба и муки
Я не храню ключей, —
За этим смотрит эконо́м», —
Прибавил казначей.

На зов явился эконо́м
И, плача, уверял,
Что хлеб хранится под замком,
А ключ он потерял.

«Но я за слесарем пошлю;
Как только приведут...
Постой! — воскликнул эконо́м. —
Да он ведь тут как тут!»

«Ура! ура! — вскричали все,
И каждый поднял нос. —
Как ловко разрешили мы
Запутанный вопрос!»

Но слесарь им: «Спасибо вам.
В другой, однако, раз
Помочь себе сумею сам
И обойдусь — без вас!»

(1910)

82. ЧИЖИК

У лесной опушки,
В старенькой избушке,
Без газет и книжек
Я живу, как чижик, —
Всё чирикаю, пищу
Да раскатисто свищу.

Пусть урядник близко —
Птичьего ведь писка
Он не расшифрует,
Не отрапортует
По начальству в целый лист
Про чириканье и свист...

Ну, а я свободно,
Смело, всенародно,
Без газет, без книжек
Всё свищу, как чижик;
Но сказать, о чем пою, —
Это... фить, фью, фью!

(1913)

83. ПЯТЫЙ

Загадочная картинка

Сошлись случайно, как бывает всегда
(Не в этом ли наша беда?),
Земский статистик,
Писатель-мистик,
Фотограф,
Этнограф,
А пятый... черт знает кто.

Постояли пятнадцать минут у буфета
И прошли в читальный зал,
Там статистик к чему-то сказал,
Что не любит поэзии Фета,
И прибавил притом,
Что поэт должен быть гражданином...
Согласились с ним молча. Потом
Пробежали газету,
Подходили к буфету,
Играли в карты, в бикс и в лото:
Земский статистик,
Писатель-мистик,
Фотограф,
Этнограф
И пятый — черт знает кто.

Играли небрежно, всё спорили больше:
О турках и сербах, о Вене и Польше,
О русской публике,
О китайской республике

И о том, что пора бы и нам по примеру Китая...
Так, волнуясь, вскипая и тая...

.
И, вновь зарядясь у буфета,
Просидели почти до рассвета.
А на завтра был обыск у мистика
И статистика,
У фотографа
И этнографа.

.
Так всю жизнь и играем,
И не только в карты, бикс и лото:
Четверо добрых знакомых, которых мы знаем,
А пятый — *черт* знает кто.

(1913)

84. ДИАЛОГ

Мужичок в затылке чешет:
«Брешешь, барин, ой, как брешешь
В этой Думе про народ!
Ведь найдет же на урода!
Аль не видел он народа
Никогда, что этак врет? ..»
И промолвил гневно барин:
«Должен быть мне благодарен,
За тебя я здесь стою,
Для тебя ввожу порядки...
Не тебе ль, надев перчатки,
Даже руку подаю?»

(1911)

85. БЕСПЕЧАЛЬНОЕ ЖИТЬЕ

Два больших запроса,
Триста два доноса,
Сотен пять протестов,
Тысячи арестов,
Много беззаботных,
Масса безработных,
Миллион голодных,
Круглый ноль свободных,
Тьмы безумно пьющих,

Ничего не ждущих, —
Всякого спроси:
Славно на Руси!

(1911)

86. НА ДАЧЕ

Открыв на даче настезь окна,
Следите облаков волокна,
Любуйтесь травкой изумрудной,
Забыв о жизни вашей нудной.
Вон жук навозный исполинский, —
Куда он чище, чем Шубинский!
Вот муравей. Рабочий, видно,
И на свободе... Не завидно?
Вот светлячок, он полон светом,
Но в «списках» нет его при этом!
Глядите, там растут поганки, —
Они милей мне, чем Родзянки;
Ей-ей, их дружное семейство
Совсем живет без фарисейства...
А этот воздух, вешний воздух,
Дающий легким сладкий роздых,
Зовущий в лес, в зеленом шуме
Забыть о Третьей нашей думе!

(1911)

87. ПАНТЕЛЕЙ

Мужичок Пантелей,
Ты господ пожалей,
Посмотри, как изводятся бедные:
Всё хотят доказать,
Что тебе голодать
Элементы советуют вредные...

Что любой недород
Только пользу дает, —
Рожь в цене в эти дни поднимается,
И, сбывая зерно
Не спеша и умно,
Наш крестьянин при том наживается...
Что, нажив на зерне,
Он доволен вполне, —
Ведь с деньгами — пируй хоть до ноченьки...
Не стони же, чудак,
Не ворчи натошак:
«Голодать, дескать, нет больше моченьки!»
Пантелей-мужичок
Пред иконою лег,
Белый саван надел для опрятности...
Мужичок Пантелей,
Ты господ пожалей, —
Ты помрешь, а ведь им — неприятности!!!

(1912)

88. НА ВЕРБЕ

На вербном торге кутерьма.
Как Пуришкевич, без ума
Свистят мальчишки. Старичок
Конфетти сыплет на модисток.
Толпа веселых гимназисток
Толкает встречных с смехом в бок.
Купчина тащит «черта в банке».
«Купите бабочку!!» «Вот обезьянки!»
Шары по воздуху плывут,
Блестя на солнце. Толстый барин
Ворчит: «Уже карман обшарен!»
Купчихи пряники жуют.
Картины. Вафли. В клетках птицы.
Цветы и рыбки. Две девицы,
Все в пестрых бабочках, визжат.
Ландо, коляски и пролетки;
В них дамы света и кокетки
Свой демонстрируют наряд.

В толпе безумно ошалелой
И я брожу, уйдя от дела,
Чтоб жизнь в природе наблюдать...
И мысль стучит, как будто молот,
В усталый мозг: «Какой там голод!
Одно веселье! Благодать!»

(1912)

89. ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Накануне расцвета природы
Я чего-то томительно жду...
Не свободы, о шпик, не свободы, —
О свободе молчу и в бреду...
О, я знаю, свобода опасна,
Мы для благ ее не доросли...
Но весною так солнышко ясно,
Так красива поверхность земли,
Ручейки так шумят без стеснения,
Так лепечет свободно листва...
(Для сравнения, о шпик, для сравнения, —
Быть свободной не может трава!)
Птичек хоры поют без указки,
Не боится тюрьмы лунный свет...
(Вы нахмурились, шпик?) Только ласки,
Женской ласки ждет глупый поэт!

(1912)

90. РАЗГОВОР С АНГЛИЧАНИНОМ

Фантазия

Англичанин-чудак, изучивши весь мир,
К нам приехал в студеную пору.
Показали ему — и расшитый мундир,
И красавиц, приятных столь взору;
Показали собор, галереи, дворцы,
Показали, как пьют россияне,
Показали, как врут в Петербурге льстецы...

«Ну, а где же, скажите, крестьяне?
 Где, джентльмены, народ? Ведь не может же быть
 Государства совсем без народа?»
 — «Ах, народ?! Здесь не хочет он жить,
 Он живет в полосе недорода.
 О, милорд! Наш народ самобытен вполне,
 Он таится в глуши деревенок. . .
 Но как любит он нас! Жаждет даже во сне
 Нам доставить сюда больше денег!
 Он ведь постник большой, соблюдает посты
 И соблазн видит в днях урожая.
 Он подвижник! Весь век он питает мечты
 Жить в глуши, свою плоть убивая. . .»
 — «О, да это, джентльмены, феномен народ!
 Покажите, пускай позабавит. . .»
 — «Можно, можно, милорд! И двух дней
не пройдет,
 Как его к нам урядник доставит. . .»
 Англичанин-чудак на себя не похож,
 Весь от радости ярко сияет.
 Всё увидит: красавиц, и пышных вельмож,
 И народ, что, постясь, голодает. . .

1912

91. УРА! БЮДЖЕТ В ТРИ МИЛЛИАРДА!!!

Немцев, шведов и испанцев,
 Англичан и итальянцев,
 И французов — целый свет
 Удивляет наш бюджет!!!
 Черт возьми! Мы прямо хвататы!
 Словно Ротшильды, богаты!
 По бюджету ясно всем,
 Что безбедны мы совсем! . . .
 Ведь бюджет наш — в три миллиарда! . . .
 (Неужели нету барда,
 Чтоб с достоинством воспеть,
 Как мы стали богатеть?!)
 Голодающие? Зла нет:
 Что ж, помрут, и их не станет. . .

Деревень и сел нужда?
Исключенье — не беда.
Благ съестных дороговизна?
Европеит тут отчизна,
«По-китайски» дешев труд?
Так зачем так продают?!
Малограмотность народа?
Тут виною лишь природа —
На любой уезд, как счесть,
Хоть одна, да школа есть!
Что еще? Самоубийства?
В них предлог лишь для витийства,
А бюджет здесь ни при чем...
И при этом, все умрем...
Да из всех зловерных критик
Несомненный вывод вытек:
Мы богаты! Наш бюджет
Удивляет целый свет!

1912

92. ГОСПОДИН РЕНЕГАТОВ

В Четвертую думу попасть
Решил господин Ренегатов.
«Хотя и отсутствует власть
У русских пока депутатов,
Но всё же приятно весьма
Носить депутатское званье!..
И много ли нужно ума,
Чтоб шансы иметь на избранье?!.»

Пошел Ренегатов сперва
К высокой особе с поклоном,
Там льстивые сыпал слова
Чарующе-ласковым тоном:
«Ваш-ство, я пришел попросить
Поддержки... Обласкан сызмальства,
Хотел бы, ваш-ство, послужить
И в Думе я... видам начальства!..»

Затем он пошел к вожакам
Особенно взысканных партий:
«Я знаю, что нужен я вам
Для ваших предвыборных хартий!
Со мною вступайте вы в блок
Своим назревающим блоком,
Чтоб съест избиратель не мог
Все чаянья ваши наскоком!»

Гуляет, высоко задрав,
Свой нос, господин Ренегатов...
А что, если вдруг он да прав —
И будет в числе депутатов?!

1912

93—94. ЭПИГРАММЫ НА III ДУМУ

1

Хоть умерла, — похвал ни слова!
Народ с правительством не сблизила...
Возвысив странного Гучкова,
Россию всю она унизила.

2

Увы, без всяких междометий
(И междометье ведь караемо!)
Стыдились все мы Думы третьей,
Где было право попираемо!

1912

95—97. Э П И Г Р А М М Ы
Предвыборные

1

Нам предлагают всем кутью...
И обыватель, этим пронят,
Гадает, склонный уж к нытью:
Чьему конец житью-бытью?
«Не конституцию ль хоронят?!.»

2

На Олимпийских играх в Сток-
гольме Россия заняла среди 19 со-
стязавшихся народов 16-е место.

Увлекались с пылом, с жаром
Мы «потешными» недаром:
Небо сжалилось над грешными,
И теперь под неба сводами
В состязаниях с народами
Мы уж признаны потешными...

3

В Ревеле сооружают военный порт.

Каков бы ни был спор там,
Но вывод мой таков:
Россия будет с портом,
Хотя и без... портов.

1912

98. ГОРЕ РЫБОЛОВА

Готовя к лету лодки,
Давая имена,
Я — житель очень кроткий
(Такие времена!) —

Решил, что «Милюковым»
«Кокетку» назову
И с этим флагом новым
Жить к туркам уплыву.

Но рок судьбу вершает,
Тут пристав шел говеть,
Увидел и решает:
«Немедленно стереть!»

Я с горем вновь за сажу.
Кадетов не беру
И крупно-крупно мажу
Под носом лодки «Тпру».

Весь смысл таких названий —
Чтоб ветер не свежел,
Но пристав шел из бани —
Опять стереть велел!

С досады и обиды,
Наскучив пачкотней,
Пишу «Краса Тавриды»
(Чего уж тут скромней!).

Но року нет предела:
Шел пристав тут опять
Для собственного дела —
Велел переписать!

В отчаяньи безмерном
Я ставлю крест на нос,
И уж теперь, наверно,
Потянут на допрос.

(1908)

99. ПОД ЛИПАМИ

Распустились липы,
Пахнут в перспективе
Каменноостровской,
И гуляют типы
На житейской ниве
С благостью плутовской.

Не весна, а лето,
И подруги в спросе
У кутил купецких —
Значит: три жилета,
И при папиресе
В сапогах немецких.

Лето, да, в разгаре,
И трамвай катится —
Знай звоним, знай давим!
Значит, в новой паре:
Где народ столпится,
Там и бога славим.

Распустились липы,
Пиджаков петлички
Так благоухают.
Возгордились типы —
Свежие косички
Строят глазки, тают.

(1908)

100. СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Второй уж месяц льется в Лету,
Как я живу в глуши, в тиши.
Но сам июнь сродни не лету,
А вечно серенькому цвету
Законодательной лапши.

Исчезли Марковы-вторые,
Нахалы майские жуки,
И комары лишь заклятые,
Людскую кровью налитые,
Доводят душу до тоски.

Вся новость сонного квартала:
Поймал леща иль карася
Мой друг, редактор без журнала,
Куда соседка побежала
Да кто прошел. Ей-богу, вся!

Я узнаю тебя, Россия!
В поля, в поля бегу опять
Ласкать колосья молодые
И пропадать в межи глухие,
Да урожаяв жизни ждать:

(1909)

101. ХАЛЛИНГ

(Кнут Гамсун)

Я в праздник шел в церковь,
в рубашке с жилеткой,
и так я нуждался
в костюме другом!
А чтоб с башмаками
не стало убытку,
в руках я держал их
на солнце святом.
В болотах кричало мне: «Турэ, Турэ!»
Ответил я скверно — совсем петухом.

Я сбился с дороги
в пустынном болоте,
и лоси в коронах
там встретились мне.
Там с красною рыбой
встречались мне реки
и золотоножки
с плащом на спине.

С болот всё кричало мне: «Турэ, Турэ!»
Стоял там король величайший в стране.

Глаза его были
как черные птицы,
груди его сильной
никто не коснись!
В ушах его были
замки и засовы —
молитвы людские
чтоб тщетно неслись.

Он мощно вскричал мне: «Турэ, Турэ!»
Тут грохнул я наземь, в противную слизь.

«Коль ладно станцуешь
ты мне на потеху,
какой-нибудь будет
тебе тут исход!»
И лучший свой халлинг
ему станцевал я,
и сырость проникла
в меня из болот.

Со смехом он крикнул мне: «Турэ, Турэ!»
Завыл, закривлялся его хоровод.

И снял тут с ушей он
замки и засовы.
«Дай быть же, король, мне
в наряде другом!»
Махнул он рукою,
и целые сотни
исполнить веленье
метнулись кругом.

Кивнул и позвал он: «Турэ, Турэ!»
В слезах благодарных я пел петухом.

Вот я королевский
пред вами забавник:

сюртук преотличный
достать повезло.
Плясать разучившись,
пою себе слоттен, —
ведь всё уж здоровье
болото взяло!

Опомнись! — зову себя. — Тўрэ, Турэ!
Король оплатил ведь твое мастерство».

(1910)

**102. КОНИЮ ИЗВОЗЧИКА,
ИЗДОХШЕМУ НА ВОЗНЕСЕНСКОМ НА ДНЯХ ВЕЧЕРОМ**

Блудниц и пьяных шалопаев
И прочих русских седоков
Ты, враг моторов и трамваев,
Возил не хуже рысаков;

И где возил, там смерть приспела:
При всех ты ноги протянул,
Чтоб всякий загнанный несмело
Об участи своей вздохнул.

1912

103—110. (СТИХИ ПОЭТА СМЕРТЯШКИНА
ИЗ «РУССКИХ СКАЗОК»)

1

Бьют тебя по шее или в лоб —
Всё равно, ты ляжешь в темный гроб...
Честный человек ты иль прохвост —
Всё-таки оттащат на погост...
Правду ли ты скажешь иль соврешь —
Это всё едино: ты умрешь!..

2

Нас ежедневно жизнь разит,
Нам отовсюду смерть грозит!
Со всяких точек зрения,
Мы только жертвы тления!

3

Чу, смерть стучит рукою честной
По крышке гроба, точно в бубен!..
Я слышу зов ее так ясно
Сквозь пошлый хаос скучных буден.

Жизнь спорит с нею — лживым кличем,
Зовет людей к своим обманам;

Но мы с тобой не увеличим
Число рабов, плененных ею!

Нас не подкупишь ложью сладкой,
Ведь знаем мы с тобою оба:
Жизнь — только миг, больной и краткий,
А смысл ее — под крышкой гроба!

4

Что такое наше «я»,
Смертная моя?
Нет его иль есть оно —
Это всё равно!
Будь активна, будь инертна —
Всё равно, ты не бессмертна!

5

В жизни мы — как будто на вокзале
Пред отъездом в темный мир загробный...
Чем вы меньше чемоданов взяли,
Тем для вас и легче, и удобней!

Будем жить бессмысленно и просто!
Будь пустым, тогда и будешь чистым.
Краток путь от люльки до погоста!
Служит Смерть для жизни машинистом!..

6

Всюду жирный трупный запах
Смерть над миром пролила.
Жизнь в ее когтистых лапах,
Как овца в когтях орла.

Маленькая девочка ходит среди сада,
 Беленькая ручка дерзко рвет цветы...
 Маленькая девочка, рвать цветы не надо,
 Ведь они такие же хорошие, как ты!

Маленькая девочка! Черная, немая,
 За тобою следом тихо смерть идет,
 Ты к земле наклонишься, косу поднимая, —
 Смерть оскалит зубы и — смеется, ждет...

Маленькая девочка! Смерть и ты — как сестры;
 Ты ненужно губишь яркие цветы,
 А она косою острой — вечно острой! —
 Убивает деток, вот таких, как ты...

Долго, сладостно и ярко
 На земле мы любим жить,
 Но придет однажды парка
 И обрежет жизни нить!

Обсудивши этот случай
 Не спеша, со всех сторон,
 Предлагаем самый лучший
 Матерьял для похорон!

Всё у нас вполне блестяще,
 Не истерто, не старо:
 Заходите же почаще
 В наше «Новое бюро»!

Могильная, 16

111. СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Чуть-чуть обласкан,
Потом напуган,
В «штрафных» затаскан,
В мечтаньях туг он;
И, зная вечно
Одни кавычки,
Он жив, конечно,
Лишь по привычке.

(1911)

112. УСТОЙЧИВОСТЬ

Всё идет, как шло и прежде:
Мало школ; вино всё курим,
Протежируем невежде,
А для умных мало тюрем...
Как билет в руках банкира,
Арестант сидит в рассрочку.
Мы давно — курьез для мира,
Но... я здесь поставлю точку.

(1908)

113. РОДНОЕ

(Поэзия обыденного)

Посвящается Гоголю

Люблю я Северной Пальмиры
Псевдомещанский мирный быт,
Ее надворные квартиры,
Где люд бог ведает чем сыт.
Люблю изгибы черных лестниц,
Приюты кошек и собак,
Где ждут влюбленные прелестниц,
Сев на ступеньки кое-как.
Мне всё там кажется уютным
И полным жизненных забот,
Когда сквозь стекла, утром мутным,
Луч робкий солнышко прольет

И осветит лохани, швабры,
Корыта мокрые у стен,
Кухарок, заводящих храбро
Свои дебаты из-за цен. . .
Внизу из двери пахнет шами,
Повыше — чадом от котлет:
Мне это кажется вещами,
Которых в мире краше нет.
Мне мил и дорог дух угарный,
Котов задорно-страстный вой,
У двери ждущий кум-пожарный
Или кузен-городовой.
Когда ж по лестнице жандармы
Идут, соседу на беду,
Я живо вспомню небо Пармы:
И тут поэзию найду.

(1909)

114. ТЕЛЕГРАММЫ С ВОЙНЫ

ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

О турецкой доброте
Справедливы слухи, —
Мы в душевной простоте
Не обидим мухи.
Во враждебном стане — страх,
Паника повсюду,
Явно — шлет беду Аллах
Греческому люду.
Сербам прямо — шах и мат;
Тьма болгар избитых.
А у нас среди солдат
Полтора убитых.

ИЗ СОФИИ

Мы вчера со всех сторон
Турок окружили.
Их, как пуганых ворон,
Ловко проучили,
И держались те едва,
Хуже, чем на Шипке, —
А у нас убитых — два,
Просто по ошибке!

1912

115. ИЗ КРЫМСКИХ МОТИВОВ

На лихом коне я мчался
В Сименз во весь опор.
Справа горы, слева море
Убаюкивали взор.
Разукрашенные туфли
С запыленных снявши ног,
Страстно молится татарин,
Обратившись на Восток...
«Помолись, о брат мой добрый,
За меня... ведь бог — один...»
— «Бог один, но есть Думбадзе...» —
Отвечает муэдзин.

(1908)

116

И в Питере, и в Нижнем,
И там, где блещет Дон,
Царят на рынке книжном
Кэртер и Пинкертон.
«Сатир», «Вопросы пола»
Для любящих сердец...
Анакреона школа
На русский образец!

(1908)

117. МОСКОВСКИЕ ГАЗЕТЫ.

В часы тоски иль неудач по службе,
Когда кричат мне: «Ты без головы!»,
И чтоб узнать, как быть с начальством
в дружбе, —
Учуся я у «Голоса Москвы».
Когда ж душа ругаться захотела,
Когда я не могу жить с совестью людской,
То, чтоб ругаться выучиться смело, —
Я увлекаюсь «Русскою землей».
Когда ж хочу облить потоком грязной речи
Весь мир, когда в душе кипит зловещий яд, —
Сверкает бешенством мой воспаленный взгляд,
И я читаю с сладострастьем «Вече».

(1908)

**118—121. (ИЗ ЦИКЛА «ЭПИТАФИИ
НА СЛУЧАЙ КОНЧИНЫ»:)**

1

АРЦЫБАШЕВА

Лежу в гробу и женщин не целую...
Прохожий, это — общая судьба!
Зайди ж, как Санин некогда, в пивную
И помяни усопшего раба.

2

А. КАМЕНСКОГО

Пофилософствуй, путник-друг,
Как всё превратно в этом мире:
Любить жену, иметь две пары брюк —
И написать рассказ «Четыре»!..

3

МУИЖЕЛЯ

Он для народа сделал больше всех,
Взывая каждую строкою:
Снабдите русского крестьянина землею
Иль повесть напишу длиннее втрое,
Чем «Грех».

БРЕШКО-БРЕШКОВСКОГО

Сей «писатель» умер от удара,
Ибо днем и ночью он строчил,
Отсылая четверть гонорара
В магазин бумаги и чернил.

1908

122. ЗНАМЕНИТЫЕ ВСТРЕЧИ

*Из литературных воспоминаний
Аннудина Козодоева*

.. Застал я то славное время, когда
На путь мы прогресса вступили,
Колоссы таланта, титаны труда —
Я с гордостью это признаю всегда, —
Свое мне вниманье дарили.

Некрасова зрел я на склоне уж лет
И полн посеючас восхищенья!
В приемную вышел с сигарой поэт
И взял мой рассказ для прочтенья.
Писал он ко мне... У меня посеючас
Две кратких записки хранятся.
Ласкают они мой любительский глаз...
Одна говорит: «Не подходит рассказ»,
Другая: «Стихи не годятся».

Тургенев, кумир поколенья всего,
Отчизны краса и светило!..
На музыке в Павловске видеть его,
В вокзале, судьба мне судила.
Красивый мужчина!.. Взор полный огня,
Волос серебристые нити...
Он мимо прошел и, задевши меня,
Чуть слышно сказал: «Извините!»...

На Пушкинском празднике я увидел
И автора «Мертвого дома».

Всегда, признаюсь, я запоем читал
Его вдохновенные томы.
Как бледен он был, истощен и угрюм...
Морщины чело покрывали...
И видно, что жил он под бременем дум,
Под гнетом всегдашней печали...
Когда он окончил, студентов семья
Ему заградила дорогу.
Качали писателя дружно, и я —
Держал его левую ногу.

Щедрин и Слепцов предо мною прошли
Однажды на Невском. Я встретил
С восторгом сатирика русской земли,
И он меня ясно заметил.
Со мною почти поравнявшись плечом,
Соседу он рек хладнокровно:
«Вот странный субъект: и штаны-то на нем
Сидят, на покойнике словно...»

Островский, сумевший так дивно понять
Дух русских — купца и мещанки!..
Мне выпало счастье его увидеть
Однажды в Москве, на Лубянке.
В окно магазина писатель смотрел...
Фарфор там и бронза лежали.
Я, помню, от счастья почти обомлел,
Все струны души задрожали...
Я жадно смотрел, близорукость кляня
(Так тянет подсолнечник к солнцу).
Он вздрогнул и, бросивши взгляд на меня,
Прошел ко второму оконцу.
Я был словно трансом каким одержим,
Пигмей — при таком исполнении!
Он вправо — я вправо. Он влево — за ним
И я стал налево, к витрине.
Он плюнул и в улицу стал уходить,
Махнув своей тростью, как пикой.
И скрылся из глаз... Да, могу подтвердить:
Был нервен писатель великий!..

Я ездил к Толстому. Был болен Толстой. . .
К Толстому меня не пустили. . .
Всё в Ясной Поляне дышало весной,
Ходил Тенеромо, как зверь там лесной,
По нивам туманы ходили. . .
Я с горечью вынес досаду мою,
Хоть был я утешен немало:
С кухаркой я графской имел интервью,
Мне прачка кой-что диктовала.
Был конюх допрошен и с ним водовоз
(Никто не увидел потачки!),
И графскую блузу домой я увез —
Сознаюсь — без ведома прачки.
С рукою на сердце могу я сказать,
Что снял я со сливок там пенки,
И верю, когда всё увидит печать,
Придется вздохнуть Сергеенке!

С Якушкиным пил я и пиво, и чай,
Провел его с Мойки на Невский.
И мне на мозоль наступил невзначай
Однажды маститый Старчевский.
Да! Есть мне чем вспомнить былые года!
Я жил, когда гении жили! . .
Прогресса столпы и титаны труда —
Я с гордостью это признаю всегда! —
Свое мне вниманье дарили. . .

(1908)

123. ПРОЕКТ ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

С... числа в Михайловском ма-
неже открылась кустарная выставка.

Из газет

Обозревши кустарную выставку русскую,
Замечаю тенденцию злую и узкую.
По причинам плохой информации
Здесь пропущено то, что составило гордость бы нации.

Получилось бы вовсе иное,
Если б взяли сюда, как в ковчег допотопного Ноя,
Ото всех кустарей, незаконно обидимых, —
Семь пар видимых их экспонатов и семь пар невидимых.

Например, уж выставить было бы надо
Перо храброго капитана Клада,
Которое чуть-чуть не спасло Россию от макаки,
Палку, сломанную с Бурениным в драке,
Адмирала Небогатова две калоши
(Символ гуще, чем они плоше),
Бюсты Пуришкевича, Гамзея и Берга,
Корову, имевшую честь поить его превосходительство
Штакельберга,

И уж была бы для нации совсем обида,
Если забыть паспорт патриота Шмида,
Не взять две-три истинно русских резины,
Виды судов, погибших от собственной мины,
Меньшикова одного-другого автографа,
И портрета Кузмина, всероссийского обер-порнографа...

Уж как ни вертись, а не пройдешь мимо
Академического диплома Горького Максима,
Семи японских миллионов на поддержание революции
(Смотри Святейшего синода резолюции),
Ученых трудов кавалериста Теляковского,
Верного слова графа Витте Каменноостровского,
Проекта булыгинской конституции,
Гурлянда соловьиного пения,
Куропаткинского доблестного терпения,
Победоносных наших корреспонденций,
Алексеева токийских резиденций,
Служителя святого искусства Тумпакова,
Газетных уток господина Худекова.
Всё это, легкое на помине,
Уместится в одной витрине...

Хочешь не хочешь, а надо взять в экспонаты
Дубровина свирепые мандаты,
Приказы Стесселя, нового Демосфена,

Опереточные громы Гермогена,
Булацеля статейки две, не менее,
И Лидваля, извините за выражение.
Что ни говори, а надо взять «Балаганчик» Блока,
Факсимиле Гурко, рыцаря без страха, но не без упрека,
Стихи Вячеслава Иванова под Тредьяковского
И собрание речей депутата Келеповского.
Надо выставить вид монастыря Черемнецкого,
Исторический смокинг лидера кадетского,
Вид черты оседлости с птичьего полета,
Два-три хоть шебуевских пулемета
(С настоящих-то не сняты запрещения!),
Пять тысяч пятьсот циркуляров Главного управления,
Прилагавших скорпиона к скорпиону,
Да столько же невидимых по телефону.

Уж будет публика рада, не рада,
А монаха Илиодора вспомнить надо
И даже демонстрировать его граммофоном.
Обязательно надо почтить Купчинского томом
Наших славных героев тыла,
Коим из-за родины собственная жизнь опостыла.
Позабыть про овец Дурново прямо было б по-свински,
Надо в ряде картин показать, как живут в Минусинске.
Было делом бы злого кова
Не выставить резец бессребреника Паоло Трубецкого,
Да уж кстати и его гиппопотама,
Надо вспомнить Гартинга-Лендейзена-Гакельмана,
Господина Азефа, всем провокаторам провокатора,
Гордика, экстраординарного плагиатора,
Провозвестника книжного обрезания; Эллиса Кобского
И оглоблю рецензента Россовского...
А в последней витрине — мутное, дремотное,
Станет пусть Недотыкомка, модное животное,
Приседая с улыбкой доброй
Перед Гиппиус, первой русской коброй.

1908, 1909

124. НОВЫЙ ВЕК

...Это дульцинировало ее влечение к принцу Танкреду и альдонсировало ее любовь к жениху...

Сологуб, «Королева Ортруда»

Офеоктивившись сначала,
Осоловьевившись поздней,¹
Живет успехами скандала
Писатель наших серых дней.
Подонкихотил он изрядно,
Как был прогресс в умах у всех,
И человек не мыслил стадно,
И салтыковился нещадно
Над пошляками гневный смех.

Теперь иных поэтов куча,
Завет отцов сочтя за гиль,
Претенциозна и трескуча,
Морализировать наскуча,
Рамолизирует свой стиль.
И тщетно с ними кто бы спорил:
Уж блещет свет иных светил.
Егор Чулков нас объегорил,
Кузмин нас крепко подкузьмил.

Одульцинирован успехом
И альдонсирован толпой,
Одетый в шубу кверху мехом,
В лицо сместся явным смехом
Модернизированный герой.
И с легкомысленностью женской
Толпа всё славит сотней губ,
Что санатолит ей Каменский,
И намудрит Сергеев-Ценский,
И пафедорит Сологуб...

(1909)

¹ Феоктистов и Соловьев — начальники Главного управления по делам печати, в некотором роде кормчие былой литературы.

Ө. Солөгубь.

Шаржь В. Каррика.

125. АЛЕКСАНДР РОСЛАВЛЕВ

Мне надоели комнатные люди,
Я стал ночным, ищу призывных
встреч. . .

А. Рославлев, «В башне»

Противна мне земли идиллия.
Дикарь-кочевник — мой кумир,
Хоть в век живу автомобилей я
И чрез пенсне смотрю на мир.

Противны мне цветы домашние
И сонмы комнатных людей.
В душе своей построил башню я
И взгромоздил себя на ней.

Мне ненавистны лица грустные,
Мещанских ран тупая боль
И объявленья ваши гнусные:
«Пилюли Ара» и «Одоль».

Жить и не видеть Еву голою!
Адам в манишках — стыд и грусть! . . .
Как слон, иду стопой тяжелою
И смехом каменным смеюсь.

Мне милы тени ночи длинные
И «Вены» праздничный угар.
Люблю я ласки тел звериные,
Тройной звериный гонорар.

Того любил бы я, кто с нищими
Номада быт себе избрал,
Рот утирал бы голенищами,
В «Капернауме» ночевал.

Кто мстил бы людям злым насилием,
Глотал стекло, природы сын,
Кто б мог питаться сухожилием
И пить чистейший керосин!

(1910)

126. СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, ИЛИ РОКОВОЙ ГРАММОФОН

Щенок-таки не выдержал, — сошел с ума... По-видимому, у него являлось временами желание разобраться в страшной путанице жизни или умиловить ее покорностью: он вилял хвостом перед граммофоном и делал вид, что любит его... Весной, во время разлива, щенок утонул в реке: очень возможно, что он покончил самоубийством, отчаявшись найти правду жизни...

Л. Андреев, «Сын человеческий»

Шестьдесят пять лет без малого
Средь селенья захудалого,
С попадьей престарелюю,
С собачонкой с шерстью белою,
С Машкой, кошкою лукавою,
С хмурым дьяконом Варнавою,
Робким истинно по-заячьи,
Поп Иван жил припеваючи
(Знать, под добрыми планидами),
Пел молебны с панихидами,
Был своею сыт копилкою,
Попивал чай с просвиркою,
Сев в тени у палисадника,
Напевал «Коня и всадника»,
По ночам скучал за пульткою,
Не гнушался и «Акулькою»
И любил средь дела мирного
Подсмотреть туза козырного
У дьячка, ходячей хворости,
Иль у писаря из волости.

Но для злого и невинного
Нет на свете счастья длинного.
Всё людское счастье — дутое.
Налетело горе лютое
Средь затишья деревенского
На попа Богоявленского.
Вдруг ни более, ни менее
Началось везде «движение»,
Неумеренно-огромное,

Главным образом погромное.
Про волнения аграрные
Драмы выплыли бездарные.
Появились «Знанья» повести,
И пришла свобода совести.

В тот же день, пылая лавою,
С хмурым дьяконом Варнавою
И женой своей Корнилией,
Недоволен вдруг фамилией,
Поп устроил совещание
И послал в Синод послание,
Вопреки совета женского
И Варнавина прещения:
«В силу новых извещений я
Не хочу «Богоявленского».
Неудобовразумительно,
В написаньи очень длительно.
Был полвека поп, и помер он.
Я хочу назваться номером —
Пятизначным и с девяткою,
Что готов скрепить и взяткою...»
Подписался без смирения
«Поп NN по принужденнiю»
И послал сие заносчиво:
«Питер. Дом Победоносцева».

Как заря за лесом скрылася,
На базар пряменько с крылоса,
«Воеводу» кончив «взбранного»,
Поп пошел до Лейбы Рваного.
Как внушению подверженный,
Граммфон купил подержанный,
И не с «Иже херувимами» —
Впрочем, трудно уловимыми, —
Не с воскресным задостойником
И не с маршем по покойникам,
Не с Шаляпиным, не с Глинкою —
С падекатром и лезгинкою,
С кэк-уоком и мазуркою,
С разбитной певицей Шуркою,

С анекдотами армейскими,
С приключениями еврейскими.

И, созвав всё домоладие
(О, безумное исчадие,
Во языцах притча новая!),
Заиграл слова готовые,
Анекдоты всесловные,
Шансонетки срамословные,
Что поют без одеяния,
Снявши даже и исподнее,
С целью влечь в любодееание
И повергнуть в преисподнюю.
И собачку, тварь господнюю,
Кличкой «Гог», создание бедное,
Острым рыльцем в жерло медное
Сунул поп: «Внимай-ка внятнее».
Взвизгнул песик, полн гнушения,
И рекла жена внушение:
«Ты б, отец, поаккуратнее».

Ой ты чудо, чудо медное,
Эдисона чадо вредное!
Ни за грош, ни за копеечку
Ты сгубило всю семеечку!
Знай же всяк из нашей повести:
Граммoфон с свободой совести —
Зло на свете генеральное.
Происшествие скандальное,
Как язык огня геенского,
Обожгло Богоявленского.

«Гог», щенок двух лет, не менее,
Оглушен до обалдения
Граммoфонною неволею,
Впал в глухую меланхолию.
Как застигнутый напастию,
Не ловил уж мух он пастию,
Ел что день, то неохотнее,
Не брехал под подворотнею,
Лишь чесал за ухом лапою
И походкой косолапою,

Повертев хвостом и чреслами,
Шел и прятался под креслами.

В правде жизненной отчаявшись
И безмерно опечалившись,
Бедный пес средь мая месяца
На чердак пошел повеситься,
Что и сделал на карнизике,
По законам точным физики,
Лишь оставив в назидание
На записке примечание:
«Не могу сносить печали я,
Не вините». . . и так далее.
И попа та смерть обидела.
«Жаль собаку, — не увидела,
Век прожив, кинематографа!»
(Запись с точностью стенографа.)

Дальше — хуже. Как на Йова,
Как в нашествие Батыево,
На попа беда торопится.
С толку сбилась протопопица.
Граммофон — ведь даст бог силушку! —
Трех щенков уж свел в могилушку.
Не стерпевши издевательства,
Впала кошка в помешательство.
Утопилась в бочке курица.
Протопоп престранно хмурится.
То вдруг скрестит хряка с яркою,
То сражается с кухаркою,
Смотрит, как и что состряпано.
Подбивать вдруг начал дьякона
Снять браду и стричься ежиком
И себе усы сбрил ножиком.

Думой стиснут стопудовою,
Хочет поп взять веру новую.
То себя он в сердце раненом
Мнит уже магометанином
С девятьюдесятью женами,
То забредит вдруг мормонами.
Так сложилась мысль злодейская:

«Принимаю иудейство я,
С опресно́ками и кущами,
По Талмуду им присущими,
С их постами, с их молитвою.
Посылай, жена, за бритвою:
Я хочу себя обрезать».
И сам ад в зубовном скрежете
С тьмами нечисти и нежити
Пред таким людским падением
Преклонился с умилением, —
И весь год у бесной нации
Шли с тех пор иллюминации.

Шла всё дальше эпидемия,
Граммoфонное гудение
Пять щенков ввело в прoстрацию,
Всю пресекши генерацию. . .
Сам отец с ножом и книгою
Долго прятался за ригою, —
Что́ он делал в этой местности,
Скрыто мраком неизвестности.
Из селения Зачатьево
Сын приехал увещать его,
С видом сильно элегическим,
Со значком академическим, —
Только против эпидемии
Не властны и академии!
Не удался тот замах ему, —
Спел отец ему анафему.
И в пандан,¹ на посмех городу,
Дьякон сбрил усы и бороду
И (старик с пятью детишками!)
Стал ногой чесать под мышками. . .

Лишь тогда дела бесчинные
Усмотрели благочинные
И послали с крайней болюю
Донесенье в консисторию.
Сколь же страшны силы вредные —
Эдисона трубки медные!

¹ От франц.: *pendant* — вдобавок. — *Ред.*

Лишь до рапорта смиренного
Самого преосвященного
Ручка белая коснулась —
Воля крепкая погнулася:
Яд гипноза необычного
И ума достиг владычного.

Как под властью злого зелия
Или с сильного похмелия,
Как по чуждому внушению,
Начертал он на прощении
Резолюцию престранную,
Как-то: «Властию, мне данную,
Я отца Богоявленского,
Сняв с прихода деревенского,
Ставлю ведать в дикастерии¹
Синагоги всей империи.
Два: над дьяконом Варнавою
Строгий суд чинить с расправою.
Три: бесовское создание,
Граммфон, трубу немецкую,
Отослать на покаяние
Во обитель Соловецкую
И о нем, как зла виновнике,
Поместить отчет в „Шиповнике“».

(1910)

127. В ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ ПО НОЧАМ...

Не из Зейдлица

В двенадцать часов по ночам
Выходит из гроба Булгарин,
И ходит по кладбищу он,
И глухо и жалобно трубит.
И в темных могилах труба
Всех будит тоскующим звуком...
Соратников сонмы встают,
Худые иссохшие тени —

¹ Старинное название консистории.

С страниц пожелтевшей «Пчелы»,
С задворков «Домашней беседы»,
И медленно-жутко идут,
Как страшные тени из Гойи.

В двенадцать часов по ночам
Аскоченский гроб покидает,
И жутко-пронзительный свист
По кладбищу гулко несется.
Выходит из гроба Катков
И с ним неразлучный Леонтьев,
Маркевич и все иже с ним
Из «Русского вестника» тени.
И Герцену слышны хулы,
И славится век «Домостроя»,
И к ним на призыв боевой,
Разбужена свистом призывным,
Покорных приспешников рать
С востока и юга стремится.

В двенадцать часов по ночам
Сам Грингмут выходит из гроба.
Пергаментный страшный старик
С ним об руку едет по фрунту.
И руку сжимает ему
Огромной рукой восковою,
И, дружные слив голоса,
Зовут они мертвые тени
И тех, кто еще на земле,
Но мертвы для счастья свободы.

Дубровин, и с ним Булацель,
И Илиодор с целой тучей,
И куколь шумит клобука —
Как крылья у мыши летучей.
И страшные два старика
Неспешно полки пропускают,
И траурный хор мертвецов
Им марш похоронный играет.
И всем генералам своим
Пароль они шепчут угрюмо.

*«Пора разогнать» — их пароль.
Их лозунг: «Не надобно Думы».*

Так к старым солдатам на смотр
Из спящего царства видений
В двенадцать часов по ночам
Выходят могильные тени. . .

{1910}

128. ЮБИЛЕЙНЫЕ МЫСЛИ

В двенадцатом году дома все низки были,
Но души москвичей стремились в высоту.
Теперь картину видим мы не ту:
Дома огромные всё небо полонили,
Домами к небу строим мост,
Но души — потеряли рост! . .

1912

129. РЕЗОННО

Гадает матушка Москва:
Какая будет голова?
Но — по словам людской молвы —
И ждать не нужно *головы*:
Порядки наши так убоги,
Что все твердят: «Давай бог *ноги!*»

1912

130. БАБУШКА И ВНУЧЕК

Из ненаписанных песен Беранже

«Копеечка рубль бережет;
Великое дело — копейка!
Не диво отметить в приход.
А ты вот утроить сумей-ка!»
Так бабушка внуку твердит,
О нем же, столетняя, бьется,
А он-то, бездельник, смеется:
«А ну вас совсем! — говорит. —
А ну вас, ей-богу, потеха!
Копеечка рубль бережет —
С копейки рублевый доход!
Ну как тут не лопнуть от смеха?»

«Теленок двух маток сосет,
Коль ласков он с ними, понятно!
В пословицах русский народ
Нас мудрости учит бесплатно!»
Так бабушка внуку твердит,
Улучшить судьбу его хочет.
А он-то, бездельник, хохочет:
«А ну вас совсем! — говорит. —
А ну вас, ей-богу, потеха!
Теленок двух маток сосет. . .
Теленок в министры пройдет!
Ну как тут не лопнуть от смеха?»

(1908)

131. МОЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА

Нейтрален политически,
На жизнь смотрю практически,
Имея артистически
Отменно тонкий нюх.
В дни бурные, свободные
Про горести народные
Я мысли благородные
Высказываю вслух.

Громлю дотла полицию,
Венчаю оппозицию
И вот, войдя в амбицию,
Ношу я красный бант!
Массовки... пресса... фракции...
Но лишь свободы акции
Падут — и я реакции
Покорный адъютант!

Над правою газетою
Скорблю и горько сетую
И вместе с ней советую:
«Пороть, лупить, прижать!
Скосить покосы вольные,
Чтоб пугала подпольные,
Развратные, крамольные,
Не вылезли опять!»

Нейтрален политически,
На жизнь смотрю практически,
Умея артистически
Нос по ветру держать!

(1908)

132. ТРИУМФАТОРЫ

1907—1908 гг.

Жалкая кучка кривляк,
Выродков нашей эпохи,
Севши на смрадный тюфяк,
Сыплет и ахи, и охи,
Нет идеалов? . . . Так что ж?
Разве не хватит нахальства
Сдабривать похоть и ложь
Крепкой приправой бахвальства?
Сенька напишет рассказ —
10 Сеньку расхвалит приятель:
«Это — бесценный алмаз!
Это — поэт-созерцатель.
Гибкий, сверкающий слог. . .
Беклин. . . Уайльд. . . откровенья. . .»
Целая тысяча строк;
Что ни строка — воскуренье!

«Что нам читатель? . . . Эхма!»
Выпустив 22 тома,
Буйно ликует Фома,
20 Нагло грохочет Ерема.
Славы немеркнушей чад.
Губит порой и таланты —
Диво ль, что этак кричат
Эти. . . «пророки-гиганты»?
Слабенький череп венца
Выдержать больше не может,
Похоти скотской певца
Червь самомнения гложет.
Это не наглость. . . о нет!
30 Взрывы подобного смеха —
Лишь истерический бред,
Вызванный ядом успеха.

С кресел всю ночь не встает
Жрец извращенного чувства;
Целую ночь напролет
Кистью «святого» искусства
Жадно марает свой лист.

(Плод нездорового бреда
Завтра прочтет гимназист.)
40 «Леда! свободная Леда. . .»

.
Жадно марает он лист,
Славит он Леду-царицу.
(Тайно идет гимназист
Тайно лечиться в больницу.)

Вот современнейший том —
Сборник издательства «Плошка».
Что за печать! за объем! —
Боже, какая обложка!
50 Диккенс, Тургенев, Золя —
Прочь посрамленные стяги:
В четверть аршина поля!
Около пуда бумаги!
Ну-с, а сюжетеки. . . Да-с!
Прелесть, восторг, объяденье!
Верите ль: что ни рассказ —
Двадцать четыре растленья! !.
Красочность, живость пера,
Виден баль-шой наблюдатель!
60 Сочно, душисто. . . Ура,
Наш современный писатель!! ,

Крики, и хохот, и гам,
Речи бессвязны и пылки;
Шумно и весело там —
Всюду стаканы, бутылки. . .
Что же, зайдемте? Для нас,
Право, не будет убытка:
Это — российский Парнас,
Это — трактирчик «Давыдка»!
70 Вон, за отдельным столом,
Бросивши всякую меру,
«Наш гениальный Пахом»
Дует коньяк и мадеру.
Рядом — издатель юлит,
Типик проныры-нахала:
«Мы-то? . . да мы, — говорит, —

Всё, — говорит, — для журнала! ..
Триста? .. Извольте! .. Для вас —
Не пожалеем и триста! ..»

⁸⁰ Так продается у нас
Честь и перо беллетриста.

1908

133

Как жрец ассирийский, недвижно сидит
За общим столом ресторана
Иван Рукавишников, скорбный пиит,
И, боже, какой потрясающий вид!
Как мрачно в душе у Ивана! ..

Он скорбь мировую осилить не мог —
Погнулись могучие плечи!
Напрасно глядит он «туда. . . за порог» —
Ивана осилил загадочный рок,
Погиб ни за грош человец!

В известном периоде жизни и я
Ту скорбь мировую изведаль:
Душа разрывалась на части моя,
Но . . . слезы о бренности мира лия,
Я все-таки спал и обедал.

А он? Поглядите ж, как хмуро сидит
За общим столом ресторана
Иван Рукавишников, скорбный пиит,
О боже, какой потрясающий вид!
Как мрачно в душе у Ивана!

(1909)

134. ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Русский язык — язык вандалов.

Из австрийской газеты

Мы — замечательный филолог!
Мы — изумительный поэт!
Наш легкий стих певуч и колок.
Звончее струн, острее иголок,
Собой пленяя целый свет,
Он разъедает грязь, как щелок,
Ему подобных в мире нет!

Да, нет.

О чем грустит почтенный книжник?
«Язык вандалов»? — Не рюми!
Ведь косолапый *шаромыжник*
Произошел от cher ami! . . .¹

О двор веселой Лисабеты!
О петиметры-шаркуны!
Блестяще-скользкие паркеты
И слишком узкие штаны!
Я к вам стремлюсь душою пылкой,
Вы мне, ей-богу, по путру! . .
И. . . как певец с крамольной жилкой,
Я всем носы вам поутру! . .
Да, да, почтеннейший мой книжник!
Заткни фонтан и не рюми —
Ведь косолапый *шаромыжник*
Произошел от cher ami!

Мы — замечательный филолог!
Мы — гениальный рифмоплет!
Наш легкий стих певуч и колок,
Звончее струн, острее иголок —
Он сам и колет и поет. . .
Но. . . тпру! . . Да, тпру! ведь путь наш долог,
Пора нам двигаться в поход —
Вперед.

¹ Дорогой друг (франц.). — *Ред.*

Вперед, вперед душой отважной!
Врагов без жалости рази!
Ведь *лебезить*, глагол неважный,
Произошел от leben sie! ¹

О, пышный двор несчастной Анны!
О ты, неистовый Бирон!
И вы, российские бараны,
Пстомки пуганых ворон!
Я не горю к вам страстью пылкой,
Вы мне совсем не по нутру,
И, как певец с российской жилкой,
Я всем носы вам поутру!
Da ist der Hund begraben, ² книжник!
Поджавши хвост, назад ползи!
Ведь *лебезить*-то, шаромыжник,
Произошел от leben sie! . .

(1911)

135

О, сколько ненужного, нудного шума:
«Четвертая дума! *Четвертая* дума!!
Четвертая дума кадетскою будет,
Четвертая дума нас с властью рассудит!!
Четвертая дума, поверьте, — не Третья:
Начало рассвета, конец лихолетья!!!»

.

Но рвется наружу предательский вздох:
«Не будет ли, братцы, довольно и трех?»

1912

¹ Будьте здоровы! (немецк.). — *Ред.*

² Здесь собака зарыта (немецк.). — *Ред.*

136. ЗЕРКАЛО ТЕНЕЙ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Шарж

*Посвящается новой книге
Валерия Брюсова*

Внимая шорохам немолчных волн,
Парчой и порохом грузу свой челн.
Он скрыт под ярусом нависших глыб;
Белеет парусом, пугает рыб. . .
О, пусть затучены и высь, и даль!
Мои уключины блестят, как сталь!

С мятежной бандою, мятежный граф,
Я — контрабандою свой тешу нрав!
Пусть служит Истине моя родня,
Рецепт «склонись к стене» — не для меня!
Мой шарф из гаруса. . . «Он мягок?» . . . Ша!
Грубее паруса моя душа!

Рабами рослыми мой сдвинут челн,
Срываю веслами бутоны волн.
«Эй, кормчий, пристальной гляди вперед!
Чуждайся пристаней, не спи, илот!
Кровавым светочем осветь корму,
Уютней это, чем камин в дому!»

Играя с рифмою, я дик, как сарт,
Швыряй в обрыв мою поэму, бард!
Пусть с тихим шорохом на дно, в кусты,
Шуршащим ворохом летят листья!!!
«Дай рифму к «лирике», не из кургузых!! .»
— «Изволь: *чигирики на кукурузах!*»

(1913)

137. НАШ «СВИСТОК»

Молниеносен и жесток,
Как бич в руках ковбоя,
Он будет эхом, наш «Свисток»,
Ревущего прибора.

Пусть Робость жметя по углам,
Пусть Трусость хнычет... Стыд и срам!
Вперед с веселым свистом!
Рази, наш бич! И первый шрам —
Почтенным октябристам!

За что? За добрые дела!
За ложь! За лихоедейство!
За робкий лай из-за угла
И громкое лакейство!

За что? За то! За галуны
Поношенной ливреи!
За гибкость шеи и спины!
За то, что Руси не нужны
Природные лакеи!

(1913)

138

За статью «Бесплодие 4-й Гос.
думы» газета «Правда» оштрафована
на 500 рублей.

Из газет

«Мы, руку приложившие
К прощению, как след,
В супружестве прожившие
Пятнадцать с лишком лет,
Я — сын купца Егорова —
И я, его жена, —
Праскева Христофорова,
До брака — Ильина, —
Напрасно от бесплодия
Лечились смесью трав,
И ваше благородие
Назначить молим штраф,
Дабы за укрывательство
Бесплодия сего
От вашего сиятельства
Нам не было чего».

1913

В Ревеле губернским присутствием отказано в регистрации уставов двух публичных библиотек и одного кружка чтения.

«День»

Лежу я на животике,
И горюшка мне нет,
Что где-то библиотеки
Попали под запрет,
Что где-то с твердой верою
В благие свойства тьмы
Решительною мерою
Насилуют умы.
Я век не знался с книжками, —
И весел, как сверчок;
Проснусь, займусь детишками,
Поем и . . . на бочок!

1913

Попечитель Казанского учебного округа предписал, чтобы в гимназиях были изменены цвета форменного платья на более светлые тона. Попечитель мотивирует это распоряжение тем, что темные цвета наводят гимназистов на мрачные мысли.

«Русское слово»

Что *темные* цвета наводят гимназистов
На мысли мрачные — неведомо кому ж?
Про *Шварца* вспомните. . .

О, сколько пессимистов
Он расплодил у нас, сей *трижды черный* муж!

1913

141. О СЕРОМ ЗАЙКЕ И ЛЮТОМ ВОЛКЕ

Сказочка

Скачет по полю зайчишка,
Наедается плутишка,
Вдруг... навстречу волк.
Посмотрел... и засмеялся:
«Эва, ты куда забрался!»
Сам зубами... щелк!
Помертвел косой бедняга:
Перед ним прямой бродяга —
Страшный, лютый, злой...
Что ему, седому волку, —
Разом слопает без толку,
И... пропал косой!
А уж волк к нему подходит,
Глаз своих с него не сводит,
Говорит ему:
«Что ты делаешь на воле?
Почему ты, зайка, в поле?
Ну-ка, почему?»
Повалился зайка в ноги,
На такой на окрик строгий
Враз заголосил:
«Ах, не тронь меня! Послушай,
Пожалей меня, не кушай...
Знал бы — не ходил!»
Покатился волк от смеха.
«Ну, с тобой одна потеха!
Ты не виноват...
Оправдал себя умело,

«Не ходил бы» — это дело.
 Глуп. . . а плутоват!
 Отпущу тебя, пожалуй,
 Плоховат зайчишка малый.
 Полно, не тужи. . .
 Поступай ко мне на службу,
 Поведем с тобою дружбу. . .
 Только уж. . . служи!
 Что ни день — являйся в поле,
 Без опаски будь на воле,
 Зла себе не жди. . .
 Но зато с собой другого
 Поживей веди косога. . .
 Каждый день води! . .
 Коли выполнишь всё это,
 Прогуляешь красно лето,
 Будешь, зайка, сыт. . .
 Коли нет. . . Забудь и поле,
 Не встречай меня на воле —
 Я ведь — во! Сердит! . .
 А пока ступай отсюда,
 Буду ждать себе я блюда. . .
 Ладно или нет? . .»
 — «Как прикажешь, так и будет.
 Кто же нас, зайчишек, судит?» —
 Тот ему в ответ.
 «Ну, смотри, да без обману,
 Всё равно тебя достану,
 Изловлю. . . и ну!
 У меня тогда поскачешь,
 У меня, косою, поплачешь.
 В три дуги согну! . .»

 Началась у зайки служба,
 Повелась меж ними дружба, —
 Бог уж их простит. . .
 Зайка хрюпает, а волку
 Не сидеть же так, без толку?
 У того хрустит. . .
 Побежали дни за днями,
 Ночи мчались за ночами. . .
 А плутяга жил. . .

К волку старому, седому
Что ни вечер — по косому
В поле приводил. . .
Волк закусывал прилично,
Зайка ужинал отлично, —
Всё бы ничего. . .
Да зайчишек вдруг не стало,
Будто всех их разогнало,
В поле — никого. . .
Тут взяла его забота,
На своих пошла охота —
Носится косою. . .
По полям зайчишек ищет,
По лесам дремучим рыщет —
Сбился с ног долой. . .
Нет косых зверушек боле. . .
Вот бежит он к волку в поле,
Дескать — так и так. . .
«Рад служить душою другу,
Но обегал всю округу —
Не найти никак! . .
Правда, есть еще единый —
Кум и сват он мне старинный. . .
Да ни то ни се. . .»
Волк на это: «Ну да ладно —
Разберусь и сам изрядно:
Приводи — и всё. . .»
Побежал косою стрелою,
Вот и видит — под сосною
Отдыхает сват.
«Что лежишь? Иди скорее,
Там, за горкою, милее —
Там капуста, брат! . .»
Прибежали к волку разом,
Не моргнув косою и глазом,
Ахнуть не успел —
Как вцепился волк зубами,
Разорвал его когтями,
Миг — и кума съел.
Облизнулся. . . видит друга. . .
«Велика твоя услуга, —
Зайке говорит, —

Да ведь вот беда какая
(Видно, доля уж такая) —
 Ешь... а всё не сыт...
Суховат твой кум единый,
Плоховат твой сват старинный,
 Ты же — ничего...
Что мудрить? Решу задачу —
Проглочу тебя в придачу,
 Только и всего!..»
Запищал косой-бедняга,
Подскочил к нему бродяга,
 Придавил... насел...
И за службу за такую
(Всем понятно, за какую) —
 Миг — и тоже съел!

(1914)

142. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

*В те дни, когда мне были новы
Все впечатления¹ свобод:
И сходок шум, и стяг багровый,
И гордо-радостный народ;
В те дни на митингах народных,
Дыша и верой, и войной,
Во всеоружьи грез свободных
Вы появлялись предо мной.
Вы страшных слов твердили гамму,
Ведя эсеровский маршрут,
И всю эсдекскую программу
Ниспровергали в пять минут...
Тогда на кафедру нещадный,
Трибун эсдекский, я спешил
И ваш лиризм и блеск нарядный
Без сожаления тушил...
Как сон, умчались дни свободы...
Туман и мрак опять кругом...
И средь тоскливой непогоды
Я вспоминаю о былом...
Теперь же я не тот завзятый
Ортодоксальный меньшевик, —
Мой меч в углу, ржавеют латы...
От дольных битв я поотвык...
К чему военных партий мерка?
Бесстрастный рок вражду отсек:
Вы — охлажденная эсерка,*

¹ Стих. А. С. Пушкина.

Я — обезвреженный эсдек . . .
Неумолимое теченье
Обоих к берегу снесло,
И ваша страсть и вдохновенье
Вошли в спокойное русло:
У вас дрожат иные струны,
Вы нежно любите семью,
Не прогремите вы с трибуны,
А я уж вас не разобью . . .

(1908)

143. ТО И ДРУГОЕ

О, что может быть прелестней,
Чем хождение в мир исканий,
Где лишь жертвой славен путь! . . .
Но гораздо интересней
Прочитать о том в романе
И за кофеем вздохнуть . . .

О, что может быть прекрасней,
Как за светлую свободу
Честно, гордо пострадать!
Но гораздо безопасней
Канцелярскую породу
Средь знакомых поругать . . .

О, что может быть достойней,
Как отдать себя отчизне
Там, где в бой зовет труба? . . .
Но куда, куда спокойней
О святом патриотизме
Распинаться у Кюбá . . .

О, что может быть приятней:
Взрыв души, и в ковах бурной,
В стих клеймящий перелить!
Но куда, куда занятней
Написать вполне цензурно
И аванс заполучить! . . .

(1908)

144. СТИХИ О ГЕНЕРАЛЕ ФОН ВЕНДРИХЕ

В С.-Петербурге возникает новая политическая партия, правее «Союза русского народа». Инициатором состоит товарищ министра путей сообщения генерал фон Вендрих. Партия носит очень громкое название «Союз рельса и меча».

«Русь»

Средь казенных толстых стен дрых
Много лет фон Вендрих,
Много сиднем посидел,
Раздобрел и поседел;
Всем показывал лампасы,
Ордена и аксельбанты,
Но скрывал свои таланты
От славянской расы. . .
Лишь на склоне жизни муза,
Муза творчества, слегка
Зацепила старика,
И он взялся сгоряча
За строительство «Союза
Рельса и меча. . .»
И творит фон Вендрих бравый
Сей союз сугубо правый,
И в кругу таких диковин
Левым кажется Дубровин. . .

1908

145. ГАДАНИЕ

Шутка

Раз в крещенский вечерок
Черные гадали:
Четвертные чрез порог,
Осушив, бросали.

Лили пиво в граммофон,
Размазней кормили
Заводной оркестрион,
Дранных кошек брили;

Надевали на свинью
Черную ермолку
И с акцентом эктенью
Ржали без умолку,

Распинали на стене
Чучело Гучкова,
Жгли на медленном огне
Брюки Милюкова. . .

Взгляд начальства с мостовой
Мил был и любовен.
Но. . . поникнув головой,
Тосковал Дубровин.

(1909)

146. НОВАЯ ХОРОВОДНАЯ

Перед каникулами

Сессия Государственного совета закончилась в пятницу 11 июня, причем в последние два заседания рассмотрено около 150 дел. Государственная типография не успевает печатать доклады, и большинство дел обсуждается без докладов.

З а п е в а л а

На местах отрадно Думе:
Тишь, деревья да поля!
Мы ж остались у руля
И должны копаться в трюме,
В пыльном трюме корабля!

Х о р

От излишнего балласта
Всё же трюм освободим:
В два присеста полтораста
Неотложных дел решим!

Запевала

Вы сегодня бесподобны
И резвы, как никогда,
Дорогие господа,
Вижу, вы трудоспособны,
Все поклепы — ерунда!

Хор

Мы наляжем для контраста,
Болтунов попристыдим:
В два присеста полтораستا
Очень важных дел решим!

Запевала

Дума мямлила всю зиму:
Тьму комиссий развела,
Тьму речей произнесла
И любезному режиму
Огорченье принесла.

Хор

Мы — совсем другая каста,
В должном духе мы вершим,
В два присеста полтораستا
Кардинальных дел решим!

Запевала

Заседали мы не часто,
Так теперь уж поспешим,
Без сомненья, полтораستا
Неогложных дел решим!

Хор

(подхватывая)

В два присеста полтораستا
Всевозможных дел решим,
Облегченно скажем: «Баста!» —
И на воды поспешим!

(Хоровод)

1909

147. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЧАЙ

Столыпин пригласил на чашку
чая думских вождей.

Из газет

Он пригласил на чашку чая,
Они собрались, чуда чая.

Мелькали фалды и подносы.
Решались важные вопросы.

И были празднично-речисты
Вблизи начальства октябристы.

Сердца умильно трепетали,
Когда их звезды озаряли,

И становились спины гибки
От государственной улыбки. . .

Все укрепились в лучшем мненьи
О современном положеньи.

Когда потом его спросили:
«Зачем вы думских пригласили?» —

Сказал он: «Сунуть неудобно
На чай вождям «трудоспособной» —
Так я — натурой, с булкой сдобной. . .»

1909

148. ХОР РОССИЙСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

После бури мы явились
Солнцем утренним:
Наши души засветились
Миром внутренним!
Обратил к нам ясны взоры
Вождь правительства

И узрел, что мы опоры
Для строительства.
Так, желанием невольным
Прозябания,
Стали мы краеугольным
Камнем здания!
Изменить натуре нашей
Не пытаемся:
Октябристской простоквашей
Не питаемся.
Пусть там где-то, что-то, как-то
Совершается,
До решительного акта
Не догадается.
Дни промчатся лихолетья
Без сомнения, —
По душе нам Дума третья:
Запах тления!

(1910)

149. ПЕСНЯ ПРО УСТАВ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ

Посвящается Кассо

О устав многострадания,
О устав терпения,
Сотворивший в храмах знания
Мерзость запустения!
Чадо века просвещения,
Луч из поднебесия,
Ты бывал оплотом тления,
Стражем мракобесия.
Видел ты физиономии
Многих просветителей,
Ведал блага автономии
И бичи гасителей.
Покрываясь часто новыми
Швами и заплатками,
Смело пунктами суровыми
Спорил с «беспорядками»,

Иль, совсем забытый сферами
И чинами ярыми,
Скромно ты смолкал пред мерами
И пред циркулярами. . .
О устав многострадания,
О устав терпения,
Отражавший колебания,
Знавший настроения. . .

(1910)

150. НА ПЕРЕКРЕСТКАХ

На углах больших проспектов
Тьма таинственных субъектов. . .
Натянув над тротуаром
От пальто и до пальто
Паутину взглядов острых,
Хищники с коварством ярим
Весь поток прохожих пестрый
Сеют, как чрез решето:
Ищут в уличном движеньи,
В смене шапок и штанов
Злых бацилл ниспроверженья
И шатания основ. . .
На углах больших проспектов
Тьма таинственных субъектов:
Тот торчит с серьезной миной
Пред аптекарской витриной,
Тот гуляет, с виду хлесткий,
Тот скрывается за дверью,
Тот — за выступом стены. . .
Ах, недаром перекрестки,
По народному поверью,
Разной нечисти полны. . .

(1911)

151. РИФМЫ

Зинаида Гиппиус утверждает, что слова «правда» и «истина» безрифменны. Нас это задело за живое, — так вот же:

Я сказал: художник, кисти нá,
Нá мольберт и краски нá, —
Пусть на смертных взглянет истина
Хоть с немого полотна!
Без прикрас и без приправ дай
Образ той, о ком твердим:
«Это — истина и правда»,
Кем как будто дорожим. . .
Но в ответ услышал: «Истина
Мне не даст потребных сумм,
Да к тому ж она освистана
За безнравственный костюм!»

1911

152. ПУРИШКЕВИЧ НА ПАРНАСЕ

Пуришкевич издал сборник своих стихов.

Из газет

Перед Фобом-Аполлоном
Девять муз стоят в слезах:
«Ты горишь над Геликоном,
Мы живем в твоих лучах!
Ты не дашь рабынь в обиду!
О внимли! Смущает нас
Странный путник, варвар с виду:
Нагло лезет на Парнас,
Рвется в рощи Геликона
И орет, терзая слух:
„Черти! Дайте Аполлона!
Где тут девять потаскух?
Быть хочу в парнасской свите,
Пусть мне служат девять муз,
А не пúстите, смотрите, —

Разнесу, найшлю Союз!“
Хуже пьяного сатира. . .
Лавр ломает на венки,
Наплевал в Кастальский ток,
И притом в руках не лира,
А пронзительный свисток. . .
Накажи, о свет дарящий,
Осквернителя святынь, —
Гнев, как Зевсов гром, разящий
На дерзателя низринь! . . .»
Но великий бог Парнаса,
Улыбаясь, так сказал:
«Даже карою Мидаса
Я б его не покарал:
Сей пиита небесами
Ныне будет пощажён,
Ибо длинными ушами
От природы он снабжён. . .»

1912

153. ДОБРЫЙ СТОРОЖ

За решеткой небо мглисто,
Мрак ползет в мою тюрьму, —
Засадили юмориста
Неизвестно почему.¹
Нет свободы для движений,
Нет простора. Ничего!
Две кубических сажени
Открыли мне всего!
Лишь одна утеха: «Скоро ж
Подогнали под статью!! . . .»

Подошел тюремный сторож,
Увидал печаль мою:
«Нужно всё изведать, барин,
Наши судьбы таковы».

¹ Это верно. Наш сотрудник поэт Красный действительно в тюрьме. *Примеч. ред. «Сатирикона».*

— «Я вам очень благодарен:
Чересчур любезны вы. . .»
— «Тут у нас не так уж скверно,
Как покажется впервой.
Не печальтесь чрезмерно,
Я вам дам совет благой:
Не снимайте рамы с петель,
Не сидите на окне,
Не стучите по стене. . .»
— «И за эту добродетель
Лезть не будут в душу мне?»
— «Не идите против правил!»
И во внешней тесноте
Добрый сторож предоставил
Целый мир моей мечте.
«Нет, я правил не нарушу!
Не затем пришел в тюрьму».
— «Ну, а мы не лезем в душу
Никогда и никому».
— «Я сердечно благодарен.
Значит, здесь — душе покой?»
— «И, чудной вы, право, барин, —
Не писатель ли какой?»

Октябрь 1912

154. СОВРЕМЕННЫЕ РОМАНТИКИ

...Будучи прежде всего гражданами, долгом своей совести почитаем заявить о неотложной необходимости осуществления обещанных реформ на пачалах... манифеста 17 октября.

Из речи Салазкина

Никаких романтических стремлений к свободе я в деловом мире не встретил.

Слова Коковцева

Романтические грезы!
Вас с проворством боевым
Оглушили паровозы
И унес фабричный дым. . .

Не найти былой святыни,
Хоть весь мир исколеси,
Романтизма нет в помине, —
Но романтики донине
Существуют на Руси. . .

Где ж ютятся люди эти
В нашем веке деловом?
Заседают в комитете,
В комитете биржевом!

1913

155. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОДИССЕЙ

Как Улисс, я должен кривдой
Пролагать к свободе путь,
Чтоб меж Сциллой и Харибдой
Остроумней проскользнуть. . .
Жду, как он, попутных ветров
От богов и добрых муз:
В корабле любимых мэтров
Я везу запретный груз. . .
Я завзятый, я бывалый!
Но. . . где силы обрести,
Коль мифические скалы
Вырастают на пути?
Ужасает лаем Сцилла
(Шесть голов, двенадцать лап!),
Смотришь — мысли исказила,
Глядь — строк двадцать цап-царап.
А Харибда даль затмила:
Дымным заревом встают
Волны красного чернила,
Красной пеной обдают. . .
Рад-радешенек, конечно,
Коль протащишь мимо них,
Между этих чудищ злых,
Обесцененный, увечный,
Ампутированный стих. . .

Кроме жертвенного боя
Нет меж скал путей иных,
Ведь из спутников героя
Сцилла съела шестерых
(«Самых доблестных и сильных», —
Сокрушается Гомер)...
Сколько лил я слез обильных
На останки мыслей сильных
На изжеванный размер! . .
Одиссей меня счастливей:
Он в губительном приливе
Выл лишь раз за жизнь свою, —
Я ж почти еженедельно,
Подавляя страх смертельный,
Сциллу хищную кормлю! . .
Одиссей к заветной цели
Плыл, как я, с своей тоской,
Но, хоть бури и шумели,
Ведал радость и покой. . .
Он ласкал в пылу забвенья
И Цирцей и Калипсо, —
Мне ж. . . какие развлечения?
Циркуляры да Кассо? . .

(1914)

156. МУЗЕЙНЫЕ ГРЕЗЫ

В залах пышного музея
Вы ходили строги, чинны,
Добросовестно глаза
На померкшие картины.
Час-другой — и вы устали,
Томно сели на диване,
А мечтою всё ж витали
В романтическом тумане:
«Ах, мне кажется, что эти
Дамы, гранды и вассалы
Оживают в лунном свете
И скользят в безмолвьи залы. . .»

Я взглянул вам нежно в очи
(Карий взор мерцал испугом):
«О, зачем вам сумрак ночи,
Коль поэт готов к услугам?
Прикажите музе треснуть
Вмиг по контурам картины —
Люди хмурые воскреснут,
Оживет уклад старинный. . .»

Вот король голубоокий,
Скиптром грозно потрясая,
Ходит плоский, однобокий,
Точно камбала косяя;
Перед ним пажы и дамы
Клонят жухлые головки.
И по выходе из рамы,
Не меняя компоновки,
Гранды как-то параличны —
Бок им срезала картина;
Дамы — спереди приличны,
Сзади — грязная холстина. . .
Меж крестов и лат шныряют
Козлоногие сатиры,
Обнаженных нимф гоняют
Из аббатства на турниры,
Балаганят скоморохи,
Гунны мчатся из засады, —
Перепутались эпохи,
Нравы, стили и наряды. . .
А из зал голландской школы
Чрез готические арки,
До колен подняв подолы,
Грузно шествуют кухарки;
А за ними вслед телушки,
Овцы, свиньи, поросята,
Стаей движутся индюшки,
Утки, гуси и цыплята,
Радостно юлят собаки,
Боровы ломают клетки,
Оживают рыбы, раки
И трепещут на паркете. . .

.

Живности в голландском вкусе
Вас особенно пленяли...
(Это вы потом на гусе
В ресторане доказали!..)

(1914)

157. ДВЕ ДУМЫ

1

«Продаются *виллы*», —
Смотрит туз газету.
«Разве для Людмилы
Приобрести вот эту,
С видами на море?
Дорогá, вот горе. . .»

2

Мужика Гаврилу
Донимает дума:
У Ивана-кума
Продаются *вилы*.
«И купил бы — надо, —
Он сидит, вздыхает, —
Да ведь ишь, досада,
Денег не хватает!»

(1908)

158. КОЗЕРОГУ АЛЕКСАНДРУ РОСЛАВЛЕВУ

Шарж

Воспоем мы песню Козерогу
И его прославим до небес.
Лоб его теперь подобен рогу
От пасхальных Вакховых чудес.

Воспоем, как он, увидев Мавру,
Вдруг заржав, копытом землю рыл
И, подобно древлему кентавру,
В кухне всю посуду перебил.

Как рукой небрежной лил чернила
В добрый, старый верный чемодан,
Как на части рвал он альгвазила
И как в церкви он плясал канкан.

Как Гвоздевичу ¹ визитну карту
Вместо рук совал он прямо в нос
И за это с января до марту
Заключенье в Башне перенес.

А наутро, выйдя из острогу,
Он в ближайшей портерной исчез.
Воспоем мы песню Козерогу
И его прославим до небес.

(1908)

¹ Гвоздевич — бывший ялтинский исправник.

159. ВОЕВОДА

Перевод с рукописи XVII века

Воевода, как в полон,
Город взял на прокормление,
Люб он всем, оставит он
Справедливое правление:
Им уж загодя накрадено,
Да и нами много дадено.

Сановитость в нем видна,
Окружен он грозной стражею,
Занимается она
Преимущественно кражею.
А сплошал — на морде ссадина...
Ох, не зря ли нами дадено?!

То-то зря! Схватились мы —
Воем, плачем, горько каемся,
Чешем задние умы,
С воеводой пуще маемся;
И ворчит сердито гадина,
Говоря, что мало дадено.

(1910)

160. ВЕЛЬМОЖА

С рукописи XVIII века

Бросив грубые печали
И завивши букли кос,
Мы вельможного встречали
Нежным стоном пасторали
«Хлоя, Фавн и верный росс».

Стал он править. . . политесы. . .
Хоть долги растут кругом —
Дела нет, а есть. . . промессы,
Бесконечные метрессы
И влюбленный жантильом!

Уезжал он. Провожали
Мы торжественно его
Нежным стоном пасторали,
А пейзаюне обнищали. . .
Неизвестно отчего.

(1910)

161. ГЕНЕРАЛ

С рукописи 1823 года января 5 дня

Барабаны и муштровка. . .
Трех забили, жив один.
Плац-парад и маршировка —
Генерал наш господин.
Ум его тяжел и смутен,
Полон жуткой темноты. . .
Торжествующий шпицрутен,
Палки, розги и кнуты.

Правит. . . Что там? Где крамола?
Кто-то, кажется, пищит.
Сквозь дырявого камзола
Тело клочьями висит.

И кошмар нам не минутен,
Не созданье злой мечты, —
Торжествующий шпицрутен,
Палки, розги и кнуты.

(1910)

162. НА НЕВСКОМ

Трамваев скучные звонки,
Автомобиль, кричащий дико.
Походки женские легки,
И шляпы, муфты полны шика.

Вдруг замешательства момент.
Какой-то крик, и вопль злодейский...
Городовой, как монумент,
И монумент, как полицейский.

Не видно неба и земли,
Лишь камни высятся победно
И где-то Русь живет вдали...
Живет загадочно и бедно.

(1910)

163. АПРЕЛЬ

Это месяц «обманности»
(Ваше слово, Бальмонт!),
В нем покровом туманности
Облечен горизонт.

Может в нем без усилия
Светом сделаться мрак
И Кузмин, бросив «Крылия»,
Проповедовать брак.

Вдруг объявятся чаянья,
Что давно уж в пути,
И за миготм отчаянья
Может радость прийти.

Может согнуть двуличие
У газет наконец.
Пуришкевич приличия
Может дать образец. . .

(1908)

164. SIC TRANSIT...¹

Старины родной блюстители,
Вековых заветов данники,
Где вы, наши *охранители*?
Заменяли вас *охранники*!

(1908)

165. ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Гремит, гремит затвор,
Другой и третий:
Скорее на простор
Из тесной клетки!
С дороги, стража тьмы!
Ты солнце застишь...
Свободным из тюрьмы
Ворота настезь!

Но жизнь уж нам сулит
Иные клетки,
И уж затвор гремит,
Другой и третий...
Мечта, из сердца прочь!

¹ Так проходит... (лат.) — начало латинского изречения: «Так проходит земная слава». — *Ред.*

Ты правду застишь:
В тюрьму и день и ночь
Ворота настезь.

(1908)

166. МНЕНИЕ А. И. ГУЧКОВА

«Ваше мнение?» — «Мое? —
Со стены я снял двустволку
(Превосходное ружье!)
И прочистил. — Что же толку?
Хитрость в чем же? Хитрость в том
(Говорю, как старый воин),
Что с двуствольным-то ружьем
За себя уж я спокоен.
Как увижу, чья взяла,
Так решительно и смело
Из того ль, сего ль ствола
И хвачу я без прицела.
Вправо надо — правый ствол,
Влево — левый: вся наука!
Сам своим умом дошел,
А любой из «этих» — ну-ка!»

(1908)

167. ТИШЬ ДА ГЛАДЬ

Тишь да гладь — божья благодать.

Народная поговорка

В чистом поле — что за диво! —
Ни травинки, ни цветка;
В бороздах чернеет нива:
 Ни ростка.
Спит иль вымерла деревня?
Не поживится в ней тать:
Ни коровушки, ни певня
 Не слышать.

Прикорнули даже избы,
Дремлет дед один в тени;
Дети хоть отозвались бы!

Где они?

Где? Да там вон, на пригорке,
Под крестами. . . Тишь да гладь. . .
Уж как есть по поговорке:
Благодать!

1908 (?)

168. ИЗДАТЕЛЮ

Слово — серебро, молчанье — золото.

Арабская пословица

Подписки дань в кошницу собирая,
Не усмехайся так хитро,
Не чти себя у врат земного рая,
Не мни, что «слово — серебро».
Гляди, чтоб не вручил тебе объявку
Гонец, подкравшийся, как тать,
И, штраф платя, чтоб не пришлось вдобавку
«Молчанье — золото» сказать.

(1909)

169. ГДЕ МАЛО — ГДЕ МНОГО

Ну и порядки! Никого
Не дозовешься,
И что заказано — того
Едва дождешься.
Поесть охота и была,
Да вся пропала,
И злой встаешь из-за стола. . .
Лакеев мало!

То водомет угодных слов
И раболепство;

То, как в зверинце, дикий рев
И непотребство.
И где ж заботы о стране?
Где ей подмога?
Всё по заветной старине. . .
Лакеев много!

(1909)

170. ДОГАДЛИВЫЙ БАРИН

Обойщика призвал богатый барин.
«Свободны вы? Работа есть для вас».
— «Свободен и весьма вам, сударь, благодарен».
— «Так в добрый час!
Вы человек со вкусом и сноровкой,
Нужны же мне вот на какой предмет:
Хочу побаловать себя обновкой —
Устроить черный кабинет. . .»
— «Как-с?! Черный кабинет?!» — «Ну, да!»
— «Прошу прощенья:
Я этого заказа не приму».
— «Не примете заказа? Почему?»
— «Позвольте обойтись без объясненья!»
Поклон —
И вон.
А барин сразу домекнулся
И пальцем в воздухе значительно повел:
Бедняга, мол,
Рехнулся!

(1909)

171. ИСТОРИЯ В ЧЕТВЕРОСТИШИИ

Исконі была обломовщина,
Народилась карамазовщина,
Вслед за нею — передоновщина,
Увенчала всё — азефщина.

(1909)

172. НА ВЫБОР

Кандидатами на пост кавказского генерал-губернатора называют: Гершельмана, Меллер-Закомельского и Толмачева.

Из газет

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор...

Лермонтов

Обессилен черной думой,
В чередѣ времен,
Долго спал Казбек угрюмый —
И увидел сон.
Будто Север тороватый,
Вспомнив старика.
Снова дар ему богатый
Шлет издалека.
Три маститых генерала,
Поднимаемая прах,
Едут грозно и удало
На лихих конях.
Страстным рвением каждый пышет
Успокоить край —
И Казбек в тревоге слышит:
«Старче, выбирай!»
Выбирай! . . . Старик окинул
Взглядом всех троих,
Шапку молча передвинул —
И опять притих.

1909

173. ВИНОВАТЫЙ

Шутка

Ты виноват уж тем,
что хочется мне кушать!

Крылов, «Волк и Ягненок»

В господской роще
Крестьянин дерево срубил

(Мужичьи искони достатки тощи),
А господин его накрыл
И возопил:
«Вот кто мои леса изводит беспощадно!
А я-то думаю, гадаю так и сяк!
За это, брат, поплатишься изрядно».
Крестьянин в ноги: «Нет! Попутал враг, —
Помилуй!» — «Ладно!
Уж не отмолишься никак,
Да и другим чтоб не было повадно».
— «Всего одно-то деревцо. . .»
— «Одно ли, десять ли, порубка налицо,
И не хочу я больше слушать».
— «Прости!» — «Ну, я простить бы рад,
А что законы говорят?
Могу я разве их нарушить?»
Ведь ты же уличен! Ведь ты же виноват!»
— «Ох, виноват уж тем, что хочется мне кушать!»

(1910)

174. ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ РИФМЫ

За утратою пергамента
(Пронеслась такая весть)
Для любого темперамента
На Руси — ни стать, ни сесть.

Невозможно без регламента
Жить на свете, пить и есть!
Истукану без постамента —
Так и то стоять не в честь!

Слава богу, нет парламента?
Или, слава богу, есть?
Дума вроде лишь орнамента?
Иль ее за правду счесть?

Хоть добратся до регламента
Нам какого бы ни весть,

Чтобы — так ли, сяк ли — амен¹-то
С чистым сердцем произнести!

(1910)

175. ЗАГАДКА

Краски,
Маски,
Глазки,
Ласки:
Что такое? — Маскарад! —
Невпопад.

Краски,
Маски,
Глазки,
Ласки...
Конституция у нас! —
В самый раз!

(1910)

¹ Аминь (лат.). — *Ред.*

176. ПРАЗДНИЧНОЕ

Пестрят газеты объявлениями.
Милльон подарков для детей.
Теперь игрушки с ухищреньями,
А не как прежде, без затей.
Аэропланчик с авиатором,
Триполитанские дум-дум,
И Дума с маленьким оратором,
Производящим страшный шум.
Таких игрушек нынче множество.
Недорогая им цена. . .
Забыты прежнее убожество
И ты, святая старина!

Вот книжки детские с картинками.
И здесь немало перемен.
В ряду с последними новинками
Переработан Андерсен.
Забыты прежние сказания
Про те счастливые края,
Где богдыхан в часы страдания
Лежал и слушал соловья.
Старо, старо для нашей публики!
И ей бы надо поновей:
«Китайский президент республики
И скальд свободы — соловей!!»

1911

177. ЛИГА САМОУБИЙЦ

Рассказ репортера

До последнего мига
Я не верил. Но странные слухи — не вздор.
Да, у нас существует ужасная лига. . .
 Это правда, как я — репортер!
 Собираются часто
В полутемный, огромный, таинственный зал
 Человек полтораэта,
И у каждого — яд, револьвер и кинжал.
 Произносятся речи.
Ассигнуются средства из собранных сумм
На покупку свинца, динамита, картечи,
 Всевозможных дум-дум.
 Речи кратки и глухи:
О заветном, желанном и близком конце. . .
И летают вокруг специальные мухи —
 Ядовитые мухи це-це.
 Выбирают правление,
Комитет или тайный верховный совет.
 А затем, в заключение,
Пляшет «дансы-макабры» пред ними скелет.
 Тихий марш похоронный
Выдувает покойник-трубач не спеша,
 А скелет приглашенный
Продолжает немые свои антраша. . .
 Полночь бьет. И, прощаясь,
Жмут друг другу они ледяные персты.
 Говорят, расставаясь:
«Брат! Прочтите роман „У последней черты“!»
 — «Очень ценная книга».
— «Вы читали ее, уважаемый труп? . . .»
 И расходится лига,
Покидая угрюмый, нетопленный клуб.

(1912)

178. БИОГРАФИЯ

Июня третьего числа
Явясь на божий свет,
Она спокойно провела
Пять бесконечных лет.
Она росла, она цвела
В тиши — и, наконец,
Глубокой осенью вошла
В Таврический дворец.
И в жены взял ее Совет —
Двух первых Дум супруг,
Меж тем министров кабинет
Был дома лучший друг.
Но в доме с первых же минут
Возникли нелады:
Супруг бывал довольно крут,
Хотел держать бразды!
Она же правила домком,
Была тиха, скромна,
Хоть посчитаться с муженьком
Готовилась она. . .
Любила друга своего,
Несла его портфель.
А в пище более всего
Любила вермишель.
Одно лишь странно было в ней:
Ругалась. . . И при всех!
Но в пятилетний юбилей
Простим ей этот грех! . .

(1912)

179. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНЬЕ

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!

Пушкин

Не пленяйся думской славой,
Избиратель молодой,

Не бросайся с крайней правой
В бой неравный — в смертный бой.

О, я знаю: поражение
Не страшит тебя в бою.
И любовь и уваженье
Ты снискал в родном краю.

Знаю я, что нет предлога
«Разъяснить» твой думский ценз:
Ты квартирного налога
Уплатил последний пенс.

В летний зной, живя на даче,
Ты квартиру удержал
И платить налог собачий
Никогда не забывал.

Много лет ты без печали
Жил по милости небес,
И тебе не поручали
Охранять казенный лес.

Превышеньем земской власти
Не грешил ты никогда,
И не ждут тебя напасти
И повестки из суда.

Но боюсь: в пылу сражений
В избирательной борьбе
Ты не скроешь убеждений —
И конец придет тебе.

(1912)

180. ОСВОБОДИТЕЛИ ИСКУССТВА

Формы, линии... освобождаются
от науки, анатомии, перспективы и
природы.

*Новейший художественный
«манифест»*

Их девиз: натура — дура!
И культура — тоже дура.
Им природа не нужна.
Лишь свобода быть должна!

Анатомия — в отставку!
Перспектива — на покой.
Освещение — марш под лавку.
Формы, линии — долой!
Кисти, краски... Ну их к шуту...
Позабудем карандаш.
И в счастливую минуту
Уничтожим Эрмитаж!

Древний грек не ведал чувства
И не мыслил глубоко.
Оттого его искусство
Так прекрасно и легко!..
Как ликующее стадо,
Заживем мы без забот —
И тогда у нас Эллада
В полном блеске расцветет!

(1912)

181. АРМИЯ СПАСЕНИЯ

Из путевой тетради «По Англии»

В субботний день среди движенья
И предвоскресной суеты
На взводы Армии спасенья
Досужий люд разинул рты.

В фуражке красной, в макинтоше
Довольно странном — до колен,

Обходит круг и бьет в ладоши
Уже спасенный джентльмен.

А вот спасительницы-феи.
Их шляпки сплюснуты у щек
И крепко связаны на шее,
Как повелел им их пророк.

Зато их ленты цвета клюквы
Так хороши, так манят взгляд;
Зато на лентах этих буквы
Так много сердцу говорят.

Завыли трубы в отдаленьи.
Ударил грозный барабан.
Запела Армия спасенья
Псалом священный. . . иль канкан.

Когда ж умолкли эти звуки,
Раздался зов: «Иди — спасай».
Оратор вышел, поднял руки
И начал: «Был я негодяй.

Я был подлец, я был мерзавец,
Картежный шулер, донжуан. . .
Кутил, обманывал красавиц,
В воскресный день бывал я пьян.

Я крал платки. Тянул и ложки,
Когда случалось — кошельки,
Браслеты, дамские сережки,
Ларцы, шкатулки, сундуки. . .

Отца зарезал, мать повесил.
Я говорю: я был подлец,
И был беспечен, волен, весел,
Но наконец. . . Но наконец. . .

Когда казалось мне, спасенья
Уже не будет в жизни сей, —
Я вдруг услышал звуки пенья
И порешил, что я злодей.

Да, я подлец и грешник тяжкий. . .
Я наземь пал и весь дрожал,
Но некто в форменной фуражке
Меня, мерзавца, поддержал.

Сказал: „Я также был мерзавцем,
Но я покинул царство тьмы.
Восстань — и будешь ты красавцем
В такой фуражке, как и мы!“»

Между 20 июля и 6 августа 1913

182. 1914

Пейте! Гаснут в снежной пене
Искры буйного вина.
Все мы рады перемене,
Всех пленяет новизна!

Год-покойник был неистов,
На приказы был он лих,
Разгромил он октябристов,
Породил он футуристов —
Эго, кубо и иных.
Избирательные клики
Он слышал в стенах Москвы,
А итоги каковы?
Все избранники на пике,
А Москва без головы.
Был он шумным, и скандальным,
И сумбурным — этот год.
Был он годом «ритуальным». . .
Новый термин пущен в ход! . .
Год угас. К нему на дроги
Кинем старую печаль.
А пока ему — итоги,
А преемнику — мораль:
Знай, младенец, твой родитель
(Коль меж вами есть родство)
Был мошенник и грабитель
И творил он озорство. . .

Пейте! Гаснут в снежной пене
Искры буйного вина,
Все мы рады перемене,
Всех пленяет новизна!

Декабрь 1913

183. ШАХМАТЫ

Два трутня-короля со станами стоят
И, шпагами рабов скрестившись мгновенно,
 Так мыслят зло и сокровенно:
 «Эх, дать бы им, прохвостам, мат».
 А королевы грустно вышли в бой. . .
Их дело — уязвлять и зло пикироваться. . .
 Король один, размыслив сам с собой,
Для блага родины решил рокироваться. . .
 Дипломатично нежный офицер
Кому-то объявил уж ноту с видом мага, —
 Заколебалось настроенье сфер,
И вражеский король стал бледен, как бумага. . .
 А королеве между тем слабó
 От натиска коня и неуклюжей пушки,
Но тут, с послушною гримасой бибабо,
 Пришли на выручку две пешки-душки,
И королевы путь стал тише и светлей,
А на зубах коня, щелкая, как орешки,
 Из-за интриги королей
 Прямолинейно гибли пешки. . .

(1912)

184. КАДЕТ

Банкеты, анкеты и съезды,
Петиции — сфера моя.
Репрессий, угроз и насилий
Избегнуть стараюсь лишь я.
«Мы требуем» — слова не знаю,
«Мы просим» — признаться, люблю,
И, скорчив гражданскую мину,
Удобный момент я ловлю.
Об общем я благе радею,
И даже я клясться готов,
Что — «левый». И, право, противник
Я старых, негодных основ.
Но... только потише. На деле
Мне мил этот старый наш строй,
И только починки он просит.
Починку! За это горой.
Наладим, подмажем, починим,
Исправим, пришьем, подогнем,
Кой-где мы отнимем, отрежем,
Кой-где мы и краской мазнем.
Починку! И, став депутатом,
О всем постараюсь забыть;
На кресло в Таврическом зале
Что хочешь готов обменять!

(1912)

185. ТИП

Сыт по горло, чин огромный,
Власти — края нет!
Для одних он — бездна горя,
Для немногих — свет.
Голова — кладбище мысли,
Слово — острый меч.
Он любого может мигом
Выгнать и распечь. . .
Для него закон не писан,
Он иным рожден.
И всецело доверяет
Взгляду только он.
Что ему печаль и слезы,
Нищеты рабов,
Он пришел не горе тешить,
А искать чинов.
Посмотрел. Стары! Не нужно!
К черту — и конец. . .
Вот гляди и думай: кто он?
Честный иль подлец?

(1910)

186. РЕЦЕПТ

Милый друг, ты слишком молод,
Жизни путь тяжел,
Полон он колючих терний
И различных зол.

Если хочешь жить безбедно,
Капитал иметь,
Поступай туда, где можно
Руки понагреть;
Поклониться там, где нужно,
Шеи не жалей,
К богачу иди, а с бедным
Дружбы не имей. . .
Говорить о правде можешь,
Например, с женой,
Но чтоб знал о том начальник —
О, ни боже мой!
В ночь бессонную о чести
Думать нет греха,
В жизнь вводить идею эту,
Помни, — чепуха. . .
Пресмыкаться, лстить не бойся.
Гордость не к числу. . .
Обмани, коль это надо,
Не противься злу. . .
Покори рассудку сердце,
Чувства усмиряй.
Так, согласно наставлений
Этих, поступай. . .
Если стыд тревожит душу,
К знахарю сходи,
Для того лекарств немало
У него поди. . .
Коль упрек и слезы брата
Надрывают грудь,
Перед сном ее помазать
Салом не забудь. . .
И, идя дорогой этой,
Будешь сыт всегда. . .
Пусть зовут тебя «мошенник», —
Это не беда!

(1910)

187. ШАЛОСТИ

Повсюду видны шалости:
Из выгоды, из жалости
Иль прямо ради наглости.
Куда ни бросим взгляд —
Шалют везде, шалют!

Шалют мужья примерные,
Их жены благоверные,
И девы лицемерные,
И врач, и адвокат
Шалют себе, шалют!

Шалют купцы степенные,
«Снегами» убеленные,
Сбыть гнили совершенные
За цену норовят. . .
И купчики шалют!

Шалют дельцы известные,
По виду очень честные,
А между тем бесчестные
Штуковинки творят;
Шалют они, шалют!

Шалют отцы духовные,
Дела творя греховные;
За вины безусловные
Пускай грозит им ад, —
А все-таки шалют!

(1910)

188. С МАЛОРУССКОГО

Говорят, есть край далекий,
Расцветает пышно, гордо. . .
В том краю живет счастливо
Держиморда. . . держиморда. . .

В том краю все волю любят. . .
Им неведома тревога. . .
Обо всем свободно судят. . .
Средь острога. . . средь острога. . .

Там блюдут весьма законы,
Ненавидят мыслей вредных,
За провинности карают. . .
Только бедных. . . только бедных. . .

Процветает там и трезвость,
О вине там нет и слуху,
И, как воду, пьют во славу. . .
Лишь сивуху. . . лишь сивуху. . .

(1910)

189. FIVE O'CLOCK¹

... Они сидели, не скучая,
Вокруг стола, за чашкой чая.
Всё так изящно: сервировка,
Наряды, жесты, обстановка...
И разговор велся свободно
О том, о сем... о чем угодно...

Мужчины весело, без шума
Бранили нынешнюю Думу,
Затем решили, что свобода
Вредна для русского народа,
А просвещение — род предлога,
Чтоб уничтожить веру в бога.

А дамы речь вели о моде,
О развлечениях, о погоде,
О вечно дерзкой их прислуге,
О неприехавшей подруге,
О новой музыке балета,
О силе мускулов атлета...

Всё было чинно и прилично,
Бесцветно, скучно и безлично...
Казалось, чудо-автоматы,
Внутри которых аппараты
Заведены давно на славу,
Собрались... людям на забаву...

(1908)

¹ Пять часов (англ.), т. е. чаепитие между вторым завтраком и обедом. — *Ред.*

190. ПЕСНЯ

Веровочку-бечевочку кручу себе, кручу,
Покрепче, понадежнее скрутить ее хочу.
Завейся же, веревочка,
Змеистым ты жгутом,
И станешь ты, бечевочка,
Хорошеньким кнутом.
На чьи-то белы плеченьки
Взлетишь беда бедой? . .
Какие стоны-реченьки
Услышишь под собой?
Ой, жги, садани,
А кнут не кляни!
Ой, до крови бей,
До самых костей!

Веровочку-бечевочку кручу себе, кручу,
Покрепче, понадежнее скрутить ее хочу.
Завейся ты, веревочка,
Увертливой змеей;
И сделайся, бечевочка,
Ты мертвою петлей,
Под чьей рукой умелою
Ты узел захлестнешь
И чью ты шею белую
До смерти обоймешь?
Ой, крутись, крутись,
Да смотри не рвись!
Вейся в крепкий жгут,
Не петля, так кнут!

(1908)

191. В XXIII ДУМЕ

Из предсказаний ясновидящей

Н а ч а л ь н и к о х р а н ы:
Депутаты! Встаньте с места!
И без всякого протеста

Становитесь дружно в пары
На прогулку в кулуары
 По — ря — дам!
На прогулку — плечи прямо,
Спину, шею — так же само,
Брать равнение по соседу,
Не вступая с ним в беседу.
 По — мес — там!
Мной назначенный дежурный
На просмотр мне цензурный
Ваши речи все доставит. . .
Что перо мое убавит,
 То — до — лой!
После «вежливеньких» прений,
Но не с крайних точек зрений,
Пропоете гимн все хором
И с пристойным разговором
 На — по — кой!

(1908)

192. В КАБИНЕТЕ

Кретин из породы остзейских баронов
В измятой сорочке, совсем налегке,
Уныло гнусавит мотив похоронный,
Бряцая браслетом на левой руке.
Два франта устало сидят за роялью,
Как тигры, лишённые знойных полей,
И в медленном темпе, с незримой печалью
Играют носами романс «Пожалей». . .
Эксперт и любитель парижских кокоток
Неистово шепчет: «Крамольников режь!»,
Пронзительно свищет на весь околоток
И мажет горчицей солидную плешь.
Художник по части пикантных сюжетов,
Облив «бордолезом» передний фасад,
Лицо вытирает лиловым жилетом
И в томной истоме грызет шоколад.
В углу за роялью предвестники боя,
И некто могучий, согнувшись в кольцо,
В безумном экстазе пронзительно воя,
Пустил лосося Рембрандту в лицо.
Художник воспрянул с безумной отвагой,
Надев вместо шлема серебряный жбан,
Заел шоколад оловянной бумагой
И с грозною миной ползет под диван.
Барон недоволен короткою стычкой,
Устало шатаясь, как сонный удод,
Случайно развлекся с дремавшей певичкой,
Пустив ей за ворот оттаявший лед. . .

Шабли, Кюрасо и останки омара,
От криков и песен дрожит кабинет,
Смыкаются волны хмельного угара,
И в окна глядится холодный рассвет.

(1912)

193. ГРЕШНИК

Пасхальная поэма

В глуши унылой, благодатной,
Где обыватель вял, как уж,
Известен город нам заштатный
Под скромной кличкой «Новых Луж»;
Прекрасный город, идеальный,
Основан в прежние года,
Хотя «на карте генеральной»
Не отмечался никогда;
И никогда, к моей досаде
(И тайной зависти к тому ж),
В моем печальном, кротком граде
Не издавался «Голос Луж».
Но там, где диво — каждый школьник,
Нашел приют на много лет
Один бессовестный крамольник
И пребездарнейший поэт.
Да, он служил на телеграфе
И даже в сфере этих стен
Строчил роман «О пылком графе
И милой грешнице Элен».
Но этим горестным проступком
Не исчерпались все грехи,
И он порой за полным кубком
Строчил унылые стихи.
Он был врагом всему живому,
Он был для города — гроза,
И им лихому становому
Корили граждане глаза.
Его прогнали б без копейки
Не только в три, а в девять шей,
Когда б не знали, что статейки

Строчит он в «Голос Тетюшей».
Он не считал горячих строчек,
Для прессы не жалея сил,
В один присест без проволочек
Четыре дести изводил.
Из музы выжимая соки,
В пасхальный радостный канун
Низал лирические строки,
Как прежде весел, зол и юн.
Но совесть, совесть, как напильник,
Злодея медленно сверлит:
«Остановись, пера насильник!
Умолкни, мерзостный Терсит!»
Он слышит мерный звон пасхальный,
Он слышит нежный перезвон,
И отзвук странный и печальный
В своей душе отметил он.
И, полный грустных сожалений,
Он уничтожил том стихов:
«Довольно гнусных преступлений
И непростительных грехов! . . .»
Он встал, и взором просветленным
В ночную мглу взгляделся он, —
Во мгле проснулся город сонный
И плыл пасхальный перезвон. . .

.

В огне погибли для острастки
Мечтанья графов, королей,
Зато поэт — писцом в участке
С окладом двадцать пять рублей. . .

(1912)

194. В КРЫМУ

В сердце — злоба, зной и лава,
Не напудрено лицо, —
Для поездки в Балаклаву
Заложил поэт кольцо.
Пусть кольцо — подарок милой,
Но порыв в груди утих,

Там, у моря, с новой силой
Запоеет звенящий стих.
Там расскажет южный берег
(Тайну свято сохраняя),
Сколько видел он истерик,
Флирта, страсти и огня;
Сколько знойных вождедений
Видел каменный утес,
Становились на колени
Здесь и финн, и грек, и росс.
На скале, вверху над нами,
Даты, цифры. . . О пророк!
Здесь исчерчен именами
Каждый тихий уголок. . .
Здесь забыться нет надежды,
Опозорен камень плит. . .
Отчего везде невежды
Портят знойный, яркий вид?!
«А. Мордкович», «Кац из Балты»,
«Аня с Лидой», «Иванов».
От Ай-Я до самой Ялты
Сгублен фон волшебных снов.
Будьте прокляты, невежды,
Погубившие экстаз, —
Здесь забыться нет надежды —
Уезжаю на Кавказ.

(1912)

195. «ВИЦЕ»

Губернатор то в столице,
То в имении, то в Ницце.
Правит нами «вице».
«Вице» всех приводит в дрожь.
Метит выше. . . Ну так что ж!
Разве только чрез Чернигов
Путь избранника лежит?
Дайте выборов иль сдвигов —
«Вице» в Питер полетит!
Был он где-то ранен в пятку.
Из Тавриды послан в Вятку —
Не за взятку, для порядку!
Старой школы ученик,
Мудрость славных он постиг.
Книги любит, как Муратов,
Театрален, как Хвостов,
И средь первых бюрократов
Для него уж стул готов.
Проповедует он плетку,
И к тому ж имеет тетку. . .
«Гражданин» уже «находку»
В нем восторженно узрел:
Тверд, решителен и смел!
Мы же прыгаем от счастья:
Браво! Он отмечен «там»!
Он так нужен «мудрой власти»
И совсем не нужен нам!

(1913)
Харьков

196. МАДЬЯРСКИЙ ДВОРЯНИН

Из Петефи

Славных предков меч кровавый
Весь проржával; нет причин
Мне снимать его со стенки...
Я — мадьярский дворянин.

Праздность — цель существованья.
Тот пусть трудится один,
Кто крестьянином родился...
Я — мадьярский дворянин.

Проводи, мужик, дороги
Посреди родных равнин!
Ведь возить меня тебе же...
Я — мадьярский дворянин.

Пусть ученый голодает!
Враг науки и доктрин,
Не пишу и не читаю...
Я — мадьярский дворянин.

Впрочем, есть одна наука,
В ней я полный господин:
Есть и пить — великий мастер...
Я — мадьярский дворянин.

От налогов я избавлен.
Жаль, что мало десятин,

А долгов за мною много...
Я — мадьярский дворянин.

Разделять с отчизной радость
Я согласен, но кручин
И невзгод делить не стану...
Я — мадьярский дворянин.

Докурю я тихо трубку
И, примерный церкви сын,
В рай, конечно, принят буду...
Я — мадьярский дворянин.

(1908)

197. УСПОКОЕНИЕ

Спасен закон
На вечный страх крамоле;
Смирён циклон,
Крушитель монополий.
Опять цветут
Разливки, упаковки,
И мирный труд —
Под сенью сороковки.

1912

198. РАЗГОВОР

«Где голод? Где?
Когда везде
Наоборот,
Лишь недород!..»
— «Ну да! И впрямь
Лишь недород!..»
— «Печать всё врет!»
— «А как народ?»
— «Да что ж народ...
Народ упрям —
Он мрет».

(1912)

199. МАРКОВ 2-Й

Решили всем парламентом
Про Маркова 2-го:
С бодливым темпераментом
Безрогая корова.

(1912)

200. ПАДЕНИЕ И СОВПАДЕНИЕ

Уж много лет я жил в карнизе
И видел множество картин.
Я видел, как маркиз маркизе
Дарил любовно георгин,
Я видел, как, в тугих лосинах,
В мундире шитом, генерал,
Ища причин во всех причинах,
О Ватерлоо дамам врал.
Но вот сегодня голубь юркий
Карниз родимый стал клевать,
И я, кусочек штукатурки,
Постыдно должен был бежать.
Внизу приехал кто-то важный,
Стоял без шапок весь народ,
И лысин ряд густой и влажный
Смотрел в далекий небосвод.
В тот миг, когда я пал, несчастный,
С карниза в мир страстей и слез,
Мне подвернулся сизо-красный,
Особы очень важной, нос.
И вот теперь лежу в пыли я,
А надо мною конский топ,
И слышу вопль и крики злые:
«Ужасный замысел! Подкоп!
Всё это шутики демократов!
Где их притоны?! Кто их вождь?..»
А серый цвет небес так матов
И мелкий так печален дождь!

(1908)

201. ВЕТЕР И СУЛТАН

Газель

Над Ильдыз-Киоском веет ветер.
Кто тебя хулить посмеет, ветер?
Но султан спросил однажды: «Визирь!
Отчего меня не греет ветер?
Приказать сейчас, чтоб дул лишь с юга,
Из страны, где лотос млеет, ветер!»
Но в ответ сказал султану визирь:
«Падишах, меня отбреет ветер!»
И, поняв, вздохнул султан прискорбно:
«С младотурками краснеет ветер!»

(1908)

202. НЕКОТОРЫЕ ЖЕЛАНИЯ КУЗИНЫ МОЕЙ НЮРЫ

Нюра, пылкость обнаружа,
Хочет мужа,
Но какого?!
Льва Толстого!
Чтоб он был умен и славен,
Чтоб богам был славой равен,
Чтоб громил он казни гневно,
Чтоб пахал он ежедневно,
Чтоб был с блюдом незнаком,
Чтоб ходил он босиком,
Чтоб он был мирам кумир,
Написав «Войну и мир»,
Принимал корреспондентов,
Чтоб ругал он декадентов,
Чтобы блузу он носил,
Рыбу с Репиным ловил,
Чтоб в церквах он проклинался,
Чтобы злу не противлялся,
Чтоб он сделал другом дома
Сергеенку с Тенеро. . .
Но совсем не хочет Нюра
(И у ней губа не дура),
Чтоб Толстой был слаб и сед,

И восьмидесяти лет,
И чтоб ныне и доньше
Он женат был на графине.

(1908)

203

Нежным богом брачных уз —
Гименеем —
Заклучен был союз
Эвридики с Орфеем.
О, бряцатель звонколирный, о Орфей!
Томный властитель камней,
Смиритель зверей!

Ныне, к радости медуз
И пародий,
Заклучился союз
Хомякова с Володей.
О, бряцатель колокольный, Хомяков!
Томный властитель голов,
Смиритель свистков!

1908

204. У ДВОРЦА

Когда весной разводят
Дворцовый мост — не зря
Гулять тогда выходят
Под вечер писаря.
Штаны у них раструбом,
Штиблеты — чистый лак,
Идут, сверкая зубом,
Хихикая в кулак.
За сизо-серой мглою
Заглох закатный луч,
За крепостной иглою
Гора лиловых туч.

Чуть веет невской влагой...
В предчувствии конца
Идут они с отвагой
Улавливать сердца.
И слышно издалече
По звонким голосам,
Как рад условной встрече
Цветник влюбленных дам.
Пуховые платочки
Посбились вкривь и вкось...
Без дум, без проволочки
Гулянье началось.
До Прачечного моста
Дойдут и повернут —
Одну обнимут просто,
Другую ущипнут.
В стыдливости невинной
Зажмурилась заря...
По набережной чинно
Гуляют писаря.

(1910)

**205—209. НА ВЫСТАВКЕ
«ТРЕУГОЛЬНИК»**

Шутки

1

ШМИТ-РЫЖОВА

Шмит-Рыжова падка
К рифмам на «адко»,
Всё очень сладко,
Тона — помадка,
А в общем ...

2

С. ГОРОДЕЦКИЙ

На грязной рогоже
Рожа на роже...
Художе-
Ство тоже!

3

В. БУРЛЮК

(«Моя сестра»)

Коль у тебя фантазия востра —
Взгляни-ка на портрет «Моя сестра»
И объясни: чем разнится от бурдюка
Сестрица Бурлюка?

4

Д. БУРЛЮК

(«Зимняя баня»)

Пальцем, выпачканным в сажу
(В бане не был я давно),
Я всё мажу, мажу, мажу
Терпеливо полотно.
И нечистый плод исканий
Называю «Зимней баней».

5

СТАТУЭТКА

Колено, изрытое оспой,
Будет весь век колено —
 Это нередко, —
А полено, изрытое оспой,
Будет уже не полено,
 А статуэтка.

1910

210. ЧЕСТЬ

Служа в охранке
Уже лет десять,
Свои замашки
И привычки
Давно успел уравновесить
Иван Петров.
Подле часов
Всегда в кармашке
Носил он спички,
Медаль в петличке,
И в Новом банке
Имел он свой вклад —
Сто пятьдесят.
Мужчина в соку,
Под тридцать лет,
Вставал он чуть свет
И до поздней ночи
Был начеку.
За всеми следил,
За всеми ходил
Походкой тяжелой,
Подняв воротник. . .
Короче —
Наблюдал за крамолой,
Как честный шпик.
Была у него любовница,
Мелкая чиновница,
Угощала его по воскресеньям
Пирогами
С грибами.
Сравнивала себя с грациями
И завязывала банки с вареньем
Прокламациями.
Любил он ее лет пять,
И жизнь его была благодать.
Но вдруг всё вокруг изменилось.
Распустились цветочки акаций,
И чиновница весною влюбилась.
Нет уже прокламаций
На банках с вареньем,

Явились с новой любовью
Пироги с морковью,
А на сладкое бомбы.
И, обиженный сим охлаждением,
Лишился совсем апломба
Мой Иван Петров.
И хмур, и суров,
Ходит он, опустив воротник,
И судьбу ругает аллигатором,
Ведь обидно: он — честный шпик,
А она связалась с провокатором.
И с горя о чувстве столь чистом
Стал мой шпик октябристом.

(1911)

211. НА ВЕРНИСАЖЕ

Было много женских лиц
На обычном вернисаже:
Дам, подростков и девиц,
И седых старушек даже,
Но среди носов и глаз,
Буклей, челок и накладок
Тотчас я заметил вас
И привел себя в порядок.
Как стрела, как быстрый стриж
Над речною гладью звонкой,
Вы, куда ни поглядишь,
Проносились с компаньонкой.
Наконец я вас поймал
У портрета дамы в черном:
Взор ваш милый засверкал
Чем-то радостным и вздорным.
Не успел я рта открыть,
Как уж вы мне рассказали,
Что с утра вы во всю прыть
Здесь носились и устали.
А когда я вас спросил,
Для чего вам нужно это, —
Вас давно и след простыл,

Только смех звучал ваш где-то...
И один остался я,
Ничего не понимая,
Но пришли мои друзья
И сказали мне, зевая:
«Боже правый, как ты глуп!
У нее же кличка лани.
Вернисаж же это клуб
Для рекламы и свиданий».
— «А картины?» — «Ну, холстов
Тут, наверно, не заметят,
Разве только в шесть часов
Электричество засветят».

(1912)

212. ИДИЛЛИЯ

Околоточный Ива́нов злым домой
Из участка полицейского вернулся.
Хлопнул дверью, двинул пса ногой,
А на вой собачий и не обернулся.
Прямоком прошел Ива́нов в кабинет
И фальшиво не свистел он «Периколу» —
Нынче времени на «Периколу» нет,
Нынче он идет излавливать крамолу.
Приставом своим назначен нынче он
В лекционный зал на реферат дежурить,
И ему придется прения сторон
Олегальить, оскопить и оцензурить.
Ну, а как цензурить, если Ива́нов
(Иль Ива́нов, это, в общем, безразлично)
Не знал значения иностранных слов,
Кроме слов «шикарно» или «симпатично»?
И решил Ива́нов бедный почитать
Хоть немножко перед лекцией по книжкам —
После обыска на Курской, сорок пять,
У него брошюр имеется с излишком.
Вынул книжку, начал разбирать — куда!
Ничего не понял и позвал сынишку,
И сынишка-гимназист не без труда

Начал объяснять ему лихую книжку.
Через час взопрел и младший Иванов:
«Нет, папаша, будет! Я вам приготовлю
Список нецензурных иностранных слов,
С этим списком и ступайте вы на ловлю».
Так и сделали. Сынишка написал
Сорок с лишком измов, уций, аций,
Бибель, Каутский, и Бокль, и «Капитал» —
Все сюда попали, даже сам Гораций.
Только Маркса околоточный изъял,
Вычеркнув из списка и испортив строчку:
Карла Маркса знал он, ибо получал
«Ниву» с приложеньями семь лет в рассрочку.

(1912)

213. СЧАСТЛИВЕЦ

Кто сказал, что я под гнетом
Состою у диких зол?
Ложь!.. Я пользуюсь почетом!
Моим вольностям, полетам
Позавидует орел!
Мне в Сибири и в Воляни
Можно с сумкою парить,
А в заброшенном овине,
На загаженной мякине
Богдыханом хоть царить!
И в Калуге и в Самаре
Мне вниманье и почет,
Преподобья, графы, баре —
Всё в стремительном угаре
От меня... работы ждет!..
А какую милой славой
Я сугубо окружен:
И ленивый, и лукавый,
И немый, и корявый...
Вот чинов-то, миллион!

(1909)

214. НЕВЕСТЫ ХРИСТА

Перевод с итальянского

Вдали от соблазненного мира,
Где губит людей суета,
Толстеют и пухнут от жира
Младые невесты Христа...

Широкие, черные тоги
Не могут их прелестей скрыть:
Видать, что радеют о боге
И дают телесную прыть...

Чудесно выхóлены руки,
Румянец задорный ланит
Рисует душевные муки,
О долгих постах говорит...

О, дивны они на моленьях!
Как формы богинь не воспеть...
Терпимо лишь в горных селеньях
Такие рельефности зреть...

Глаза... а какие же губки...
Ну, кто им создал терема?..
Простите, святые голубки,
Вы черта сведете с ума!

(1910)

215. К КАБАКУ

У меня в амбаре пусто,
Сплавлен в подати ячмень.
Как не сдвинуть тут картуз-то
Залихватски набекрень?

И кому-то на поблажку
Утекла за ним и рожь;
Поневоле нараспашку
Тут сермягу распахнешь!

Ни овса, ни тучной гречи,
Всё стащили под метлу...
Можно ль тут, расправя плечи,
Не пройтись по селу?

Поминай как звали просо,
Каша — гибель мужику!
Как в такое время косо
Относиться к кабаку?

(1911)

216. НЕ СКОРО

Нет, не скоро я остыну...
Кровь моя еще бурлит...
Лечь в сосновый гроб на спину
Мне создатель не велит.
Жизни горькую осину
Я обязан допилить.

Я отчизне не оставлю
Необузданных сирот;
Чтить насильников заставлю,
Запишу в опальный род,
Батраками всех прославлю —
Пусть пасут вельмож и скот!

Нет, не скоро я покину
Рабства нашего удел,
Я еще не всю мякину
Милой родины поел
И последнюю полтину
Сдать в оброки не успел...

Дайте мне жену-«купчиху»
С сумкой по миру турнуть;
Казнокрадов в храме лихо
Со святыми помянуть,
А потом и лапти тихо
Я согласен протянуть.

(1911)

217. БРАТЬЯМ

Братья, вспомнить не пора ли
Старину
И евангельской морали
Глубину?
Было время: злом не мстили
За грехи
И налогов не платили
Пастухи.
Был под знаменем блаженства
Честный труд,
И не грабили степенства
Темный люд. . .
Все стремились к правде-матке,
Как юнцы,
И не знали блага взятки
Подлецы.
Всякий ждал себе награды
По делам,
И сидели конокрады
По углам.
Ждали господу во славе
С небеси, —
И дышать был каждый вправе
На Руси.
Не курили яда-зелья
Кабачки,
И не знали безземелья
Мужики.
И молились, как умели,
От души,
И душою не болели
За гроши. . .
А в желаньях народа
Каждый час
Замечали и уроды
Божий глас. . .

Братья, вспомнить не пора ли
Старину,
Благо мы не замарали
Седину?

(1911)

218. ФЕДОТ

Запылала свеча перед богом.
Озарилась лачуга в глуши.
И не стало в Федоте убогом
Необъятной души.

Отлетели житейские муки —
Тишина и покой впереди.
И скрестились немые руки
На усохшей груди.

Сном-улыбкой лицо засветилось,
Не бурлит в животе лебеда,
И, как в праздник Христов, раздвоилась
Пополам борода.

Словно в храм снаряжен горемыка,
На рубахе ни дыр, ни заплат,
Только лапти из старого лыка
О пути говорят.

Эх, родной, щегольнул бы обновой!
Не жалея подвенечных лаптей, —
Что за роскошь, — под крышкой сосновой
Не берут податей!

(1911)

219. ПЛЕВКОВ

Мудрец один, по имени Плевков,
Служивший мелким чиновником —
Корявый, сгорбленный, со взглядом сонных сов, —
Вещал, что в жизни ставит идеалом —
Добиться истины, что ею лишь одной
Осмыслен путь его земной,
Что на «житейское» глядит с презреньем,
Не веря «изменившим сновиденьям»,
В душе запечатлев немеркнущий завет —
Идти туда, где вечный свет
Зовет к заоблачным пареньям,
Что прочее — всё суета сует...
И вот неожиданно
Досталась ему на шею Анна...
Что за оказия?! Плевкова не узнать:
Дрожит, трепещет весь, в священном страхе млея,
И собственной рукой на шею
Регалию принялся нацеплять...
И вот уже по скверу
Идет, широко распахнув пальто.
Смотрите, мол, теперь уж я не то!
Смотрите все и следуйте примеру!

А «истина», а «суета сует»?
Так, видно, правила без исключения нет!!

(1909)

220. ПОСТОВОЙ И МЕСЯЦ

Басня

Сказали мне: «Открой, какое
Различие жить меж Месяцем ночным
И Постовым,
Блюдущим нас в порядке и покое?»
И я ответствовал, раскинувши мозгом:
«Вопрос донине не решен был мудрецом,
Но грешный аз сие творить дерзаю...
Итак, не токмо разницу я знаю
И в этом и в другом,
Но ведаю и сходство,
Зане пред вами мысли превосходство
От колыбели мне дано!
Когда округ темно,
То всяк из вас легко приметит,
Что Месяц светит,
Светить же Постовому не дано;
Что Месяц светит, но не греет,
Меж тем как Постовой
Всегда лишь *греет*, а не светит (смысл простой —
Его же и осел уразумеет!).
Но надобно и то установить,
Что ежели Постовой впадет в расстройство духа,
То может даже он нежданно *засветить*...
· · · · ·
В ухо...»

(1913)

221. МОЗГИ И НОЧЬ

Басня

Под кровом ночи непроглядной,
Когда не видел глаз ни зги,
Работой некий муж томил мозги,
Во мглу вперяя взоры жадно.
«Что делаешь? Понять я не могу!
Зачем в такую пору вылез?» —
К нему с вопросом обратились.

«Что делаю?! — Увидеть силушь
Невидимую згу».

Пустым занятиям пустое есть название:
Потустороннее исканье.

(1914)

222. ДОНОС НА ВЕСНУ

«В участке вашем большие непорядки:

Народ открыто веселится,

И даже взрослые лица

Играют в прятки!

Обыватели поют хором,

Никто им не дает острастки. . .

Такие безобразия можно встретить в котором,

Кроме как в вашем, участке?!

По скверной привычке

Демонстративно чирикают птички!

Или спит ваше недреманное око?

Распахнуты окна широко,

И даже не актеры и не актрисы

Поют романсы с улыбкой на лицах.

А у неактрис в волосах, а у неактеров в петлицах —

Нарциссы!

Иной весело смеется, хоть гол и бос. . .

Пло-хи-е это всё примеры!

Так скорей примите меры,

И этот мой экстренный донос

Не вздумайте положить под суконце! . .

Околоточный, в вашем участке светит солнце!!!»

(1914)

223. ВОДОКАЧКА

Свершилось! И кворум уехал примерный...
В парламенте вновь тишина...
И вновь сиротою — в конце на Шпалерной —
Стоит водокачка, грустна...
И снится ей всё: в октябре, в непогоду —
Где длинной Шпалерной конец —
Льет воду, льет воду, льет воду, льет воду
Таврический старый дворец...

Между 25 и 27 июня 1913

224. ЭВОЛЮЦИЯ

В 25 лет

Вперед без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

В 35 лет

Вперед без страха, и сомненья
Пусть не смущают вас, друзья!
Хотя порой от пресеченья
С овчинку небо вижу я.

В 45 лет

Вперед со страхом, полн сомненья,
Гляжу и думаю, друзья:
Противно грубое сеченье,
Но в легком вижу пользу я!

В 55 лет

Вперед! Ни страха, ни сомненья
Власть не должна иметь, друзья!
Искоренять без сожаленья —
Вот в чем спасенье вижу я!

(1908)

Ответствуй, гражданин, могла б стоять вселенна
 Когда бы человек умом не сознавал,
 Что «собственность для всех всегда священна»?
 Нет — шар земной тогда бы вор украл!
 Ответствуй, гражданин, могла б стоять вселенна,
 Когда б полиция преступный элемент
 По тюрьмам не сажала каждоденно?
 Нет, — утонул бы мир в крови в один момент!
 И если у тебя к законности привычка
 В душе крепка и ты не идиот,
 Ты не подумаешь, что жалкая отмычка,
 Хотя б английская, пробьет закона свод.
 И если ты не слеп, и если видят очи
 И утра яркий свет, и сумрак тихий ночи,
 Ужели скажешь ты, что жулика фонарь
 Затмит свет истины? .. Алтарь — всегда алтарь!

Скажите мне вы, нежные супруги,
 Когда, довольные, идете вы в постель,
 А за окном беснуется метель,
 Вы думали ль о том, кто там, под флером вьюги,
 Стоит один, уставя на панель
 Свой кроткий взор, борясь со сном злодейским?
 Вы думали ль, что вы хранимы полицейским?!

А вы, любители валют, процентов, рент,
 Кому стук счет милей, чем кастаньеты, —
 Вы думали ль о том, что к вам в любой момент
 Ворваться могут те, кто обществом отпеты,
 Что вашей кассы сталь соломой станет ломкой
 Пред их отмычкою, стамескою и фомкой?!

О, если думали, то заклинаю вас,
 Не собирайтесь там, где не нужно, скопом!
 Для каждого найдется свой указ:
 Дворянам — барское, холопское — холопам.
 Ее удел всё знать и превратить суметь
 Преступных в честных, буйных — в чинных...
 Уловлен ты в ее живую сеть,

Живи спокойной жизнью душ невинных.
Читай цензурное, люби и будь любим,
И сладок для тебя отчизны станет дым.

(1912)

226. НЕВЕСТА ФЕЛЬДФЕБЕЛЯ

Под Кельном, средь пышного луга,
Гуляли четою согласной
Фельдфебель с подругой. Подруга
Служила когда-то в колбасной.
«О Фриц! О мой милый фельдфебель! —
Девушка промолвила томно. —
Ты — к небу стремящийся стебель,
Я — травка, растущая скромно.
О Фриц! О мой милый фельдфебель!
Белье ваше буду стирать я,
В порядке держать вашу мебель,
А ночью в порядке — объятья».
— «Да, кайзеру нужны солдаты! —
Фриц молвил. — Враги мало биты;
К тому же теперь депутаты
Повсюду плодят Моабиты».
— «О Фриц! О мой милый фельдфебеля!
Вдруг мальчик родится при сабле?
Пусть видит неистовый Бебель,
Что немки еще не ослабли!»
Сказав это, вдруг застыдилась.
Фриц, выпятив грудь, петушился.
Меж тем тучей небо покрылось
И гром в небесах прокатился.
«О Фриц! Моя новая шляпка!»
— «О, Эльза! Мундир мой казенный!»
А небо, как черная тряпка,
Простерлось над парой влюбленной.
И, к небу подняв свои глазки,
Промолвила Эльза: «Как парит!
О Фриц! В острие вашей каски
Вдруг молния грозно ударит?
Ужель жизнь окончу, вдовея,

Ужель вам не нужен наследник?!
О, дайте мне каску скорее,
Я спрячу ее под передник!»
Холодным и пристальным взглядом
Окинул фельдфебель невесту:
«С солдатом идете вы рядом,
И ваши заботы не к месту!
Напрасно рыдаешь ты, Эльза,
И воина тащишь к опушке!
Оставь его! Храбр он донельзя.
Сосисок не варят на пушке».
Даль стала угрюмой и темной,
И молний всё чаще зигзаги.
Казалось, что спичкой огромной
Черт водит по черной бумаге.
Тр-а-а-ах! Брызнули искры каскадом.
О, плачьте! Нет более Фрица!
Лишь кучка, дымящая смрадом,
Чернеет, шипит и дымится!
Ни звука, ни лишнего жеста
Не сделала Эльза (к чему же?),
Нагнулась над кучкой невеста
И вынула угли из лужи.
С подавленным тихим стенаньем
Направилась к дому девица,
Порой раздувая дыханьем
Останки прекрасного Фрица.

Дождь льется мятущимся током.
Печалью природа объята.
На кухне в раздумье глубоком
Сидит экс-невеста солдата.
На углях (на Фрицевом прахе)
Дымится кофейник. В нем мокро.
На кофе (вдруг выкипит?) в страхе
Глядит она, мучась жестоко.
Мать Эльзы считает на счетах,
Чтоб знать счет истраченных денег.
Всю жизнь, протомившись в заботах,
Она берегла каждый пфенниг.
«Ужель ты, о дочь дорогая,
На пфенниг уменьшила траты?»

— «Да, мать! На углях сберегла я
Тот пфенниг в честь горькой утраты!»

Скажите, а та чья могила?
«Та? Эльзы, что Фрица любила».

1912
Кельн

227. НЕБЕСНЫЙ СВОД

Лоно неба голубого,
Грудь небесной высоты
Изукрасили обильно
Звезды, пряжки и кресты.
Это всё — ему награда
За пользительность трудов
Беспорочного служенья
В колоссальный срок веков;
Ни один советник тайный,
Ни единый генерал
Столь значительных отличий
Никогда не получал.
Как предел его заслугам,
Чина мы не подберем...
Разве уж — «из тайных тайный,
И действительный притом».

(1911)

228. ДУМА

Эх ты, Дума, Дума-матушка,
Многоумная палатушка!
Исполать тебе, «народница»,
Небу звездному угодница.
Не проснется гидра-гадина —
В глотку гидре Дума дадена;
Отравилась гидра жадная,
И настала тишь лампадная.
Благодать какая, господи!
Сунь в потемки эти нос, поди, —
Вышибут тебя, как курицу,
Не ходи на нашу улицу.
И живем мы тихо, маемся,
С умиленьем дожидаемся:
Скоро ль ласковые пастыри
Нам на рты налепят пластыри?
Эх ты, Дума, Дума-матушка,
На гнилой дыре заплатушка,
Знать, одна на свете силушка
Для горбатого — могилушка.

(1912)

229. ИЗ ЛЕРМОНТОВА

«По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел. . .»
. . .Но в песне его усмотрели «протест»,
И ангел попал под арест!

(1908)

230. РОЖДЕНИЕ МЫСЛИ

Родилась мысль среди житейской гнили,
Потом ее в редакцию стащили,
Потом ее наборщики давили,
Потом ее на волю в свет пустили,
А в свете, справившись с каким-то параграфом,
Ее вдруг обвенчали с господином Штрафом.

(1913)

231. ПАЛЬТО РАБОЧЕГО

Пальто — испытанный мой друг —
 Давно покоя просит.
Оно не годно для услуг
 И чистки не выносит:
Под щеткой рвется старый драп,
 Тронь пуговицу — рана.
Его б забросил я, когда б
 Не чтил в нем «ветерана».
Случилось с ним нам разносить
 Протесты и воззванья, —
Друзей любили мы просить
 На сходки и собранья;
Хранил он тайну не одну,
 Не изменив ни разу,
Его карманов глубину
 Постигнуть трудно сразу.
Когда мне кто приют давал,
 Бездомному бродяге,
Мой спутник ложе представлял
 Хозяину-бедняге.
В холодной камере же мне
 Служил мне одеялом
И там — в неверной тишине —
 Был чести идеалом.
Твоих бесчисленных услуг
 И беспорочной службы
Я не забуду, добрый друг,
 Как не расторгну дружбы.

(1912)

232. (ИЗ «СОВРЕМЕННОЙ ЧЕПУХИ»)

Интендантство раздает
Все свои доходы
И голодным в рот кладет
С сыром бутерброды.

Дипломатия у нас
Прямо несравненна...
Пьем сырую воду, квас
Неприкосновенно.

Вибрионов не найдешь
Даже и в Фонтанке...
Поцелуй дают за грош
Нынче иностранки.

Греки с турками друзья,
Весело на Крите...
Без тисков нам жить нельзя...
Бросили мы пити...

Арцыбашев стал писать
Сказки для малюток,
А Куприн, чтоб не отстать,
Для... для... институток.

Вместо русских балерин,
Юмором чреваты,
Парижан разгонят сплин
Наши депутаты.

Чтоб подальше от греха,
Петь не буду паки...
Часть куплетов — чепуха,
Остальное — враки.

1909

233—234. ИГОЛОЧКИ

1

ДУМЕ 3-й

Нудная, нудная,
Умственно скудная!
Счастлив я: к лету
Канешь ты в Лету!

2

МАРКОВУ 2-МУ

Монархист ты! Что ж, прелестно! . .
Но скажу тебе не зря:
Нет — давно уж нам известно —
В голове твоей царя.

1912

235. 1. 2. 3. 4.

Закалив борьбою нервы,
Всем врагам была страшна,
И поэтому-то «Первой»
Называлась она.

Чуя горюшко, Вторая
Подняла свое копье,
Всё ж, надежды не теряя,
Мы смотрели на нее.

Ну а Третья просто клячей
Водовозною была,
И сама не знает, «для ча»
Бабий век свой прожила.

На Четвертой те же пятна,
Те же крики, тот же шум. . .
Эх, как жили бы приятно
Мы без Думы и без дум. . .

1912

236. НА АЭРОПЛАНЕ

С немецкого

Старый черт

Любезный Крупп, смотри-ка на долину.

При лунном блеске созерцать картину

Великой бойни меж людей —

Занятно, ей-же-ей!..

Ты слышишь, как бушует канонада?..

Кроваво-красные огни мелькают тут и там.

А вот — прекрасно видно нам:

Какая свежих трупов страшная громада

И с той и с этой стороны!..

И кровь горячими ручьями

Между телами

Струится в свете трепетной луны.

Крупп

Эх, старый черт, ты с каждым днем глупеешь:

Меня совсем считаешь за профана...

Ужель с высот аэроплана

Эстетикой я буду заниматься?

Коль так ты разумеешь —

Изволишь ошибаться.

Старый черт

На старости живется, брат, несладко,

Невольно меланхолия возьмет.

К р у п п

Ну, ну, — заткни ты рот.
Давай произведем учет,
Обычный для порядка...
И там и тут на глаз,
Коль тени не обманывают нас,
Убитых — невозможно сосчитать...
Поиздержались... Придется пушек много сдать
И снова дать
Наряды
На снаряды...
Люблю, когда кипит работа!..
Люблю и патриота:
Пускай он турок, серб, болгарин,
Японец, русский иль татарин —
Под всяким соусом он мой клиент
И заработать даст изрядный дивиденд.
И нету власти, брат, над нами:
Вооруженный грозными полками,
Командует всем миром капитал...
Между различными врагами
Я — царь над этими делами!..
С т а р ы й ч е р т
А все-таки, признаться без уловки,
Ведь в случае чего —
Смертельно вы боитесь одного:
Боитесь — забастовки!..

(1912)

237. ГАДАНЬЕ

Ночь. Вдали от пированья
(Тише, сердце! Не стучи!)
Кто для таинства гаданья
Зажигает две свечи?

Зыбкий пламень озаряет
Стекла круглые очков,
О судьбе своей гадает
Перед зеркалом Гучков.

Замирает, как девица,
И робеет, и дрожит.
Таракан в углу дивится
На его смятенный вид.

«Кто-то, кто моя судьбина?
Дай мне, зеркало, ответ!
Из «Союза» ли детина
Или чистенький кадет?

Молвить правду — за кадета
Я и очень бы не прочь,
Да ему и то и это —
До приданого охоч!

Аль сподручней за детину?
На идеи он не лих:
Знай купи себе резину,
И расходов никаких.

Скажут: «Вот поймали гуся!»
А что я в ответ скажу?
Всё я, девушка, боюсь,
Всё робею, всё дрожу!»

Пламя вьется. . . Пламя зыбко
Озаряет тьму времен. . .
Где кадетская улыбка?
Где резиновый батон?

(1908)

238. БЕДНЫЙ АЗРА

Каждый день чрез мост Аничков,
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленным проходит
Дева, служащая в банке.

Каждый день на том же месте,
На углу, у лавки книжной,
Чей-то взор она встречает —
Взор горящий и недвижимый.

Деве томно, деве странно,
Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба.

А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травки,
Дева вдруг остановилась
На углу, у книжной лавки.

«Кто ты? — молвила. — Откройся!
Хочешь — я запламенею
И мы вместе по закону
Предадимся Гименею?»

Отвечал он: «Недосуг мне.
Я агент. Служу в охране
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке».

(1911)

239. ШПИК

И в теплый день, и в день холодный,
Когда синее мерзлый лик,
Гуляет поступью свободной
Шпик.

В кофейне иль в фойе театра
Ты рассуждаешь, увлечен. . .
Но пред тобой (узнаешь завтра!)
Он!

Сказал ты слово над могилой,
Всплакнул и головой поник —
К тебе спешит с улыбкой милой
Шпик.

И в час желанный юбилея,
Когда ты всеми оценен,
С тобою рядом всё смелее —
Он! . .

(1908)

240. ВЕСЕННЕЕ УТРО В ДОМЕ № 37

Во дворе из окошка направо,
Чтобы члены размять на момент,
Обалдевший от «римского права»,
Перегнулся лохматый студент.
И, блаженствуя так с папиросой,
Улыбается он vis-a-vis ¹
Белошвейке — блондинке курносой,
Исхудавшей от грез и любви.
«С добрым утром! Ваш вид лучезарен. . .
Загляните сегодня на чай! . . .»
И басит ему снизу татарин:
«Барин, старые брюки продай!»
Белошвейка лепечет лукаво:
«Ах, мерси за такой комплимент!»
Посвиставши, за «римское право»
Принимается снова студент.
Забивается в угол бедняга. . .
Под окном ежедневный тиран —
Про «геройскую гибель „Варяга“»,
Надрываясь, вопит мальчуган.
Из квартир выезжают на дачи —
Трескотня, перебранка и спор.
И достоинства рыбы и раchy
Воспевают разносчиков хор.
Где-то рубят мажорную гамму.
Без стеснения в шестом этаже
В папильотках дородную даму

¹ Соседке (франц.). — *Ред.*

Обнимает субъект в неглиже. . .
И туда одинокого нрава
Загляделся поэт-декадент. . .
Обалдевший от «римского права»,
За учебником дремлет студент. .

(1910)

241. СЛИШКОМ МНОГО

Слишком много резонерства
И дешевого фразерства,
Что фонтаном бьет в гостиных
В монологах скучно-длинных, —
Слишком много...

Слишком много безразличных,
Опустившихся, безличных,
С отупевшими сердцами,
С деревянными мозгами, —
Слишком много...

Слишком много паразитов,
Изуверов, иезуитов,
Патриотов-волкодавов,
Исполнителей-удавов, —
Слишком много...

Слишком много терпеливых,
Растерявшихся, трусливых,
Полувзглядов, полумнений,
Бесконечных точек зрения, —
Слишком много...

Слишком много слуг лукавых,
Крайних правых, жертв кровавых,
И растет в душе тревога,
Что терпения у бога
Слишком много!

(1906), (1908)

242. ВОПЛЬ

Глаза измучены белым.
Жду с нетерпеньем марта,
Когда пахнет навозом прелым,
Когда кошки полны азарта.
Небо станет лазурней,
Лучи булыжник согреют,
И в Думе правые дурни,
Быть может, чуть-чуть поумнеют.
Всю зиму противное блюдо,
Всю зиму протухшая пища:
Бездарность пещерного люда
С политикой из голенища.
Дождемся тепла в апреле,
Разбухнут первые почки.
В газетных столбцах неужели
Опять появятся строчки:
«Такой-то осел «выражался»,
Другой дал два кукиша разом,
Председатель очень старался,
Чтобы всё сходилось с наказом».
От Питера вплоть до Батума
Издергались нервы. Еще бы:
Холера — Меньшиков — Дума —
Инфлуэнца — голод — сугробы.
Плывем в разбитом корыте.
Тошнит. . . (И кто нас осудит?)
Милюков, голубчик, скажите,
Когда же оттепель будет? !.

(1908)

243. ДЕРЗКАЯ ЗАДАЧА

Недавно в обществе веселом
Шел о сатире разговор —
Что чувства нет в стихе тяжелом,
Что в каждой строчке приговор. . .

«Я попрошу вас о немногом, —
Вскричал поэт. — Прошу сказать,

Возможно ль беспристрастным слогом
Хотя бы Шварца описать? ..»

.

Придя домой, в молчаньи строгом
Присел я грузно на кровать
И думал: беспристрастным слогом
Возможно ль Шварца описать?

Глаза горят. . . Душа на взводе,
Рассудок шепчет: «Ерунда»,
Но я решил — назло природе. . .
И начинаю, господа:

«Клянусь Гомера «Одиссеей»,
Свежепросольным огурцом,
И нашей русской ахинеей,
И Нибелунговым кольцом,

Что Шварц пришел поднять науку,
Унять гасителей орду
И наложить крутую руку
На их безмозглую вражду.

Он, мудро вняв нужде великой,
Прибавит двадцать высших школ,
Чтоб свет сиял над черной кликой
И побеждал дубовый кол.

Не будем слепнуть больше в шорах!
Клянусь — пройдет короткий год,
И имя Шварца на заборах
Начертит грамотный народ.

Эвое, Шварц! Он грек по духу,
В спяженьях он собаку съел —
Ему ль давать науке плюху
И школу ставить под расстрел?

Избави бог! Такого Шварца
Сама фортуна нам дала:
Он чист, он прям, он тверже кварца,
Он в битве с тьмой смелей орла. . .

Мы с верой ждем его поступков —
Земля устала от скотов.
И кто за эту веру кубков
Поднять в честь Шварца не готов? ..

Ликуйте сердцем, педагоги!
Желайте Шварцу многих лет!
Пред вами новые дороги —
Да сгинет тьма! Да будет свет!»

.

Я так устал. . . Клянуся богом,
Мне больше нечего сказать. . .
Ах, трудно беспристрастным слогом
Министра Шварца описать!

(1908)

**244. ВЕРХ ЛОЯЛЬНОСТИ,
или от великого до смешного
только один шаг**

У премьерера
 Был Гучков
С низко-преданным визитом.
 Два курьера
 Из крючков
Стыли в пафосе сердитом.
 Поклонился
 Гибкий сэр,
Сэр премьеру — и потеха:
 Покатился
 Вдруг курьер
И другой за ним от смеха —
 У Гучкова
 Между ног
Кончик носа появился. . .
 Что ж смешного?
 Демагог
Только низко поклонился!

(1908)

245. СТИЛИЗОВАННЫЙ ОСЕЛ

Ария для безголовых

Голова моя — темный фонарь с перебитыми стеклами,
С четырех сторон открытый враждебным ветрам.
По ночам я шатаюсь с распутными, пьяными Феклами.
По утрам я хожу к докторам.
Тарарам.

Я волдырь на сиденье прекрасной российской
словесности,
Разрази меня гром на четыреста восемь частей!
Оголюсь и добьюсь скандалезно-всемирной известности,
И усядусь, как нищий-слепец, на распутье путей.

Я люблю апельсины и всё, что случайно рифмуется,
У меня темперамент макаки и нервы как сталь.
Пусть любой старомодник из зависти злится и дуется
И вопит: «Не поэзия — шваль!»

Врешь! Я прыщ на извечном сиденье поэзии,
Глянцевито-багровый, напевно-коралловый прыщ,
Прыщ с головкой белее несказанно-жженой магнезии,
И галантно-развязно-манерно-изломанный хлыщ.

Ах, словесные, тонкие-звонкие фокусы-покусы!
Заклюю, забрыкаю, за локоть себя укушу.
Кто не понял — невежда. К нечистому! накося выкуси.
Презираю толпу. Попишу? Попишу, попишу...

Попишу животом, и ноздрей, и ногами, и пятками,
Двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах,
Зарифмую всё это для стиля яичными смятками
И пойду по панели, пойду на бесстыжих руках...

(1908)

246. ОПЯТЬ

Опять опадают кусты и деревья,
Бронхитное небо слезится опять,
И дачники, бросив сырые кочевья,
Бегут, ошалевшие, вспять.

Опять, перестроив и душу и тело
(Цветочки и летнее солнце — увы!),
Творим городское, ненужное дело
До новой весенней травы.

Начало сезона. Ни света, ни красок,
Как призраки, носятся тени людей. . .
Опять одинаковость сереньких масок
От гения до лошадей.

По улицам шляется смерть. Проклинает
Безрадостный город и жизнь без надежд.
С презрением, зевая, на землю толкает
Несчастных, случайных невежд.

А рядом духовная смерть свирепеет
И сослепу косит, пьяна и сильна.
Всё мало и мало — коса не тупеет,
И даль безнадежно черна.

Что будет? Опять соберутся Гучковы
И мелочи будут, скучая, жевать,
А мелочи будут сплетаться в оковы,
И их никому не порвать.

О, дом сумасшедших, огромный и грязный!
К оконным глазницам припал человек:
Он видит бесформенный мрак безобразный
И в страхе, что это навек,

В мучительной жажде надежды и красок
Выходит на улицу, ищет людей. . .
Как страшно найти одинаковость масок
От гения до лошадей!

(1908)

(Из *Sinngedichte*¹ Людвига Фульда)

1

Короли, герои, папы,
 Божий сын и бог отец,
 Юбиляры и сатрапы,
 Каждый олух и мудрец,
 И любой сановник крупный,
 И любой правленья строй —
 Все для критики доступны,
 Кроме критики самой!

2

РАЗГОВОР НА МОГИЛЕ

«Кто здесь покоится, не знаете?» — «Поэт».
 — «Поэт? И только-то? — последовал ответ... —
 Но что еще при жизни сделал этот гений?»
 — «Он написал собрание своих произведений!»

3

Когда он меня обругал,
 Я справился с горем прекрасно.
 Теперь он меня увенчал —
 И это, пожалуй, опасно.

Венки из его мастерской
 У глупых в таком предпочтеньи,
 Что новый подарок такой —
 И мне уж не будет спасенья...

(1908)

¹ Эпиграмм (немецк.). — Ред.

Мы, в России, стоим на крайне либеральной точке зрения. . . В некоторых штатах Северо-Американской республики, на основании точных выводов науки, признали необходимым обезопасить государство не только от преступников, но и от их потомства; там пришли — и это уже практикуется — к кастрации преступников.

*Из речи депутата Маркова 2-го
2 марта 1908 г.*

Что можно с Маркова взыскать?
Он скорбен головой.
Смешно и дико разбирать
Его «научный» вой. . .
Не он один — кастрат ума,
И сердца, и души —
Долбит: «Веревка и тюрьма. . .
Бей насмерть и души!»
Но страшно то, что этот крик,
Как лом, по нервам бьет,
И то, что вырезан язык,
И то, что хам идет. . .

Между 2 и 8 марта 1908

251. ПЕРЕД НАЧАЛОМ ДУМСКИХ ИГР

Беспартийная элегия

Теперь, когда прошла предвыборная свалка,
Осмелюсь беспартийный голос свой поднять:
Избранников кадет до крупных слез мне жалко. . .
Позвольте мне над ними порыдуть!

Они, как девушки среди бродяг вертепа,
Краснея и стыдясь, потупят глазки вниз.
Молчать нельзя, а говорить нелепо,
В сердцах подмок предвыборный девиз.

Они — три лебедя (а октябристы — раки,
«Союзники» же — шуки без зубов) . . .

Впрягаться ль в воз? Измажешь только
фраки,
Натрешь плечо и перепортишь кровь.

Три девушки исправят ли ватагу
Хозяйских псов, косясь на кабинет?
О нет! О нет! Сочувственную влагу
Я лью в унынии и повторяю: «Нет».

А вы, бесстыдники, бездушные кадеты,
Зачем послали в Думу «малых сих»?
Они чрез месяц исхудают как скелеты
И будут ручки кресел грызть своих.

О, лучше б дома пить им чай с лимоном,
Мечтать о Лондоне, читать родную «Речь»,
Чем, оглушаясь хомяковским звоном,
Следить за ритмом министерских плеч!

Что *им* сказать, когда такая пушка,
Как Родичев, и тот замолк давно?
Лишь Маклаков порою, как кукушка,
Снесет яйцо. Кому — не всё ль равно? . .

На днях опять начнется перепалка,
И воз вперед не двинется опять. . .
Избранников кадет до крупных слез мне жалко —
Их раки с щуками потащут с возом вспять.

1909

252. ДРУГ-ЧИТАТЕЛЬ

Этюд

Он проснулся, повернулся —
Заскрипел матрас пружинный,
Зачадил фитиль лампадки, день в окно стучаться стал,
Он проснулся, потянулся
И с презрительною миной
Стал читать, очки надевши, сатирический журнал.

Роем жутких привидений
По стенам блуждают тени,

Ходит маятник и стуком заполняет тишину. . .
За страницей страница —
Рот улыбкою кривится,
А уста невольно шепчут: «Ай да хлопцы! Ну и ну! . . .»

Вдруг он вздрогнул, полный гнева:
Всемогуший Магадэва!
Неужели? . . . В самом деле! . . . Полюбуйтесь! . . .
Вот скандал!

В неприкрашенной натуре
В листовой карикатуре
На странице предпоследней сам себя он увидал.

(Нигилисты-журналисты,
Хулиганы-портретисты!
Вы, бросающие камни, разве вы не без греха?)
В теплом стеганом халате
Безмятежно на кровати
Сладко дремлет обыватель, обрастая шерстью мха.

В глубине его алькова
Поясной портрет Баркова,
Под рукой на этажерке пестрых книг солидный ряд:
Сонник с ярмарки ирбитской,
Десять книг madame Вербицкой
И великий, многоликий, неизменный сыщик Нат! . . .

Вновь скрипит матрас пружинный. . .
И с усмешкою змеиной
Он с постели, возмущенный, огорченный, злобный, встал
И на корточках, у печки,
На вонючей, сальной свечке
Жжет, томимый острой местью, сатирический журнал!

(1910)

253. ГЕРОЙ

Дурак без примеси

На ватном бюсте пуговицы горят,
Обтянут зад цветной диагональю,
Усы, как два хвоста у жеребят,
И ляжки движутся развалистой спиралью.

Рукой небрежной упираясь в талью,
Вперяет вдаль надменно-плоский взгляд
И, всех иных считая мелкой швалью,
Несложно пыжится от головы до пят.

Галантный дух помады и ремней...
Под козырьком всего четыре слова:
«Pardon!», «merci!»,¹ «канашка» и
«мерзавец!».

Грядет, грядет! По выступам камней
Свирепо хляпает тяжелая подкова...
Пар из ноздрей... Ура, ура! Красавец.

(1910)

254. ВО ИМЯ ЧЕГО?

Во имя чего уверяют,
Что надо кричать: «Рад стараться!»?
Во имя чего заливают
Помоями правду и свет?

Ведь малые дети и галки
Друг другу давно рассказали,
Что в скинии старой — лишь палки
Да тухлый, обсосанный рак...

Без белых штанов с позументом
Угасло бы солнце на небе?
Мир стал бы без них импотентом?
И груши б в садах не росли?..

Быть может, не очень прилично
Средь сладкой мелодии храпа
С вопросом пристать нетактичным:
Во имя, во имя чего?

Но я ведь не действую скопом:
Мне вдруг захотелось проверить,

¹ «Простите!», «благодарю!» (франц.). — *Ред.*

Считать ли себя мне холопом
Иль сыном великой страны. . .

Во имя чего так ласкают
Союзно-ничтожную падаль?
Во имя чего не желают,
Чтоб все научились читать?

Во имя чего казнокрады
Гурьбою бегут в «патриоты»?
Во имя чего как шарады
Приходится правду писать?

Во имя чего ежечасно
Думбадзе плюют на законы?
Во имя чего мы несчастны,
Бессильны, бедны и темны? . .

Чины из газеты «Россия»,
Прошу вас, молю вас — скажите
(Надеюсь, что вы не глухие),
Во имя, во имя чего?!

(1911)

255. ВОРОБЬИНАЯ ЭЛЕГИЯ

У крыльца воробьи с наслаждением
Кувыркаются в листьях гнилых. . .
Я взираю на них с сожалением,
И невольно мне страшно за них:

Как живете вы так, без правительства,
Без участков и без податей?
Есть у вас или нет право жительство?
Как без метрик растите детей?

Как воюете без дипломатии,
Без реляций, гранат и штыков,
Вырывая у собственной братии
Пух и перья из бойких хвостов?

Кто внедряет в вас всех просвещение
И основы моралей родных?
Кто за скверное вас поведение
Исключает из списка живых?

Где у вас здесь простые, где знатные?
Без одежд вы так пресно равны. . .
Где мундиры торжественно-ватные?
Где шитье под изгибом спины?

Нынче здесь вы, а завтра в Швейцарии, —
Без прописки и без паспортов
Распеваετε вольные арии
Миллионом незамкнутых ртав. . .

Искрошил воробьям я с полбублика,
Встал с крыльца и тревожно вздохнул:
Это даже, увы, не республика,
А анархии дикий разгул!

Улетайте. . . Лихими дворянами
В корне зло решено ведь пресечь —
Не сравнили бы вас с хулиганами
И не стали б безжалостно сечь!

(1913)

256. СВАХА

Я в руки взял газетный хлам,
Отмеченный нововременским знаком. . .
О, сколько здесь почтенных дам
«Содействуют законным бракам. . .»

Какой-то добрый кавалер
«Девиц пристраивает к месту»,
А ниже: «Юный фокстерьер
Желает экстренно невесту. . .»

Здесь рядом: «Старая доха»,
«Усыновить хотят ребенка»,
И вдруг: «Кудрявая болонка
Смертельно жаждет жениха. . .»

Еще пониже: «Тойтерьера
Хотят по случаю женить»,
«Для таксы ищут кавалера. . .»
«Японской сучке скучно жить. . .»

Скоты, великою рекламой
И вы, как мы, заражены. . .
Вам ищут встреч с сердечной дамой
Нововременские сыны. . .

О, эти рыцари без страха,
В делах любви дана вам власть. . .
Кому ж понять собачью страсть,
Как не тебе, собачья сваха?!

(1913)

257. ДЕТСКАЯ ПЕСЕНКА

«...Проект Устава о печати
вводит несколько цензур...»

Как у Вани-Ванюшки
Завелися нянюшки,
Нянюшки-печальницы,
Строгие начальницы. . .

Зло стряслось над Ванюшкой:
Знай всё ходит с нянюшкой —
То ли с драматической,
То ли с политической,
То ли с еретической,
То ли с эротической,
С физико-химической
И с ортопедической. . .

Только пикнет Ванюшка —
Подбегает нянюшка,
Нянюшка дежурная,
Нянюшка цензурная,
Зажимает глоточку,
Вынимает плеточку,
Снявши у мальчишечки
Рваные штанишечки,
Угощает таскою —
Всё с цензурной ласкою. . .

Только хныкнет Ванюшка,
Глядь — другая нянюшка
С тою же улыбкою
И с лозою гибкою,
И кричит мальчишечке:
«Подожди штанишечки,
Милый мой, застегивать,
Буду я настегивать
Розгою полиции
И без амуниции. . .»

Только пискнет Ванюшка,
Глядь — и третья нянюшка
С миною сердечности. . .

Так до бесконечности
Вьются возле Ванюшки
Из цензуры нянюшки,
Угощая поркою
С нежной поговоркою:
«Вот те. . . вот те, критику,
Шалуну-политику. . .»

1913

И Дума нудно, сонно, скучно
 Бюджетов счет
 Жует, жует. . .

Между 1907 и 1909

259. ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Русский человек всю жизнь
не может обойтись без полиции.

Из думской речи Курлова

Полиция в двадцатый век
 У нас — первой всего.
На свет родится человек —
 Она прежде всего.
Вступает в школу он иль в брак,
 Затеет торжество —
Но с нею связан каждый шаг,
 Она первой всего.
Захочет книгу он прочесть —
 Она прежде него.
В темницу он не хочет сесть —
 Она ведет его.
Но, ох, всего не перечесть,
 Не перечесть всего!
И вот к концу подходит век,
 И смерти торжество
Не может справиться человек
 Без спутника сего.
Пусть он умрет — она всегда
 Переживет его,
Она бессмертна, господа,
 Бессмертнее всего!

Между 26 и 28 февраля 1909

260. ФЕДОР СОЛОГУБ

Тары-бары
Растабары...

Ф. Сологуб

Тары-бары
Сплел намедни
Для кликуш
«Навьи чары»,
Навьи бредни,
Навью чушь.

(1908)

261. ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Стоит древесно.

О муза, даждь в бряцаньях лирных
Днесь Иванова превознести,
Который в странствиях эфирных
Хвалы своей возводит весть.
Не втуне быть Купидо тщится:
Хотя с чела и лысым зрится,
А сзади распушил власы,
Собой себя осуществляя,
Самодовольствием сияя,
Он позирует для красы.
И младостариц легионы
И староюноши текут.

Свои они творят законы,
Свое читают и поют.
Но их творений мириады —
Лишь отсвет некоей менады,
Твоей, Ива́нов Вячеслав.
Хотя твои стихиры тяжки,
Се мню: в писаньях без натяжки
Стяжал себе ты славу славе,
Ты сим в народе богоравен,
Что, тщась не тщетно, воскрешен
Третьяковский и Державин
Тобой, прозревшим в тьму времен.
Зоилы праздно дружным хором
Твои стихи мнят тщетным сором.
Сором для них изречь: «Се сор!»
Тебе зоилы не обида, —
Сопряг три звания: *Купидо*,
Пиита ты и *профессор*.
(1908)

262. ОДА

**НА ПОСРАМЛЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ДОКТРИН,
СОБСТВЕННОРУЧНО В ДЕРЖАВИНСКОМ ПУТИЛЕ СОЧИНЕННАЯ
ОТСТАВНЫМ ИМПЕРАТОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ СТУДЕНТОМ
И КАВАЛЕРОМ НИКОЛАЕМ ЕГОРОВЫМ, СЫНОМ ШЕБУЕВЫМ,
И ПОСВЯЩЕННАЯ ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОМУ
ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
И КАВАЛЕРУ ЛЬВУ АРИСТИДОВУ, СЫНУ КАССО**

1

О муза, даждь в бряцаньях лирных
Цифири днесь жрецов низвесть,¹
Которы до пространств эфирных
Хвалы своей возносят весть,²
Которы, сидя до полночи,³
Всегда свои вперяют очи
В какой-то странный интеграл,⁴
Которы мнят ся выше бога

¹ В первой части сей оды посрамлиются математики.

² Не намек ли на авиаторов, кои произошли не иначе как из математиков?

³ Многие астрономы имеют пагубную привычку работать по ночам.

⁴ Математический инструмент малого калибра. Пригоден в геодезии, где иначе называется дифференциалом.

И величаются премного,
Что прочий люд — микрокефал! ¹

2

О вы, мятущиеся тщетно
Людскому роду изложить,
Что благо функций ² неиссчитно
И что без них не должно жить.
Пуškai полны вы дерзновенья, —
Но ведь причины тяготенья
Из вас постигнуть может кто? ³
Безумством ложным вы объяты
И ваши все координаты ⁴
Пред бесконечностью — ничто! ⁵

3

Иной всю жизнь бумаги пишет,
Сочетавая с дзетом икс, ⁶
А мир о нем и не услышит, —
Безвестным снизойдет он в Стикс. ⁷
Иль астрономы, в телескопы
Небесных звезд считая скопы,
Себя мнят, будто велики!
Как будто звезды ярче стали,
Коль их они пересчитали!
Вотще! По-прежнему ярки! ⁸

¹ Сиречь тупоголовый.

² Вспомогательные значки, коими математики функционируют.

³ Производится расследование, но на точный сих притчин смысл доселе не нападено.

⁴ Координаты названы так в отличие от ординат.

⁵ Никто не может объять необъятное. См. К. Прутков.

⁶ Математики тщеславятся, что им не только цифири, но и алфавита не хватает, и заимствуют последний с филологического факультета.

⁷ Иначе Лета.

⁸ Достойна удивления наглость астрономов полагать, будто звездам полезно, что их считают!

И все таблицы умноженья,
 Каких ни сочиняйте вы,
 И формулы, и выраженья —
 Один лишь звук пустой, увы!
 Все ваши праздные мытарства
 Ведь не прославят государства
 И свет в народе не прольют!
 Оставьте ваши все науки,
 К труду прилаживайте руки,
 О сем и камни вопиют! ¹

О муза, рцы: «Сугубо жалки,
 Кто, зрак вперяя в мелкоскоп, ²
 В моче, в слюне считают палки ³
 И называют их микроб!
 Собрав клопы, козявы, воши
 И прочий гад еще поплоче,
 Болезни тщатся все пресечь! ⁴
 Помыслили ль о том немного,
 Что несть болезни не от бога?
 Против рожна подъяли меч!»

О вы, крамольные хирурги,
 Что анатомите тела
 В Москве, в Казани, в Петербурге, —

¹ Труд, разумеется, начальством не возбраняющийся.

² Вторая часть сей оды развенчивает медиков и естествоиспытателей. Сколь ни испытывай естество, оно от того не будет естественнее.

³ По учению медиков, в слюне водятся: палочка (тире), запятая, точка с запятой и прочие знаки препинания, от коих происходит заминка в здоровье человека и кои называются микробами.

⁴ Медики тщатся изучать человеческие болезни на зверях. Как будто, изучив головную вошу, можно излечить головную боль человека! Или видал ли кто-нибудь у козявы хотя бы простую мозоль! У зверей свои зверские болезни, и никак нельзя, анатомя клопа, считать себя достойным высоких гонораров!

О вас везде шумит молва!
Вонзая в труп прохладный бритву,
Твердите ль про себя молитву
Иль молча курите табак? ¹
Живому руку отсекая,
Вотще твердить, болезнь какая... ²
А без руки жить лезя ли как?

7

Коль ваши кокки и макокки
Несчетны, как вы мните, впрямь,
Вотще к ним будете жестоки:
Стада их, сколь ты ни упрямя,
Лезя ль удалить стальным пинцетом, ³
Размыслили ли вы об этом,
Ножом пиля аппендицит! ⁴
Коль в голове женой ищуся, ⁵
От воши ся избавить тщуся,
А сколь же мельче лейкоцит! ⁶

8

Где поглощенных лекций горы?
Гора наук родит вам мышь!
Где суесловны разговоры
Профессоров! Прямой барыш
Книгопродавцу лишь от лекций.
А пользу впрямь от дезинфекций

¹ Медики отговариваются, что не курить нельзя, ибо от трупа идет тяжкий дух. А к чему с трупом связываться!

² Прежде чем пресечь болезнь, медики тычатся оную болезнь прозвать по-латыни, как будто больному от этого легче, что он узнает, как ее зовут? Лучше не знать, как по-латыни, да оставаться с рукой.

³ Ежели оные макокки столь малы, что их разглядеть невозможно, то, сколько бы ни был отточен об оселок пинцет, всегда можно промахнуться.

⁴ Чревовидный отросток слепой кишки, соединяющий прямую кишку с кишечником. Любит воспаляться.

⁵ «Иль ею в голове ищуся»... см. оды Г. Р. Державина.

⁶ Наглядная мысль.

Получит лишь аптекарь-плут!
Кишка слепая не прозреет,
Ни чирий раньше не дозреет,
Коль градусник под мышку ткнуть! ¹

9

Жалчею тех, что ищут иксы
Иль анатомят червяка,
Иные, что в словах суффиксы
Находят с видом знатока . . . ²
Насчет каких-то спорят корней,
Твердят один другого вздорней,
Откуда, от семян каких
Произросла, как в поле брюква,
Та иль иная в слове буква,
И надлежит чинить как их. . . ³

10—14⁴

15

Профессор в университете
Иной — послушать — что Невтон! ⁵
А уж в участке на примете,
В скрижаль полицией внесен. ⁶
Студент того не понимает,
Словам крамольника внимает,
И сам в темнице свил приют!
Когда б закрыть все высьи школы,
Поменьше было бы крамолы! —
О сем и камни вопиют! ⁷

(1913)

¹ Также смешной обычай щупать пульс.

² Сиречь филологи.

³ Каждое слово они возводят в звание и чины, презрев совет мыслителя, что слово есть звук пустой.

⁴ Пять глав до поры до времени опущены.

⁵ Ср. «Что может собственных Платонов И быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

⁶ Бывали примеры.

⁷ Всякие нормы и проценты до тех пор не принесут пользы, пока университеты не будут вовсе закрыты.

263. ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ СХОДСТВА

Генералы и хулиганы — отличаются.
Иконы и чины — почитаются.
Тоска и Дума — разгоняются.
Ученики и пальто — порются.
Преступники и адвокаты — ссылаются.
Пуришкевич и палки — ломаются.
Октябрист и мельница — мелют.
Мичистры и дураки — рождаются.
Папы и кабатчики — молятся.
Безумцы и лампы — вешаются.
Люди и печи — топятся.
Свобода и мясо — душатся.
Журналы и двери — закрываются.
Пьесы и потолки — проваливаются.

(1908)

264. КАК БУДТО ИЗ ГЕЙНЕ

На севере диком сосна одиноко
На голой вершине стоит. . .
В тюрьме за решеткой редактор печальный
На голой скамейке сидит.

И думает он о свободе прекрасной,
Что скоро ли к бедным придет,
А выйдет, то снова его оштрафуют,
И вновь он в тюрьму попадет.

(1908)

265. НЕ ПОЙМУ

Не пойму я: люди плачут,
 А о чем?
Шубы нет — гуляй свободно
 Нагишом. . .
Солнца нет, тебе бесплатно
 Бог дает. . .
А начальство опекает,
 Бережет.
Если хочешь быть горбатым —
 Работай,
Быть отечеству полезен —
 Выпивай.
А что хлеба нет, землицы —
 Не беда,
В земском складе есть в запасе
 Лебеда.
Так о чем же в мире плачет
 Весь народ?
Иль он благостей господних
 Не поймет?
Если б я был властелином —
 Повелел,
Чтоб никто на небо даром
 Не глядел.
Чтоб никто бесплатно воздух
 Не вдыхал
И весною пенье пташек
 Не слышал,
А землицу б всю распродал
 На вершки. . .
Вот тогда бы поплясали
 Бедняки!

(1909)

266. ПОСТНИК

Постится Мироныч;
На брюхе, блистая,
Играет на солнышке
 Цепь золотая.

Постится Мироныч;
В кармане ж не пусто
И волосы смазаны
Маслицем густо.
Постится Мироныч,
Не ест и не пьет,
В амбаре ж рабочих
Считает за скот.
Постится Мироныч
И молится богу...
Ругается в лавке
И грубо и строго.
Постится Мироныч
И с маслом — ни-ни...
Надут же — надует
И в постные дни!..
Постится Мироныч
И ласков с попом,
А бедных на книжку
Снабжает гнильем...
Постится Мироныч
И свечи всё жжет,
И думает: как бы
Умножить доход?
Постится Мироныч,
Свершая мольбу,
А как отзовет,
Бог даст, и в трубу...
Постится Мироныч,
Вздыхает, кричит,
А цепь золотая
На брюхе блестит.

(1910)

267. ТИТОВСКИЙ ДОМ

Титовский дом! Титовский дом!
Сражен не пулей, не огнем...
Доход владельцу обещал
И вдруг от воздуха упал...
Хорош был, значит, матерьял!

Титовский дом! Титовский дом!
Пришлось бы жить народу в нем...
И люди все бы в царство тли,
В могилу раннюю ушли...
Титовым что же, им люли!

Титовский дом! Титовский дом!
Упал ты ясным, теплым днем...
Положим, этот бы домок
И от дождя, увы, размок,
Как в поле глиняный комок.

Титовский дом! Титовский дом!
Как жаль, что не пришлось в нем
Пожить владельцу самому,
А прочим — больше никому...
Ни даже Вове самому!

(1913)

К нам из Англии туманной
 Прикатили сэры —
 Наши гости; мы гуманны —
 В Персии примеры!
 О «сближении народов»
 Власти, ох, пекутся,
 А народы ждут невзгоды,
 Охают да жмутся.
 «Без меня меня женили, —
 Шепчут те народы, —
 Мы бы персов не делили —
 Не враги свободы».
 Что за толки о сближеньи?
 Мы не враждовали.
 Ведь *народы*, без сомненья,
 Войн не затевали?
 Буржуа хотят «сближенья», —
 Что-то тут нечисто,
 Разыграли «душ влеченье»
 С ловкостью артистов.
 Но за «искренним влеченьем»
 Примечай с вниманьем:
 «Интересец, без сомненья,
 Виден и — деянья».
 Делят лакомый кусочек
 Старый Джон с Варягом;
 Англичанка уж дружочек, —
 Грабь под общим флагом...

Вот тебе и меджилисы,
Персов тут свобода, —
Ведь сближеньем занялся
Целых два «народа».

Между 8 и 25 января 1912

269. «ЧЕРНАЯ ШАЛЬ»

Шалит хулиганов орда —
От них не спасись никуда,

Шалят под шумок торгаши,
С народа собирая гроши;

Шалит быстроходный трамвай:
Поглядывай только и знай;

Шалит черносотенцев рать
Под стягом «Тащить — не пущать»;

Шалят городские отцы,
Старательно пряча концы;

Шалит государственный строй
То правой, то левой ногой. . .

От шали повсюду печаль:
Воистину «Черная шаль»!

(1908)

270. НА ПАМЯТЬ

В. Буренин
В остроумии
Неизменен,
Вроде мумии.

(1908)

271. ТЕЛЕГРАММА ИЗ АДА

У нас всё тихо, у нас всё чинно,
Что было кратко, то стало длинно.
У нас свобода во всем повсюду:
Хошь бей по рылу, хошь бей посуду.
Дери хоть шкуру, бери хоть взятки —
Всё это можно и без украдки.
Бери дубину, иди по аду
И дуй бесхвостых, в том нет преграды.
Спасибо скажут за это черти,
Коль звездорезнешь кого до смерти.
Не смей любить лишь одну красотку —
Свободу-девку, не то . . . решетка.

(1908)

272

Некий чиновник циркулярно
предложил преподавателям в сочи-
нениях по русскому языку отрица-
тельными типами не злоупотреблять
и впредь заменять такие положитель-
ными.

Из современного декаданса

Пусин-Мушкин, Дусин-Хрюшкин,
Как не стыдно . . . а́хти-хти!
Надо ум иметь лягушкин,
Чтоб такое наплести.

Положительные типы?
Дайте списочек, чудак!
Нет, казенных перьев скрипы
Оглушили ваш чердак.

Известили лет бы за сто
Циркулярно всех творцов:
С отрицательными — баста,
Поставляйте молодцов!

Сговорились скандалисты:
Пушкин, Гоголь и Толстой
И Тургенев — все нечисты
Перед вашей простотой.

У самой Екатерины
Положительных — ни-ни. . .
Пусин-Душкин! *Есть* причины!
Попотей — и уясни.

Просто типов — очень много.
Дусин-Хрюшкин — тоже тип,
Да и он, подумать строго,
Отрицательный полип. . .

(1908)

273. ДУБРОВИНУ

Он ходит гордо, как иной хожалый,
Но я его затей почти не разберу;
Он старшим дворником годится быть, пожалуй,
А прессе он совсем не ко двору. . .

(1908)

274. ВЕСЕЛЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКОМ КОРОЛЕ, КУРИНОЙ ЛАПШЕ И МУЖИКЕ-ПРОКАЗНИКЕ

Генрих Четвертый, французский король,
Часто любил говорить:
«Мне причиняет серьезную боль
То, что не может варить
Каждый крестьянин хотя б иногда
В праздник куриного супа. . .
Вот только черное мясо всегда —
Это ведь вредно и глупо! . . .»

Боже мой, что бы король тот сказал,
Если б он встал из гробницы .

И из французской столицы
В недра России случайно попал,
Где мужичок (экий, право, проказник)
Только и ест, заливая водой,
Изо дня в день — и по будням, и в праздник —
Хлеб пополам с лебедой. . .

(1908)

275. ЭКСПРОМТ

Искусство нежно возлюбя,
Сек Сологуб лозой себя. . .
Но Кузмину тогда за «Сети»
Не розги нужны уж, а плети!

(1908)

276

Выдумку, о смертный,
Позабудь пустую —
Отыскать на свете
Истину нагую.

Не найдешь ты этой
Небылицы в мире,
Истина прикрыта —
Истина в мундире!

(1908)

277. ДВЕ РАДОСТИ

Солнце. . . Зелень. . . Птичий гам. . .
Выставленья зимних рам,
Обыск, арест, экзекуция. . .
То есть целых два зараз
Удовольствия для нас:
И весна, и. . . конституция.

(1908)

278. ИЗ АЛЬБОМА МОДЕРНИСТА

Брызги пенных наводнений,
Влага радостных мучений,
Воды радости весенней —
 Фиолетовый покров. . .

Таял снежный, безмятежный,
Разливался вширь безбрежный,
Целовал волною нежной
 Губы-любы берегов. . .

Пена солнечных сверканий,
«Грифы» мокры в океане,
Скорпионовских изданий
 Закипел девятый вал.

Поиграл с веселой влагой,
Поблестел прозрачной флягой,
С небывалою отвагой
 Полетел на карнавал.

Сологуб притащит лозы,
Ветви тонкие березы,
Чтоб Матрена лила слезы,
 Розги вымочит в воде.

Боль минутных изменений,
Будем таять, словно тени,
Тени плачущих мгновений
 (Каждый вечер будут две).

Пусть бушует непогода! . .
Мы закроем от народа
Дань родного небосвода,
 Простучит стальной засов.

Приходи, родной Валерий,
Мы закроем плотно двери,
Будем алы, словно звери
В трепетаньи диких сов.

(1908)

279. В СФЕРАХ

Внимая ужасам войны
Издавека,
В министры метил он почти
Наверняка!
До сей поры никто не шел
Так быстро —
В три года стать товарищем
Министра?!
Неслыханный рекорд сей
Флотский
Побил «товарищ»
Воеводский.

(1908)

280. В АЛЬБОМ РОСЛАВЛЕВУ

Поэт гробов, червей, могил
В порыве яростном к витийству
Гробовщика... похоронил
И смерть привел... к самоубийству!

(1908)

281. ВОПРОС

Выйдешь ли, родная пресса,
Из-под тягостного пресса?
Иль, под веяньем реакции,
Ярко-черные реакции
Совершатся в черепах,
И получишь в формах права
Ты указ злорадный справа —
В духе мудрых черепах...

(1908)

282. ПЕСНЯ ГАЗЕТЧИКА

На мотив «Коробейник(ов)»

Эх, полна сума тяжелая.
Легковесен лишь итог.
Есть «Газета» развеселая,
Разлюли-люли «Листок».

«Биржевушка», «Время Новое»,
«Младо-Новости» и «Речь»,
Позабыл назвать вам «Слово» я...
Ох, игра не стоит свеч!

Ходишь-бродишь день по городу
И рубля не наживешь.
Ходишь-бродишь, треплешь бороду,
От «Копейки» — пользы грош...

Наты Пинкертоны — сыщики...
Эй, Ник Картер, выноси!
Всюду сыщики, как прыщики,
Расплодились на Руси...

Накупил вопросов пола я
Патентованных писак,
Эх, сума, сума тяжелая,
Сало топится никак...

Оберучевы и Пропперы
Полонили всю печать,
Не из той всё пишут оперы, —
Им бы лучше помолчать.

Эх, полна сума тяжелая,
Легковесен лишь итог,
Есть «Газета» развеселая,
Разлюли-люли «Листок».

(1908)

283. ПРЕССЕ

Птица вольная прогресса,
Буревестник новых дней,
Ты несла, родная пресса,
Веру в счастье и людей.
Рассекали воздух горний
Два свободные крыла,
Направлялся лёт упорный,
Прям и верен, как стрела.
Но оббили злые выюги
Перья с левого крыла
И в запутанные круги
Стройность взлета перешла.
Нет уверенной отваги
В левом раненом крыле, —
Конвульсивные зигзаги
Нагибаются к земле. . .
И не взвиться птице ныне
В дали вольные высот, —
Жалкий жребий — рыться в тине,
В смрадных зарослях болот.

(1908)

284. СОН

Я хочу вам рассказать
 Про большую елку,
Мне пришлось ее видать
 Сквозь дверную щелку:

На верхушке Хомяков
 Звездочкой уселся,
А пониже и с боков
Депутатских ряд голов
 Свечками виднелся.

Вместо бус со всех сторон
 Пристава висели

И на всех иных персон
Сверху вниз глядели.

Были мир и тишина,
Было много толка,
Ах! Была не зажжена
Эта елка!..

(1908)

285. КОНКУРЕНТЫ

Как-то в ночь под Покровá
Близ Литейного проспекта
Перешептывались два
Подозрительных субъекта.
«Что, коллега, как у вас —
Платят много ли в охранке?»
— «Да, кой-что я уж припас:
Тысяч с пять лежит уж в банке...
Ну, а ты за тот же труд
Сшил ли шубу, хоть в рассрочку?»
— «Вот простак. Да мне дают
По полтиннику за строчку».

(1909)

286. ПЕСНЯ ОБ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВЕ

Почти из Беранже

Его превосходительство
Не любит сочинительства...
Лишь пишет каждый раз
Коротенький приказ.

И наше местожительство
Его превосходительство,
Прийдя в большой экстаз,
Меняет каждый раз.

И только покровительство
Его превосходительство
Оказывает тем,
Кто тих, и глух, и нем. . .

Опорой стал правительства
Его превосходительство,
И в будущем году —
Он ждёт на грудь звезду! . .

(1909)

287. МОЯ «АМЕРИКА»

Кто бы ни доказывал, трудно стать уверенным,
Будто обитаем мы в поясе умеренном.
По моим понятиям, климат наш — тропический:
Здесь на чреве ползает Меньшиков эпический,

Гады пресмыкаются в страшном изобилии,
С утра и до вечера зло шуршат рептилии,
Вся страна запугана змеями очковыми —
Марковыми злючими, хитрыми Гучковыми.

И из каждой трещины, смотришь, лезет гадина —
Смотришь, Гурлянд с Гурьевым или грек Синадино.
Всюду встретишь ящера либо аллигатора:
Алчного чиновника, шпика-provokatora.

Птицы здесь задорные, с ярким оперением,
Нападают бешено, ранят с озверением.
Становясь всё лютее, делаясь всё ярее,
Бродят здесь жестокие мамонты-аграрии,

Жратвы совершаются что ни день обильные:
Слабого, бесправного пожирают сильные. . .
Словом, я открытие сделал гениальное:
Наше положение — экваториальное!

(1909)

288. КРАСНЫЙ ЯЗЫК

Недавно некий «правый»
(И даже депутат),
Весь смысл утратив здравый,
Проклял судьбу стократ.
Он, стоя пред зеркалом,
Свой высунул язык
И в ужасе немалом
Жестокий поднял крик.
Он взвыл: «О, я, несчастный!
Теперь мне как же быть:
Совсем язык мой красный! . . .» —
И пуще начал выть.
Но правому тут плаксе
Сказал один кадет:
«Язык ты свой навакси
Душе своей под цвет».

(1910)

289. ПОЭТЫ

«Всё закаты да закаты, — проворчал редактор едко, —
И хотя бы кто случайно притащил один восход.
Да-с, живое дарованье можно встретить очень редко.
Нет! Скажите мне: восходы разве раз бывают в год?»

Я молчу. Восходы часты. Каждый день поутру солнце
Вылезает из берлоги, пожирая правый бок,
И, наверно, взглядом скосым, через пыльное оконце
Упираясь в лежанку, золотит обоев клоч,

Под навесом по навозу бродит вместе с черной курой,
Ловит ухом, сколь цыплята жизнерадостно пищат,
Как стучит по загородке хвост коровы злобно-хмурой,
Но не знает, что под утро все поэты сладко спят.

«Мне понятней ужас смерти, — отвечаю я тягуче, —
Час рожденья тайны светлой не моей душе объять. . .»
А редактор, покопавшись на столе в бумажной куче,
В чьей-то рукописи робкой переправил «е» на «ять».

(1910)

290. ПЕСЕНКА

Летний луч поля разбудит,
Но зима придет опять. . .
Кто-то будет, кто-то будет
В новой Думе заседать?

Закопчен огнем пожарищ,
С прокламацией в руке
Не войдет туда «товарищ»
В пролетарском пиджачке. . .

«Нет иных, а те — далече»,
Там, где пенится Байкал. . .
И кадетской даже речи
Не услышит «белый зал».

Там Гучковы мямлить станут,
Вот чего, друзья, боюсь. . .
Иль, не к ночи будь помянут,
Забредет туда «Союз»?

1911

291. В УНИВЕРСИТЕТЕ

Отрядом, сурово чернеющим,
Идет полисменов коллекция. . .
Проходит по залам пустеющим. . .
А рядом — читается лекция.

О, муза моя окрыленная!
Исполни надежду пламенной:

Полиция будет ученая
Отныне в Москве белокаменной.

Забывши реченья нескромные
(Теперь времена не таковские!),
Труды застрочат многотомные
Суровые стражи московские. . .

1911

292. ДЕРЕВНЯ В БУДУЩЕМ

Скоро будут времена,
Доживем, коль будем в силе:
Превратятся борона
И соха в автомобили.

Всё, как раньше шло, пойдет.
Власть всё так же будет в силе;
Арестует и сvezет
Лишь в тюрьму. . . в автомобиле.

(1911)

293

Страна Италия
Вела баталию.
Вопит Италия:
«О боже! Та ли я?»
И бьют Италию
Пониже талии. . .

1911

294. ПОСТОЯНСТВО

Мне было семь, вам — восемь лет,
Я полюбил вас так, что даже
Таскал вам пригоршни конфет
Из сундучка моей мамыши.

Теперь я лысый старичок,
Но неизменны чувства наши,
И казначейский сундучок
Нам заменил сундук мамыши!

(1912)

295. ДУМА

Дня в слезах не видя, бабушка Ненила
До самих министров с просьбой доходила.
Вот и вышла милость: одного повесить,
В каторгу другого, что-то лет на десять.
И трясет с тоскою головой старушка:
«Ах, скорей бы Дума, жив бы был Ванюшка!»

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Дай сойдется Дума, будет землемерам, —
Думают крестьяне, — скажет Дума слово,
И землю нашу отдадут нам снова».

Захотел профессор издавать газету.
Он недаром рыскал столько лет по свету:
Понатерся в людях, поприветствовал шкуру,
Грезил: «Буду дома разводить культуру».
Но попал в застенки и твердит угрюмо:
«Ладно, нам не к спеху, скоро будет Дума».

Мирно на заводе стачка протекала.
Вдруг орда вандалов с гиком прискакала.
Смертно бьют налево, смертно бьют направо,
Бьют и высылают — коротка расправа!

Люди разбежались в дебри без оглядки.
«Хоть бы Думу, что ли. Ну уж и порядки!»

Наконец собралось наше упованье!
Архиерей приехал, сделал заклинанье.
Но, должно быть, слова он не знал такого,
И пришлось нам Думу дожидаться снова.
Заперли министры светлые палаты,
Место депутатов заняли солдаты.

И Вторую думу разогнали тоже,
Потому рабочих слушать непригоже.
«Дело было б проще, — так паны сказали, —
Если б мы семейно дело разбирали,
Чтоб не выносить той за порог нам грязи».
И собрали Думу — всё паны да князи.

Сирота Ненила; на чужой землице,
У соседа-плута, урожай сторицей;
Прежние парнишки стали «стариками»;
Стачки прекращают попросту штыками;
Да и сам профессор Думой уж не бредит.
Дума ж всё толчется, с места всё не едет.

Знает Дума — надо, но никак не в силах
С чем-нибудь расстаться из порядков милых.
Нежно бы и долго думцы ворковали,
Если б, на беду их, в Думу не попали
Мужичок с котомкой да еще рабочий, —
Портят кровь пузатым, не глядели б очи.

.
(1912)

296. СОНЕТ

Энциклопедия тебе сестра —
Ты должен быть во всем и всюду докой.
Поливка улиц, чистка ям с утра
Тебя ведут к полуночи глубокой.
А ночью зимнею в дыму костра
Коптишься ты, блюдя свой пост высокий,

Ан, глядь, на обыск уж тебе пора,
И ты идешь и зябнешь волей рока.
О пьяных ты печешься словно мать.
А сколько раз ты должен рисковать
С людьми, преступными перед законом!
Ты, полицейский чин, всегда за нас!
И мудрено ли, что народный глас
Тебя равняет к древним фараонам!

(1912)

297. РИФМЫ

Когда стоят у денег и у власти лица,
Такие, как Варшавер, Кровопусков, Властелица,
То ждать, что деньги им не будут в пасти литься,
Наивней, чем смотреть, как будет Влас телиться.

(1912)

298. ПОЭТ

Перед толпой стоял поэт,
Певец красот манящей дали;
Толпе читал он свой завет
Новейшей красочной морали.
Он был велик! Огонь сиял
В очах, исполненных печали...
В восторге он едва стоял,
И все почтительно молчали.
Он говорил: «Меня пьянит
Красот идея неземная,
И фимиам лишь ей курит
Моя душа, душа больная!»
И кто-то крикнул наконец:
«Врунишка, черт длинноволосый,
Ты от казенки пьян, подлец,
А куришь просто папиросой!»
.....
Зевес! Хулить ты допустил...

О нет! . . Упал окровавлённый. . .
Сразил Зевес? Нет, запустил
Поэт посудиною казенной.

(1912)

299. ОБ УМНОМ ОТЦЕ И НЕСЧАСТНОМ СЫНЕ

Басня

Когда и кем — писать, признаться, лень —
Совершено однажды было злое дело,
И в ямке на поле лежало третий день
Веревками опутанное тело.
Бедняга рвался, плакал и молил,
Потом кричал и слал врагам проклятья,
Но там, увы, никто не проходил,
Не слышали приятели и братья.
Ну, словом, кажется, бедняге уж конец,
Но тут случилось как раз чего бы надо:
Случайно проходил несчастного отец
И видит обессиленное чадо.
Отец, поспешности неумолимый враг,
Воспитывал в таком же духе сына,
Обдумывал всегда свой каждый шаг,
Был, словом, положительный мужчина.
Подумал, постоял, всё взвесил, обсудил
И так промолвил, почесавши темя:
«Ты хочешь, чтобы я тебя освободил?
Повремени! Освободить не время!
Пойми, мой друг, тебе же польза тут!
Вопрос для логики весьма, весьма не смутен:
Коль я освобожу тебя от тяжких *пут*,
О, sancta logica! ¹ Ты будешь ведь *распутен!*»

Не ясно ли?! Мыслитель сей дурак,
И горд напрасно опытом житейским:
Распутанный с распутным сходен так,
Как путный человек с чиновником путейским!

(1912)

¹ Святая логика! (лат.). — *Ред.*

300. СТИХОДУИ

Вдохновенные на диво
Стиходуи, целый стан,
Сочиняют торопливо
«Песни западных славян».

И поют среди погоста
Славу радостных побед.
...Сочинять ужасно просто!
В этих песнях рифмы нет.

1912

301

Да пошлет бог меткость пушкам
вашим и даст силу штыкам вашим.
Кровью притеснителей да напоит он
дорогу перед вами...

Акафист Власа Дорошевича

Дорошевич кровожаден.
По тарелке бьет в набат.
Из заплывших жирных впадин
Глазки искрами блестят.

И смакует он с любовью:
«Малый, мяса мне подай,
Не прожаренного — с кровью,
Мягкий, сочный, красный край.

Чтоб, шипя, летели брызги!..»
И на глазках — пелена...
Дорошевич, бросьте визги —
Здесь не «Прага», а война.

1912

302. ИЗ АЛЬБОМА ПАРОДИЙ

Когда будете, дети, студентами. . .

Апухтин

Когда будете, юноши, гласными,
То старайтесь быть вечно безгласными,
Чтоб не стать бесконечно несчастными,
Чтоб не слыть чудаками опасными,
Болтунами всегда многогласными.

Не стремитесь быть, юноши, гласными,
Автоматами будьте безгласными,
С ерундой будьте вечно согласными,
Не живите мечтами напрасными.

О, тогда быть вам дивными гласными,
Вечно юными, вечно прекрасными,
Никому никогда не опасными!

(1913)

303—304. СТИХОЗЫ ЛЕРМОНТОВА

Подражание новым поэтам

1

ВУАЛЬ

Бланшит вуаль солингюдитный
В обскуре моря голубом. . .
Что шершит он в стране лонгитной?
Что обронил в краю родном?

Симфонят нимфы, фордвинд свищет,
В грот-мачте слышен шантеклер. . .
Увы! Фортуны он не ищет,
И не от счастья он курьер!

Под ним флюиды — цвет лазури,
Над ним луч Феба златодней,
А он, повстанец, просит бури,
Как будто в бурях есть Морфей!

2

МЕССА

В экстазу жизни чудную,
Безверья в силу вер
Одну я мессу трудную
Твержу аливувер.

Есть сила огнебурная
В сословье всех небес,
И дхнет, эгофутурная,
С бемолями и без.

С психоза бремя скатится,
Как в Нил Казбек-гора,
И вверх ногами скачетя,
И живью! Гип! Ура!

(1913)

305. БЕССОННИЦА

Плоскоскрипы, стенотрески,
Часотики, мышеплеск,
Оголубил занавески
Тихо-грустный луноблеск.

Перешорох по запечью,
Под окошком перестук,
В душу, душу человечью
Заползает ночезвук.

И волнует и тревожит
Предвещения узор,

Кто-то чует, кто-то может,
Кто-то знает приговор.

Дедов старые приметы
Мне покою не дают.
Скоро ль в небе иглосветы
Песнезорей запоют?

(1914)

II

ИЮЛЬ 1914 — ФЕВРАЛЬ 1917

306. СКАЗКА О ТРЕХ НАБОБАХ

Где-то давно друг от друга особо
Жили да были три старых набоба. . .
Верили твердо они с давних пор,
Что, мол, спина — это пыльный ковер.
Но как-то раз их раскаянье взяло,
И порешили они, для начала,
Так управлять, чтоб всегда без забот,
В масле катался их добрый народ.
С этою целью сошлись на совете
Первый, второй и задумчивый третий. . .
И, опираясь десницею в лоб,
Молвил восторженно первый набоб:
«Всею душой устремляясь к народу,
Я упраздняю плохую погоду,
Зонтик огромный воткну в небосвод,
Чтоб не чихал мой любезный народ».
Было торжественно слово второго:
«Я же готов для народа родного
Соорудить грандиознейший мост
В царство далеких, загадочных звезд. . . »
И, умиленные каждый особо,
Слушали третьего оба набоба:
«Я же, для блага отчизны родной,
Просто — возьму и уйду на покой. . . »

(1916)

307. БРАТ АНТОНИО

В монастырской тихой келье,
Позабывши о весельи
(Но за это во сто крат
Возвеличен Иисусом),
Над священным папиру́сом
Наклонясь, сидел аббат —
Брат Антонио, каноник,
Муж ученый и законник,
Спасший силой божьих слов
От погибельных привычек
49 еретичек
И 106 еретиков!

Но черны, как в печке вьюшки,
Подмигнув хитро друг дружке
И хихикнув злобно вслух,
Два лукавых дьяволенка
Сымитировали тонко
Пару самых лучших мух...
И под носом у аббата
Между строчками трактата
Сели для греховных дел...
И на этом папирусе
Повели себя во вкусе
Ста Боккачьевых новелл!..

И, охваченный мечтами,
Вспомнил вдруг о некой даме
Размечтавшийся аббат...
И без всяких апелляций —
В силу тех ассоциаций —
Был низвергнут прямо в ад
Брат Антонио — каноник,
Муж ученый и законник,
Спасший силой божьих слов
От погибельных привычек
49 еретичек
И 106 еретиков!

1916

308. КОРОЛЬ БУБЁН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Уж как дедушка Тарас
Сказки сказывать горазд,
Разуважил нас вчерась.
Слушал деда кот в печурке,
Еще кошечка в кошурке,
Да за печкой таракан,
Да я, мóлодец Иван.
А теперь сказку эту
Расскажу всему я свету —
Мудрецам на прославление,
Дуракам на посрамление,
Старым людям на утеху,
Детям для посмеху.

За долами, за горами,
За широкими морями,
Во бубновом славном царстве,
Во червонном государстве
Жил да был король Бубён.
Шел о нем далеко звон,
Что богат он и силен;
Цвел вокруг его палат
За тройной оградой сад.
В том садочке круглый год
Напролет

Вис на ветках сочный плод.
Фрукты зрели, солнцем рдели,
Поспевали в две недели
И катились сами в рот
 Без хлопот.

Меж дерев стоял дворец,
Словно каменный ларец,
С золотой литою крышей —
В царстве не было ей выше.
Вел к дворцу мощный ход
Втрое кованных ворот,
А при них, одеты в латы,
Мамелюки бородаты
Содержали караул,
Чтоб никто не заглянул
На Бубна урочным оком
И не сглазил ненароком.

А снаружи у ворот
Бил высоко водомет.
С шумом вниз вода спадала
И в недалний пруд бежала,
Где для царского стола
Рыба красная жила.

Перекинут был мосток
Через светлый тот прудок.
В час положенный утра
Тут сходились повара
С королевского двора,
И присяжный эконом
Им указывал перстом
Стерлядь, нельму аль таймень,
Словом, рыбу, что в тот день
Полагалась на обед.
И хотела та иль нет —
Не облыжно бают люди —
У Бубна была на блюде.
Дивовались даже птицы
Чудесам его столицы
И летели за моря,
Без умолку говоря.

Во дворце Бубновом слуг
Было много для послуг:
Короли, тузья, валеты,
Дамы, пышно разодеты.
Лестно было всякой масти
У Бубна стоять у власти.
У одних на губах пух,
У других и слух потух,
А седым и молодым —
Воеводой Бардадым.
Был он крепко нравом лют
И по царству первый плут.

Челядь верой, правдой служит,
И Бубён живет — не тужит.
Чуть глаза продрал в постели,
Слуги роем налетели.
Умывают, одевают,
Сон с очей его свевают,
Кормят птичьим молоком
И гулять ведут потом.
Глядь, и время пролетело,
На обед пора приспела.
А обед — мое почтение!
Разносолы и печенья,
И напитки, и варенья,
Пряник с маком, да какой!
Пообедал — на покой,
Отдохнул — за пряник снова, —
Уж известна жизнь царева.

В праздник, свитой окружен,
Любоваться едет он
На парады, на разводы,
Если нет дурной погоды.
А случится дождь иль снег,
Во дворце не без утех.
Тут и песни, тут и плясы,
Балагурье, белендрясы.
Если шутки надоели,
То Бубён лежит в постели

Аль играет на щелчки
С дураками в дурачки.
Коль выигрывает сам,
Лупит дурней по усам,
А случится, проиграет —
Лоб придворный подставляет.

Аль, бывало, разговор
С мудрецами заведет:
«Правда ль, — спросит их в упор, —
Будто есть такой народ,
Что царей не признает?»
«Мало ль что ни мелют зря!
Как же можно без царя?
Нам и слушать-то негоже», —
Говорят вельможи.

Так, вольготна, весела,
В царстве бубен жизнь текла,
И стоял у них закон:
Вору голову на кон.

В год двенадцать ровно раз,
В тот же день и в тот же час,
У пруда, на берегу,
На зеленом на лугу,
Собирался грозный суд
И творил расправу тут.
Суд не слишком разбирался,
Кто и с чем ему попался,
И, во здравье короля,
То и знай кричал: «Петля!» .

Сколько б за день ни казнили,
Никогда не хоронили,
А, бывало, прямо прут
С эшафота в рыбный пруд.
От суровой той расправы
У бубён добрели нравы:
Зритель к дому шел утешен,
Что остался не повешен.

Добрый мылся добела
И хватался за дела.
Злой мотал себе на ус,
На чужой не рвался кус.

У Бубна за годом год
Что минуточка идет.
Жил да жил он, словно плыл,
Глядь, наткнулся на копыл:
По неведомой причине
Вдруг предался злой кручине,
Стал он плохо спать и кушать,
Не желает песен слушать,
Пряник в рот ему нейдет
И не льется в душу мед.
В золотой своей короне,
На червленом пышном троне
Черной тучей он сидит,
На придворных не глядит.

Отродясь такой печали
В царстве бубен не встречали.
Обуял валетов страх,
Заметались впопыхах:
Что тут делать? Как тут быть,
Горюшко избыть?
То сзывают лекарей,
Чудодеев-знахарей,
То найдут Бубну в забаву
Лебедь белую аль паву
Неописанной красы,
Аль с кукушкою часы,
Аль лихого скомороха, —
Толку нету, дело плохо:
Измодел совсем Бубён,
Хоть и прочно был скроён.
С горя многие вельможи
Инда сами спали с рожки.
Только здрав и невредим
Воевода Бардадым.
Был он черный, винной масти,
Оттого и тверд в напасти.

Напролет и дни и ночи
Думал он что было мочи,
Мозговал и так и сяк,
Напрямик и накосяк.

А у бубен был закон
(Хоть давно забылся он):
Если в царстве злоключенье,
Голод, мор иль наводнение,
Иль напасть стряслась другая,
Бубны, часу не моргая,
Клич давали по мастям,
Областям и волостям,
Чтобы шел на общий сход
Дошлый, выборный народ.
Выборные поорут
Да напасть и ототрут.

Тошно было воеводе
Выступать по старой моде,
Но — в плутах первейший жох —
Думал так: «Не выдаст бог!»
Вот качает он указ:
«Повеленье, мол, от нас
Всем сословьям и чинам,
Чтобы жаловали к нам,
В королевскую столицу,
На такую-то седмицу.
А затем-де в вас нужда,
Что большущая беда
Над державою нависла». —
И внизу поставил числа.
Подписал указ Бубён
Как сквозь сон.

Ходят старосты по селам,
Ходят с сердцем невеселым,
Под окошками тук-тук:
«Собирайся, братцы, в круг
По Бубновому указу,
Бардадымову приказу».

Завозились на печи
Старики бородачи,
Зашушукались старухи,
По домам пуская слухи.
Глядь, на выгонах, у сел,
Собираться люд пошел.
Словно майские жуки,
Зажужжали мужики:
«Ду-ду-ду, ду-ду-ду!
Не наткнуться б на беду:
Гнать послов в столицу-град,
А воротятся ль назад?»

Только бубны-мужики
Не растяпы-вахлаки —
Не теряя лишних слов,
Знатных выбрали послов,
А над всеми прокурат —
Старый дедушка Панкрат:
У него зёмлишки с пядь,
Едоков полна полать,
Да ништо! К трудам охоч,
Дед пускает за день ночь,
А в едушке недохватка —
У него опять ухватка:
Подпоясался потуже,
И не вздумаешь про ужин.

Вот пошли послы в столицу.
Мерят лаптями землицу.
А за ними следом пух,
Между бубен дивный слух:
Будто всем известно ноне,
Просидел у них на троне
В продолжение трех лет
Не Бубён — его валет,
С толстым брюхом, сытой рожей,
С королем до капли схожий.
Тот валет судил и вешал,
Пировал и черта тешил,
А Бубён ходил по свету,
Как монашек по обету;

Что увидел он виденье,
Обойдя свои владенья
И дознавшись, сколь народ
Терпит зла от воевод;
Что по этой-то причине
Близок он теперь к кончине.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я загадку загадаю,
В огороде закопаю:
Как год пройдет,
Калач взойдет.

Вот в назначенные сроки
Собрались в столицу доки.
Бардадым, хоть с тайной болью,
Их встречает хлебом-солью.
Провели гостей в палаты —
Почитай на всех заплаты,
Кто боится и ступнуть,
Где ж тут голос протянуть.
А иные завели
Разговор насчет земли:
Дескать, пашни больно мало,
Дать прирезку б не мешало
Маломочным и худым.
Тут как цыкнет Бардадым:
«Да за этакую речь
Мало голову отсечь!»
Прикусили язычки
Молодежь и старички,
А иных и жуть взяла:
«Бог помилуй, смерть пришла!»

Ан повыручил ребят
Старый дедушка Панкрат.
Штуклеватый старичонка,
Речь повел он очень тонко:
«Не серчай ты, ваша милость,
Что на слове сходка сбилась.

Больно темны мы умом;
Мужики, в лесу живем.
Кабы ежели б наука,
Тут была б иная штука.
Полированный мужик,
Он и черта ублажит,
Распутляет всяки сети. . .
Вы отцы, мы — ваши дети.
Как изволишь, так положим,
И казну вам приумножим».
Тут уж все взялись за ум,
И пошел в палатах шум:
«Верно! Правильно, Панкрат!
В самый то есть аккурат!»

Воевода пообмяк:
«Вот давно бы, братцы, так.
О прибытке для казны
Помышлять мы все должны.
Речь теперь не о земле
Али прочей небылице.
Чаю, всем известно ныне
(Ведь живете не в пустыне),
Что пресветлый наш Бубён
Сильно духом поврежден.
Ночь без сна проводит он
И вкушать не хочет пищи
 Ни за тыщи.
Вот и надобно умом
Пораскинуть нам о том,
Как найти Бубну забаву,
Чтоб пришлась ему по нраву;
В этом, значит, вся задача.
Если выйдет вам удача,
Буду я сердечно рад
(Понатужься, брат Панкрат!),
А задачи не решите —
Ну, тогда уж не взыщите!»
Тут у всех, что были в зале,
Вновь поджилки задрожали,
И хитрущий сам Панкрат
Поосунулся назад.

Вдруг, неведомо откуда,
Точно взялись из-под спуда,
Растолкав локтями сход,
Вышли двое наперед.
Оба молодца в угаре,
Сажей вымазаны хари,
По тузу промежду плеч,
Колесом вертится речь.
На собранье покосились,
Воеводе поклонились
И, прокашлявшись в кулак,
Воспроговорили так:
«Мы, ребята-ухачи,
И портные и ткачи.

Утюжим, гладим,
Одежду ладим
Крестьянам, барам
Почти задаром,
По рвам, по лазам
Дубовым, вязам.
Шагаем в дождь,
И в ведро тож».

Сдвинул брови воевода:
«Не равна стоит погода;
За иную, братцы, речь
И голов не уберечь.
Если быть хотите живы,
Говорите прямо: чьи вы
И придумали ль отгадку
На загадку?»
— «Скажем, дядюшка, попроще.
Мы из города Легощи;
А живем с того не тощи,
Что и впрямь мы мастера —
Без хозяйского добра
Не уходим со двора.
Шьем богатые убрания,
От сорочки до кафтанья;
Шьем не просто, с наговором,
Да обводим их узором:
Красным золотом, шелками,
Самоцветными камнями,

Ставим солнце на груди,
- Ясный месяц позади,
А по полам звездный ход —
С ног вались, честной народ!
Как убранье ни красиво,
Это всё еще полдива,
: Диво будет впереди.
Шутка вот в чем, погляди:
Ту одежду увидеть
Только умному под стать.
: Дурень сколько ни смотри,
: Хочешь в оба, хочешь в три,
Не увидит даже нитки
И останется в убытке.
Чай, теперь смекаешь сам:
Нам загадка по усам.
Ты к Бубновым именинам
Сшить обнову повели нам,
Короля в нее одень
И увидишь — в тот же день
Хворь спадет с него, как шуба, —
Будет любо!»

Бардадым куда как рад.
Сулит короб им наград,
Коль портные не обманут,
А обманут — в воду канут.
Забожились мастера:
«Век не видеть нам добра,
Если платье будет худо».

Вдруг в палате вышло чудо:
Стенка справа шелохнулась,
Шелохнулась, разомкнулась,
И открылся тут балкон,
А на нем король Бубён,
По-домашнему одет.
Ручкой всем послав привет,
Он потом промолвил так:
«Я, конечно, не дурак.
Всё я слышал, всё я знаю,
Сходку с миром отпускаю.

Расходитесь по домам
И готовьте подать нам.
Вы же, други-мастера,
Завтра ж, с раннего утра,
За работу, на урок,
И чтоб в самый малый срок
Мне была обнова сшита —
И квита!»

Вот засели мастера,
Ткут и дни и вечера.
А припас идет для них
Из дворцовых кладовых —
Злато, шелк и серебро,
Многоценное добро.
Бардадым всему учет
Строго-настрого ведет:
Отряжает часть на стан,
Две кладет себе в карман.

День за днем, прошло семь дён.
Ходит козырем Бубён;
Чует, в теле прибыл вес.
«Не иначе, как с небес
Дождалися мы чудес», —
Говорят его вельможи,
Да и сами пухнут тоже.
На девятый день Бубён
Встал с постели огорчен —
Скверный сон увидел он.
Кличет тотчас Бардадыма,
Говорит ему: «Нет дыма,
Дыма нету без огня,
Так послушайся меня.
Ты возьми-ка двух подьячих,
Двух подьячих, самых зрячих,
Понаведайся к портным:
Много ль ткать осталось им
И не сделано ль растраты?»

Вот посланцы бородаты
Идут в ткацкие палаты.

«Бог на помощь, господя!
Нас король прислал сюда:
Знать нам надо для отчета,
Как идет у вас работа».
Мастера им оба в слово:
«Почитай тканьё готово.
Загляденье — полотно!
Полюбуйтесь, вот оно».
Бардадым глазища пучит,
Лишь себя напрасно мучит.
Где же крósна? Где навой?
Видит, стан стоит пустой.
По пустому ткач-ловкач
Челноки гоняет вскачь,
Водит бёрдом взад, вперед.
Бардадыма пронял пот.
«Ну и провор же народ! —
Мыслит он. — Да как же так?»

Ведь уж я ли не мастак:
Из-под носа у Бубна
Я казну гребу до дна,
А тому и невдомек.
Тут же вот какой урок!»
Только слыша, как дьяки
(А уж те не дураки),
Утираясь от поту,
Хвалят чистую работу,
Сам промолвил: «Да, тово. . .
А когда же за шитво?»
— «Да хоть вылезем из кожи,
А в неделю всё свостожим».
Воротился точно с кладом
Бардадым к Бубну с докладом:
«Очень тонкая работа».
А король ответил: «То-то!»

Заступает день за ночь —
Сутки прочь.
Уж Бубну терпеть невмочь:
Так охота нарядиться,
Что въяву обнова снится.

Он к портным посланцев трóпит:
Шить торопит.
А портные оба в слово:
«Почитай что всё готово.
Только, вишь ты, для приклада
Шапку золота нам надо
Да каменьев самоцвет —
Кисет».
Хоть пожался Бардадым,
Отпустил, что надо, им.

Вот и подлинно готова
Королевская обнова;
На золóченем подносе
Трое слуг ее приносят.
Трое слуг — Бубну почет,
Платье ж весом кто учтет,
Чик в чик — золотник.
Вот в большой зеркальной зале
Примерять Бубну почали.
Мастера вокруг хлопочут,
Лясы точат, так и строчат,
Выхваляя свой товар,
Что чудесней птицы-жар.
Вторит им Бубнова свита:
«Превосходно платье сшито!»
Предоволен и Бубён,
Хоть донельзя обнажен.
Перед зеркалом вертится,
Дам придворных не стыдится,
Ходит передом и задом,
Удивляя всех нарядом.
И велит без промедленья
Из казенного имения
Дать портнягам награжденье:
Наградить и угостить,
Восвояси отпустить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Диги-диги,
Диги-дон!
Били, били, —
Гонят вон!

Над столицей гул и звон.
Повелел звонить Бубён,
Что, одет по новой моде,
Он появится в народе.
И молва идет о том,
 Что потом
Будет всем большая милость:
Вишь, бумага объявилась.

Уж по улицам столицы
Ждут народа вереницы.
Вот и пушки загремели,
Трубы медные запели,
Барабаны трам-трам-трам!
По разостланным коврам,
Пышной свитой окружен,
Из дворца идет Бубён.
Бирючи бегут вперед,
Разгоняючи народ.
Кто не скоро сторонился,
Тот на месте ж и платился:
Наколотят палкой зад,
Да и плакать не велят.

По простору валит стража,
Держит ружья для куража.
Бардадым суровым взглядом
Наблюдает за парадом.
Сам Бубён идет позади
В предиковинном наряде:
С головы до пяток гол,
Не глядя на женский пол.
Вслед за ним шагает свита,
Позументами увита,
А за нею стража вновь —
Так и зерит, хмуря бровь.

Только вот калачный ряд.
Вдоль него валит парад.
Рад глазеть базарный люд —
Так со всех сторон и прут.
Молча смотрят мужики,
Позабывши снять шлыки;
Не выходит и «ура»
Из мужицкого нутра.
А молодки и девицы
Рукавами кроют лица,
Чтоб не видеть срамоты —
Королевской наготы.
Ан случилось и похуже.
У большой базарной лужи
На возу сидел дурак,
Аль колпак,
И дудил себе в кулак.
Дурень рад,
А как взглянул на парад,
Закричал на весь народ,
Да во весь широкий рот:
«А король-то, братцы, гол!
Видно, в баню он пошел!»
Инда дрогнул весь базар.
Шелохнулся млад и стар,
Да как грянули с верха:
«Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!»

Сметил дело воевода:
«Бунт, выходит, меж народа»,
И в минуту дал наказ
Разыскать смутьяна враз —
Да в приказ.
Пристава в народе рыщут,
Дурака меж умных ищут.
А кругом идет потеха —
Все катаются от смеха,
Ухватившись за бока.
Где ж найти тут дурака!

Домекнулся и Бубён,
Что промашку сделал он:

Что портные, хоть проворы,
Были истинные воры.
Вот, прикрыв рукой что мог,
Он со всех пустился ног
Через город, на конец,
В золоченый свой дворец.

Ладил в самые ворота,
Да свильнул у поворота
И потрафил на мосток,
Что лежал через прудок,
Где для царского стола
Рыба красная жила;
Оступился — да и в пруд, —
И капут.

«Ах, ах!

Ах, ах!»

Обуял придворных страх.
Короли, тузья, валеты,
Дамы, пышно разодеты,
Заметались впопыхах.
Со страсти
Много тут придворной масти
С Бубном нырнуло заодно
На самое дно.

Сказке конец —

Делу венец.

Кому чин, кому стан,
Кому шитый кафтан,
А нам бражки стакан.
А мы бражки поьем
Да еще заведем.

1916 (?)

309. КУПЛЕТИСТЫ

На сияющей эстраде
В Петербурге — виноват,
В дивном граде Петрограде —
Пел нам нежно бюрократ:
«Знаем, знаем с давних пор мы,
Ох, как нам нужны реформы,
Но... всему же свой черед:
Успокойтесь наперед!»
Было худо, стало хуже.
Миновало десять лет, —
Бюрократ на тему ту же
Декламирует куплет:
«Входит жизнь в иные нормы,
Ох, как нам нужны реформы,
Но... позвольте погодить:
Дайте немца победить».

Что нам делать с куплетистом?
Отвечать, как прежде, свистом?
Но в тяжелый час потерь
Не до свиста нам теперь.
Куплетист (пусть он с талантом)
Нас избитым «вариантом»
В изумленье не поверг.
Знаем: если ждать упорно,
И упорно, и покорно,
То получим всё, бесспорно...
«После дождика в четверг».

(1915)

310. СТАНИСЛАВЫ

Из монолога бюрократа

Станислав Глинка —
из списка рептильного,
Станислав Проппер —
из списка благонадежного.

Почтен наградою. . . Надеюсь — не последней.
За что? За то, что голова!
Всё Станиславы. . . Три. . . Да два. . .
Торчат с утра в передней!

(1915)

311. ЩЕГОЛ

«Ну, как твои дела-делишки?» —
Сбивая лед с еловой шишки,
Клёст обратился к снегирю.
«Благодарю!

Когда бы не попал к дрозду на именины
Да не поел вчера рябины,
Подох бы с голоду!»
— «Эхма!

Признаться, выдалась зима! . .
Гляди, с овсянкой к нам летит никак чечетка?
Здорово, тетка!

Садись, овсяночка! Откудова, кума?»
— «Да вот летала к свиристелю;

Хворает, бедненький, которую неделю:
Всего трясет, не пьет, не ест.
Прибился из далеких мест,
Промерз на вологодской стуже,

Искал тепла у нас — ан тут еще похуже.
Да без родных, да без семьи! . .»
— «Щигли-щигли! Пюи-пюи! —

Перемахнул на ель щегол с чертополоха, —
Кому там как, а мне неплохо!»

— «В каких местах?» — вопрос овсянка задала.
«Ужель не знаешь? Вот дела! —

Щегол придвинулся к соседке. —
Зашла бы, что ли... на часок...
Поговорить... попеть... прочистить голосок!...
Я тут поблизости... живу по-барски... в клетке». —
«Так это ты и есть?!
Весьма наслышаны! Благодарим за честь! —
Овсянка молвила задорно. —
Возможно, про тебя наслышались мы врак:
И плут, и фокусник... Но вот что ты — дурак,
Так это уж бесспорно!»

Такие-то дела!
Малюю басенку, не трушу, —
И тем отвел немного душу,
Что выругал... щегла!

(1915)

312. КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
«Друг, — выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил, —
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!»

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

(1916)

313. ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.
«Грабеж! Разбой! —
Волк поднял вой. —
Так вот какой ты есть защитник угнетенных!»

Так вот изнанка какова
Твоих желаний затаенных!
Вот как ты свято стал чужие чтить права!
Пусть льстит тебе низкопоклонник,
А я... Когда при мне нарушил царь закон,
Я не боясь скажу, что он
Из беззаконников — первейший беззаконник!
Но, царь, есть божий суд! Есть справедливый
гнев! ..»

«Брось! — усмехнулся Лев. —
Всё это без тебя мне хорошо известно,
Как не в секрет и волчий нрав.
В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
Когда бы сам овцу добыл ты честно!»

(1916)

314. ПРИЯТНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Набросок желчью

Мысли — как трамвайные билетки,
Жалкие, от станции до станции.
Говорит он много об эстетике,
О Бодлере, Ницше и субстанции.

Весь такой он чуткий и мистический,
Весь такой он нежный и лирический.
Не люблю его я органически,
Я при нем страдаю истерически.

Сколько он со мной ни разговаривал,
Сколько ни прикладывал старания —
Никогда его не переваривал,
И на то имею основания.

Я смотрю: за черепной коробкою
Этой тли природою положена
Смесь трухи с изжеванной пробкою
И какой-то слизью переложена.

Ничего другого. Ни горения,
Ни сердечных взрывов, ни сомнения,
Ни тоски, ни страсти, ни мучения. . .
Человек? Нет: недоразумение.

От портного — брюки с заворотами,
От брошюр — солидные суждения,

От кого-то — фразы с оборотами,
От себя — лишь ужас вырождения.

Лучше жить пустыми небылицами,
Углубиться в мерзость запустения,
Чем возиться с этими мокрицами. . .

Плюнь на них — хоть в этом утешение.

(1915)

315. ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ

Птичка божия не знает
Ни труда и ни забот:
Птичка сахар не скупает
И муку не бережет.

Птичка в песнях век проводит,
Ей не скучно без вина,
Птичка в лавочку не ходит —
Ей и мелочь не нужна.

Птичка спрыгает в курятник,
Пару зернышек сопрет,
Птичка божия — не ратник
И на службу не пойдет.

Птичка божия не плачет,
Ей нельзя газет читать,
Для других она не скачет
В кружку деньги собирать.

Завтра выберу полено —
Не забыть бы только мне —
И уверенно задену
Птичку божью по спине.

Перед кем мне быть в ответе?
Это ж свинство бытия:
Почему на белом свете
Не родился птичкой я? . .

(1915)

316. СПЕКУЛЯНТЫ

Какая шальная блудница
Тряхнула позорной казной?
Я плюнул бы в мерзкие лица
Людей, обогретых войной.
Ползут, пресмыкаются воры,
Где алая кровь горяча.
Их мысли — витые узоры
На красном плаще палача.
Чьи руки, чьи хищные руки
В грязи потрясенной земли
Чужие миллионные муки
Куют бессердечно в рубли?
Купается в золоте тело
Прогнившей от выгод души. . .
За чье-то великое дело
Мстят гадины в жуткой тиши. . .
О, если бы их вереница
Хоть раз бы прошла предо мной,
Я плюнул бы в мерзкие лица
Людей, обогретых войной. . .

(1916)

317. ТЫЛОВИК

Ног и чести не жалея,
Деньги хапая сплеча,
За войну он из пигмея
Превратился в богача.

Раболепствуя в прихожей
Снисходительных персон,
Этот тип с суконной рожей
Не один скопил мильон.

Здесь — поставит, там — укажет,
Здесь — припомнит, там — солжет,
Здесь — влиятельного смажет,
Там — разиню обстрижет.

Для кого война — забота,
Для него она — дурман,
Для него лишь всё — охота,
От которой сыт карман.

Раньше, робкий и прыщавый,
Говорлив, труслив и мал,
Котелок носил дырявый
И швейцаров обегал.

А теперь в другом наряде
И с улыбкой наглеца,
То, что раньше было сзади,
У него — взамен лица.

Это он пускает первый
По столице грязный слух,
Это он нам треплет нервы,
Фабрикант слонов из мух.

Он теперь везде внакладе,
Всё хватает, что плывет.
По головке случай гладит,
В каждой щелочке везет.

Но когда настанет время
И вода зальет пожар,
Тот же самый случай — в темя
Нанесет ему удар.

И когда его с миллионом
Втянет жирная земля,
Все со вздохом облегченным
Скажут: «То-то... Сдохла тля»,

(Февраль 1917)

318. ГЕРОЙ

Писал он громкие стишки,
Тангльфут-статьи и горе-прозу,
Толстожурнальные кружки
Его причислили к обозу.
И там он шел. . . Стерег журнал,
Был в убежденьях сталактитом. . .
Талантов новых не пускал
И был без трех минут «маститым».
Пришла гроза. . . Ударил гром.
К оружию встало пол-Европы
И молчаливо напролом
Пошло в кровавые окопы.
Пошли туда — за ратью рать,
В борьбе ища Христова лика,
И побеждать и умирать
Без громких возгласов и крика. . .
Чтоб свергнуть крупновский кумир
Своими жизнями и кровью
И завещать потомкам мир
С неугасаемой любовью,
В молчаньи строгом шли на бой.
Полки в окопах пропадали
И, обреченные судьбой,
В молчаньи строгом умирали. . .
Он долго думал и — решил!
Он «спек» статью, отнес в газету!
Разнес «Полдневный крокодил»
Его кудаханье по свету:

«Писатель, если только он —
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Под зов трубы туда я рвусь,
Лечу потоком. . . Завтра, в среду,
Варшавский, час, — за матку Русь
Я умирать, как все, поеду. . .
Я буду петь вам о боях,
Внесенный сказочным моментом!!»

В ту среду он врагам на страх
Уехал в Тверь — корреспондентом.

1914

319. ВОЙНА И БОГЕМА

У художника Алова,
Развеселого малого,
Есть собака по имени Мумм,
Есть подруга Тamarочка,
Стульев сломанных парочка
И нарядный весенний костюм.
У художника Алова,
Развеселого малого,
Вся мансарда восторгом горит:
Алов барски валяется,
Мумм печенкой питается,
А Тamarочка кофе варит.
Кончил Алов с заботами.
Вон икрою и шпротами
Убран солнечно-радостный стол.
Знай целуйся с Тамарою,
Занимайся гитарою
И лежи, как ленивый осел.
На Вильгельма Кровавого
У художника Алова
Десять шаржей купил «Винегрет».
Мумм гудит, заливается,
Алов ест — наслаждается,
Вся Тamarочка — счастье и свет.

У художника Алова,
Разнесчастного малого,
Нет собаки по имени Мумм,
Нет Тамары-блондиочки,
Развалились ботиночки
И заложен весенний костюм. . .
Там, за черною лестницей,
С пуделихой-прелестницей
Потерявший фасонистость пес
Обнаглел анархически,
Отощал аскетически,
Огрубел, как плимутский матрос.
В Летнем нежная парочка:
Колька Львов и Тamarочка,
А над ними злодей Купидон.
На Вильгельма Кровавого
В триста строчек без малого
Продал Колька «Заре» фельетон.
Алов стонет и бесится,
Алов хочет повеситься:
Жизнь мрачна, как преступника бред, —
У художника Алова
На Вильгельма Кровавого
Не взял шаржей журнал «Винегрет». . .

(1915)

320. В БУРЮ... ВО-О-О ГРОЗУ...

«Ура-поэтам» и батальным беллетристам посвящается, но без уважения.

Зимний вечер наступал,
Буря мглою небо крыла,
Словно вышла «на аврал»
Табуном чертячья сила.

Жутко было без калош.
Ад задумал издеваться
И пугать, бросая в дрожь,
Пешехода-петроградца.

Беллетрист Кузьмин Лука
Мчался серною до конки,
Ибо был в семисезонке
И ботинках en tout cas.¹

«Бррр! . . . Замерзну в цвете лет!
Вывози меня, кривая!»
Ну, беги, беги, поэт, —
Недалеко от трамвая.

«Уффф! Родимые, пришел!
Но ужель страдал я даром? . . .»
Отдышался, сел за стол,
За бурлящим самоваром.

Кот мурлыкал в стороне,
И мурластый и пузатый.
Шевелился на стене
Некто крупный и лохматый.

Быстро бегала рука
По листкам в чаду экстаза.
Вдохновенно пел Лука
Ураган в горах Кавказа:

«Я люблю кипящий ад!
Дикий грохот урагана!
Я люблю громов раскат
В диких скалах Ардагана!

Я люблю подставить грудь
Ледяным дыханьям ветров!
Грудью полною вздохнуть
(Гексаметров? . . . летров? . . . гетров? . . .)
В вышине трех тысяч метров!

Я люблю полярных стран
Ледянистые метели!

¹ На всякий случай (франц.). — *Ред.*

В них живет Великий Пан
И играет на свирели. . .»

Был уж виден гонорар,
Блеф и шум в литературе. . .
Пел о буре самовар,
Васька пел о горной буре,

Пела вьюга за окном
О грозе чужих сторонек,
И мяукал тенорком
За отдушиной чертенок.

(1915)

321. НУ И ВРЕМЕЧКО!

Где-то возле Брынска-града
Жил когда-то Воробей,
Распевавший средь ветвей
Слаще меда-лимонада.

То был век богатырей.
Мы теперь таких не сыщем.
Звал себя и Воробей
Сверхмогучим Воробьищем. . .

В наше время крупных краж
И свирепых спекуляций
Сдан в архив без апелляций
Исторический кураж.

Нет гордыни, хоть убей!
Всяк в толпу пугливо жметя,
И разбойник Воробей
Воробейчиком зовется. . .

(1915)

322. ЭЛЕГИЯ

Брожу ль средь банковских атлантов,
Вхожу ль в кафе по вечерам,
Сижу ль меж темных спекулянтов, —
Я предаюсь своим мечтам.

Я говорю: ах, чует сердце:
Всем, сколько здесь ни видно нас,
Тюрьма свои откроет дверцы, —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на крупного банкира, —
Я мыслю: денежный титан!
Очистишь ты карманы мира,
Как раз очистил мой карман.

Швейцару ли на чай вручаю, —
Уже болит душа моя:
Тебя теперь обогащаю,
А завтра буду нищим я.

День каждый, встречу, сделку, место
Привык я думой провожать,
Неотвратимые аресты
Меж них стараясь угадать.

И где изменит мне судьбина?
В кафе ли, в банке ль осрамлюсь,
Иль на продаже кокаина
Неоспоримо попадусь?

И хоть карману без кредитки
Равно повсюду изнывать —
Я всё ж хотел бы срок отсидки
В столице милой отбывать.

И пусть вне стен тюрьмы холодной
Дела по-прежнему кипят
И процветают многоплодно
Салол, железо и шпагат. . .

(1916)

323. КАК Я ЖИВУ

Пуста, как выси Сен-Готарда,
Моя унылая мансарда,
Жилье мечтательного барда:
Всё, всё в объятиях ломбарда. .
Шагаю взад-вперед два ярда
И перечитываю Тарда...
Купил бумаги у Говарда, —
Строчу стихи: огонь! петарда!
Острей клинка кавалергарда
И горячее Льва Ричарда!
Добраться б мне до билиарда,
Я накатал бы два миллиарда.
«Пришла, — зовет меня личарда, —
Тебя описывать кокарда».

(1916)

324. ИЗДАТЕЛЬ

Занял нá день у кухарки
Пять рублей:
Полтора рубля — на марки,
Рубль — на клей,
Где-то в долг достал бумаги.
И в обед
Издаю с другом, полн отваги,
«Гром побед».
Чудо вышел первый номер,
Юн и свеж:
«Франц сегодня ночью помер!!
Отнят Льеж!!
Флот французский занял Краков!!
Вот так тák, —
Покраснел не хуже раков
Австрияк!!»
Да читатели-то звери —
Бунтари:
Им пиши хоть про потери,
Да не ври.

Предлагаешь: «Нате, ешьте»...
Не берут.
Чай, живем не в Будапеште, —
Здесь не врут.
Эх, расейские порядки!
Эх, удел!
«Гром побед» без правды-матки
Похудел.
А какой был первый номер!..
В цвете лет
У мальчишек в сумках помер
«Гром побед».
Вновь иди на службу клерком...
Без афер...
Здесь не знают: «A la guerre comme
A la guerre».¹
Клей пропал, пропали марки...
Вой, как волк:
Как отдать теперь кухарке
Крупный долг?..

(1916)

¹ На войне, как на войне (франц.). — *Ред.*

325. Nihil¹

Я часто прохожу к себе во флигель
И вижу каждый раз под будкой у ворот
Собаку старую с латинской кличкой Nihil.
Студенты звали так, и дворник так зовет.

Умело брошена студенческая кличка.
Вы знаете ли взгляд, когда еще он жив,
Но в нем уже «ничто»? И если б не привычка
Дремать здесь у ворот, на лапы положив

Свою спокойную всезнающую морду,
Собака старая издохла бы давно:
Так всеми благами пресыщенному лорду
Бывает — жить ли, умереть ли — всё равно.

Я никогда не видел столько безразличья
Ко всем и ко всему. Такой покой нельзя
Напрасно нарушать, но — чудится — покличь я,
Она не шевельнет зрачком, по мне скользя.

Вдаль простирая взор и старческие скулы,
Поросшие седой лохматой бородой,
Она молчит. Слышны ль ей городские гулы,
И лай собак, и хохот дворни молодой?

¹ Ничто (лат.). — *Ред.*

Над ней рой жалящих, звенящих насекомых.
Взмахнуть на них хвостом. . . да стоит ли того?
Она похожа на кого-то из знакомых,
Но только вспомнить не могу я, на кого.

(1915)

326. У НАС ВСЕГДА 1-е АПРЕЛЯ

Ну, хоть первого апреля — в день, когда разрешено, —
Врите вдосталь, врите щедро, лейте враки, как вино!

Выходите на пороги отомкнувшихся дверей
И ревите вольным ревом разыгравшихся зверей.

Похваляйтесь тем, что ваши домочадцы, как в раю,
Не насытятся, смакуя долю сладкую свою.

Выходите, папы, мамы, выволакивайте всех
Ребятишек, чтобы миру показать их «бодрый смех».

Жены сверху, жены снизу, из квартир и этажей
Выбегайте, щеголяя буйной радостью мужей.

Ковыляйте и мужчины, затаив на сердце шрам,
И с размазанной улыбкой по измученным губам.

Выползайте, журналисты, из редакций: полным ртом
Уверяйте, что в «принципах» — весь ваш «стол» и
весь ваш «дом».

Эй, художники, поэты и носители идей,
Заполняйте дыры улиц и прорехи площадей,

Шумом, гулом, визгом, звяком ваших лгущих голосов
Заглушайте правду жизни: к черту правду! На засов!

Ах, хотя бы врали смачно, врали смело, как борцы,
Если правды ваши дрянны, как гнилые огурцы.

Пусть хоть этот лживый праздник будет весел, будет
Пусть хотя б в одном обмане надоест и вам обман. . . пьян,

Выходите ж, выбегайте, выползайте, господа, —
Будем врать, чтоб уж навратья нам сегодня на года...

И авось настанет чудо! Солнце к завтраму взойдет
И увидит: кто-то где-то дышит, смотрит... и не врет!

(1916)...

327. СУМЕРКИ КУМИРОВ

Николай Петрович Кадкин,
Ученик второго класса,
Был начитан не по летам,
Не по возрасту умен.
Ординарно — дети падки
На какое-нибудь лассо,
На забавы с арбалетом,
На монеты всех времен.
Образ жизни Николая
Был далек от ординара,
Далеко и одиноко
Он стоял от мирных игр:
Только дебри Гималая,
Ласка друга сенбернара,
Да истоки Ориноко,
Да бенгальский лютый тигр
Были в силах вызвать краску
На ланитах гимназиста,
Были в силах лётном птицы
Унести рассудок вдаль...
А обычную закваску
Принимал он неказисто,
Презирая единицы
И казенную мораль.
Мог ли с таким запасом
Динамической начинки
Под упругой, крепкой коркой

Убежденный следопыт
Удовольствоваться классом,
Где проходятся «личинки»,
Удовольствоваться поркой
И ценить семейный быт?
Никогда! При первом звуке
О надвинувшейся драме,
Зажигающей по склонам
Великаны-города,
Он забрал котомку в руки
И, всплакнув о бедной маме,
С первым встречным эшелоном
Смело двинулся «туда».
Николай Петрович верил,
Что за этот подвиг ратный,
Осиянный славным боем,
Он получит белый крест.
Но явились люди-звери,
Указали путь обратный
И убрали под конвоем
Из далеких, милых мест. . .
И теперь он терпит муку
От приятельских насмешек
За томление по «славе»,
За порыв «умножить рать».
Положа на сердце руку,
Вы, союзы взрослых пешек, —
Разве он теперь не вправе
Вас сугубо презирать?
Чем замените вы с мамой
Радость светлых увлечений,
Сонмы радостных видений,
Опрокинутые ниц?
Уж не волчьей ли ямой
Из латинских исключений?
Или рядом заграждений
Из казенных единиц?

(1915)

328. ОЧЕВИДЕЦ

Посвящаю с великим уважением
Я. О., В. Б. и еще некоторым авторам
«военных рассказов».

Он сидел вон там, передо мною,
Наклонившись чуточку ко мне,
И, давясь обильною слюною,
Говорил о нынешней войне:
«Чемоданы? Знаем. Испытали.
Целый ряд их видел наш отряд.
Снизу — пули; сверху — много стали:
Две недели около свистали,
Рассыпая смертоносный град.
С виду — так, конический снаряд,
Но осколки сыплет по спирали.
По спирали! Поняли? Иль нет?
Это — ново! Крупновский секрет!
А потом пошли «гусары смерти»,
Это — штучка, я вам доложу!
С превеликой склонностью к ножу,
На окопы лезут, словно черти!
Вот хотите — верьте иль не верьте,
Шапки — мех и кожа сапажу;
Хлеба нет — откормлены на дерти;
Всё мечтают о балтийском Дерпте!
Ну, да я еще им покажу!»
Я молчал, глядел куда-то мимо,
И досадно было мне вдвойне:
Ведь мерзавец *не был* на войне,
А сопит и врет неутомимо.

Он ушел, тряхнувши головой.
Я же думал: «Вот так индивидец!
Не о нем ли сказано молвой:
Этот сударь врет, как очевидец!»

(1915)

Не бездарный,
 Поэтичный,
 Гибкотелый, как минога,
 Легендарный,
 Экзотичный
 И мистический немного,
 Многоликий
 И бывалый,
 На бумаге очень смелый,
 Не великий
 И не малый,
 Но достаточно умелый, —
 Расточительно настроив
 Крепостей из картонажа,
 Создал множество героев
 В паутине шпионажа:
 Многоликих
 И бывалых,
 На бумаге очень смелых,
 Не великих
 И не малых,
 Но достаточно умелых,
 Не бездарных,
 Поэтичных,
 Гибкотелых, как минога,
 Легендарных,
 Экзотичных
 И мистических немного.
 Тут и графы и графини,
 Как клопы в большой перине,
 Маргарин на парафине,
 Парафин на маргарине!
 Все шпионы, все мерзавцы
 Эти рыцари успеха...
 Но какие все красавцы!
 Закачаешься от смеха!
 Дочь красавица-плутовка
 У красавца у магната...
 И красавица-винтовка,
 И красавица-граната!

О, синьоры, леди, дамы,
Сколько выпущено пара
Для красавицы-рекламы
И красавца-гонорара!
Я — серьезно! Ведь насмешка
Далека моей натуре:
Натурально, этот Брешко
Брешь пробил в литературе!

(1915)

330. ЕСЛИ—ТО...

Если кто-нибудь живой
Шевельнет единым пальцем,
То любой городской
Вмиг его накроет. . . чем-нибудь теплым,
чтобы не простудился.

Если кто-нибудь живой
Позабыл, что значит палка,
То любой городской
Вмиг ему представит. . . разъяснение, что
она давным-давно отменена.

Если кто-нибудь живой
Тянет яд взамен портвейна,
То любой городской
Вмиг ему подсунет. . . вытрезвляющего.

Если спазмы в животе,
То легко ведь усмирить их:
Спазмы лечит живо те
Знаменитый русский. . . доктор.

Словом, всюду благодать,
И к чему нам жалкий земец,
Если может благо дать
Каждый встречный русский. . . человек? . .

331. НЕЦЕНЗУРНАЯ МЕБЕЛЬ

О мебели писать цензурно или нет?
Ведь мысль о мебели — что может быть
безвредней?

А напиши-ка: «Этот кабинет
Во многом схож, по-моему, с передней»!!!

(1916)

332. ВСЕРОССИЙСКИЙ КУПЕЦ

Страшней германца и австрийца
(Их победим мы наконец!)
Наш всероссийский кровопийца,
Стыда не знающий купец!
Взрастив у нас дороговизну,
Врагу принес он лучший дар...
Он, мнится, продал бы Отчизну,
Когда б была она — товар.

(1916)

333. СТРАШНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Есть у меня портмоне —
Из кожи сшито оно человеческой;
Подарил его мне
Молодой человек. . . сын купеческий. . .

Был чрезвычайно жесток
Отец моего приятеля:
Семь шкур драть он мог
С несчастного обывателя. . .

Одна из этих шкур семи
Пошла на поделки кожаные. . .
Господи боже, прими
Факты вышеизложенные. . .

Портмоне я это сберегу,
Несмотря на все обстоятельства,
И на Твоем суде представить могу
Как жестокости купеческой вещественное
доказательство.

(1915)

334. ЖИВОПИСЕЦ ПЧЕЛКИН

У кого к чему способности есть.
Кому шофером быть, кому стричь бороду,
А у Пчелкина вывески — глаз не отвесь, —
Ходи да рассматривай по городу. . .

Туда ли, сюда ли — в любой конец,
Пока не пробьет испарина.
У мясной погляди на коров и овец,
У портного — на офицера и штатского барина.

Табачная лавка — тропический сюжет:
Арап на слоне ли, на верблюде ли,
Там гирлянды висят монополь-манжет,
Там скорняк — и на вывеске скачут пудели.

Ну, куда тебе Репин? Хорош, да не то!
Наш бы Пчелкин всегда подбрлил его —
Нарисуй-ка, старичок, с яйцами решето
Для купца-оптовика Гаврилова!

Репин — гений! Этакий ведь пущен слух. . .
Одеколончиком потрите-ка вы виски
Да посмотрите лучше, сколько мух
У хлебопекарни живет на вывеске.

Потому что у Пчелкина ситный хлеб
Изображен до последней, так сказать,
реальности. . .

Любуйся, любуйся, кто не ослеп,
Ей-богу, надо ему медаль поднести! . .

С этим согласится и друг, и враг,
У Пчелкина и не будет марки иной,
Недаром же он вступает в законный брак
С прачкой-хозяйкой Анной Марковной.

Заведенье у Марковны — первый сорт,
Стирка без щеток и без разной химии.
А всё-таки Пчелкин — хитрый черт,
Прости мне, господи, грехи мои. . .

Приходит он в прачечную брать заказ
И заводит Анне Марковне речь о том,
Что вот, мол, хорошо бы нарисовать вас
Для вывески — с утюгами и в платье клетчатом.

И уж такую красавицу написал, егоза,
Кто ни взглянет — берет кураж того,

Даже косые Анны Марковны глаза
Правильно глядели, как у каждого.

Пчелкину слава, Пчелкину честь,
Женился, а дело у Марковны доходное,
У кого к чему способности есть —
Вот что значит ремесло благородное!

(1915)

335. ВОТ ЭТО — МУЗЫКА

Сто миллиардов — иначе миллионов сто тысяч.
Эй, Ваше Убожество,
Попробуйте на своей зажигалке высечь
Искр такое же множество!

А ведь столько прибыли положил на счета
Банкир вчера вечером!
Великие нечеты, великие четы,
Целый мир под золотым глетчером.

Сидел я почтительный в глубоком кресле,
Со скромностью думал горлицей:
Ведь вот у банкировой жены не Крез ли
Должен служить подгорничной?

Торопливо за мороженым ходить на ледник,
Казачков завлекать марьяжами,
Кокетливо мять плоеный передник,
Беседуя с поварами ражими.

Бегали костяшки, юрки и шустры,
И когда сливались рубли миллионами —
Дрожали в кабинете банкира люстры,
Поперхнувшись глухими стонами.

Едва над счетами делаешь взмах ты,
Чтоб бешеное произвести сложение, —
Я вижу, как опускаются люди в шахты
Дать стихиям сражение,

Захлебнуться во тьме рудниковым газом,
С мотыгами в руках железными,
Каждым добытым из недр алмазом
Возвысить твой трон над безднами.

Слуг твоих верных не дремлет свора,
Недаром работает свора та.
Вот с поличным сейчас поймали вора —
Алмаз проглотил в три карата.

Ну что же сделаешь — сознался в краже,
Парень с большим был норовом,
А вроде этим ничего не нажил,
Только угостился маслом касторовым.

Рассеянно игру молодой наяды
Слежу на разрисованном плафоне я
И как Магометовы и Дантовы ады
Банкирская творит симфония.

Его — затопившего рублями биржи,
Захлестнувшего долларами и кронами —
Этот самый поработанный мир же
Короновал десятью коронами.

Но, однако, приятель, чего тебе нужно?
Успокойся, демократические узы кинь,
Послушай, как фабричные гудки дружно
Примешались к банкирской музыке.

Как вагонов товарных поют колеса,
И небо шумит афишами,
Имя банкирское на которых косо
Чертит дым, разлученный с крышами.

Колосится пшеница, цветут каштаны,
Надо всем — золотой меч его,
Бьют в горах нефтяные фонтаны,
Где украсть даже рабочим нечего.

Его — бесконечность лесов окружных
Вместе с бабочками, вместе с птицами,

Для него наплетают мили кружев
Кружевницы, мелькая спицами.

Громов, гроз и синичьих трелей
Преисполненная симфония великая —
И смешон перед банкиром Ян Кубелик,
На скрипке своей пиликакая.

Симфония золотая, и только в ней-то
Красота — и стоит ли быть Шаляпиным,
Который попискивает, как дурная флейта
С испорченным изрядно клапаном.

(Январь 1917)

336. ЗНАЙ НАШИХ

Басня

Цвет литераторов в Берлине,
Всё рассудив, постановил: «Отныне
Не сметь читать, не сметь переводить,
Не нюхать, не лизать и не касаться
Тех авторов, которых опасаться
И ненавидеть мы должны,
Как представителей воюющей страны.
Встал Шницлер, секретарь:
«Что ныне — то и встарь, —
Сказал он, — зло гораздо шире:
Писало множество людей в чужом мундире!
Я предложу: не сметь переводить
Тацита, Плиния, Вергилия, Платона,
Гомера, Тассо, Данте и Мильтона...
Всех истребить!
А чтоб внушительней была победа —
Гнать из учебников мерзавца Архимеда!
Коль римская в нейтралитете власть —
Вон римлян всех... и греков в ту же масть!
Все православные — во-первых;
И с Турцией играют нам на нервах;
А во-вторых — да слышит могий слушать —
Ты виноват уж тем, что хочется нам кушать!»

Последнего не удержал он слова...
Цитировал врага! цитировал Крылова!

1914

337. ВОЕННАЯ ХРОНИКА

Тит Пестов идет к «Иллюзиону»;
Тит Пестов читает у ворот:
«Монопольно! Дивно! Для сезона
Боевая хроника идет!»
Мрачный тип с пером павлиньим

в шапке

Отворяет, коченея, дверь,
И Пестов у кассы зрит на папке,
Как стрелка когтит индийский зверь.
Тут же надпись: «Тридцать две

копейки

Третье место». Тит Пестов умен;
У него придуманы лазейки
Надувать театр «Иллюзион».
Медленно передвигая чресла
И сопя солидно в воротник,
На пустые он садится кресла,
Благо дремлет билетер-старик.
И за тридцать две копейки потных
Из господских, из рублевых мест
Зрит Пестов страдальцев

благородных

И войны неизгладимый крест.
Перед ним на «зёркальном» экране
Жертвенно проносятся войска;
Батарей видит он на Сане,
На Кале — алжирского стрелка;
И отряды мучеников Льежа
Средь развалин, холодно-горды,
К новой смерти движутся. . .

«А где жа, —

Говорит Пестов, — тае форты?!
Уж Пате бы я наклам взашею;
Эко диво — воинский поход!
Ты мне эту самую траншею
Покажи, да в деле — пулемет!
Как хозяин от стыда не лопнет?!
Надувать честнеющих людей! . .
Ежли бомбой во окопу хлопнет —
Приведу, пожалуй, и детей. . .»

Так у трупа в сумерках сраженья,
К тайне крови хищностью влеком,
Кровь бойца, забывшую движенье,
Лижет пес кровавым языком.

1915

338. ФЛЮГЕР

День и ночь на крыше
То сильней, то тише
Флюгер визжит.
Стержень дрожит,
Ржавчина сыплется снегом.
Свойственный старым телегам,
Слышится скрип наверху.
Где тут уснуть? Быть греху.

Вьюга ль хороводит,
Солнце ли, мороз,
Тишина ль нисходит
После буйных гроз, —
Без конца изводит
Флюгера невроз.

Этак станет — не годится!
«Лучше стану так. . .»
Извивается, вертится,
Шум на весь чердак.
Хорохорится над «вестом»,
«Зюйдом», «остом», «нордом», — все
Страны света старым шестом
Треплет в мертвом колесе.
Нет ни переда, ни зада,
Только верх да острый низ;
Но «верхи» ль ему отрада,
Если виден лишь карниз?
Что за участь! Что за радость
В ветре, солнце и дожде
Равномерно славить гадость,
Повертеться на гвозде?!

Я не сплю. Уснуть мне трудно.
Флюгер стонет наверху.
Ох, как скучно! Ох, как нудно!
Не стерплю я. Быть греху. . .

Вылезаю. Слуховым окном
Пробираюсь к дьявольской игрушке.
Весь дрожу от злобы. Что мне в том,
Если дворник треснет по макушке?
Это мы сообразим потом,
А покамест — к черту побрякушки!
Удивленья! Он — недвижим. . .
Что такое — не пойму.
Или воздухом пристыжен,
Или стыдно самому.
Вот подполз поближе. . . Ясно!
Дело сделано с умом.
Кто-то выдумал прекрасно,
Как спасти от визга дом.
Вспять я с тихой радостью ползу,
Позабыв о флюгеровом шуме.
На конце у флюгера — слезу
Обывателя о Первой думе,
На другом — военный бюллетень
Видел я и, кажется, спокоен
За грядущий, не визгливый день. . .
Так ли, сяк ли — флюгер успокоен.

(1915)

339. ЭСТЕТ И ЩИ

Басня

Однажды случилось, что в некоем эстете
Заснула душа;
Вздремнула, заснула и в сне потонула,
Забыв всё на свете,
Легонько и ровно дыша.

Здесь следует оговориться,
Пока душе Эстета спится:
Что значит, собственно, — эстет?
Ответ:

Эстет — кошмарное; вульгарное создание;
Природы антраша и ужас мироздания.

Он красоту красотью сменил,

Его всегда «чарующе» манил

Мир прянично-альфонс-ралле картинок,
Альбомов и стихов, духов, цветов, ботинок;

Его досуг — о женщине мечты,

Его дневник — горнило красоты,

Штаны — диагональ, пробор — мое почтение,

Излюбленный журнал, конечно, — «Пробужденье»...

Короче говоря,

От января до января

Ходячая постель, подмоченная гнилью

С ванилью.

Словцо в сердцах, читатель, сорвалось,

Авось

Его редактор не заметит,

Сквозь пальцы поглядит... иль так... в уме отметит.

Ну, далее... Эстета на войну

Берут, стригут пробор, отвозят за Двину,

За Вислу — и пошло! Эстет зубную щетку

Молитвенно хранит и порошка щепотку

От крыс, клопов и блох. И зеркальце при нем —

Последний дар души, что ночью спит и днем.

Эстетово в окопах тело

Обтерлось наконец и кашу лупит смело,

Хоть ранее поворотило б нос

От рубленых котлет (от отбивных — вопрос).

Однажды после перехода

К позиции подъехала подвода

С походной кухней. Хлещет щи Эстет...

Проснулась вдруг Душа, скорбит, а он в ответ:

«Коль щей не буду есть — умру, прощай красоту!»

Смири, Душа, спесивость!»

Тогда Души услышал он слова:

«Пустая голова!

О том лишь я скорблю, что щей осталось мало,

А то я б за двоих душевно похлебала!»

Мораль обязан я сей басни показать:

Щи были хороши; душа же — как сказать?..

(1915)

340. РАБОТА

Последний день по воле рока
Я, расстроенный глубоко,
За столом своим сижу,
Перья, нервы извожу.
Подбираю консонансы,
Истребляю диссонансы,
Роюсь в арсенале тем
И строчу, строчу затем.

Где смешное взять поэту?
Уязвить кого и как?
Минну? Карла? Турка? Грету?
Или бургера колпак?
Но теперь по белу свету
То высмеивает всяк.

Есть удушливые газы.
Можно высмеять бы их,
Но, припомнив их проказы,
Я задумчиво притих:
Слишком мрачные рассказы
Для того, чтоб гнуть их в стих.

Хорошо. Войны не трону.
Но, желая гонорар,
Я пошлю «Сатирикону»
Мелочную злобу в дар

И, имен не называя,
Всех приятелей своих
Так облаю, лая, хая,
Что займется дух у них.

Тот — бездарен, этот — грешен,
Этот — глуп, а этот — туп,
Этот — должен быть повешен,
Этот — просто жалкий труп!

Только я идейно честен,
Сверхталантлив и красив,

Только мне всегда известен
Вдохновения прилив!
Храбрый я — Аника-воин!
Вы прокисли! Ничего...
Всяк трудящийся достоин
Пропитанья своего... .

(1915).

134. НЕ ТОТ КОЛЕНКОР

Необходимая пародия

В наш ситец можно было бы
окутать мумии всех пышных периодов
Египта... Вслед за генералами Чер-
няевыми идут туда в лоно Ориента
русские фабриканты ситца... Им
пели ситец, как «муэдзин поет лучи
восходящего солнца...»

Л. Пасынков, «Биржевые ведомости»

На минарете колосится
Святое зарево седин —
То о цветных разводах ситца
Поет священный муэдзин:

«Не смеет нагло заноситься
Над добродетелью порок!
Нет в мире ситца, кроме ситца, —
И фабрикант его пророк.
Не разогнутся рабы спины,
Пока, тупя свои клыки,
Ткут за аршинами аршины
Ситцепрокатные станки;
Пока, сказав надменно «баста!»
Сукну, шелкам и крепдешин,
Не принесет любой аршин
По крайней мере двести на сто...»

На минарете колосится
Святое зарево седин —
То о цветных разводах ситца

Поет экстазный муэдзин.
Но ах! Мечеть дрожит, косится —
И бард — на землю кувырком. . .
И поделом: не пой о ситце
Таким суконным языком!

1915

342. БРЕШКО

ПРЕЖДЕ

Бойкой темы ища средь газетного вздора,
Он без страха хватает быка за рога. . .
Тут минута отваги — и та дорога!
Вот она — жизнь матадора!

ТЕПЕРЬ

Исколесил он, гениальный,
И оксидент, и ориент:
«Наш собственный», «наш специальный»
Тореадор-корреспондент!

(1916)

343. КУЛЬТУРА

Фирма бр. Пате имеет на всех
фронтах своих операторов, которые и
воспроизводят на полях сражений
батальные инсценировки. . .

Меркантильные Аттилы,
Стережущие успех,
Тратят средства, тратят силы,
Роят ямы и могилы,
Сеют страх и ловят грех.

Назёмь шпицы острых башен,
В лужи крови — комы пашен,
Злую явь — во злейший сон!
Мир да будет ошарашен!
Мир да будет восхищен!

Сёла — в пепел, жатвы скосят.
И, создав былое вновь,
На экран, ликуя, бросят
Обесцвеченную кровь.

Заблестят штыки и каски...
И из черной жуткой сказки
Скромно вылезет на свет:
«Психология в раскраске»,
Сиречь «Зарево побед».

Переправа через Дрину!
Целый полк засосан в тину,
Дети платят половину!
Дети платят половину!
По-ло-ви-ну-у!

.

Отблестят, играя, вспышки...
На гробы наденут крышки...
И, вскочив во вражий стан,
Сногшибательный Глупышкин
Дико пустится в канкан.

(1916)

344. СЕДЬМАЯ ДЕРЖАВА

Петроградский городской голова
закрыв двери заседаний Управы для
представителей печати.

«Седьмая держава? Да гнать ее в шею!
Позвать Феоктиста! Сказать Досифею!»
И, правды светильником путь осветя,
Седьмая держава уходит, кряхтя.

Седьмая держава, сильнейшая в мире,
Садится за столик в дешевом трактире,
И плачет, и пишет часы напролет
О варварстве этом подробный отчет.

Пропитанный желчью, исполненный скорби,
Отчет сей поведает *ugbi et ogbi*¹ —
Со строчки по несколько жалких грошей —
О том, как державу прогнали взащей.

А робкий редактор невинные строчки
Счеркнет и поставит (бесплатные) точки...
Как жертва принципа: «Схватить и держать!»
Недаром державой зовется печать.

1916

345. МЯСНИК ГОЛОВОРЕЗОВ И ВОЕННЫЙ ЗАЕМ

Письмо в редакцию

Мясник Семен Головорезов
Речет, косясь на свой живот,
Что «он, конечно, не из крезов,
Но, между прочим, патриот».
И, приказав своим подручным
(«Аль я не волен, черт возьми?»)
Накинуть оптом и поштучно
На тушу гривен по осьми,
Законам алчности противно
И грабя собственных детей,
Сии добавочные гривны
Ссужает родине своей.
Подобный факт — победы фактор.
Быть мяснику сему в чести!
Позвольте ж, господин редактор,
Об этом факте донести.
Примите и проч. О. д'Актиль.

1916

¹ Граду и миру (лат.). — *Ред.*

346. «ДЕВКА ВИНОВАТА!»

Деревня насыщена деньгами. Она сама покупает предметы продовольствия по ценам, которые недавно еще пугали бы город. В селах Курской губернии платят 80 копеек за фунт масла. Крестьяне сами едят хорошо, кормят скот, даже собаки не голодают. В этом главная причина дороговизны.

Речь московского представителя на съезде биржевой торговли

Так вот где самый корень зла!
Так вот кем попиралась вера!
Судьба недаром привела
Тьмутараканского Кольбера
Сказать глупцам всяя Руси
Толково, веско и картинно,
Что жрут нещадно караси
Щук, оклеветанных невинно.
Так вот кто сеял жуть и мрак!
Так вот кто нес нам смрад и тленье!
Не отвязаться мне никак
От очень грустного виденья:
От жертвы с холёным брюшком
В сугубо каменных палатах
И от обидчика в заплатках,
В лаптях и даже — босиком.
Смотрю на слабых и на сильных,
И по спине бежит мороз —
От вида искренних, обильных,
Первогильдейских жарких слез.
Смотрю на сильных и на слабых,
И душу цепко держит страх:
О, сколько мощи в этих бабах!
О, сколько злости в мужиках!
Уж луч надежды не маячит.
Кругом пустыня, муть и мрак.

.
Но почему обидчик плачет,
А жертва . . прыскает в кулак?

1916

347. В КИНЕМАТОГРАФЕ

Журнал Пате: обозы с пленными,
Атаки наших, дождь гранат,
Обвал костела — и под стенами
Насмерть придавленный солдат.
Экран аршином ленту меряет —
Ему, бесстрастному, равны
И прихотливая феерия,
И правда жуткая войны.
Глотая фильм немые полосы
И воскрешая ужас вновь,
Он даже боль лишает голоса,
Он обесцветил даже кровь.
Но здесь, где вкус диктует улица,
Где нервы есть, но мысли нет, —
Зачем спина твоя сутулится,
Мой впечатлительный сосед?
Зачем в глазах твоих расплавлены
И боль, и горечь, и тоска,
И виснет бровь, и губы сдавлены,
И нервно дрогнула рука?
Затем, что ты знаком с ударами
Иных сражений, ветеран,
И видишь то глазами старыми,
Что не сумел схватить экран;
Что рядом с болью обэкранены
И шутовские антраша,
И тем острее и глубже ранена
Твоя беззлобная душа,
Что, чуждый модного безверия,
Ты понял, горечь затая:
Война — не драма, но мистерия,
И здесь не место для нея.

(1916)

348. ТО, ЧТО НЕИЗБЕЖНО

Быть может, чрез тысячу лет,
А может быть, лет через триста

Родится великий поэт
С душой анархиста.

Он все предрассудки убьет
И всех обокрадет поэтов —
И в синтезе пышном сольет
Всю многообразность сюжетов.

И вас изучивши достаточно,
Напишет для вас и про вас —
*Рождественско-масляно-святочно-
Военно-пасхальный рассказ.*

.. Вот что через тысячу лет,
А может быть, лет через триста
Напишет великий поэт
С душой анархиста.

И новое солнце блеснет
Сквозь сеть запылившихся скважин.
И новую правду найдет
Грядущих времен Арабажин.

И, не разобравши, где звон,
Отметит от полного чувства
Новейшую школу искусства
«Биржевка» грядущих времен.

(1916)

349. ПОДОХОДНОЕ

Ужасно трудно знать доход
(Хоть разбивай с досады лоб там!)
Того, кто перепродает
Россию в розницу и оптом.

Застукать их — немалый труд
И абсолютно нету шансов:
Ах! «Патриоты» не ведут
Счетов, доходов и балансов.

Держа на привязи язык,
Расчетливы необычайно,
Не доверяют цифрам книг
Свои коммерческие тайны.

И нет того, чтоб, глупый страх
Отбросив, взяться неуклонно
И заприходовать в графах,
И подсчитать свои миллионы.

Мол, там и там-то сдан подряд
По разработке для журналов
Национальных идеалов —
По курсу «франко Петроград»...

Ах! Книг, каналы, не ведут,
А хапнут — и давай бог ноги.
Какие ж отчисленья тут
И подоходные налоги?

Страну, подлец, распродает
Поверстно и поидеально,
А спросишь, чем и как живет,
Вздыхнет, помудрствует печально,

Всплакнет, душой беззлобно чист,
И поместит в опросный лист,
Под рубрикой: «Доходы жителей», —
«На средства родителей».

(Январь 1917)

350

Часы Публичной библиотеки
Сказали: половина пятого.
Гостиный двор. В пальто на котике
Прошла любовница богатого.

И грязью мелкою и талою
Ложится снег по лентам каменным. . .
Трамвай улицу усталую
Перерезают крестным знаменем.

А на углу, годами согнутый,
Ларек с халвою и пирожными.
И люди, наглухо застегнуты,
Идут застывшие и ложные.

О, кто из них при свете месяца
Сегодня, потеряв терпение,
На чердаке своем повесится
Из чувства самосохранения?

(1916)

351. УНИВЕРСИТЕТ

Весенний воздух, лужи, капли с крыш.
Вдали фигура зоркого жандарма.
И на углу, столетний, ты стоишь,
Безвредных истин трезвая казарма.

Минувший век медвежьей душой
Тебя терпел, как скучную причуду,
И гнет, непережитый и простой,
Еще упорно смотрит отовсюду.

Но ты устал от правил и от шпор,
От приказаний в голосе и взоре;
И беспокойен длинный коридор
И полумрак твоих аудиторий.

Не передать затверженным словам
О накипевшей ярости усилий,
И человек бессмысленно упрям
В покорности величию и пыли.

Но где-то бьется мировая дрожь,
И не возникнет неизбежный гений
Из веры в схоластическую ложь,
Из прихоти кустарных откровений.

(1916)

352. КРЕПОСТНИК

Я — либерал с душой крепостника.
Душа — от предков горькое наследство.
Ее томила неустанно с детства
Тяжелая, упорная тоска.
В селе мне старец древний рассказал
О том, как, вымещая гнев неправый
И совершая жуткие расправы,
Мой пьяный дед дворовых истязал.
Со сладострастной, смутною тоской
Я думаю, как, злобе дед послушен,
Сек мужиков нещадно у конюшен
И девок бил нагайкою в людской.
Почувствовав необъяснимый страх
И проклиная буйные попойки,
Стаканов звон и бешеные тройки,
Постился дед и каялся в грехах,
Чтобы потом в безумии хмельном
Оставить вдруг наскучившую келью,
Предаться исступленному веселью,
Залить тоску разгулом и вином.

Я — либерал с душой крепостника,
Я говорю о праве, о народе,
О равенстве, о братстве, о свободе,
Но сердце гложет лютая тоска.
И трудно мне словами рассказать,
Как этот мир мне нестерпимо скучен.
Баб хочется пороть мне у конюшен
И мужиков до смерти истязать!

(1916)

353. РОТМИСТР НА ВОЕВОДСТВЕ

Монокля теребя шнурок,
Величием исполнив каждый атом,
Цивилизации урок
Немецкий офицер давал своим солдатам:
«Тевтон, не пачкай поля чести
И обывателя обидеть не моги!
Пусть целый мир обходят вести,
Что мы — куль-тур-ны-е враги!
Пусть не услышим мы укора
За блудника иль мародера».

— «Но ваша честь, — капрал разинул рот, —
Хоть маленький реванш за наши сокрушенья!..
Такой везде зажиточный народ,
Панёнки ж просто искушенья!..»
— «Ну что ж, несете труд, и мзду свою

примите, —

В ответ тевтон, вертя шнурком, —
Но я излишества не потерплю ни в ком:
По шкурке, так и быть, возьмите,
А больших — не троньте волоском!»

(1916)

354. ПАРАЗИТЫ ВОЙНЫ

Сперва издатель чуть не помер:
Война! Застой во всех делах,
Торговле — мат, журналам — крах!
 Потом, мах-мах, —
 «Военный номер»
Слепил и выпустил. . . Аллах,
Какой успех! — все до едина
Торгаш распродал номера! . .
 Ура, товарищи, ура, —
 Какая чудная картина!

Там где-то кровь течет и хлещет,
Там где-то бьются грудь о грудь,
А здесь — галерка рукоплещет,
Приветствуя гнилую муть
Беллетристической дешевки
Производителей «Биржевки»:
Война ли, мир ли — всё едино
Для «гениального пера». . .
 Ура, товарищи, ура, —
 Какая чудная картина!

Редактор «Синего журнала»,
Шебуев, гордо заявил,
Что он помрет в расцвете сил,
Коль скоро русских будет мало,
Чтоб Русь от немцев защитить. . .
Какая прыть! какая прыть! . .

Там где-то — акт высокой драмы:
Шрапнель, фугасы, волчьи ямы,
Что пункт, то ад, что яма — гроб! . .
А здесь — в целях саморекламы —
Свинцом дырявят медный лоб!
Чернь рукоплещет: «Вот мужчина!
Он между нами — что гора!»
 Ура, товарищи, ура, —
 Какая чудная картина,
 Какая дивная пора!

1914

355

В былые, давние лета
Жилось нам туго, дети,
И только «общие места»
Мы видели в газете.

Теперь уж музыка не та,
Мир выступил с протестом:
В газетах «общие места»
Сменились. . . белым местом.

(1915)

**356—358. (ИЗ ЦИКЛА
«ЛУКОМОРСКАЯ КОМПАНИЯ»)**

Перед войною суворинское «Новое время», с целью перекинуть мостик между собой и честной литературой, стало издавать жирно-гононарное «Лукоморье».

1

«У «Лукоморья» дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том»,

405

А на цепи позолоченной —
Ряд бардов, купленных гуртом.
Строчат стихи; да так, что любо!
Но . . . что милей для их души:
Златая цепь иль . . . желудь с дуба?
Эдип, реши.

2

В 31-м номере появился
Федор Сологуб.

У «Лукоморья» старый дуб
Разросся пышно и картинно;
Под дубом — Федор Сологуб
Почил от дел своих невинно.
Но что милее для души
Почтеннейшего Сологуба:
Златая цепь иль желудь с дуба?
Эдип, реши.

3

Не то беда, что Сологуба
Пленил пикантный желудь с дуба, —
Пускай! Мы старца не виним.
А то беда, что вслед за ним
Сюда «сих малых» вереница
Стопою легкою придет,
Увидит старца, соблазнится
И, соблазненная, — падет.

1915

359. КАИНОВА ПЕЧАТЬ

Летописцы текущей войны
Безусловно отметить должны,
Как откликнулось наше купечество
На мольбы и стенанья отечества.

Как неслыханно хлеб дорожал,
Как кричали ребята голодные
И без дров, замерзая, дрожал
Угловик в эти ночи холодные.

Дел постыдных нельзя замолчать.
Буря стихнет, гроза успокоится,
Но с чела их позора печать —
Никакими веками не смывается!

1915

360—362. ТРЕБНИК КАПИТАЛИСТА

1

СОБОРНАЯ МОЛИТВА

Для спасенья наших касс,
Наших прибылей и нас
Просвети сознание масс,
Господи!

Докажи, как дважды два,
Что на сладкий кус права —
Монополия буржуа,
Господи!

Ведь коль скоро люд поймет,
Что полыни слаще мед,
Пчельник он — себе возьмет,
Господи!

Будет сам блюсти рои,
Сочных сот ломать слои
И в карманы класть — свои.
Господи!

Мы ж, без вкладов и без рент,
Кончим жизнь свою в момент,
Угодив под монумент,
Господи!

Ведь нигде и никогда
Не вкушали мы труда —
Ждет нас лютая нужда,
Господи!

Для спасенья наших касс,
Вкладов, рент и грешных нас, —
Затемни сознание масс,
Господи!

2

ВЕРЮЮ

Во единого бога-отца,
Золотого тельца,
Жизнь дающего полною мерою, —
Верую!

В чудотворный процент,
Силу вкладов и рент
С их влияний чудовищной сферою —
Верую!

В благородный металл,
Во святой капитал,
Взносящий над участью серою, —
Верую!

Обещаюсь идти
По святому пути,
Не смущаем иною карьерою, —
Верую!

3

АКАФИСТ ПРОЦЕНТУ

Процент! Творящее начало!..
Ты, как горчичное зерно,
В пыли теряешься сначала,
А после верным, как оно, —

Даешь приют под мирной сенью
Своих чертогов дорогих,
Даруя воспоенным ленью
Возможность жить на счет других!

Процент! Великий чудотворец! . .
Ты, как господь, из ничего
Творишь миры и, богоборец,
Свергаешь бога самого!
Твой дивный рост ежеминутен:
Растет, гнетет, пьет кровь, разит;
Тобою жив вселенский трутень
И социальный паразит!

Процент! В тебе мои надежды,
В тебя я верю без конца:
Ты — светоч знания для невежды;
Ты — верный посох для слепца!
Твоею силой чудотворной
Я над землею вознесен
И, недалекий, средний, вздорный,
Царю, никем не потрясен!

А там у ног моих, на лыке,
Полуобут, полуодет,
Безмолвно гибнет ум великий,
Нуждой замучен с малых лет.
Дам знак — и в тот же миг проворно
Ко мне сбежится цвет земли
И будет тихо и покорно
Лежать у ног моих в пыли!

О верный страж дегенерата,
Телохранилитель торгаша,
Тебя, волнением подъята,
Благоговением объята, —
Тебя поет моя душа!

Декабрь 1916

363. О ХВОСТАХ

В тревожные былые времена
Пугал крещеных длинный хвост кометы,
И содрогалась темная страна,
Смятения и ужаса полна;
И темные поверья и приметы,
Кошмарнее дыхания чумы,
Опустошали души и умы.

И ждали люди светопреставленья,
И каялись, и падали во прах...
И, богу посвятив свои именья,
В монастырях
Свой хоронили страх;
И там, за белокаменной оградой,
Отгородившись мирною лампадой,
Вновь обретали в благостной тиши
Спокойствие взволнованной души.

Теперь не то: хвосты в народе —
В моде;
Куда ни глянь — необозримый хвост!
Не думая о лютой непогоде,
Толпятся кандидаты на погост
И молча ждут, когда, по воле неба,
Им керосину лавочник продаст,
Капусты даст
Или краюху хлеба.
И если бы теперь явилась комета,
Хвостом своим полнеба озаря,
Вся Русь немедленно б откликнулась на это
И, времени не тратя зря,
С одра недугов поднялась устало
И в хвост кометы терпеливо встала.

И если бы во всех углах Вселенной
Творилось то же, что и на Руси:
Жирел сверхмерно лавочник презренный
И в крокодилы лезли караси;
И те же самые протóри и потери
И неуверенность в грядущем дне

Царили б на Уране, на Венере,
На Марсе, на Сатурне, на Луне, —
Боюсь, что встали б в длинный хвост кометы
Все Солнцу подчиненные планеты!

(Февраль 1917)

364. ЗАКЛИНАНИЕ

Мерим. Верим. Мерим. Верим.
Ветер дует. Он пришел.
Кто не хочет бед и зол,
Стань шаманом или зверем!

Я не мамонт. Я Бальмонт.
Как и я четвероноги,
Плюйте, боги, дуйте, боги,
В маорийский горизонт!

1915

Заклиханіє.

Мѣримъ. Вѣримъ. Мѣримъ. Вѣримъ.
Вѣтеръ дуєть. Онъ пришелъ
Кто не хочеть бѣдь и золь,
Стань шаманоиць или звѣремъ!

Я не мамонтъ. Я Бальмонтъ.
Какъ и я четвероноги
Плюйте боги, дуйте боги
Въ Маорійскій горизонтъ!

Сергій Крепиковъ.

365. СКАЗКА О ТОМ, КАК ЦАРЬ МЕСТА ЛИШИЛСЯ

1

Без запинки, без утайки
Я рассказываю байки
Для понятливых ребят —
Эдак лет под пятьдесят.
Скоро сказка говорится:

Жил-был царь, жила царица,
А народ-то — вот скандал! —
С голодухи помирал.
Царь не видывал народа —
У царей такая мода,
А чтоб быть не без друзей,
Повыдумывал князей.
Словно белые вороны,
Видом чванятся бароны.
Словом, знать со всех сторон:
Ну, куда ни плюнь — барон.

Всяких графов тоже масса.
Те же люди: кость да мясо, —
Словом, сделаны как все,
А на вид — какой мосье!
Смотрит важно, как картинка:
Мол, особая пружинка
От рожденья скрыта в нем...

Так проходит день за днем.
В царском доме вечный праздник,
Царев сын большой проказник.
А царевны, что ни час,
От веселья — гайда в пляс!
И народ не только пашет:
Нужда скачет, нужда пляшет,
Нужда песенки поет —
Тоже тешится народ!

Если ж плакал кто, чтоб стоны
Не тревожили короны,
Был дворец со всех сторон
Грозным валом обнесен.
Как занятные игрушки,
На валу стояли пушки
И подчас болтавшим зря
Отвечали за царя.

Люди падали «немножко».
Добрый царь глядит в окошко:
«Отчего они у рва
Полегли, как в дождь трава?»
И в ответ начальник стражи,
Парень хитрый, парень ражий,
Говорит, взмахнув жезлом:
«Это бьют тебе челом!»
Царь доволен чернью жалкой:
«Бьют челом?» — «Ну да — не палкой.
Для спасения души
Бить челом им разреши».
Бьет челом народ у трона,
Бьют народ кнутом закона, —
Словом, труд единый тут:
Так иль эдак — только бьют!

2

Вот беда над всей страной:
Грозный враг идет войною.
Стал народ судить-рядить:
Что тут делать, как тут быть?

Сбор в казармах барабанят...
Царь меж тем не этим занят:
Он твердит, вода перстом:
«Как живут на свете том?»
Даже пороху не нюхав,
Вызывает всяких духов.
А народ дивится вслух:
«Что за духи? Скверный дух!»
Тоже труд — иметь в предмете,
Как на том живетса свете!
А на этом-то пока
Нам намнут еще бока.
Всё терпеть — какого шута!..

Царь сконфузился как будто, —
Редко, что ни говори,
Но стыдятся и цари.
Протеревши трон свой задом,
Царь встает. Окинул взглядом
Возмущенную страну:
«Еду, дети, на войну».
— «Ладно, батя» (между прочим,
Про себя сказали: «Отчим»)
Не страшася помирать,
Выступает в битву рать.

Едет царь. Пред ним, как прыщик,
Вырастает всюду сыщик.
В каждом камне мостовой
Дюжий скрыт городской.
Пышно свита разодета,
Шумно царская карета
Выезжает со двора.
А народ кричит «ура!»
Что ж, прочли приказов десять,
Что велят того повесить,
Кто, осмелившись молчать,
Наложил на рот печать.
Страшно храбрым, страшно трусу,
Всем веревка не по вкусу.
Словом, видно: неспроста
Не жалеют люди рта!

Тпру, лошадки! Царь на фронте.
 Царь задумался — не троньте.
 Он — мы думать так должны —
 Обсуждает план войны?
 Ишь, чего вам, чтоб вы скисли!
 Вздор война. Владыки мысли,
 Извините-с, не о ней:
 Есть делишки поважней!

Мысли царицы в столице,
 Во царицной светлице,
 Где, в царе рождая злость,
 Восседает частый гость.
 Раскрасавец лучшей пробы,
 Чином «старец», но — особый:
 Ни единой седины
 И в минуту — три жены.
 К бабам льнет и — что за низость! —
 Уверяет: «Эта близость,
 Верьте слову, чепуха,
 А спасает от греха.
 Грех с другим есть мрак крошечный,
 Мой же грех совсем безгрешный:
 И приятно — знаю сам, —
 И угодно небесам!»
 Словом, лакомый товарец...
 Всем по очереди старец,
 Чуть не карточки ввели, —
 Вот так лавка, ай-люли!
 Занят этакой картиной,
 Царь успел... на рупь с полтиной.
 А меж тем, за шагом шаг,
 Напирает грозный враг.

Смех царицы во светлице,
 Плач народный по столице.
 Голосят: «От пустоты
 Подвело нам животы!»

Просят пищи аппетитной
И — к царице с челобитной,
Да царица неспроста
Отказала: занята.

«Что за дерзкие прогулки!
Из-за глупой черной булки
Лезть к царице. Только б зря
Беспокоить им царя!
Как признать неправду эту,
Что в столице булок нету:
Я всего лишь с полчаса
Угощала булкой пса!»
Старец тоже был не в духе:
«Все бы думать им о брюхе
Да шуметь перед дворцом!
Мы накормим их свинцом».

Вот опасные игрушки,
Пред дворцом грохочут пушки —
И под грохот их от сна
Просыпается страна.
Оживленьё всё приметней,
Кончен сон тысячелетний —
Долго сонным порошком
Посыпали нас тайком!
Вновь народ рядит и судит:
Что-то есть и что-то будет?
Ни порядка, ни побед,
Ни краюхи на обед!

Только слышишь в разговоре:
«Всюду едет вор на воре —
Вот так власти, вот так двор!
Погоняет воров вор».
Старомодная запряжка!
А народ? Народу тяжко.
Знать, страдать ото всего —
Уж профессия его!

В чем спасенье? Где подмога?
 «Вы надеетесь на бога», —
 Увещают торгаши,
 Загребая барыши.
 Тянет поп: «Смиритесь, дети,
 Вам на том воздастся свете.
 Этот свет, известно, дан
 Для начальства и дворян,
 Лишь для них, — для вас он лишний,
 Так назначил уж Всевышний. . .»

«Так ли, братцы? Для конца
 Расспросить еще б Творца.
 Чай, не бог законы пишет? . . .»
 Многолетним гневом дышит
 Люд рабочий: «Голытьба,
 Ты сама — своя судьба!
 Нас скрутили, — ловок бес-то.
 Да теперь свободно место:
 Царь ушел, оставив трон, —
 Твой, народ, по праву он!
 Что нам царь — мы сами с задом.
 Словом, сядем, братцы, рядом.
 Если ж царь лишится дел —
 Он довольно посидел!»

«Это так, — толпа сказала, —
 Постояли мы немало».
 «Будет!» — звякнули штыки,
 «Будет! — молвят мужики. —
 Мы не маленькие сами,
 Так сказать, друзья, с усами
 И, начальство как ни вой,
 Между прочим, с головой.
 Царь в башке у нас на месте, —
 Так к чему ж, спрошу по чести,
 Нам держать еще царя?
 Только жалованье зря!»

Вот народ сидит на троне —
 Просто в шапке, не в короне.
 И, встревожен кутерьмой,
 Грозный царь катит домой.
 Поспешает на расправу. . .
 «По какому, черти, праву
 Вы подняли кутерьму?
 Тех и этих — всех в тюрьму!
 Вот сейчас на трон я сяду
 (Тут смеялись до упаду).
 Пусть ослушников несут —
 Я свершу неправый суд».

Растерялися вельможи:
 Тьма в глазах, бледнеют рожи,
 Всех как есть бросает в дрожь,
 Говорят — не разберешь.
 Аж зубами барабанят. . .
 «Извините-с, трон ваш. . . занят
 (Дело плохо — царь смекнул),
 Так что. . . просим сесть на стул!»
 Царь немало был сконфужен:
 «К черту стулья! Трон мне нужен.
 Это что за дураки?
 Всех немедля — на штыки!»

А народ в ответ незлобно:
 «На штыках нам неудобно,
 Потому что штык — как еж
 И на кресло не похож.
 Трон же мягок, словно тесто. . .
 Согласитесь — наше место,
 Хоть и вами — в аккурат —
 Было взято напрокат.
 (Царь в сердцах всплеснул руками.)
 Были, верно, дураками,
 Только взялися за ум —
 Оттого и вышел шум.
 Видно, ваше благородье
 Позабыло о народе.

Их величество народ
Не нахал: свое берет!»

Царь дивится: в две недели
Неужели поумнели?
И ответ ему таков:
«Не хватило дураков!»

— «То есть — как так — не хватило?
Это что ж — крупа иль мыло?
Ваша глупость — божий дар. . .»
— «Ну, а вышла как товар.
Не рассчитывали тратя:
Многих выбили вы, батя, —
И на фронте, и в тылу,
И тихохонько в углу!
Видно, правили вы круто,
И на век ваш потому-то —
Грустный случай уж таков —
Не хватило дураков!»

Царь дивится: в самом деле,
Не спросяся поумнели.
Он кричит, красней чем медь:
«Кто позволил им умнеть!
А загробное блаженство
Им сулило духовенство?»
— «Не проймешь! Им, дерзким, рай
Тут, на месте подавай». —
— «А наказывали строго
Дуракам, что царь — от бога?»
— «Говорили. Как назло,
Ничего не помогло.
Груб народ. Шутить охотник:
Смастерил-де всех не плотник.
Зряч народ. К несчастью, он
Чересчур уже умен.
Говорит: за кровный рублик
Подавай ему республик, —
Так сказать, от грешных дел
Совершенно опьянел!»

Царь вскричал: «Плевать на пьяниц!
Я и сам — республиканец:
С детства, правду говоря,
Нет в башке моей царя!»

То-то выдалась потеха,
То-то было всюду смеха!
Что ж, смеяться всласть не грех
Тем, кто плакал больше всех!

1916

366. ПОЭТУ-МЕЩАНИНУ

Не тот поэт, кто гладко пишет
И рифмы звонкие плетет.
А тот, чей стих борьбою дышит
И к новым формам мир зовет.
Лишь тот поэт и бард вселенной,
Кто, позабыв давно Парнас,
Движенью жизни современной
Слагает гимны каждый час.
Но ты ль достоин называться
Поэтом, бардом и певцом,
Когда удел твой — преклоняться
Перед заезженным словцом.

(Январь 1917)

367—369. Т Р И О

1

«БИРЖЕВКА»

Обладание Царьградом глубочай-
шим образом пересоздаст нашу внут-
реннюю и внешнюю жизнь.

*«Биржевые ведомости», 1 января
1917 года*

Кто это там кричит «ура»
Так лихо, молодецки?
Из «Биржевых» профессора
Берут Стамбул турецкий.

«РУССКОЕ СЛОВО»

Мы будем ждать спокойно и уверенно слова Государственной думы.

«Русское слово», 4 января 1917 года

Сама судьба ему дала
Долготерпение вола.
Его стегают чем попало,
А он мычит, что очень мало.

«РЕЧЬ»

Политическим центром страны
остается Государственная дума.

А за волом
Идет шажком
Свой тост изречь —
Газета «Речь».

Между 1 и 23 января 1917

370. 400...

В Чите. Забайкальская тюремная инспекция получила предложение из Петрограда спешно выстроить новые каторжные тюрьмы для четырехсот заключенных. Постройка тюрем уже начата.

«День», 1917, № 28

Не для певцов с зеленых веток
Четыре сотни новых клеток.
Не для зверей
И не для птиц,
А для людей —
Крамольных лиц.

Между 30 января и 18 февраля 1917

371. АМЕРИКАНСКИЙ КУРОРТ

Сонет

Лоснится сытость, дышит жизнь комфортом,
Довольство бьет из глаз, им воздух пьян.
В карман спустили, заодно с курортом,
Подрядчики разгульный океан.

И океан гудит, гудит без славы,
И лижет он подножия дворцов,
Отелей, магазинов, кабаков,
Визгливых фабрик смеха и забавы.

В нем плещутся распухшие пигмеи,
И самки их, покрашенные феи,
Сманили ширь его к нечистым снам.

Три раза в день, вытягивая шеи,
Во фраках черных черные лакеи
Подносят яства белым господам.

(1916)

372. УОЛЛ-СТРИТ, БИРЖА

Лишь биржа ты, но в глубь твоих захватов
Вошла душа обманутой земли,
Вся кровью истекая и в пыли.
Ты только пульс Соединенных Штатов.

Весь шар земной — просторней нет арены
Для жертв твоих, но за тобой прогресс.
Когда-нибудь ты вырвешь свод небес,
И лопнут биржы золотые вены.

Всё горше в монументе Вашингтона
При входе в твой безрадостный дворец
Очарование немого стона.

Возмездие, твой яростный истец
За спазмы жизни требует расплаты,
В грядущем миги жатвою богаты. . .

(1916)

373. ВОЙНА И ТЕАТР

Когда над водами Невы
Был город Петербург,
NN, по мнению молвы,
Был видный драматург.
Он трактовал и долг, и честь,
И ряд других проблем.
Любовь и смерть... Не перечсть
Его тогдашних тем.
Пришла война. И у Невы
Воздвигся Петроград.
И мирных пьес — увы, увы! —
Театры не хотят...
Лишь Дальский Мамонт в сей момент
Нашел себе простор
И первым взял себе патент —
На славу и «позор»!
NN был нем. Война, мечи —
Опасная стезя.
И старый Кукольник в ночи
Пугал его, грозя.
Но вот оправился NN,
Подумал — и строчит.
Он не боится первых сцен
(Знакомый мирный быт!).
Актер с одною из актрис
Завел уже роман.
И вдруг летит из-за кулис
Немецкий «чемодан».

Рычит германский офицер...
«Она» — в его плену...
Но спас, конечно, жён-премьер
Актрису — и страну!
Или погиб (другой исход!).
И счастлив драматург,
Как в дни, когда у невских вод
Был город Петербург...

Между августом и декабрем 1914

374. МУХА ЦЕ-ЦЕ

Если кто пустые слухи
Тиснуть вздумает в печать —
Ох, тому сердитой мухи
В наши дни не миновать!

Самый вид ее ужасен...
(Трепещу, хоть я не трус!)
Говорят: кроваво-красен
И жесток ее укус.

Лишь недавно я на гранке,
Как на мертвенном лице,
Видел красный след от ранки:
След, оставленный це-це...

Убоясь тебя, о муха,
Позабыв былой задор,
Непроверенного слуха
Не пускает репортер...

(1915)

375. ИСТОРИЯ РУССКОГО ФУТУРИЗМА

От Игоря до наших дней

Послушайте, я вам скажу про старину,
Про Игоря и про его жену.

Пушкин

Она сошла с крутого тарантаса
И, наглая, взошла на пароход.
Вас как зовут? Меня зовут Инстасса.

Игорь Северянин

Жил на свете Игорь Футурянин. . .
Гимназистом быв шестого класса,
Он стрелой был в сердце как-то ранен.
Кто стрелок? Нахальная Инстасса.
Очарован, просто обинстассен. . .
Гимназист был страстью отуманен,
Наглый лик Инстассы был прекрасен.
И женился Игорь Футурянин!
Ну, пришлось уйти ему из класса. . .
(Гимназист не должен быть женатым.)
Родила наследников Инстасса,
И они завыли благим матом.
Виноградов, Толмачев Андрюшка —
Первые Инстассы были дети.
Бонной к ним приставлена старушка,
Что служила встарь у Маринетти.
Их стоять на голове учила,
Подавать при встрече людям ногу,
Целоваться носом, пить чернила
И писать поэзы понемногу. . .

(1915)

376. ВАМ!

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных
к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика? ..

Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваете Северянина!

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре блядям буду
подавать ананасную воду!

(1915)

377. ГИМН СУДЬЕ

По Красному морю плывут каторжане,
трудом выгребая галеру,
рыком покрыв кандалное ржанье,
орут о родине Перу.

О рае Перу орут перуанцы,
где птицы, танцы, бабы

и где над венцами цветов померанца
были до небес баобабы.

Банан, ананасы! Радостей груды!
Вино в запечатанной посуде. . .
Но вот неизвестно зачем и откуда
на Перу наперли судьи!

И птиц, и танцы, и их перуанок
кругом обложили статьями.
Глаза у судьи — пара жестянок
мерцает в помойной яме.

Попал павлин оранжево-синий
под глаз его строгий, как пост, —
и вылинял моментально павлиний
великолепный хвост!

А возле Перу летали по прерии
птички такие — колибри;
судья поймал и пух и перья
бедной колибри выбрил.

И нет ни в одной долине ныне
гор, вулканом горящих.
Судья написал на каждой долине:
«Долина для некурящих».

В бедном Перу стихи мои даже
в запрете под страхом пыток.
Судья сказал: «Те, что в продаже,
тоже спиртной напиток».

Экватор дрожит от кандалных звонов.
А в Перу бесптичье, безлюдье. . .
Лишь, злобно забившись под своды законов,
живут унылые судьи.

А знаете, все-таки жаль перуанца.
Зря ему дали галеру.
Судьи мешают и птице, и танцу,
и мне, и вам, и Перу.

(1915)

378. ГИМН УЧЕНОМУ

Народонаселение всей империи —
люди, птицы, сороконожки,
ошетинив щетину, выперев перья,
с отчаянным любопытством висят на окошке.

И солнце интересуется, и апрель еще,
даже заинтересовало трубочиста черного
удивительное, необыкновенное зрелище —
фигура знаменитого ученого.

Смотрят: и ни одного человеческого качества.
Не человек, а двуногое бессилие,
с головой, откусанной начисто
трактатом «О бородавках в Бразилии».

Вгрызлись в букву едящие глаза, —
ах, как букву жалко!
Так, должно быть, жевал вымирающий ихтиозавр
случайно попавшую в челюсти фиалку.

Искривился позвоночник, как оглоблей ударенный,
но ученому ли думать о пустяковом изъяне?
Он знает отлично написанное у Дарвина,
что мы — лишь потомки обезьяны.

Просочится солнце в крохотную щелку,
как маленькая гноящаяся ранка,
и спрячется на пыльную полку,
Где громоздится на банке банка.

Сердце девушки, вываренное в иоде.
Окаменелый обломок позапрошлого лета.
И еще на булавке что-то вроде
засушенного хвоста небольшой кометы.

Сидит все ночи. Солнце из-за домишки
опять ослабилось на людские безобразия,
и внизу по тротуарам опять пригостишки
деятельно ходят в гимназии.

Приходят красноухие, а ему не нудно,
что растет человек глуп и покорен;
ведь зато он может ежесекундно
извлекать квадратный корень.

(1915)

379. ГИМН КРИТИКУ

От страсти извозчика и разговорчивой прачки
невзрачный детеныш в результате вытек.
Мальчик — не мусор, не вывезешь на тачке.
Мать поплакала и назвала его: критик.

Отец, в разговорах вспоминая родословные,
любил поспорить о правах материнства.
Такое воспитание, светское и салонное,
оберегало мальчика от уклона в свинство.

Как роется дворником к кухарке сапа,
щебетала мамаша и кальсоны мыла;
от мамыши мальчик унаследовал запах
и способность вникать легко и без мыла.

Когда он вырос приблизительно с полено
и веснушки рассыпались, как рыжики на блюде,
его изящным ударом колена
провели на улицу, чтобы вышел в люди.

Много ль человеку нужно? — Ключок —
небольшие штаны и что-нибудь из хлеба.
Он носом, хорошеньким, как построчный пятак,
обнюхал приятное газетное небо.

И какой-то обладатель какого-то имени
нежнейший в двери услышал стук.
И скоро критик из имениного вымени
выдоил и брюки, и булку, и галстук.

Легко смотреть ему, обутому и одетому,
молодых искателей изысканные игры

и думать: хорошо — ну, хотя бы этому
потрогать зубенками шальные икры.

Но если просочится в газетной сѣти
о том, как велик был Пушкин или Дант,
кажется, будто разлагается в газете
громадный и жирный официант.

И когда вы, наконец, в столетний юбилей
продерете глазки в кадильной гари,
имя его первое, голубицы белей,
чисто засияет на поднесенном портсигаре.

Писатели, нас много. Собирайте миллион.
И богадельню критикам построим в Ницце.
Вы думаете — легко им наше бельё
ежедневно прополаскивать в газетной странице!

(1915)

380. ГИМН ОБЕДУ

Слава вам, идущие обедать миллионы!
И уже успевшие наесться тысячи!
Выдумавшие каши, бифштексы, бульоны
и тысячи блюдц всяческой пищи.

Если ударами ядер
тысячи Реймсов разбить удалось бы —
по-прежнему будут ножки у пулярд,
и дышать по-прежнему будет ростбиф!

Желудок в панаме! Тебя ль заразят
величием смерти для новой эры?!
Желудку ничем болеть нельзя,
кроме аппендицита и холеры!

Пусть в сале совсем потонут зрачки —
всё равно их зря отец твой выделал;
на слепую кишку хоть надень очки,
кишка всё равно ничего б не видела.

Ты так не хуже! Наоборот,
если б рот один, без глаз, без затылка, —
сразу могла б поместиться в рот
целая фаршированная тыква.

Лежи спокойно, безглазый, безухий,
с куском пирога в руке,
а дети твои у тебя на брюхе
будут играть в крокет.

Спи, не тревожась картиной крови
и тем, что пожаром мир опоясан, —
молоком богаты силы коровьи,
и безмерно богатство бычьего мяса.

Если взрежется последняя шея бычья
и знак последний с камня серого,
ты, верный раб твоего обычая,
из звезд сфабрикуешь консервы.

А если умрешь от котлет и бульонов,
на памятнике прикажем высечь:
«Из стольких-то и стольких-то котлет

МИЛЛИОНОВ —

твоих четыреста тысяч».

(1915)

381. ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ НЕЛЕПОСТИ

Бросьте!
Конечно, это не смерть,
чего ей ради ходить по крепости?
Как вам не стыдно верить
нелепости?!

Просто именинник устроил карнавал,
выдумал для шума стрельбу и тир,
а сам, по-жабьи присев на вал,
вымаргивается, как из мортир.
Ласков хозяина бас,
просто — похож на пушечный,

и не от газа маска,
а ради шутки игрушечной.
Смотрите!
Небо мерить
выбежала ракета.
Разве так красиво смерть
бежала б в небе паркета!
Ах, не говорите:
«Кровь из раны».
Это — дико!
Просто избранных из бранных
одаривали гвоздикой.
Как же иначе?
Мозг не хочет понять
и не может:
у пушечных шей
если не целоваться,
то — для чего же
обвиты руки траншей?
Никто не убит!
Просто — не выстоял.
Лег от Сены до Рейна.
Оттого что цветет,
одуряет желтолистая
на клумбах из убитых гангрена.
Не убиты,
нет же,
нет!
Все они встанут
просто —
вот так,
вернутся
и, улыбаясь, расскажут жене,
какой хозяин весельчак и чудак.
Скажут: не было ни ядр, ни фугасов
и, конечно же, не было крепости!
Просто именинник выдумал массу
каких-то великолепных нелепостей!

(1915)

382. ВНИМАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЗЯТОЧНИКАМ

Неужели и о взятках писать поэтам!
Дорогие, нам некогда. Нельзя так.
Вы, которые взяточники,
хотя бы поэтому,
не надо, не берите взяток.
Я, выколачивающий из строчек штаны, —
конечно, как начинающий, не очень часто,
я — еще и российский гражданин,
беззаветно чтущий и чиновника и участок.
Прихожу и выплакиваю все мои просьбы,
приникши щекою к светлому кителю.
Думает чиновник: «Эх, удалось бы!
Этак на двести птичку вытелю».
Сколько раз под сень чинов ник,
приносил обиды им.
«Эх, удалось бы, — думает чиновник, —
этак на триста бабочку выдоим».
Я знаю, надо и двести и триста вам —
возьмут, всё равно, не те, так эти;
и руганью ни одного не обижу пристава:
может быть, у пристава дети.
Но лишний труд — доить поодиночно,
вы и так ведете в работе года.
Вот что я выдумал для вас нарочно —
Господа!
Взломайте шкапы, сундуки и ларчики,
берите деньги и драгоценности мамашины,
чтоб последний мальчонка в потненьком
кулачке
зажал сбереженный рубль бумажный.
Костюмы соберите. Чтоб не было рваных.
Мамаша! Вытряхивайтесь из шубы беличьей!
У старых брюк обшарьте карманы —
в карманах копеек на сорок мелочи.
Всё это узлами уложим и свяжем,
а сами, без денег и платья,
придем, поклонимся и скажем:
Нате!
Что нам деньги, транжирам и мотам!
Мы даже не знаем, куда нам деть их.

Берите, милые, берите, чего там!
Вы наши отцы, а мы ваши дети.
От холода не попадая зубом на зуб,
станем голые под голые небеса.
Берите, милые! Но только сразу.
Чтоб об этом больше никогда не писать.

(1915)

383. ЧУДОВИЩНЫЕ ПОХОРОНЫ

Мрачные до черного вышли люди,
тяжко и чинно выстроились в городе,
будто сейчас набираться будет
хмурых монахов черный орден.

Траур воронов, выкаймленный под окна,
небо, в бурю крашенное, —
всё было так подобрано и подогнано,
что волей-неволей ждалось страшное.

Тогда разверзлась, кряхтя и нехотя,
пыльного воздуха сухая охра,
вылез из воздуха и начал ехать
тихий катафалк чудовищных похорон.

Встревоженная ожила глаз масса,
гору взоров в гроб бросили.
Вдруг из гроба прыснула гримаса,
после —

крик: «Хоронят умерший смех!» —
из тысячегрудного меха
гремел омиллионенный множеством эх
за гробом, который ехал.

И тотчас же отчаяннейшего плача ножи
врезались, заставив ничего не понимать.
Вот за гробом, в плаче, старуха-жизнь —
усопшего смеха седая мать.

К кому же, к кому вернуться назад ей?
Смотрите: в лысине — тот —
это большой, носатый
плачет армянский анекдот.

Еще не забылось, как выкривил рот он,
а за ним, ободранная, куцая,
визжа, бежала острота.
Куда — если умер — уткнуться ей?

Уже до неба плачей глыба.
Но еще,
еще откуда-то плачики —
это целые полчища улыбочек и улыбок
ломали в горе хрупкие пальчики.

И вот сквозь строй их, смокших в один
сплошной изрыдавшийся Гаршин,
вышел ужас — вперед пойти —
весь в похоронном марше.

Размокло лицо, стало — кашица,
смятая морщинками на вымуренном лбу,
а если кто смеется — кажется,
что ему разодрали губу.

(1915)

384. НАДОЕЛО

Не высидел дома.
Анненский, Тютчев, Фет.
Опять
тоскою к людям ведомый,
иду
в кинематографы, в трактиры, в кафе.

За столиком.
Сияние.
Надежда сияет сердцу глупому.

А если за неделю
так изменился россиянин,
что щеки сожгу огнями губ ему?

Осторожно поднимаю глаза,
роюсь в пиджачной куче.
«Назад,
наз-зад,
н а з а д!»
Страх орет из сердца.
Мечется по лицу, безнадежен и скучен.

Не слушаюсь.
Вижу,
вправо немножко,
неведомое ни на суше, ни в пучинах вод,
старательно работает над телячьей ножкой
загадочнейшее существо.

Глядишь и не знаешь: ест или не ест он.
Глядишь и не знаешь: дышит или не дышит он.
Два аршина безлицого розоватого теста:
хоть бы метка была в уголочке вышита.

Только колышутся спадающие на плечи
мягкие складки лоснящихся щек.
Сердце в исступлении,
рвет и мечет.
«Назад же!
Чего еще?»

Влево смотрю.
Рот разинул.
Обернулся к первому, и стало иначе:
для увидевшего вторую образину
первый —
воскресший Леонардо да Винчи.

Нет людей.
Понимаете
крик тысячедневных мук?

Душа не хочет немая идти,
а сказать кому?

Брошусь на землю,
камня корою
в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая.
Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев
покрою
умную морду трамвая.

В дом уйду.
Прилипну к обоям.
Где роза есть нежнее и чайнее?
Хочешь —
тебе
рябое
прочту «Простое как мычание»?

для истории

Когда все расселятся в раю и аду,
земля итогами подведена будет —
помните:
в 1916 году
из Петрограда исчезли красивые люди.

(1916)

385. ХВОИ

Не надо.
Не просите.
Не будет елки.
Как же
в лес
отпустите папу?
К нему
из-за леса
ядер осколки
протянут,

чтоб взять его,
хищную лапу.

Нельзя.
Сегодня
горящие блестящие
не будут лежать
под елкой
в вате.
Там —
миллион смертоносных боек
ужалят,
а раненым ваты не хватит.

Нет.
Не зажгут.
Свечей не будет.
В море
железные чудовища лезут.
А с этих чудовищ
злые люди
ждут:
не блеснет ли у окон в глаза.

Не говорите.
Глупые речи заводят:
чтоб дед пришел,
чтоб игрушек ворох.
Деда нет.
Дед на заводе.
Завод?
Это тот, кто делает порох.

Не будет музыки.
Рученек
где взять ему?
Не сядет, играя.
Ваш брат
теперь,
безрукий мученик,
идет, сияющий, в воротах рая.

Не плачьте.
Зачем?
Не хмурьте личек.
Не будет —
что же с того!
Скоро
все, в радостном кличе
голоса сплетая,
встретят новое Рождество.

Елка будет.
Да какая —
не обхватишь ствол.
Навесят на елку сиянья разного.
Будет стоять сплошное Рождество.
Так что
даже —
надоест его праздновать.

{1916}

386. ИЗ ЖИЗНИ ВОЕННОЙ ГАЗЕТЫ «МЫ НЕ МОРГНЕМ»

В редакции

Их двое угрюмых и серо-сутулых —
Редактор — один, а другой — репортер,
Для них у стола два расшатанных стула,
Две пачки бумаги и грязный ковер.
Ножницы злятся и, часто вздыхая,
Рвут из какой-то газеты куски...
Сбоку чугунка коптит, потухая,
В окнах — улыбки изжитой тоски...

.

Шелестит задумчиво бумага
Под корявой, потною рукой, —
Где-то есть безумье и отвага,
Где-то есть и грозы и покой;
Где-то... Здесь, вися на коромысле,
Два ведра роняют хриплый стон —
Ни одной живой и острой мысли!
Из «вечерки» взяли фельетон,
Из «Речи» возьмут передовицу,
Главный штаб всегда даст триста строк,
И ничья надежда не смутится,
И ни в ком не вспыхнет огонек...
Те еще, кто светлой жертвой пали,
Два столбца заполнят, а конец —
Две заметки о «Палас-Рояле»,
И «Цена в Берлине на свинец»...
А прочтут назавтра эти строки
Сотни робких и пытливых глаз —

Тем двоим не полетят упреки
За эффект дешевых, пестрых фраз!

.

И двое угрюмых и серо-сутулых —
Редактор — один, а другой — репортер,
Для них у стола два расшатанных стула,
Две пачки бумаги и грязный ковер. . .
Война пронесется, как синяя птица, —
Газету закроют без слез «молодцы»;
Один за прилавок в лабаз возвратится,
Другой — агентуры возьмет образцы! . .

(1915)

387. ОСЕННЕЕ

Стоят подводы у ворот,
 Бранятся ломовые,
И боль отчаянья растет. . .
Стоят подводы у ворот,
 И это не впервые. . .
Стоят подводы у ворот,
 И лают ломовые! . .

Смотрю на сонный циферблат,
 На медленные стрелки
И равнодушен, как Сократ,
Смотрю на сонный циферблат,
 На рыжики в тарелке. . .
Плевать на всё — на циферблат,
 На рыжик и тарелки.

Ну что же? В город. . . Повинтить
 Сумеет и без дачи —
Ведь мы не в силах изменить
Событий неизбежных нить,
 Дав рубль на чай без сдачи. . .
Ну что же? В город. . . Повинтить
 Сумеет и без дачи.

А где-то (ясно, словно день)
 Есть слезы и порывы

Идти на нужды деревень,
А где-то (ясно, словно день)
 Есть русских кос извивы...
Да, где-то... Здесь же нудный день
 Да старый номер «Нивы»!..

(1916)

388. ВЗДОХ ЧИТАТЕЛЯ

Покривился декадент
И исчез в один момент.
Появился футурист,
Но и он уж перфектист.
Совершенно неказист
Оказался акмеист.
Взвизгнул где-то викторист,
Но пропал, как октябрист. . .

Стану Пушкина читать
И от «новых» отдыхать.

(1915)

389. О СЕВЕРЯНИНЕ

Вы помните... Мы слышать не могли,
И дрогнули насмешливо ресницы,
Когда вертелись в лаврах и пыли
Колеса триумфальной колесницы...

Для юго-западных эстетов
И дев, не знающих греха,
Нет непреложнее заветов
Его широкого стиха.
Стиль парфюмерных прейскурантов
Цветочных и яичных мыл...
О, этот клад для супирантов
И дев, не расточивших пыл.
Когда непризнанный любовник
Убит отказом наотрез,
Он бросит выцветший письмовник
И купит фолиант поэт.
Еще излом его напева,
Еще удар его стиха,
И упадет младая дева
На ложе страсти и греха.

Так в томном воркованьи голубей
Слагаются поэзы и романсы
И пишет экзотические стансы
Мадам Елисавета Воробей.

(1916)

Игорь Съверянинъ—поззоэтуаль.

Рис. В. Дени (Денисова).

390. «ПРАВОВЕД»

Как хорошо вершить вечерний кейф,
Смотреть на мир, как жук из-под надкрылий,
Устало влечь свой громоносный шлейф
Из четырех блистающих фамилий.

Вот я лежу жеманно-завитой...
Что для меня двадцатый век и радий!
Мой пращур был удушен Калитой,
Мой прадед был — неистовый Палладий.

А ты, мой дед... Как, изгибая стан,
Ты прошептал фельдмаршалу: «Победа!»
Прости меня... Твой кивер и султан
Сменила треуголка правоведа.

Да, господа... Я уважаю герб.
И в этот век вы были бы послушней...
Я всё отдам за свист зеленых верб,
За бабий визг под барскою конюшней.

(Январь 1917)

391. ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Нам цензор встарь давал «уроки»,
Но как бы цензор ни был строг —
В статьях обычно были строки,
И мы читали между строк.

Теперь беру газет я груды,
Но в них зияют «островки»:
Как между строк читать я буду
Статью, в которой — ни строки? ..

(1915)

392. ЖИРНЫЙ

Ни за какие сокровища Голконды
Ты не купишь вдохновения,
Жирный дядя! Ведь для тебя фонды,
Биржевые фонды — высшее откровение!

Для тебя, кроме пользы, — нет в жизни сути.
Тебе говорит море — о пудах соленой рыбы,
Пáры влюбленных — о дороговизне ртути,
О фабриках и металлах — горные глыбы.

Для тебя твое брюхо — центр вселенной,
Солнце имеет честь над ним подниматься.
Звери, птицы, рыбы — жратвой отменной
Только и мечтают в твое брюхо пробраться!

Я, чердачный поэт, лучше откажусь от мира,
От стихов, лучше все несчастья приемлю,
Чем видеть, как эти тупые комья жира
Поганят нашу святую землю!

Эх! Натопить бы из этих дядь сала
Да сделать свечу до небес высотой,
Чтобы она ночью ярким маяком сияла
Над нашей мирно спящей землею.

Чтобы и ночью читали мое стихотворение
И в тиши мансард, и в вихре шумов пирных...
Чтобы и ночью проклинали терпение
Слабых душ — так долго терпевших жирных!

(1915)

393. ПЕЧАТЬ

«Речь», и «Колокол», и «День»
Стали очень хмуры.
Всё на свете дребедень,
Окромя цензуры.

«Нам не нужен вовсе смысл,
Было б лишь цензурно.
Жил же раньше Гостомysl
Без газет недурно!»

(1915)

394. СХЕМА

Святая схема, верный трафарет,
Вы — наша власть, уверенность и сила!
Храните нас, как нянька, с малых лет,
Благополучно нас ведите до могилы.

Мы академиям субсидии даем,
Чтоб трафаретили они всех по шаблону,
Чтоб подчинялись одному закону,
Чтоб ночью спали, бодрствовали днем.

Чтоб трафаретных ласк у трафаретных жен
Не спрашивали чаще, чем то нужно;
Чтоб в двадцать лет мужчина был любимен,
А поженившись, — жили б дружно.

А если кто-нибудь нарушит трафарет
И помешает нашему покою,
Пусть мысль его, создавшая тот бред,
Исчезнет вместе с головою.

(1915)

395. САТИРИКОН

Как страшен умный Дон-Кихот!
Как страшен глупый Санчо Панса!
Я против них иду в поход
В порыве бешеного транса!

Под гнетом цензорских цепей
Не стал я всё же хамски кроток,
И я Тобосских Дульциней
Не превращал ни в чьих кокоток!

Мой Россинант покорно нес
Меня к врагам, узде послушен;
Он никогда не ел овес
Превосходительских конюшен.

Я сильным мира не слуга,
Из власти их не делал бога,
И никогда моя нога
Не обивала их порога!

Я знаю — умный Дон-Кихот,
В кредит настроив мельниц всюду,
В поход на них идет и жжет
И за страховку тянет ссуду.

(1916)

396. МЕДНОМУ ВСАДНИКУ

Добро, стронтель чудотворный! ..
Ужо тебе! ..

Пушкин

Боготворимый гунн!
В порфире Мономаха
Всепобеждающего страха
Исполненный чугун!

Противиться не смею:
Опять удар хлыста,
Опять — копыта на уста
Раздавленному змею!

Но, восстающий раб,
Сегодня я, Сальери,
Исчислю все твои потери,
Божественный Арап.

Перечитаю снова
Эпический указ,
Тебя ссылавший на Кавказ
И в дебри Кишинева:

«Прочь, и назад не смей!»
И он восстал, неистов:
На плахе декабристов
Загрохотала медь. . .

Петровские граниты
Едва прикрыли торф —
И правит Бенкендорф,
Где правили хариты!

(1916)

397. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТИПЫ

История одинокого человека

Он в годы юности далекой
Был одинокий, одинокий.
Аскетом жил в уединеньи
И сочинял стихотворенья.
Потом в литературу вытек
И стал многообразный критик.
Сотрудничал везде и всюду,
Имея псевдонимов грудю.
Был то Кульковский, то Чинаров,
То Белохлебов, то Матаров,
Писал в «Печи» об идеале,
А в «Немщине» о ритуале.
Здесь был за Бейлиса горою,
Там Чеберячку звал сестрою.
Но «явным будет всё, что тайно» —
Открылась истина случайно.
Пошли намеки, слухи, речи,
И критик вылетел из «Печи».
Пришлось и с «Немщиной» расстаться
И в безработные вписаться.
Теперь он снова одинокий.
О, род людской! О, род жестокий!

1916

398. ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ

Он был московский декадент,
Худой и долговязый.

Еще когда он был студент,
Блистал отменно фразой.
В Кружке на вторниках порой
Ораторствуя хлестко,
Он вдруг сшибал графин с водой
В волнении с подмостка.
Он уверял, что надо сечь
Читателей Толстого,
Он утверждал, что надо сжечь
Собрания Третьякова.
Вилье, Верлена восхвалял,
Хоть не читал обоих;
Как Обри Бердслей, рисовал
На собственных обоях.
Превознося любовный грех,
Вводил наркозы в моду
И вместо морфия при всех
В колено прыскал воду.

Но пролетел зловещий год
С роптанием угрюмым.
И, всколыхнув до дна народ,
Промчалась буря с шумом.
Стал тих и скромн наш эстет;
Зато, как бы в награду,
Окончил университет
По первому разряду.
Как Бердслей, в цифрах наш герой
Баланс ведет, скучая,
И грезит в комнате пустой
С пустым стаканом чая.
Уж не флиртует он в кафе
В подобие Верлену:
Он летом высватал в Уфе
Себе невесту Лену.
К ней преклоняясь на плечо,
Стихи шептал любовно,
И полюбила горячо
Бухгалтера поповна.

(1916)

399. БЕЛАЯ ВОРОНА

Басня

Наш национализм — белый, не
имеющий ничего общего с преж-
ним, черным.

*Фраза одного моего зна-
комого — белого национали-
ста*

Ворона вымазалась мелом
И задрала до неба нос:
«Вороны все передо мной — отброс:
Я, точно мраморный парос,
Блещу в роду их закоптелом!
Пускай увидит целый свет,
Что общего меж нами нет.
Прошу не смешивать — я белая ворона,
И разница меж мной и черными бездонна».
Она так каркала, гордясь,
Но тут в ветвях раздался гул холодный, —
Повеял ветер, разъярясь,
Свободный,
И мел
слетел.
Следа нет более от ража,
И галка прыгает, как все,
Во всей своей красе,
Черна, как сажа.

Милорды, белый цвет хорош,
Но дам совет для окончанья метра —
Чтоб ваша белизна не сгинула за грош,
Беречь ее вам надобно от ветра.

1915

400. ГОВОРЯЩИЕ КАМНИ

Басня из Трилуcсы

Однажды в мусоре разговорились камни:
Осколок мрамора, булыжник и кирпич.
И первый произнес: «Как эта глушь и дичь

Тяжка мне!

Но верю — близок час;

Меня возьмут от вас

И во дворец средь бархата положат, —

Сокровища умножат. . .

Рабочий уж пришел, вы видите? Близка

Ко мне его рука.

Бери меня, бери! . . .»

— «Тебя он не заметил, —

Кирпич ему ответил, —

Подумаешь, как занят он тобой!

Он над фабричную

Работает трубой.

Мой друг, надежды ваши шатки.

Я лягу в этой кладке, вонзившись в купол голубой».

Кого ж взяла рабочая рука?

Булыжник за бока!

(1915)

401. ПОРТРЕТ

Запятнав ковер своею тучной тенью,
Он стоит ничтожный, грузно-прям,
И бессмысленную дребеденью
Забавляет никому не нужных дам.

Отвратителен до дрожи
Оловянный взор его, совсем пустой.
Ловко скроенный костюм его дороже
Ссдержимого коробки черепной.

Но, зверино-хитр, он дешево всё купит,
Не поступится он лишним пятаком.
И никто на эту тушу не наступит,
Чтоб пробить ее высоким каблуком.

С нами вместе он зачем-то дышит,
Он на то же солнце смотрит, что и мы.
Даже он для нас порой законы пишет
И порой нам открывает дверь тюрьмы.

И умеет дать он поцелуй Иуды,
Чтобы жертва вскрикнула: «Боюсь, боюсь!»
Вот каких сокровищ груды
Возрастить сумела ты, святая Русь!

(1916)

402. ПЕСЕНКА

*Его превосходительству
с уважением посвящаю*

Его превосходительство,
Остряк и гастроном,
Шутя бранит правительство
И брызгает вином.

В знак истого любительства
Уж много, много лет
Его превосходительство
Содержит свой балет.

Не терпит попустительства
И свято чтит закон,
И зрит на право жительства,
Как древний фараон.

Имеет покровительство
Кого-то из верхов,
Не любит сочинительства,
Особенно — стихов. . .

Вот именно поэтому,
Избрав задорный ямб,
И написал поэт ему
Хвалебный дифирамб.

(1915)

403. МОЛИТВА МАРОДЕРА

Прости, святой угодниче, Анисима
Бревнова, первой гильдии купца.
Душа моя всегда была зависима
От дьявола. Прости меня, слепца.
Не знал я, окаянный, даже праздника,
Всё золото проклятое считал,
Прости, святой угодниче, лабазника,
Нажившего разбоем капитал.
Твой образ я украшу, отче, ризами
С венцом из бриллиантовых камней.
Всего жемчужным бисером унизую —
И солнце будет образа темней.
Сто тысяч, как копеечку, пожертвую,
Часовенку святую сколочу,
Прости мя, оживи мне душу мертвую,
Затеpli в ней горячую свечу.

Вот и полегче. Словно гору
Молитвой тихой сбросил с плеч.
Теперь умом раскинуть впору
Да и на дело приналечь.
Часовня тысяч сто по чести,
Да риза тысяч пятьдесят.
Ну, а всего тысконок двести,
Что никудышный грош, висят.
Но как-никак — спастись надо:
Ведь и грехи-то велики.

В ход пустим складик рафинада
И склад припрятанной муки.

(1916)

404. ТОТ, КОМУ ПОВЕЗЛО

Монолог времен ближайших

Вчера я женился. Конечно, венец
Совсем для меня не услада.
Но знайте, языци: за Олей отец
Дал фунт рафинада!

А дядя ее нам на свадьбу поднес
Неслыханно щедрый подарок:
Полено ольхи и вязанку берез
Для варок, для жарок.

И с этой поры повезло мне вполне,
Звезда моя, зная, не погасла:
Покойная тетка оставила мне
В наследство фунт масла.

Картофелем туго портфель мой набит,
В бумажнике листья салата,
На пальце кус сахара ярко блестит
В четыре карата!

Везло мне и в клубе безумно вчера:
Я дулся всю ночь там до свету
И крупною ставкой сорвал в баккара
Телячью котлету.

А бедный граф Свищев... Большой помидор
Поставить на карту решил.

Продул драгоценность. И; выйдя во двор,
Тотчас застрелился. . .

Но я заболтался. Нотариус ждет.
Контракт заключить ведь не шокинг.
За двести целковых портной мне пришьет
Заплату на смокинг!

1916

405. ОТРОКОВИЦА ДУМА

Почти ода

С гримасой кислой бюрократ
Ее на днях встречал,
А посему я очень рад
Сложить ей мадригал. . .

То непослушна, то скромна,
Одиннадцатый год
Живет приемышем она
.

Юницу держат на узде,
Чтоб не было проказ,
И гувернантка в бороде
Бранит ее не раз. . .

Кормили в детстве кое-как:
Фунт вермишели в день.
И вешали на ней собак
Все, все кому не лень!

Ее частенько педагог
Ругал за дерзкий тон
И за Таврический порог
Два раза гнали вон.

Она ушла. . . она ушла,
Сердито хмуря бровь.

Июня третьего числа
Мамзель вернулась вновь.

И за внушительный урок
Пробормотав «мерси!»,
Уселась вязать чулок
Для бабушки Руси.

Вот так живет — хвала и честь! —
Наперекор судьбе
И даже жиру фунтов шесть
Прибавила себе.

Но всё же Дума в десять лет
Старухою глядит:
В морщинах лоб, румянца нет
И ноги свел рахит.

Ах, почему сия мамзель
Не юна, как Гермес?
«Затем, что ела „вермишель“,
А нужно — „геркулес“!»

1916

406. ДЕСЯТЫЙ КРУГ

Подражание Данте

Девятый круг волнующего ада
Покинул я. И, выйдя на простор,
Побрел вперед — к воротам Петрограда.

Здесь в тот же миг привлек мой жадный взор
Огромный «хвост», как хвост ихтиозавра:
В нем кисло пел о мясе женский хор.

За ряд грехов Аглая, Фекла, Мавра
Терзались там напрасно мечтой —
Достать на суп говядины и лавра...

Поодаль черт с злорадной простотой
Тьме грешников бросал муку и крупы,
По восемь шкур деря с толпы густой.

За грех отцов на две живые группы
Какой-то бес направил свой авто —
Умчался он, оставил только трупы. . .

Я слышал вопль. То грешников штук сто
Кляли судьбу, скитаясь без приюта,
Но комнат им не предлагал никто.

Пришел трамвай. . . О, страшная минута!
Под жуткий крик: «Не прите! Нет местов!» —
Рой грешных душ дрался, толкаясь люто.

А далее — за множество грехов
Томился люд, как брошенное стадо, —
Без молока, без сахару, без дров. . .

.

И в страхе я удрал из Петрограда.

1916

«Война, война — вплоть до победы!
Так было исстари у нас;
Так воевали наши деды
И так воюем мы сейчас!»

Так спекулянт сказал намедни,
Казенный выполнив подряд,
Вложивший в дело рубль последний
И получивший сто назад.

«Мы победим, нам бог поможет!
Война пусть длится десять лет!
Но мира, мира быть не может
Без оглушительных побед! . .
И мы служить отчизне рады,
И мы, как верные сыны,
Берем. . . казенные подряды,
Патриотичностью полны.
Работать этак «много лета» —
Не страшно нам, не страшно нам! . .
Мы поставляем «брутто», «нетто», —
И «франко» здесь, и «франко» там!!»

Так спекулянт сказал намедни,
Казенный выполнив подряд,
Вложивший в дело грош последний
И получивший сто назад!

(Январь 1917)

408. ПРО ФАРАОНА

На мотив «Ехал из ярмарки ухарь-купец»

Стройся шеренгами,
Весь батальон!
Прислан из Питера
К нам фараон...

Здравствуй, полиция,
Друг городской!
Экой ты гладкий-то,
Гладкий какой!

Бедное, горькое
Наше житье —
Делать-то нечего —
Марш под ружье!

Раньше охранником,
Сыщиком был,
Всем провокаторам
Честно служил...

Частному приставу
Честь отдавал,
Бедного пьяницу
Бил-избивал...

Брал ты с разносчиков,
С каждой души,

Брал ты с извозчиков
Наши гроши...

Денег народных-то
Много скопил,
То-то и пузо-то
Так отрастил...

В руки винтовочку
Крепче бери,
Брюхо-то, брюхо-то
Прочь подбери!

Делать-то нечего:
Вот и патрон!
В службу солдатскую
Марш, фараон!

Видишь? Поблизости
Немец-тевтон.
Ждет-дожидается:
Где фараон?

Длинная линия,
Узкий окоп,
Братское кладбище,
Кладбище-гроб.

Почва сыпучая,
Голый песок,
Смерть неминучая...
Скверно, дружок!

Много ли, мало ли
Здесь полегло...
Горе окопное,
Ох! тяжело...

Долю солдатскую
Скоро поймешь —
За день намаешься —
В луже уснешь!

В баню захочется...
Эх, казнокрад,

Мыться здесь некогда —
Вши заедят. . .

Что ты наморщился?
Ишь — господин!
Нет здесь ни креслица,
Нет ни перин. . .

Всю амуницию
Взял, фараон?
Марш на позицию
Весь батальон!

Эхма, солдатикам
Мало еды, —
Все мы, сердечные,
Тощи, худы. . .

Все мы, молодчики,
Голодно живем, —
Спрячемся в окопчики,
Глазом не моргнем. . .

Эй, фараонушка,
Царский холоп,
Что ты замешкался?
Лезь к нам в окоп!

Экое горе
Для толстых особ —
Тесно, знать, вырыли
Узкий окоп. . .

Стоило, миленький,
Деньги копить?!
Стоило, душенька,
Пузо толстить?!

Ох ты, опричник,
Царский холоп!
Горький горчичник —
Узкий окоп. . .

1916

409. ОВИДИЕВЫ МЕТАМОРФОЗЫ

В начале войны господы лирики
Охали, ахали и проливали слезы,
Обливая ими свои мундирики
И принимая самые патетические позы.
Война подавляла всю эту братию
Обилием ужасов и кровопролития,
И, оставаясь верными войны неприятию,
Восклицали они в часы наития:
«Господи, господи, как всё это убийственно!
Какие ужасы, кошмары и страсти!
Можем ли мы потрясать оружием воинственно,
Ежели сердца наши разрываются на части?!»

Но вот появились новые журналчики,
А старые изменили свою программу,
Откинув в сторону сенсационные скандалчики
И поставив на первое место военную драму.
Пал спрос на плакучие стихотвореньица;
Видят лирики: дело плохо,
Изменила им публика-изменница:
Не хочет и слышать их тяжелого вздоха!
Голод — не тетка, пооправились лирики,
Носовыми платочками вытерли слезы
И ну строчить трескучие панегирики,
И ну принимать воинственные позы!

1914

410. ТВОРЧЕСТВО

Дайте прочную бумагу,
Дайте перьев и чернил
И дешевую малагу —
Эликсир для дряблых сил.
Дайте пачку приложений
От прочитанных газет,
Из частушек «выражений»
И из армии кисет. . .
Две главы «Войны и мира»
(Ограничь галиматью)
И к Толстому для гарнира
Михайловского статью.
Разберусь я в этой груди,
Напрокат найду экстаз:
Через час, поверьте, будет
Пре-во-еннейший рассказ.

(1915)

411. ЭСТЕТЫ

Они стоят в оконной нише
Однообразно завиты.
И говорят о страсти тише,
Роняя пепел на цветы.
Они легко меняют темы,
Они цитируют Парни.
Подходит вечер. . . Астры немые,
И за окном уже огни. . .
Он говорит: «Закат прозрачен
И синий сумрак над рекой,
О, как давно уже утрачен
Мой идиллический покой!
Одна любовь моя стихия,
И я не требую иной. . .»
— «Вы родились в Антиохии. . .»
— «А ваше имя. . . Антиной. . .»
Как Гектор, как троянский воин,
Вы уезжаете на бой,

И будет трепет мой удвоен
Неумолительной судьбой...»

.
И даже пепел тлеет в урнах
И астры утончают стиль, —
Так на трагических котурнах
Играют старый водевиль...

(1915)

412. АИ-ЛЮЛИ

Наигрыш русской

Пародия

Как поехали Андроны
Д-да на Масленой гулять!
Смехи-эхи, бубны-звоны...
Эка, право, благодать!

Вспри быстристей в косогорье,
Гайда тройка! Любо нам...
Правь дорогу в «Лукоморье»:
Овсеца пожуешь там.

Эфтих немцев-обалдуев
Не боюсь в тылу я здесь.
Я певец славянский Клюев,
Стал быть, к носу ли мне спесь?

(1916)

413. КАЛЕНДАРЬ ПОДЦЕНЗУРНОГО ЖУРНАЛИСТА

После написания статьи

Я кончил... Но конца нет тягостным сомненьям.
Они всю душу мне терзают, как вампир, —
И я гляжу с понятным восхищеньем
На либеральнейший, весь в пятнах, кляксапир!

О рукопись моя! Быть может, ожидает
Тебя суровый крест. . . Заглохнешь ты в тиши. . .
Не всюду клякспапир, который пропускает
Всё, всё до капельки, что хочешь напиши!
Не для себя молю, а для прогресса мира
(Тут задней мысли нет, — о, боже упаси!):
Пошли нам, господи, побольше клякспапира,
Чтоб *пропускалось* всё, что пишут на Руси!

(1916)

414. В ТЫЛУ

С совестью грязные сделки,
Хитросплетенья, обман,
Фокусы, плутни, проделки
И залезанье в карман;
Подлостей ряд, и в итоге
Слушаем мы на суде
Дело о краже-подлоге. . .
Вот она, юность-то, где!

Лень, тунеядство, безделье,
И кутежи, и пиры,
Вечное пьянство, веселье,
Страстная жажда игры;
Плавает денно и ночью
В клубах, как рыба в воде,
Любит всё то, что порочно. . .
Вот она, молодость, где!

Жизнь повернулась спиною,
Нервы разбиты вконец,
Лысина в фут шириною
И «рамоли» образец,
Сердце больное, припадки,
Нужен мышьяк при еде,
Капли, пилюли, облатки. . .
Вот она, зрелость-то, где!

Вечер проводит в балете,
Там только счастлив весьма,
Видит всё в розовом цвете,
Выжил совсем из ума;
Слово едва произносит
И о серьезном труде
Не заикаться всех просит. . .
Вот она, старость-то, где!

(1916)

III

МАРТ — ОКТЯБРЬ 1917

415. Г-М МИЛЮКОВЫМ

Когда грохочут громко батареи,
Удушливый туман сжимает больно грудь,
И пули-пчелы жалят всё сильнее,
И стон измученный несется: «Отдохнуть!» —
Тогда во фраке, стройный, словно тополь,
С улыбкой сахарной на сахарных устах
Поет кадет: «Хочу Константинополь!
Он грезится мне в жизни и в мечтах».
Когда шрапнели в синеве безбрежной
И птиц зловещий слышен гул,
Тогда твердит кадет умильный, нежный:
«Поймите ж, нашим должен быть
Стамбул».
Когда несется вопль: «Проклятие начавшим!»,
Охрипый стон в груди измученных солдат,
Тогда он шепчет голосом уставшим:
«Конечно, но для нас необходим Царьград».
Конечно, что для вас пустующие нивы,
Кровь, трупы, стон израненных людей.
Зато ведь перейдут турецкие проливы
На пользу сотен русских богачей!
От фронта слишком, слишком далеко вы,
Нетрудно речь произнести сплеча.
Но близок час. Дрожите, Милюковы,
Поднявший меч — погибнет от меча!

Май 1917

416. ГИЛЬОТИНА

Король дал пергамент с печатью кольца —
Внести гильотину под окна дворца!
 Барабан, бей тревогу!

Запели литавры и трубы! И вот:
Сбежался на площадь вприпрыжку народ!
 Барабан, бей тревогу!

Но дни, месяца и года у окна
Стояла, не вздрогнув ни разу, она!
 Барабан, бей тревогу!

Но как-то, услышав под окнами гул,
Король из окошка платком ей махнул!
 Барабан, бей тревогу!

И вздрогнула сталь! И был долог и густ
В стране той голов перерезанных хруст!
 Барабан, бей тревогу!

И, мертвыми веками зашевели,
Последней была голова короля!
 Барабан, замолчи!

1917

417. ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

Смерть с Безумьем устроила складчину!
И, сменив на порфиру камзол,
В Петербург прискакавши из Гатчины,
Павел Первый взошел на престол!

И, судьбою в порфиру укутанный,
Быстрым маршем в века зашагал,
Подгоняя Россию шпицрутеном,
Коронованный богом капрал! . .

Смерть шепнула Безумью встревоженно:
«Посмотри, видишь гроб золотой?!
В нем Россия монархом положена —
Со святыми ее упокой».

Отчего так бледны щеки девиц
Рано вставших великих княжон?
Отчего тонкий рот цесаревича
Дрожью странною так искривлен?

Отчего тяжело так опечалена
Государыня в утренний час
И с лица побледневшего Палена
Не отводит испуганных глаз?

Во дворце не все свечи потушены!
Три свечи светят в гроб золотой!
В нем лежит император задушенный —
Со святыми его упокой!

1917

418. РАССЕЯННЫЙ КОРОЛЬ

Затянут шелком тронный зал.
На всю страну сегодня
Король дает бессчетный бал
По милости господней.

Как и всегда, король там был
Галантен неизменно
И перед дамой преклонил
Высокое колено...
Старый шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
«Он всегда после бала веселого
Возвращается без головы!..
Как легко вы теряете голову!
Ах, король, как рассеянны вы!»

Затянут красным тронный зал!
На всю страну сегодня
Народ дает свой первый бал
Без милости господней!
Как и всегда, король там был
Галантен неизменно
И перед плахой преклонил
Высокое колено...
Старый шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
«Он всегда после бала веселого
Возвращается без головы...
Как легко вы теряете голову!
Ах, король, как рассеянны вы!..»

1917

419. ПРИБЕЖИЩЕ ВО СКОРБЕХ

Правительство обратилось к московскому духовенству с просьбою молебствовать о прекращении междоусобной брани. Просьба правительства исполнена, и желаемые молебствия отслужены в Троице-Сергиевской лавре.

Из газет

Спешите петь молебны в лавре,
Зане пылает бунт, как горн...
Мечтали опочить на Лавре,
Ан Лавр-то вышел — колкий терн...

Сентябрь 1917

420. (ИЗ ПОЭМЫ «СКАЗ, ОТКОЛЬ ПОШЛИ ЦАРИ У НАС»)

Топоры кузнец кует,
А сам песенки поет:
В день девятый января
Шли проведать мы царя.
Не гулять к нему, не пить —
Шли мы милости просить.
А уж он нас угостил,
Да покотом положил,
Белым снегом накормил,
¹⁰ Нашей кровью напоил.
С того пира тысяч пять
На погост стащили спать.
Ой ты, батюшка наш царь,
Православный государь,
Не забудем мы вовек,
Сколь ты добрый человек!

Больше полгода уплыло,
Муравой могилы скрыло,
И на дно японских вод
²⁰ Опустился русский флот.
Толк опять пошел в народе
О земле и о свободе.
Говорили так и эдак
И решили напоследок:
Не по щучьему веленью,
По народному хотенью
Стали фабрики, заводы,
Поезда и пароходы;

Жернова не стронешь с места,
30 Пекаря не месят теста,
И поутру Николаю
Не подали булок к чаю.
Царь опешил: «Как же так:
Не привык я натошак
Заниматься царским делом.
Бунт, выходит, в царстве целом!»

А царица
Кипятится:

«Говорила я намедни:
40 Напиши царям соседним,
Напиши своей родне,
Чтоб прислали нам подмоги
В случае тревоги.
Вот сидим теперь в мотне.
Чуть жива я с перепугу». . .
Утишает царь супругу:
«Без тебя я знаю сам,
Написал по всем местам.
Немцы, турки, англичане —
50 Рад я всякому заране,
Кто на помощь к нам придет.
Да идти-то им далече.
Ин мороз дерет мне плечи.

Вдруг про всё про то вперед
Наш дознается народ.
Лучше справиться уловкой
Нам с проклятой забастовкой.
Что-то скажут нам вельможи». . .
А вельможи — в голос тоже.

60 В тот же час
Был готов царев указ:
«Божьей милостию мы
Объявляем всей России:
Миновало царство тьмы,
Времена прошли лихие.
Десять лет из года в год
Притесняли мы народ,
А теперь всему народу
Пожелали дать свободу.

70 А указу в подкрепление
Наше повеленье:
Чтоб в такую-то седмицу
Нарядили к нам в столицу
Лучших выборных людей
От губерний, областей.
Эту выборную рать
Надо Думой величать.
Чтобы нам зимой и летом
Бегать в Думу за советом
80 И без Думы той согласья
Чтоб не править одночасья.
Наша воля непреклонна —
Царствовать законно.
Дан в такое-то число.
Место: Царское Село».
И едва простой народ
Про указ прослышал тот —
Как по щучьему веленью
Всё пришло опять в движенье.
90 В ход опять пошли заводы,
Поезда и пароходы;
В белокаменной печи
Румянеют калачи;
А по улицам народ
В пляску с присвистом идет.
Уж и праздник в тот день был!
Кое-кто хоть говорил:
«Эй, плясать-то больно рано:
Каб не вышло тут обмана?!!»
100 Да на радостях народ
Не услышал голос тот.

Царь хоть Думу обещал,
А в уме не то держал.
Да как с месяц пролетело,
Ждать народу надоело;
А в Москве первопрестольной
Звон пошел не колокольный,
И принялся люд рабочий
Там кричать что было мочи:
110 «Эй, народ-то ведь надули!!!»

Засвистали ядра, пули.
Много сгибло там народу
За свободу.

Вот собрались депутаты
В государевы палаты.
Стали думать да рядить,
Чем народу пособить.
Только видят — дело ясно,
Спорить нечего напрасно:
120 Ничего не надо боле —
Только дать земли и воли.
У царя занялся дух.
Кликнул он ретивых слуг, —
Дума — бух!
Депутатов похватали,
По острогам рассовали,
И на страх России всёй
Суд открыли полевой.

Царь казнит без сожаленья,
130 А всё нету усмиренья.
Вот полгода уплывает,
Думу снова он сзывает.
Глядь, и новая про то ж,
Про земельный про дележ.
Только зубы чешут зря:
Власть-то вся в руках царя,
А ему дележ —
Острый нож.
Снова Дума под горой,
140 А за Думою второй
Вылезает Дума-гуня,
Дума третьего июня:
Толстосумы-мужики,
Октябристы-хомяки,
Черняки,
Ласковы к правительству,
К его величеству.

В поле новые качели
С перекладиной из ели.

150 Никто на них не садится,
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица,
Человек от них бежит,
Воронье на них летит.
Вот качели заскрипели,
С криком вороны взлетели,
На качелях мужичок,
Под качелями волчок.

День за днем, за годом год —
160 Словно реченька плывет.
Царь с царицею в ладу,
Враз дудят в одну дуду,
Держат думушку одну —
Каб затеять с кем войну.
Коль счастливо воевать,
Так спокойней царевать:
В битвах некогда народу
Думать про свободу.
Вот лежит на печке дед,
170 Девяноста почти лет.
На утеху старых дней
Трех имел он сыновей,
Трое все в могиле спят.
Уж как самый старший брат
В день девятый января
На пиру был у царя.
В чужедальной стороне
Пал середний на войне.
Младший, верно, был бы жив,
180 Да среди родимых нив
Суд военно-полевой
Удушил его петлей.
Долбит дедка на печи
Мослаками кирпичи.
Вот уж он который год
Царской милости не ждет.
Внука с белой головой
Гладит дряхлою рукой,
Тихо шепчет: «Вырастай,
190 Сам свободу добывай.

Милость царская велика,
А не стоит она лыка!»

Ходит староста Федот,
Мужиков на сход зовет:
«Выходи, Егор, Тарас!
От начальства есть указ;
Увязался царь в войну,
Нужны денежки в казну,
А для царских для полков
200 Надо много мужиков».

С печи дед кряхтя спустился
И на сходку потащился.
Обступили деда вокруг:
«Присоветуй, милый друг!»
А старинушка в ответ:
«Уж не знаю что, мой свет,
То ли рать царю собирать,
То ли брагу затирать?
Эх, заварим бражку нову
210 На погибель на цареву!
От царей не жди добра.
Взяться вам за ум пора,
Гнать их с нашего двора».

Только староста Федот
Тут выходит наперед.
А Федот живет богато,
Был в кабатчиках когда-то;
Он записан в сотне черной
И слуга царю покорный:
220 «Да за такую речь
Мало голову отсечь.
Вишь он что: «Царя не надо!»
Тут, к примеру, даже стадо
Не живет без пастуха».
Дед на это: «Ха-ха-ха!
Эх ты, староста Федот!
Да ведь в стаде ходит скот,
А мужик-то нешто бык?
Прикусил бы ты язык:

230 Борода-то — что лопата,
А рассудком не богата.
Вот попомни ты, Федот:
Скоро времечко придет —
Продерет глаза народ.
Он зажмет, зажмет в комок
Весь Романовский домок,
Да и — кок!
А Россией наперед
Будет править сам народ».

240 Тут Федот и рот разинул,
А старик картуз надвинул
И пошел из круга вон.

Я про это слышал звон.
Сам на сходке не бывал,
А что слышал, рассказал.
Знать, старик-то был пророк:
Что сказал, сбылося в срок.

(1908), 1917

421. «ПЕТЕЛЬКИ»

Кадет дрожит, как в бурю лист,
Кадет наводит новый глянец:
Вчера лишь был он монархист,
Сегодня он «республиканец».
Кадеты — сколько там «голов»!
Каких от них не слышишь слов!
Посоветались полнедельки,
В программе краску навели,
Тут поскребли, там подмели...
А как коснулося земельки —
Давай выкручивать петельки!

Апрель 1917

422. НОВАЯ КОМБИНАЦИЯ

Князь Львов, князь Шаховской,
И. Церетели и т. д.

Из списка министров

Возрадуйся, нация!
Новая комбинация!
Теперь-то будет у народа
Хлеб и свобода!!
А не свобода, так права!
Зато был князь, а стали два, —

С прибавкой Церетели:
Достиг он высшей цели.

А мы конца дождались торга. . .
Без всякого восторга.

5 мая 1917

423. «ЦЕНТРОДУХ»

Вперед идем! за Керенским!

*Комитет по организации духа.
Листовка № 16*

Для сатирика приманка, —
Не утерпим, спросим вслух:
«Не из чрева ль „Центробанка“
Этот спертый „Центродух“?»

Июнь 1917

424. «КОНТРАЗВЕДЧИКИ»

«Вечор девки, вечор девки
Пиво варивали».
Два шпики у Малой Невки
Разговаривали:

Ш п и к 1 - й

Ты скажи, скажи, бродяга,
Где ты маешься
И каким ты, лярва, делом
Занимаешься?

Ш п и к 2 - й

А я, братко, живу гладко
Да не маюся,
А я прежним нашим делом
Занимаюся!

Ш п и к 1 - й

Царь небесный! Пресвятая
Богородица!
Новый строй ужель шпиками
Обзаводится?

Ш п и к 2 - й

Ну, шпиками — не шпиками.
Шпик шельмуется.
То же дело по-иному
Именуется.
По-иному наше дело
Привечается. . .
С похвалой в газетах многих
Отмечается. . .
В буржуазную газету
Лишь заявишься,
Сразу, братец мой, в почетный
Угол ставишься.
Так и льнут к тебе писаки,
«Куш» подсовывают,
В десять перьев твои враки
Разрисовывают.
Битый час проврешь им, точно
Неприкаянный.
Прешь про ленинцев нарочно
Брех отчаянный.
Тут они глаза закатят
Умилительно!
Как за всё потом заплатят —
Удивительно!

Два шпика пошли, обнявшись,
Вдоль над Невкою.
Вот вся песня, — остановка
За припевкою.
А припевки после спеты
Были разные.
Затянули все газеты
Буржуазные:

«Миру, вишь ты, «Правда» рада.
Показательно!»,
«Разгромить всю «Правду» надо
Обязательно!»

(Июнь 1917)

425. ЧУЖОЕ И СВОЕ

Солдатская

Несколько лежащих перед нами номеров газеты «Рабочий и солдат» с совершенной очевидностью свидетельствуют, что большевики-ленинцы не только ничему не научились и ничего не позабыли, но действуют еще более безответственно.

«Рабочая газета», 3 августа

Как у нас, братцы, в полку
Ходит барыня в шелку.
Она ходит, ходит, ходит,
Разговоры с нами водит.
Что ни скажет, как споет,
Да газету нам сует:
«Вот «Рабочая газета»,
В ней найдете два ответа:
Почему война важна?
Для кого она нужна?»
Чисто барыня одета,
Хороша ее газета,
И умна и хороша,
А не тянет к ней душа.

Прибегает к нам девчонка,
На ней рваная юбчонка, —
Уж известно, беднота,
С нею песенка не та.
Окружат солдаты Пашу:
«Принесла газету нашу?!»
— «Вот «Рабочий и солдат!»!»
Рвут газету нарасхват.

Идет барыня сторонкой,
Ее кличут «оборонкой».
Ой ты, барыня-мадам,
Шла б ты лучше к господам.
Подноси газету барам:
Нам ее не надо даром!

3 августа 1917

426. СОЦИАЛ-ЗАИКИ

Отец, как водится, был злостным воротилой,
Но не таков
Обычай нынче у сынков:
Там, где им взять нельзя ни окриком, ни силой,
Они берут улыбкой милой
И ласковым словцом.

Встречаться мне пришлось в деревне с молодцом.

Шла про него молва в народе:
«Михал Иваныч-то! . . . Богач, помещик вроде, —
Какая разница меж тем, гляди, с отцом.
Как распинается за бедноту на сходе!

«Мы, братцы, — грит, — одна семья...

Как, значит, вы да, значит, я. . .»

Не разобрать хотя, что «значит», —

Заика, видишь ли, с суконным языком!
Но видно, что скорбит: в грудь тычет кулаком
И горько плачет!

Бог с ним, что не речист: была бы голова!» —
Такая шла молва.

И никому-то мысль в башку не приходила,
Что сын пошел в отца: такой же воротила,
Да только что дела ведет на лад иной.

Где? — За народною спиной.

Сойдутся, снюхавшись, добряк Михал Иваныч
Да Черт Степаныч,
Мошна с мошной,

Да толковать почнут, кого где можно скушать.
Вот тут бы нашего заику и послушать:

Скупой сначала на слова,

Кряхтит он, охает, вздыхает. . . Но едва
Запахнет жареною коркой,
Занка речь ведет — что чистый жемчуг льет,
Не говорит, подлец — поет!
Не как-нибудь — скороговоркой!

Друзья! Скажу вам напрямик:
Держитесь за сто верст от «социал-заик»,
Их развелась нынче — стая.
Но распознать их — вещь простая.
Высоких нот они — зарежьте — не берут,
А и затянут, так соврнут.
С доподлинным борцом блистая внешним сходством,
Иной из этаких господ юлит, юлит,
Но вы узнаете, где у него болит,
Когда он заскулит с поддельным благородством:
«Тов. . . арищи! В борь. . . бе. . . — все ль средства
хор. . . оши?
Ну. . . ну. . . к чему. . . н. . . алог на
б. . . ары. . . ары. . . ши?
И. . . и. . . з. . . ачем контр. . . оль. . . н. . . ад
пр. . . оиз. . . оиз. . . водством?!»
А дальше уж пошло: «Ваш разум затемнен,
И разгорелись ваши страсти;
Рабочим — надо ждать, а до иных времен,
Пока там что, должны буржуи встать у власти».
Что «пролетариев другие ждут дела» . . .

А ждет «хозяйская», конечно, кабала!

(Сентябрь 1917)

427. «ТРЮК»

Когда известный многим грек,
Весьма неглупый человек,
Шутя надел на трехугольник
Свои бессмертные «штаны»
И, виноватый без вины,
На них свою оттиснул пломбу, —
Тем «трюком» удивленный сам,
Принес он в жертву гекатомбу
Своим растроганным богам:
Изжарил сразу сто быков.
Обычай древний был таков,
Считался с ним и Пифагор. . .
И вот быки всегда с тех пор
Дрожат, ревут, не умолкая,
Как только истина, сверкая,
Являет миру новый лик:
За шкуру страх у них велик.
Быков натура уж такая!

(Ноябрь 1917)

428. НОВОЧЕРКАССКИЙ МЕССИЯ

Малонеосветайский хуторской
сбор выборных казаков станицы Но-
вочеркасской постановил зачислить
председателя Государственной думы
М. В. Родзянко казаком станицы Но-
вочеркасской.

Из газет

Скорей коня, нагайку, шашку...
Душой я был казак всегда.
Мою казацкую замашку
Ценили в Думе иногда.

Я не давал холопам воли
И трон исправно защищал,
Но, не избегнув горькой доли,
Я безработным ныне стал.

Я поставлял в казну болванки —
Враги мне ставят это в грех,
Открыли кое-что с изнанки
И оболванили — на смех...

Но кто спасет сейчас Россию,
Былую мощь ее вернет? ..
Кто на казацкого мессию
Сейчас со злобой посягнет?

Сотру с лица земли Советы,
Оставлю только лишь один,
Где октябристские заветы
Хранит исправно Каледйн.

Между 30 августа и 9 сентября 1917

429. TRANSIT GLORIA MUNDI¹

Без издевательства, но с сочувствием Маркову II, Замысловскому и уже с ними

Всю жизнь старался «патриот»
И надрывал до боли глотку,
И в жажде лил в бездонный рот
Патриотическую водку.

Юлил (все средства хороши!),
Искал (удобны все лазейки!),
Брал за старание гроши
И брал за преданность копейки.

Кричал, придумывал, писал
И в гневном раже лез на стенку,
Россию-матушку спасал
За минимальную расценку.

И вдруг — конец. И вдруг — потоп.
И вдруг — циклон переворота.
И лезут в ужасе на лоб
Глаза страдальца «патриота».

Всё обаяние — к чертям!
Взошли плоды крамольных зерен...
Великий лозунг взят на срам...
Эпитет громкий опозорен.

¹ Земная слава проходит (лат.) — *Ред.*

Из сливок света — в босяки!
Из сильных мира — в арестанты!
Сиди и дохни от тоски
И слушай мрачные куранты.

И уж какой тебе почет —
Воротит рыло даже взломщик. . .

Судьба-с, товарищ «патриот»!
Что делать, гражданин погромщик!

(*Апрель 1917*)

430. БУРЖУА

Манифест самосохранения

Пусть мир помешан на марксистах
И нерушимости их слов.
Я ж был и есмь поборник чистых
И взглядов и воротничков.
Враждуя с мачехой-судьбою,
Я при разборе ампула
Всё ж остаюсь самим собою. . .
Я — буржуа, я — буржуа.

Перед свободой — вот поди же! —
Я слепо не склоняюсь ниц.
Порочность гения мне ближе
Непогрешимости тупиц.
И, всем их стадом презираем,
Я — plus gouale que le roi,¹
Не увлекусь эсдечьим раем. . .
Я — буржуа, я — буржуа.

Что? Все равны? Пошляк и гений?
Бодлер и унтер Середа?
На этот вздор без возражений
Не соглашусь я никогда.

¹ Большой роялист, чем сам король (франц.). — *Ред.*

Любовью масс не дорожу я,
Пускай их злятся. . . Ma foi! ¹
Приемлю прозвище буржуа.
Я — буржуа. Я — буржуа.

События преломив, как призма,
Свободой пьяны, как вином,
Пусть победители царизма
Довольным ходят табуном.
Я их идей не сдамся плену,
И *rag soi* и *roug soi* ²
Хомут свободы не надену. . .
Я — буржуа. Я — буржуа.

(Апрель 1917)

431. БУРЖУИ

Еще одно внеочередное заявление

И грянул гром. И мигом по стране
Пронесся дождь и души вымыл чисто.
И целый день в заплеванном окне,
Сопя, мудрил подручный букиниста.
Снял «Декламатор», Локка и Бурже
И прочих буржуазных протезе.

И в поисках читателя иного
Старательно расставил под стеклом
Богданова, Тугана, Железнова,
Сперанского с обгрызенным углом,
Неведомый роман «На повороте»
И «Капитал» в тяжелом переплете.

Н-да. Революция. Сомнений больше нет:
Раз «Капитал», так, стало быть, без фальши.
Поэты, оборвите ваш сонет,
Беритесь за Тугана, генеральши.

¹ По правде говоря (франц.). — *Ред.*

² Сам, для себя (франц.). — *Ред.*

Он — без обмана. Он — не интриган.
Он вывезет — спасительный Туган!

Но я, но я, не убоюсь насмешки,
Пойду один противу всей страны.
Я завтра же скуплю романы Брешки —
Наследие недавней старины.
И углублюсь, явив лицом умильность,
В его инкрустированную стильность.

Пусть видят все, что я еще мычу,
Из королей разжалованный в пешки. . .
Да! Знаю я, что я умру от Брешки,
Но жить от Железнова не хочу.
Я как последним средством дорожу им,
Буржуем жил — пусть я умру буржуем!

(Май 1917)

432. ТРИ ГОДА

Безумству трех кровавых лет,
Что мы блуждаем без дороги,
Уныло подвели итоги
Обозреватели газет:
«Да, да, мы знаем: были беды!
Но близок час, но тщетен страх. . .»

Ах, им-то, с перьями в руках,
Легко сражаться до победы!

Август 1917

433. ЭПИТАФИЯ

Господь! Во все часы и дни
Не наказуй и не кляни,
И не взирай на нас сурово:
От рабства слова нас храни,
А паки — от свободы слова!

Август 1917

434. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Меньшевик из акцизных, Василий Лукич
Бережлив, деловит и скупенек:

Разведут ли герань, испекут ли кулич —
Уж зудит-то, зудит-то домашних Лукич:

«Эва, сколько натравили денег! . . .»

По воскресному дню сядет в кресло Лукич,
Дочку Дунечку за косу словит:

«Ты мне носом не верть. . . Ты мне пальцем
не тычь. . .»

Учит дочку-то, учит акцизный Лукич —

В меньшевички, должно быть, готовит.

Домик, садик, сарай у Василь Лукича,

На текущем тыснонок с десяток:

Не чиновник — купец. . . А душа горяча:

Хоть сегодня ж в министры Василь Лукича —

Молод разве, один недостаток!

А зачнет кровопийц-буржуазов громить —

Никакого тут удержи нету.

И за лисью-то прыть. . . И за волчью-то сыть. . .

И да, уж ежели начал буржуев громить —

Хоть сейчас и в журнал и в газету!

Но спросили однажды Василь Лукича,

Прямо в душу-то тыкнули пальцем:

«Меньшевик, меньшевик. . . А деньжонки для ча?»

Так вот прямо спросили Василь Лукича:

«Ну, какой меньшевик с капитальцем?»

Задохнулся от гнева Василий Лукич,

От великого честного гнева:

«Не позволю, — кричит, — чтобы чушь. . . чтобы
дичь. . .»

Задохнулся от гнева Василий Лукич,

Всколыхнулось могучее чрево.

В ту же ночь с Лукичом приключился удар:

Вот что значит обидная шутка!

Бред, да рвота, да спазмы, да холод, да жар...
В ту же ночь с Лукичом приключился удар
И вдобавок — расстройство желудка.

Все домашние в горе, дерут волоса —
Взглянут лишь на недвижимую тушу...
«Человек ведь какой! Не душа — чудеса!..»
А под самое утро взял бог в небеса
Меньшевицкую светлую душу.

Панихида. Поминки. Мадера. Кутья —
Скорбный символ земного прощанья...
Разговоры про бога, про тлен бытия...
Панихида. Поминки. Мадера. Кутья.
И потом — извлекли завещанье.

Дом, да сад, да наличность, да внешний заем
Меньшевицским достались сироткам...
Три дня будем считать — всё равно не сочтем:
Сад, да дом, да наличность, да внешний заем —
Не исчерпать в рассказе коротком!

Расходились соседи, болтая спьяна, —
Не задаром привешен язык-то! —
Что не плох тот народ, не мертва та страна...
И вздыхали соседи, болтая спьяна:
«Меньшевик-то каков! Меньшевик-то!»

Спит Василий Лукич под чугунным крестом
Непробудно, безгрешно и свято:
Не печалась душой ни о сем, ни о том...
Спит Василий Лукич под чугунным крестом,
А на смену растут меньшевята.

Сердце, гляючи, радо: покой да уют!
Что за люди — и в крупном, и в малом!
Этих, врешь, не проймешь... Эти, тут, не сдадут...
Подвернется эсер — аргументом убьют,
А буржуя — убьют капиталом.

Под чугушным крестом спит Василий Лукич
И не чаает себе воскресенья:
А по свету-то клич. . . Над буржуем-то бич. . .
Дай те, господи боже, Василий Лукич,
За святые твои убежденья! . .

(Октябрь 1917)

435. КВАРТЕТ

Товарищ меньшевик,
Эсер, кадет да трудовик
Затеяли сыграть квинтетом,
Поспорив для приличия с кадетом.
Достали контрабас, виолончель, две скрипки
И сели на лужок под липки
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! — кричит кадет. —
Не увлекайтесь!
Как музыке идти? Мне подражать старайтесь!
И я социалист, как вы — социалисты,
Ну, правда, не теперь, а лет так через триста.
Теперь война, и, значит, для войны
Мы разногласием пожертвовать должны».
— «Товарищ, чепуха! — эсдек ему в ответ. —
Ну, так и видно, что кадет.
На этот счет мы рассуждаем разное:
Война была и будет буржуазна.
Мир без аннексии готов я заключить,
Но прежде нужно фронт нам укрепить».
— «Товарищи, всё это уж не ново! —
Кричит эсер. — И мне позвольте слово:
Войною закрепить свободу мы должны.
В борьбе права народов рождены!»
Тут начались у них аплодисменты, свисты.
С кадетом спорили опять социалисты,
Потом кадет эсером был поддержан,
Чем в высшей степени был меньшевик рассержен.

Вновь начали кричать, свистать, визжать. . .
Случилось мужику на шум их прибежать.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решил сомненье:
«Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенья!
 Программы все при нас, —
 Угодно ли прочесть?
 Скажи лишь: как нам сесть?»
— «Как сесть? — отвечивал мужик. —
 Я к вашим спорам не привык.
 Одно скажу: вам спорить непригоже:
В словах различие, на деле же — похоже».

(Август 1917)

436. ПРОХОЖИЙ И СОБАКА

Басня

*Посвящается памяти
покойной полиции*

Прохожий у ворот одной богатой дачи
Увидел пса и, чуть не плача,
Сказал: «Ах, братец мой!
Зачем такой ты злой?»
И почему ты всех людей кусаешь без разбору?
Ведь это допустимо только к вору,
И то в ночную пору.
А зря людей кусать как будто неприлично. . .»
— «Мне безразлично, —
Ответил Пес, —
И ваш вопрос,
Сказать по правде, неуместен:
Не наше дело разбирать, кто плут, кто честен.
Наш долг известен:
Облаять, не пустить
И, если нужно для порядка, — укусить.
Пусть честных от воров хозяин различает, —
Он это дело лучше знает.
А у меня и без того работы много». —
Тут, ухватив Прохожего за ногу,
Принялся Пес рычать и лаять шумно.
«Вот это умно! —
Сказал хозяин из окна, —
Здесь ясно преданность видна.
Гей, Псу за это
Купить ошейник к лету!»

Что здесь еще сказать поэту?
Одно могу сказать,
Что трудно ожидать
Пощады от того,
Кто, не жалея никого,
Кусает без разбора:
И честного, и вора.

⟨Апрель 1917⟩

437. ПО СЕНЬКЕ И ШАПКА

По сведениям газет, Савинков
причисляется к казакам.

У врат Марийнки стоит одиноко
Корниловский козырь — эсер,
И дремлет, качаясь, и ложью покрыт он,
Как грязью запущенный сквер.

И снится ему, что на бедной кобыле
В том крае, где нежится Дон,
Он в чине хорунжего скачет ретиво,
Любуясь на свежий погон.

Октябрь 1917

438. ЧЕЙ ГОЛОС?

Посвящаю «Нашему голосу»

На гроб «Енисейского края»
Он с некоей помпой воссел;
Развязно ногами болтая,
Туманно и длинно запел.

И сладко поет, как сирена,
И миру вещает о том,
Что лошади кушают сено,
Не брезгуя также овсом.

Что русская реченька Волга
В Каспийское море течет, —
Так скучно, и грустно, и долго
«Наш голос» с апломбом поет.

Поет и на новые темы —
Как немца успешней побить,
Как все без различия, все мы
Должны «патриотами» быть. . .

Ученый и мудрый «Наш голос»
С большим настроеньем поет.
Беда только: чей это голос —
Из песни не всякий поймет.

(Апрель 1917)

439. КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО?

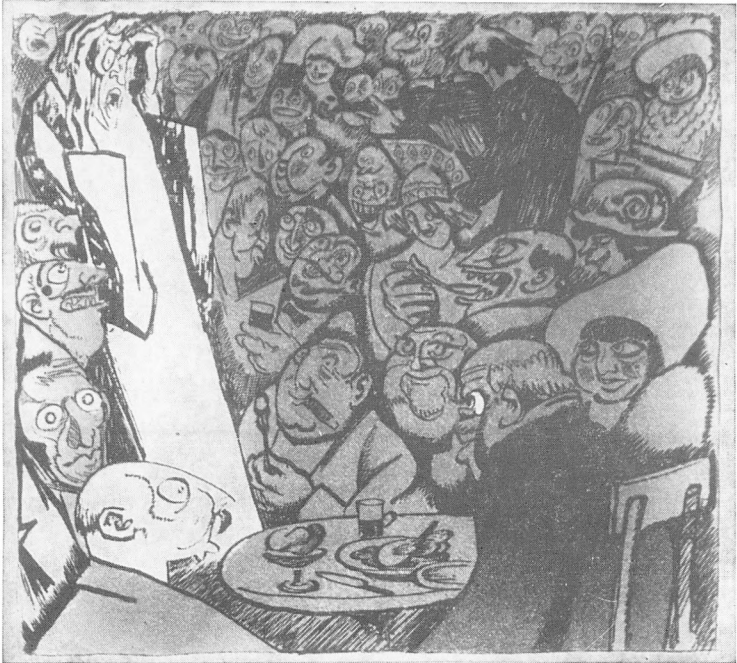
Из психологии «творчества»

Гражданин Евгений Колосов,
«Патриот» и храбрый росс,
В прогрессивном «Нашем голосе»
Клевету нам преподнес.

На лету поймав сенсацию,
Не распутав мысли нить,
Поспешил инсинуацию
На эсдеков сочинить. . .

Так в безликом «Нашем голосе»
Разрешил большой вопрос
«Патриот» Евгений Колосов,
Немцеед и храбрый росс.

Апрель 1917

цѣна 20к.

Будильникъ

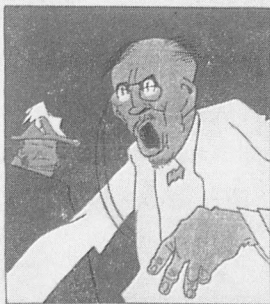
51^й годъ

15 ноября

№46.

Либераль.

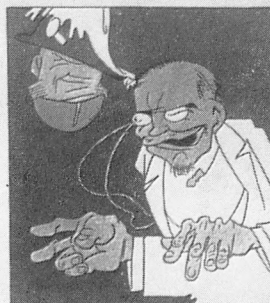
Рис. П. Мора.

Граждане, крупно выточничество, неурядицы.

Пронзволъ и всякое зло...

Но... не надо... не надо намъ выводить изъ себя...

Ибо все устроится и пронзветъ.

440. ЖИВОЙ ТРУП

4-Я ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

«Представители народа»...
Подтасованного рода:
Через сотни мелких сит
Вверх проташенный Терсит,
Что, под фирмою Патрокла,
Лихо втиснут был за стекла
Казовых оранжерей —
Тешь Европу и жирей!

И такой-то плод законный
Черной магии исконной
Незабвенных держиморд
И доднесь, пятная борт
Корабля моей отчизны,
Смеет, в тоне укоризны
Рулевому, так сказать, —
Направление казать?

Но ведь это же... курьезно!
Нет, подумайте серьезно:
Полусгнивший, жалкий труп
Покидает мирный сруб
И с зловонного погоста
Шлет отчизне (очень просто!)
Свой кладбищенский указ:
«Ближе к берегу баркас!»

Нет, почтеннейшие трупы,
Мы не так просты и глупы,
Чтобы слушать мертвеца
С безмятежностью лица!
Не для вас командный мостик:
Не угодно ль — на погостик?
Вас создавшие — мертвы;
Значит, таковы — и вы!

Март 1917

441. ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Вот в воинственном азарте,
Презирая смерть, — каков? —
Цареград берет на карте
Иностранный Милюков.

В куцей курточке кадетской,
Ужас вражьих баррикад,
Ух, какой он молодецкий,
Князь Олега дубликат!

Бранным бурям сердце радо,
В голове победный хмель —
На воротах Цареграда
Трепыхается портфель!

Турки валяются, как чурки,
Туркам худо, туркам — мат;
На коне, в партийной куртке,
Милюков вступает в град.

Трупов горы, крови — реки,
Взрывы, пламя, стоны, гам. . .
Пала турок мощь навеки —
Слава Павлу! Слава нам!

Город Храброго встречает,
Город гимн поет ему

И с поклонами вручает
Шаровары и чалму.

Тишина на поле сечи,
Таает огонь, стихает гром,
Словно знамя, номер «Речи»
Гордо реет над вождем.

Манифесты... приказанья...
Звон оружия... денег звон...
И обрядом обрезастья
День победы завершен...

В Петрограде ж бестолково
На Жуковской рой кадет
Рыщет, ищет Милюкова,
Но... увы... простыл и след!
Нет кадета Милюкова,
Есть султан Абдул-кадет!!

Апрель 1917

442. МУЦИЙ ИВАНОВИЧ ГУЧКОВ

Когда я родину мою
Узрел у топи на краю,
Я громко крикнул, полн боязни:
«Стой, дорогая, не увязни!
Назад!.. Куда тебя несет?
Ведь засосет!»

Когда ж я вновь увидел ныне
Ее по горло в лютой тине,
Не стал я попусту кричать, —
Что непослушных выручать! —
А лег на бархатную травку
И поспешил подать в отставку,
Чтоб избежать подобным родом
Ответственности пред народом!

Май 1917

443. БУРЖУАЗНАЯ ГАЗЕТА

Пять человек — Враль, Трупиков, Отпетый,
Мерзавкер и Жулье — прилежно, день за днем,
Публичным занимаются враньем
И вкупе называются — *газетой*.

Поистине, их следовало б высечь
И выставить потом к позорному столбу,
Но на челе их грозное табу:
Подписчики и розница 100 000!

Попробуйте-ка, троньте хлебодаров, —
Такой ли будет рев, что боже упаси:
Знай поскорее ноги уноси
От града сокрушительных ударов!

Пять человек — Враль, Трупиков, Отпетый,
Мерзавкер и Жулье — прилежно, день за днем,
Баранье стадо пичкают враньем
И вкупе называются — *газетой* . . .

Ко мненьям их прислушиваясь жадно,
Баран живет враньем передовиц:
Прикажут, и лежит пред Иксом ниц,
Прикажут — ненавидит беспощадно.

Подбором фактов, тонким и умелым,
Как будто тьмой паучьих веретен,
На диво и убит и оплетен —
Бараний мозг с бараньим вкупе телом!

Пять человек — Враль, Трупиков, Отпетый,
Мерзавкер и Жулье — прилежно, день за днем,
Публичным занимаются враньем,
И это называется — *газетой*.

(Июль 1917)

444. ШКУРНЫЙ ВОПРОС

Духовенство высказалось самым решительным образом против отделения церкви от государства.

Что надобно для веры?

«Огонь сердец. . .»

Химеры!

Казенный нужен кнут,
Дабы пасомых стадо
Страшилось пуще ада
Иноцерковных блюд!

Что надобно для веры?

«Любовь к творцу. . .»

Химеры!

К попам потребен страх.
Попробуй-ка, изверься,
Впасть в «дьявольскую ересь» —
Сгниешь в монастырях!

Что надобно для веры?

«Жизнь во Христе. . .»

Химеры!

Важней всего оклад,
Дабы чинуш от ряски
Начальству строил глазки
И пел с начальством в лад!

(Июль 1917)

445. ОБЫВАТЕЛЬЩИНА

Иван Иванович недоволен:

«Ну да, я цел, я сыт, я волен,
Меня не смеет уж никто
Гноить годами ни за что
В зловонной камере острога, —
Мне всюду вольная дорога,

Над обреченной головой
Уж не стоит городской!
Да, былью стали небылицы,
Но... между прочим, почему
На лучших улицах столицы
Проходу нету никому?
Повсюду сор, бумажки, семя,
Что шаг — галдящий изувер;
Пускай у нас иное время,
Но... где же милиционер?!

Как позволяет он торговке
Сидеть с корзиной у дворца
Иль этой латаной поддевке
Громить правительство с крыльца?
Ведь это ж мерзостно и гадко.
Цыганский табор на мосту!
Где вы, блюстители порядка?
Заснули, что ли, на посту?!
Иль вот еще — свобода слова...
Я понимаю, это — плюс,
Порядка нового основа:
Да сгинет гнет цензурных уз!
Но... всё же, сеять стачек семя,
Звать к примененью крайних мер!..
Ну да, у нас — иное время,
Но... где же милиционер?!

Как позволяет он открыто
Писать о мерзостях войны?
Как не препятствует сердито
Критиковать вождей страны?
Где меч спасительной острастки,
Шлагбаум твердого пути?
Зачем газетчик — не в участке?
Редакторы — не взаперти?
Не на костре листков беремья?!
Не под цензурой изувер?!
Пускай у нас иное время,
Но... где же милиционер?!

(Июль 1917)

Съехалось, сражается
Чудо-совещание;
Пуще разъезжается
Треснувшее здание!

Сентябрь 1917

447. «ПОНЕДЕЛЬНИЧНАЯ» ГАЗЕТА

Шарж

В передней сторож в голубой сорочке,
Медлительный, растрепанный субъект.
Поэт за столиком подсчитывает строчки
И весь ушел в истрепанный комплект.

Фельетонист, разделавши Лассалья,
Берне и Гейне кстати прохватил,
Ввернул рекламу модной этуали
И на восьмой строке мечтательно почил.

В соседней комнате издатель, шеф конторы,
Выводит вензеля у вымытых окон.
Из пальца хронику добыли репортеры
И истерически терзают телефон. . .

Звонок. . . Принес статью профессор Монументов
О хлебе, о дровах и размноженьи мух,
Уныло говорил о вольностях студентов,
И вдруг пришел актер бранить за ложный слух. . .

Бранился два часа. . . Ругался «желтой прессой»,
Редактору сказав: «Однако вы нахал. . .»
Ушел. . . Потом пришли четыре поэтессы, —
В критической статье их критик обругал. . .

По объявлениям аптекарь внес натурой, —
Прислали: спирт, духи, одеколон. . .
Лирический поэт занялся корректурой,
А хроникер закончил фельетон.

(Октябрь 1917)

448. К СЪЕЗДУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Что это?
Съезд народных печальников —
Земских начальников,
Или в курских болотах
Собрание «Любителей псовой охоты»,
Или, беги и страшись, человече,
Кишиневское дворянское вече. . .

Нет. . . Это мудрые сеятели,
Общественные деятели
Съехались, повздыхали, поохали
О том, хорошо ли, плохо ли
Вышла в России революция,
А кадет с видом Конфуция
Мрачно сказал: «Жду. . .
Имейте в виду —
Мы умыли руки. . .»

Под шумок некий Вавила,
Громила,
Рыгнул свирепо: «Жжиды. . .
Ждите беды,
Снегом покроет долины
Пух еврейской перины. . .»
Но тут Родзянко изрек,
Звякнув в звонок:
«Экий вы непоседа,
Быть вам без обеда. . .»

Затем слегка клеветали,
Плюнув на власть, притоптали,

Сказав: «Нет власти
Без дельцов вороной масти,
Без земской стражи.
Доколь ждать? Когда же...»

Один сказал: «Без изъятия
Выйдем на улицу, братья,
Иначе счастья не ведать»...

Вышли —
И поехали в «Прагу» обедать.

Съехались сеятели,
Общественные деятели,
Повздыхали о петле
И об охранке,
Есть ли, нет ли? .
Без них — конфуз...

Что это? «Союз»?
Или «палата Михаила»...
Родзянко?

Октябрь 1917

449

На опрокинувшемся троне
Мятеж улегся, смел и груб.
И чернь веселая хоронит
Колосса рухнувшего труп.

Орлов растоптаны останки. . .
А царь в вагонное окно
Прочел на скучном полустанке
Слегка насмешливое: «Дно».

Март 1917

450. МОНУМЕНТ

Враг кумиров, вольных даней
Не ношу им всё равно. . .
А из питерских ваяний
Всех забавней мне одно:

Туша-всадник, конь неловкий,
Бронзы — целый капитал!
Две приезжие поддевки
Озирают пьедестал.

Смотрят вверх, дивятся хмуро,
О минувшем говоря. . .
Грозно высится фигура
Предпоследнего царя.

На чугунной кобылице
Между питерских громад
Виды видевшей столице
Он показывает зад.

Грузный конь под масть громадам,
Грузен корпус седока:
Мол, задавим конским задом
Всю Россию, как жука!

Затевали панегирик —
Вышел вылитый памфлет,
И, увы, любезный лирик,
Здесь тебе поживы нет.

Бред мечтательный наруша,
Всей поэзии в контраст,
Эта будничная туша
Настроений не создаст.

Вишь, уперся в бок свой локтем,
Давит стремя груз ноги.
Так и ждешь: запахнут дегтем
Тихоходы-сапоги.

Дрема знойная от тела,
Особливо — жарким днем,
И одежда пропотела
Мешковатая на нем.

Царь-урядник — ужас пашен. . .
Эка глыба! Экий рост!
А ни малости не страшен —
Сразу видно: ух, как прост!

«Не бессмертная громада! —
Счет поддевки подвели. —
Их, вчерашних, нам не надо,
Коли нынешних смели!»

Июнь 1917)

Свободы путь тернист и труден:
В трамваях давка... запах вин...
Меж нами: груб наш простолюдin!
Но я, конечно, гражданин!

Я друг республики... отчасти!
Я не мечтатель. Как-никак
У нас нельзя без твердой власти.
Вот отменили твердый знак!
Чего же ждать? Свобода слова,
А нету букв. На миг один
Мне б повидать городского!
Но вообще я — гражданин.

(Июнь 1917)

452. «ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ»

Ученые учились не вотще --
Да устыдится неучей орава! —
Что значит право, право вообще?
Что значит избирательное право?
Политика ясна для простаков,
Но думает иначе Маклаков.

Нет, не спеша зачислиться в Панглосы,
Он трудностей предвидит всяких рать.
Позволить ли немому избирать,
Чтоб голосом владел и безголосый?
Всем голосам дать равные права
Иль принимать шаляпинский — за два?

А голоса сиамских близнецов?
Особых благ не видя в споре бурном,
Он тут поспорит. Как? В конце концов,
Их допустить пришлось бы дважды к урнам!
Кто говорит: политика легка?
Ох, тяжела ты, шапка знатока!

В начале бе сенатская печать —
Сей принцип тверд в законнике исконном.

Он не шутя намерен обвенчать
Шалунью революцию с законом:
В легальности — успеха лишний шанс...
Кто говорит что это — мезальянс?

Законный брак покроем прегрешенья,
Хоть «молодой» бесчисленны вины:
Ведь вся она — законов нарушение,
И даже — «нарушение тишины»!
Но если власть верховная признала
Весь этот шум — в нем нету криминала.

А впрочем... впрочем, всех благодарю!..
Я умилен — и мне не до курьезов...
Из прав своих крупницу дать царю
Решает умиленный Водовозов.
Царит закон. Но сфинксы над Невой
Скептически качают головой.

(Июль 1917)

453

Проказник бунт! Лихому сорванцу
Неведомо искусство грузных жестов.
Надменность византийских манифестов
Свободе моложавой не к лицу.

Не стяг, а флаг. Не знамя, а плакат.
Простой язык без «оных» и без «коих».
И в пышных императорских покоех —
Провинциальный адвокат.

Июль 1917

454. ДОРОЖНОЕ

Сквозь болотные туманы
Пробирается страна.
Ждет-пождет, как оной манны,
«Ближних» выборов она.

Труден путь. Не слишком бойко
Поспешает тройка-Русь.
Ах, куда ты мчишься, тройка, —
Догадаться не берусь!

То кружишь, пути не зная,
То пред Думой ров глубок,
То, на горе, пристяжная
По-кадетски тянет вбок. . .

Что-то слышится родное
В новых песнях ямщика, —
Точно «тпру» очередное
Из кадетского ЦК.

Ни езды, ни «твердой власти». . .
И, почуяв поворот,
Сотни мосек черной масти
Голосят из-под ворот!

(Август 1917)

455. ПЕСЕНКА О ГЕНДЕРСОНЕ

Друг влиятельных персон,
Принят в высшем свете,
Был министром Гендерсон
В дружном кабинете.

Враг беспочвенных химер,
Орган строгих правил,
Прочим нациям в пример
«Таймс» министра ставил:

Мол, примерно поступаай. . .
В чаяньи идиллий,
«Это, дети, мальчик-пай», —
Взрослые твердили.

Что ж неожиданно гнев персон
Вспыхнул, словно Этна?

Тихий мальчик, Гендерсон
Вырос незаметно!

Стал на нянюшек роптать,
Брать без спроса книжки. . .
«Мне, — буянит, — не под стать
Детские штанишки!»

Идиллических картин
Не приемлет мода:
Он, отвергнув фосфатин,
Просит. . . виски-сода!

Словом, мальчик входит в роль.
Даже жаль бедняжку. . .
Мальчик, вреден алкоголь!
Мальчик, кушай кашку!

Но недавний фаворит,
Нянюшкам в отместку,
«Затеваю, — говорит, —
Дальнюю поездку».

Полно, мальчик! Не таю,
Выехать не штука,
Но. . . тебя в чужом краю
Съест сердитый бука.

Мальчик скверен — вон из рук,
Мальчик не сконфужен:
«На границе много бук,
Значит, паспорт нужен».

.

Всё проходит, аки сон,
Наша песня спета:
Был когда-то Гендерсон
Членом кабинета!

(Август 1917)

456. «РУЧНАЯ» РАБОТА

У врат старинного Кремля,
Где резолюции летели,
Об единении моля,
Стоял товарищ Церетели.

Он только к общности взывал,
И взор являл живую муку,
И с чувством Бубликов пожал
Его протянутую руку.

Но с тайным холодом в крови,
Сарказм скрывая сатанинский,
О платонической любви
С усмешкой думал Рябушинский.

Забыв кадетскую науку,
Смутив порывом бурный зал,
«Прими, мой друг, на счастье руку!» —
Как в песне, Бубликов сказал.

Но в «шаге» рук не видя шанса
На шаг к сближенью бурных сил,
«Слова немодного романса!» —
Кадетский лидер возгласил.

Между 13 и 18 августа 1917

457. СМОТРИНЫ

День смотрин — на лад старинный
Новой жизни тяжкий крест —
Хлопотливые смотрины
Политических невест.

Гражданин республиканец,
Присмотритесь! Сколько их —

Богатеек, бесприданниц
И хороших и плохих!

И чистехи и неряхи,
И с грешком и без грехов. . .
А плакаты, точно свахи,
Зазывают женихов.

Яркость слова, сила жеста —
Всё в ходу. На разный лад
Завлекают: «Не невеста —
Настоящий мармелад!»

Нежность, лесть, насмешек стрелы —
Всё на гибель простаков,
Вот приданым (Дарданеллы!)
Обольщает Милюков.

Чтя свободу своеюравно,
Разошлась — гласит молва —
С монархизмом лишь недавно
Эта партия-вдова.

Тень на прошлом — брак таковский. . .
Вот, надеждой воспарив,
Хочет Бубликов-Московский
Свой использовать порыв.

Сколько жестов необычных!
Сколько ждущих женишка —
Полнокровных, анемичных
И. . . подкрашенных слегка!

Гражданин республиканец,
Ради счастья с «молодой»
Не польститесь на румянец,
Не испытанный. . . водой.

Между 13 и 20 августа 1917

«Читали? Вежливая «Речь»
 Всерьез решила уберечь. . .»
 — «Конечно, Русь от заговора?»
 — «О нет, — последний от позора! . . .»

Между 19 и 25 августа 1917

459. ПОЧТИ БИБЛЕЙСКОЕ

Предпарламент, по словам «Русской воли», должен явиться заменяющим дом легким сараем, палаткой, лишь бы укрыться от дождя!

Скучно! Сеет, как из сит.
 День какой-то куцый.
 Монотонно моросит
 Дождик резолюций.
 Всё смешалось. Ералаш.
 Музыка знакома!
 Легкий временный шалаш
 Строим вместо дома.
 То ль бывало на уме?
 Впрочем, строим бойко.
 То-то вырастет к зиме
 Дачная постройка!
 Чьих-то доводов картечь
 Воеет заунывной, —
 Мол, а если в крыше — течь?
 Милуй бог от ливней!
 Мне, ей-ей, не по душе
 Карканье Сибиллы:
 «С милым рай и в шалаше, —
 Был бы только милый!»

Сентябрь 1917

«Финал?»

— «Чудесные дела:

Гора мышонка родила».

— «Мышонка только лишь? Быть может.

Я совещанья не виню,

Но... вдруг «мышонок» нам подложит

Традиционную «свинью»?!

23 сентября 1917

461. МАРСЕЛЬЕЗА ОБОРОНЦЕВ

Отречемся, друзья, от марксизма,
От программы своей навсегда!
Нам дороже кумир шовинизма,
Чем идея о братстве труда.

Вставай, подымайся, эсдек-патриот,
Вставай на врага-иноземца
И бей пролетария-немца.
Вперед, вперед, вперед!

Так кричат сам Георгий Плеханов,
Гендерсон, Биссолати и Гед,
В Государственной думе Бурьянов
Подпевает им дружно в ответ:

Вставай. . .
и т. д.

Мы пойдем к буржуазным собратьям,
К Милюкову пойдем в комитет,
Капиталу откроем объятья,
Возглашая наш новый завет:

Вставай. . .
и т. д.

Не беда, что трудящимся мира
На словах мы приветствия шлем:

Не в словах ведь, а в действиях сила!
Голосуй за гучковский заем.

Вставай. . .
и т. д.

1916, 1917

462. БЕЗРАБОТНЫЙ

Г. А. Алексинский, состоявший до последних дней в составе сотрудников «Русской воли», обратился в Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов с предложением своих услуг.

«Дельца», № 36

В декабре
При царе,
«Бывшем» Коленке,
Я писал,
Напевал
«Русской воленьке»,
Чтоб помог
«Воле» бог
Быть заступницей
Богачей,
Палачей —
Челобитницей.
Но прошли,
Утекли
Те заботушки,
Я хожу
И тужу:
Нет работушки.

Между 17 и 27 апреля 1917

463. ВОЯКИ

Керенский распорядился выдать
пятьсот штук ружей первому жен-
скому полку.

«Русская воля»

Есть винтовки, есть и пушки,
Есть гранаты и штыки.
Есть и воины-старушки. . .
Только свистнуть — и полки.

⟨Июль 1917⟩

464. ЛЕВОЙ! ПРАВОЙ!

Бывшему министру юстиции Ше-
гловитову разрешено читать журналы
«Право», «Юридический вестник» и
другие юридические издания.

«Русская воля», № 136

Дай-ка выпишу я «Право»
И начну читать с рассветом,
Чтоб заделаться кадетом. . .
Щегловитов: левой! правой!

Курс кадетский хоть и трудный,
Но зато увенчан славой.
Проходил его Зарудный. . .
Щегловитов: левой! правой!

Сдам экзамен чрез недельку, —
Закричат кадеты «браво»,
В милюковскую купельку
Щегловитов: левой! правой!

Между 7 и 15 августа 1917

465. БРАТАНИЕ

В Швейцарии на днях происходил тайный съезд австрийских, французских, германских и английских финансистов для обсуждения условий мира.

Из газет

Чтоб за позорную войну
Рабочим в плен не сдаться,
Тайком в нейтральную страну
Явились мы брататься.

Для нас отечество — овца,
А родина — коровка.
От первой — шерстка для купца,
Второй — сырку головка.

Пускай дерутся бедняки
И все социалисты,
Но не такие дураки
Акулы-финансисты.

Чтоб за позорную войну
Рабочим в плен не сдаться,
Тайком в нейтральную страну
Явились мы брататься.

Август 1917

466. ПОПОВСКИЙ МАНИФЕСТ

Церковный собор обращается с особым посланием к рабочим, умоляя их от имени церкви отказаться от классовой розни.

Из газет

Чтоб не попасть в котлище ада
И в руки злого сатаны,
И день и ночь молиться надо
За продолжение войны.

Войну попы благословили,
А ваше дело — продолжать
Друг друга слепо убивать,
Чтоб богачи привольно жили.

⟨Сентябрь 1917⟩

467. ЧАСТУШКИ

Соглашательский азарт
Факт, а не утопия. . .
Был в Париже Бонапарт,
В Петрограде — копия.

Голосок я слышу женский,
То поет эсерочка:
«На окраинах — Керенский,
А на Невском — Керочка».

Средь рабочих разных стран
Ширится движенье,
Даже русский Либердан
Терпит поражение.

Несмотря на вой и крик
В уличных газетах,
Побеждает большевик
В Думах и Советах.

Сентябрь 1917

468. СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.

Кроме этой шапочки, доставшейся кадету,
ни черта в нем красного не было и нету.

Услышит кадет — революция где-то,
шапочка сейчас же на голове кадета.

Жили припеваючи за кадетом кадет,
и отец кадета, и кадетов дед.

Поднялся однажды пребольшущий ветер,
в ключья шапчонку изорвал на кадете.

И остался он черный. А видевшие это
волки революции сцапали кадета.

Известно, какая у волков диета.
Вместе с манжетами сожрали кадета.

Когда будете делать политику, дети,
не забудьте сказочку об этом кадете.

(Июль 1917)

Нетрудно, ландышами дыша,
 писать стихи на загородной дачке.
 А мы не такие.
 Мы вместо карандаша
 взяли в руки
 по новенькой тачке.
 Господин министр,
 прикажите подать!
 Кадет, пожалте, садитесь, нате.
 В очередь!
 В очередь!
 Не толпитесь, господа.
 Всех прокатим.

Всем останется — и союзникам, и врагам.
 Сначала большие, потом мелкота.
 Всех по России
 сквозь смех и гам
 будем катать.

Испуганно смотрит
 невский аристократ.
 Зато и Нарвская,
 и Выборгская,
 и Охта
 стократ
 раскатят взрыв задорного хохота.

Ищите, не заваялась ли какая тварь еще?
 Чтоб не было никому потачки.
 Время не ждет,
 спешите, товарищи!
 Каждый берите по тачке!

Лето 1917

470. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БАСНЯ

Петух однажды,
дог
и вор
такой скрепили договор:
дог
соберет из догов свору,
накрасть предоставлялось вору,
а петуху
про гром побед
орать,
и будет всем обед.
Но это всё раскрылось скоро.
Прогнали
с трона
в шею
вора.

Навертывается мораль:
туда же
догу
не пора ль?

Между февралем и октябрем 1917

471

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй.

Сентябрь или октябрь 1917

472. РОМАНОВСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, опальный мой царевич,
Баюшки-баю,
Кротко смотрит Пуришкевич
В колыбель твою.

Скоро выйдем на свободу,
И в родном краю
Скрутим руки мы народу,
Баюшки-баю!

Революции опасной
Плещет грозный вал,
Но Плеханов не напрасно
Точит свой кинжал.

И Родзянко ради драки
В тепленьком углу
Записал себя в казаки —
Воевать в тылу.

И отец твой, храбрый воин,
Не снесет обид.
Спи, младенец. Будь спокоен —
Вся Россия спит.

Поведет Корнилов войско,
Юнкеров лихих,
Из Сибири, из Тобольска
Выручит своих.

Стану я молиться богу,
Чтоб господь помог,
Дам тебе я на дорогу
Гришкин образок.

Чтобы нас народ несчастный
Помнил на Руси —
Ты, пускаясь в путь опасный,
Розог припаси.

А наденешь эполеты,
Помни мать свою, —
Да помогут нам кадеты,
Баюшки-баю.

Конец августа 1917

473. О КОРНИЛОВЕ

Пусть в деле Корнилова нелице-
приятный суд найдет грань между
большевизмом и государственностью.

«Речь»

Наш Корнилов-генерал
И смышлен и хитер,
На германца наступал,
А попал на Питер.

Объявил старик войну
Всей демократии.
Отдал Ригу и Двину,
Продав пол-России.

Эй, казаки, не мешай!
Сторонись, пехота!
Разгорелась душа,
Знайте «патриота».

Возле Питера коней
Горцы придержали. . .
А в Тобольске калачей
С нетерпеньем ждали.

Зажурился наш капрал, —
Плохо быть «героем»,
И в столицу генерал
Едет под конвоем.

А за ним его «орлы»
Нехотя плетутся. . .
«За решетку!», «В кандалы!» —
Крики раздаются.

Поумерим нашу прыть.
(Барин-то ведь знатный)!
Будет суд его судить
Нелицеприятный!

Между 30 августа и 10 сентября 1917

474. МОИ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ

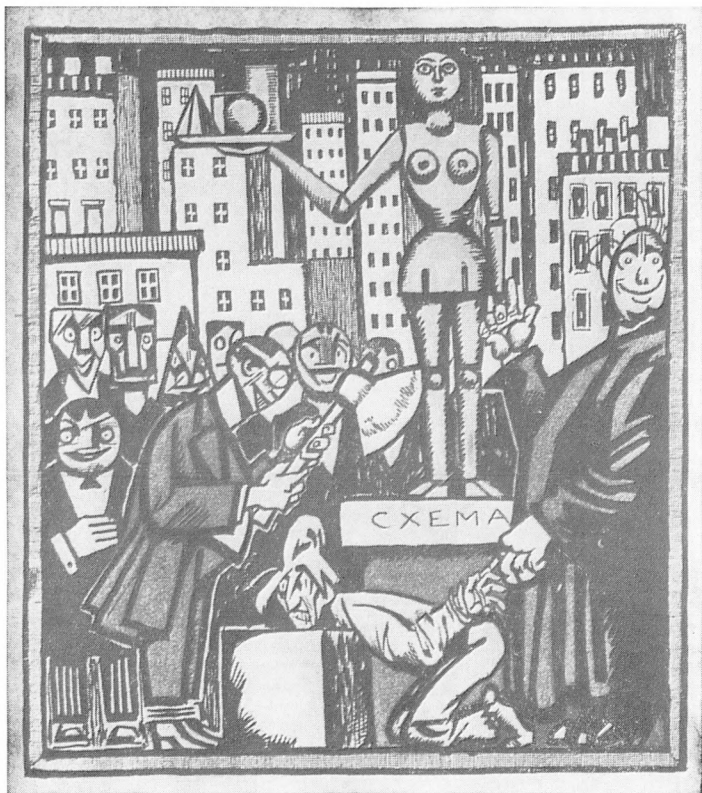
Я желал бы, чтобы даром
В жизни труд мой не пропал,
Чтоб слепой судьбы ударом
Я сраженный не упал.

Я желал бы (без сомненья,
Всем законам вопреки),
Чтоб столпы «благотворенья»
Не втирали нам очки.

Всем, кто давит люд рабочий,
Помыкает мужиком,
Я желал бы доброй ночи
За решетчатым окном.

Я желал бы, чтоб с амвона
Блеском золотых церквей
Толстый поп перед иконой
Не морочил бы людей,

Чтоб заведомым обманом
Мужиков он не мучил,

СОЛОВЬИ

НАШИ ДНИ

ЖУРНАЛ
ПРОЛЕТАРСКОЙ
САТМРЫ

Ваша охрана и революция мертв.
Дом этой последней охранности, охраняет В. Малевич.

Идет, пролетарский заводничий,
Вся мила голодная и работ.

Чтоб голодным прихожанам
Он всю правду говорил.

Трудовому же народу
Я желал бы поскорей
Вырвать светлую свободу
Из заржавленных цепей.

Я желал бы черной сотне
Вместе с батюшкой-царем
Заложить все подворотни
И заснуть могильным сном.

(Октябрь 1917)

475. О СТАРЦЕ ГРИГОРИИ И РУССКОЙ ИСТОРИИ

Сказка наших дней

Не для сплетен, не для шуток,
Не для бойких прибауток,
Не для смеха и укоров,
Не для толков, не для споров
Мы писали эту сказку —
Мы писали эту сказку,
Чтоб вогнать злодеев в краску.
Те, кто злы, те будут злее,
Ну а это нам милее.
Долго нам жилось сурово,
А теперь за нами слово, —
Ну-ка душу нараспашку;
Не за злато, не за ласку
Мы расскажем эту сказку
И про Гришку, и про Сашку,
И про шелкову рубашку. . .

Мимо Волги и Урала,
Верст за тысячу, немало
Путь уходит в даль и ширь,
Во студеную Сибирь.
Там, в одном краю убогом,
Во краю, забытом богом,
Против неба на земле,
Жил малец в одном селе.
Паренька крестили Гришей,
В детстве был травы он тише,

Но зато к восьми годам
Вышел парень просто срам:
Что ни день, то суматоха, —
Всё, что ни лежало б плохо,
Всё, что вора вводит в грех,
Гришка тащит прежде всех.
С парнем просто плач и смех.
Вырастал мальчонка хватом,
Били скалкой и ухватом,
Извели на розги лес —
Парень вьется, точно бес.
Воет, день лежит, как пласт,
Ну, а спуску всё не даст,
Не берет его и мор,
Вот каков растёт Егор.
Так растёт в деревне Гришка,
Ловкий парень и плутишка,
Про него отец сказал —
Пусть растёт, покуда мал,
Поприбавят годы ум, —
И растёт малец без дум.

Этим временем в столице
Слали свата к важной птице,
И послы собирались станом
Ко заморским басурманам.

У немецкого царишки
Десятины две землишки,
Дом, жена, солдат и псарь —
Словом, чем тебе не царь?
У немецкого царишки
Вырастала дочь на вышке,
Звали эту дочь Алисой.
Был царишка хитрый, лысый;
Стал царишка размышлять,
Как бы замуж дочку сдать;
У него соседи были
Все в долгу, как кони в мыле,
Где их сан и где их прыть —
Как жену им заводить.

Скучно в терему Алисы,
Под полами ходят крысы,
Стали думать да гадать,
Как бы нá ноги ей стать. . .
А в немецком государстве
Ходит слух о русском царстве:
Хорошо-де там живут —
Что ни день, то масла пуд,
Есть и золото, и камни.
«Вот бы, батюшка, туда мне», —
Говорит Алиса раз,
И отсель пошел рассказ.

Пишет грамоту царек
На далекий на восток.
Пишет грамоту в углу
Ко немецкому послу:
«Помоги, сосватай дочку,
Износились все сорочки,
Скучно дома. . . Плохо мне
В нашей Гессенской стране.
Слух идет и в нашем барстве,
Хорошо-де в русском царстве,
В этом царстве у царя
Сын не женится, и зря. . .
Сослужи, дружок, услугу,
Предложи ему супругу».
Раз, два, три, четыре, пять —
Царь выходит погулять,
Велико царя наследство,
Только сын ушиблен с детства —
Беден смыслом и умом
И позорит царский дом;
Мало спит и много пьет,
Знать, не знает он забот,
Бросил царскую перину
И содержит балерину.
И решил российский царь
Поступить, как было встарь:
Сына он решил женить,
Чтобы сбить лихую прыть;

Знает он — в одной стране,
На далекой стороне,
Принцев будет целый лес
И хоть пруд пруди принцесс.
Вот решает царь со зла
Звать немецкого посла.
Так случилось это дело,
Всё решили сразу, смело,
Был посол хороший гусь
И привез Алису в Русь.
Александрой окрестили,
Обвенчали, окрутили, —
Мужу что. . . И ночью, днем
Балерина всё при нем.
Сговорившись еле-еле,
Так на трон и оба сели,
И сидели дни и годы
Без кручины и невзгоды. . .

Много было разных бед,
Не пропал от них и след,
Но, как кустик олеандра,
Без тревоги и печали
Николай и Александра
На Руси цвели вначале.
Жили мирно, ели сладко,
Выезжали для порядку, —
«Коли царь — сиди да пей»,
Где ни плюнь — везде лакей.
Кто их выше по уму,
Тех упрятали в тюрьму.

Ну-ка, люди-грамотеи,
Сократим свои затеи.
Что нам город городить,
Шутки в сказочке шутить,
Нужно делать дело нам, —
Мчится сказка по волнам,
Точно лодка без причала,
Так воротимся к началу.

Не забыли вы про Гришку,
Про веселого мальчишку,
Что в далекой во Сибири
Волю дал калмыцкой шири
И тащил, покуда малый,
Всё, что плохо ни лежало.
Гришка вырос, стал смышлен, —
Гришку дома гонят вон:
«Не сиди у нас на шее».
И скажу вам по душе я,
Очень всем он надоел
По причине разных дел.

Май... Весна... Запели пташки,
В Гришке новые замашки —
Возле девок, точно вьюн,
Вьется парень, свеж и юн,
Не пропустит мимо бабы;
Те народ, известно, слабый —
С жару даст локтем в висок,
А потом придет в лесок...
Ну, иная, та со злости
Зазывала Гришу в гости
И будила мужа сдуру,
И спускали Грише шкуру.

Долго думали, гадали —
И жену Егору дали,
Поженили. С этих пор
Присмирел слегка Егор,
Стал грешить, но втихомолку,
Чтоб никто не видел в щелку,
Чтоб не били бы ухватом
На потеху разным хватам.
Но в один печальный миг
Злой удар его постиг —

Это было темным делом,
То ли случай был с наделом,
То ли видел месяц ясный,
Кем петух был пущен красный,

То ли дело в конокраде —
Знайте сами, бога ради,
Только в ночь, как села мгла,
Вышел Гришка из села
И пустился по дороге;
Как несли беднягу ноги. . .
То в сенях, а то за возом,
То вдогонку за обозом
Потрусил смиренный Гриша,
Где в кустах, а где под крышей,
Где в деревне под амбаром
Ночевал Григорий даром,
Шел в Россию из Сибири
Поглядеть, что слышно в мире.

Много ль времени аль мало
С той поры уж пробежало,
Я про это ничего
Не слыхал ни от кого.
Только шел Григорий долго,
Перешел зимою Волгу;
Шел, ругая бездорожье,
Поминая имя божье,
И в Москву, во стольный град,
Прибыл, точно на парад.

Ходит Гриша по столице,
Видит были, небылицы,
Видит храмы и дворцы,
Ходят бабы да купцы;
Ходят штатские и баре.
Весь народ как на пожаре;
Над церквами звон гудит,
Гриша ходит да глядит,
И решил: из всей толпы
Лучше всех живут попы.

Видит Кремль. . . Таков обычай,
Видел дом митрополичий,
Ткнулся он было к воротам,
А за первым поворотом

Часовой. . . В руках винтовка.
«Малый. . . Здесь ходить неловко».
Всё Егору опостыло,
Он ушел, сказав уныло:
«Хоть пали, хоть не пали там —
Буду я митрополитом».

С детства Гришка думал вволю
И хвалит попову долю —
Есть и домик и земляшка,
Деткам есть на молочишко.
Есть и хлеб в годину злую,
Знай тyani нам «аллилуйю»,
Тычь перстом почаще в небо
И собирай себе за требы.

Был он кой-чему научен
И к работе не приучен,
Осмотрелся хитрым взором,
Пошатался по соборам,
Пораздумал, огляделся,
Победнее приоделся
И на паперть, в божий храм,
Стал являться по утрам.

Так просил он ради бога;
Подавали, но не много —
Нынче в людях веры нет,
Изменился божий свет.
Из себя был Гриша видный,
Было малому обидно,
И решил он: «Как ни глянь,
Видно, дело будет дрянь,
Надо дело подходней,
Впрочем, всё в руке господней,
Бабе путь открыт в кликуши,
Сопричислят в божьи души,
Попадет к попам в покои,
Там винцо и всё такое. . .»

Слышал Гриша о блаженных,
О покойниках нетленных,

Знал их дивные спасенья,
Их святые исцеленья,
Знал про то, как те вещали
Гласом, точно из пищали,
О грядущем зле и бедах,
И бывали во беседах,
И вели с царями спор,
Изрекая им укор.

И решил однажды Гриша,
Простояв в церковной нише
В стужу лютую, в мороз:
«Не для этого я рос,
Чтоб стоять здесь до заката;
Я и сам — ума палата,
И какой во мне порок,
Чем я тоже не пророк?
Помудрю да принатужусь
И скажу, да так, что ужас,
Не найдет в дому дверей
Самый хитрый иерей».

Как сказал он, так и сбылось.
И молва волной катилась:
У Николы в краткий срок
Объявляется пророк,
Из себя еще не старой,
Не пугает божьей карой,
А такую речь ведет,
Будто ложку меда в рот.
И пошли о Грише слухи,
Бабы лезут, точно мухи,
Старец мед и мармелад —
Слову ласковому рад,
До того приятен бабе —
К той прижмется на ухабе,
С этой молится вдвоем
И залется соловьем...

Как пошла о Грише слава,
Поднялась попов орава:

«Кто такой. . . Какое право. . .
Может, штунда или хлыст? . . .»
И попы дрожат как лист;
Попугали Гришу адом,
Дали знать, куда им надо;
«Тоже, всякий свинопас
Отбивает хлеб у нас».

Шли часы и шли недели,
Люди жили, ели, ныли,
Сказке верили, не были. . .
«Ну и время, просто срам,
Встать бы разом. . . Где уж нам. . .»
Встанут утром спозаранку,
Плунут — вспомнят про охранку,
Боком взглянут на иконы,
Всюду ходят фараоны,
Охраняя каждый пост,
Заушая в гриву, в хвост. . .

Так приятно жили люди,
Помышляючи о чуде,
А по мраморным палатам,
Позабыв о годе пятом,
Ходит Коля-Николай,
Разоряя целый край.

И почтенная царица,
Вдохновляясь, точно жрица,
Окружив себя попами,
Иерархами-столпами,
Извиваясь и дрожа,
Стала из ханжей ханжа.
Ходит в церковь, бьет поклоны,
Создает сама каноны —
Не царица, а скорей
В юбке старый архирей.

Кто же в ней узнает немку
И Алису-чужеземку?
Только жаль, ее язык
К русской речи не привык:

На немецком диалекте
Рассуждает и о секте,
И о том, каков синод,
И какой у нас народ.

Между тем почтенный Гриша
Забирался выше, выше,
Был он малый крепких правил,
Уважать себя заставил,
От девиц не знал отбою
И доволен был собою.
С Гришкой спорят иерархи,
Рассуждают о монархе,
И вещает Джиоконда
Из столичного бомонда:
«Vous savez, ¹ простой мужик,
А такой приятный лик».

Так его открыла Анна,
Дама фрейлинского сана,
А открыв, к царице скок:
«Объявляется пророк —
В нем одном такая сила,
Что на многих насхватила,
Эта поступь, этот взгляд,
С ним не страшен целый ад».
Словом, лезет Гриша выше,
Красны дни пришли для Гриши,
И в столицу Петроград
Прибыл он, как на парад.
Едет он в почете, в славе,
Приближается к заставе,
Бьет поклон и наконец
Попадает во дворец.

По палатам Гриша ходит,
Всех собой в восторг приводит.
Гриша старец хоть куда —
И возшла его звезда.

¹ Вы знаете (франц.) — *Ред.*

Изрекает он словечки,
Дамы ходят, как овечки,
А потом наедине
Изнывают как в огне...
Велика у Гриши сила,
До того вещает мило,
Что кругом бросает в жар.
«Вот так старец — а не стар!»
И достойная Алиса,
Без любого компромисса,
С ним сидит и день и ночь,
День да ночь — и сутки прочь.

Завелась денюга у Гриши,
Дом в селе с узорной крышей,
Перевез детей и женку,
Пьет в салоне ром и жженку.
У самой графини И.
У него всегда свои.
Свет потушит, порадеет,
Тихой лаской обогреет,
А когда Григорий зол,
Изорвет в клочки подол.

Гришка едет на село,
Гришке очень повезло;
Говорят о нем в Сибири —
Нет важнее Гришки в мире.
Гришку знают города.
Но случилась тут беда:
Несмотря на гнев престола,
Гришку баба подколола.
Боже, что тут был за шум,
От забот кружится ум.
Повезли его в столицу,
Положили как в теплицу,
Лечат, холят, еле дышат
И о Грише только слышат,
И при нем всегда «сама»,
От тревоги без ума.

Только скоро грянул гром —
Зашатался царский дом;
Время дивное пришло,
И такое вышло дело,
Что царек с семьей родной
На кузена шел войной.
Русь пошла войной на Вилли.
Как друзья там ни судили,
А пришлось держать им речь
И поднять на друга меч.

В этот день во всей столице
Звали всех врачей к царице,
А царица рвет и мечет,
Напускается, как кречет:
«Дайте мне злодеев низких,
Что моих задели близких,
Что, затронув дядю Вилли,
С нашим царством в бой вступили;
Где они. . .» И запускала
В Николая чем попало.

Словом, так или иначе,
Толку нету в этом плаче,
Ни к чему ее протест,
И подписан манифест.
На Руси под бабий вой
Закипел кровавый бой.
Был в ту пору Гришка болен
И войною недоволен —
Беспокойства и хлопот
У царицы полон рот.

Так тянулись эти годы.
За войной пришли невзгоды,
На глазах у всей Европы
Крали царские холопы
И в стране гасили пыл
И смущали фронт и тыл.

Бились дни и бились годы
На два фронта воеводы,
Ну, а толку нет как нет,
Хоть сражайся десять лет.

А пока почтенный Гришка
Порешил: «Помрешь, и крышка.
Буду брать, что бог дает,
Что плывет мне прямо в рот».
Обнаглел, не зная меры:
«Во дворце моей все веры,
А царица — мил-дружок,
Может, я и впрямь пророк?»
Так он, Гришка, сударь мой,
Измывался над страной.

И предела Гришке нету. . .
Как бы сжить его со свету,
Думал в ставке не один,
И, увы, не без причин.
Гришка ходит нараспашку,
Носит шелкову рубашку:
«Вышивала мне сама,
Вхож я в лучшие дома;
Захочу — продам Россию,
Не слышали про Мессию?
Так Мессия — это я,
И вокруг страна моя. . .»

Всем в зобу дыханье сперло,
Сыты Гришкою по горло,
Подошел всему предел,
Так стране он надоел.
Но царя смешат укоры,
Коротки о Грише споры:
«Этот старец мне родной —
Вместе правим мы страной,
Ты святого не порочь,
Уезжай отсюда прочь».

И тогда собрались трое
В час один, ночной порою:

«Что слова? Конец расскажам,
Надо кончить дело разом,
Победом страну он ест,
Надо кончить — делу крест».
И случилось это ночью,
Все сошлись по полномочью,
Все собрались во дворец,
Где бывал «святой отец».
Гришка пьян уж был немало,
Дам хватал за что попало,
Лил мадеру на рубашку,
Говорил в хмелю про Сашку,
Про царя и про дворец,
А уж делу был конец.

Что там было, как там было,
Кто стрелял в лицо и с тыла,
Это нам не надо знать,
Только Гришке уж не встать.
Начал он хитро, не просто,
Кончил прорубью у моста,
Ястреб в тучах пролетал,
И ему конец настал.

Как Алиса убивалась,
Как на гроб его бросалась,
Возле Царского Села
Место гробу отвела:
«В мире нет ему замены,
Вот он мученик нетленный,
Без него покоя нет,
Опротивел целый свет».
Схоронили по закону,
Положили в гроб икону.
«Спи до радостной весны.
Александра и княжны».

А спустя немного дней
Русь была полна огней,
В каждом сердце — пыл отваги;
Заалели ярко флаги,

Змию вбили в спину кол,
Рухнул царственный престол.
Сгибло Гришино наследство,
Сгибли те, кто впали в детство.
Вот и сказочке конец —
Делу славному венец.

Март — апрель 1917

476. ДЕНЬ МИНИСТРА-ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Утром — восстание в Луге,
В десять — стрельба на Неве,
В полдень — волненья на Юге,
В два — забастовка в Москве.
Финны и Выборг — в четыре,
В пять — большевистский наскок
И отделенье Сибири.
В шесть выступает Восток,
В семь — заявление Рады,
В девять — Управы осада
И ультиматум каде.
В десять — конфликты, отставки
И полемический жар,
В полночь известья из ставки,
Взрыв и заводов пожар. . .
Так в сочетании быстром
Миги горят, как огни. . .
Да, хорошо быть «министром»
В эти великие дни!

Сентябрь 1917

477. ЭПИТАФИЯ «НОВОМУ ВРЕМЕНИ»

Спите, седые погромщики,
В жизни стяжавшие куш.
Спите, маститые взломщики
Юных, доверчивых душ.

Спите, почтенные сводники,
Вам ли теперь не истлеть?
Спите, льстецы и угодники,
Жадно лобзавшие плеть.

Спите, свободы хулители,
Вам не проснуться вовек,
В ваши пустые обители
Новый войдет человек. . .

Кончилась ваша идиллия,
Мирно истлеете вы. . .
«Здесь почивает рептилия. . .
Не обнажай головы!»

⟨Октябрь 1917⟩

478. «ПАТРИОТ»

Я стою за прочный мир
На основах права —
Нам проливы и Эпир,
Им — почет и слава. . .

Нам — Галицию и Львов,
Им — сознание долга,
Лишь в пределах сих основ
Мир продлится долго.

Только так Россия-мать
Примет вид обычный. . .
Кстати. . . как теперь достать
Паспорт заграничный? . .

⟨Октябрь 1917⟩

479. КАФЕ-ПЕССИМИСТЫ

По вечерам, в пылу азарта,
Они за столиком в кафе
Ждут не дождутся Бонапарта
И призывают Галифе.

Кричат: «Необходима спайка,
Иначе — гибель и разгром».
И утверждают, что нагайка
Порою действует, как бром.

И оттого пришла невзгода,
Что Русью правит санкюлот.
И столь хваленая «свобода»
Растлила армию и флот.

И что солдат, как вольный штатский,
Не отдает начальству честь.
Что вкусный «ростбиф по-казацки»
Им не мешало б преподнести.

И в дымном зареве пожарищ
Стране готовят тесный гроб.. .
От надоевшего «товарищ»
Бросает всякого в озноб.

Увы, не будет дней всеселых —
Их свет для нас навек потух:
Читали? В городах и селах
Гуляет пурпурный петух...

Как переливы бриллиантов,
Померкла радость на Руси...
Но о проделках спекулянтов —
Ни звука, боже упаси!

И страх в душе приемля велий,
Они, зовя в защиту плеть,
В кафе за вечер поправили,
Чтоб завтра больше поправеть...

(Октябрь 1917)

480. ИЗДЫХАЮЩИЙ ЗУБР

Я враг вчерашнего режима,
Я рыцарь завтрашнего дня —
Без принужденья, без нажима
К присяге привели меня.

Я не ропщу, не упираюсь,
И, не боясь порвать нутра,
Я вместе с прочими стараюсь
Кричать гражданское «ура».

Кричу, но трудно лезть из кожи:
Бросая клич свой в общий гул,
Я сознаю — порой похоже
Мое «ура» на «караул!».

Кричу: «Да здравствует свобода!» —
Но как-то дико самому:
Как за слова такого рода
Не волокут меня в тюрьму.

Клянусь я прошлого останки,
К свободе ревностью горя,
Но всё же страшно без охранки
И всё же жутко без царя.

Идя с народом шаг за шагом,
Я к страшным лозунгам привык,
Хотя порой пред красным флагом
Себя я чувствую, как... бык.

«Долой тиранов! ..» Глас мой зычен,
Но в сердце ропот, в сердце жуть:
Эх, надавать бы зуботычин
Да всем бы... глотку им заткнуть.

Земля и воля! .. Сладко внемлю
И мыслью: что за благодать...
Ах, только б фабрику и землю
Успеть мне вовремя продать.

Дремавших втуне сил излишек
Святому делу отдаю...
Возможно ль? Я — в толпе мальчишек
И «Марсельезу» я пою.

Не обойтись порой без грима...
Но обвинять ли в том меня?
Я враг вчерашнего режима,
Я рыцарь завтрашнего дня.

(Июнь 1917)

481. ИЗ «ЛИКОВ СОВРЕМЕННОСТИ»

Средний человек

Ряд волшебных изменений мило-
го лица.

1

Трачен молью, вечно с болю
То на сердце, то в боку,
Смутно склонен к богомолью,
Ясно предан кабаку.

Вечно пьяный, обуянный
То химерой, то хандрой,
Только в пошлости румяный,
Только в подлости герой.

Чуть овражек — путь уж тяжек,
А заляжет — сущий пласт.
Ради радужных бумажек
Небо с радугой отдаст.

При удаче — нрав собачий,
Пред угрозой — мягкий воск.
Ни холодный, ни горячий,
Модной глупости киоск.

Всем играя, всем марая,
Стонет, ищет без свечи
От желудка и от рая
Невозможные ключи.

Ликом бледен, сердцем беден,
Пялит в мистику глаза...
И невинности не вреден,
И пороку не гроза.

2

Лишь только завяли красные флаги,
Лишь только замолк пулемет —
В сознании долга, в порыве отваги
Он высунул нос из ворот.

Стоял он еще у парадного входа
Соседнего дома, и там,
Завидев несчетные толпы народа,
Святым предавался мечтам.

И были так ясны, так вдумчивы лики,
Так светлой надежды полны,
И сердце баюкали песни и клики,
Как ласки весенней волны.

Рассеялись тучи вчерашних сомнений,
Разгладились складки чела.
В душе он почувствовал зуд словопрений,
Под мышками — крылья орла.

Что площадь — то вече, что дом — то парламент,
Какой необъятный простор!..
И влек его в гущу людей темперамент,
Как полный бензина мотор.

3

Мелькнули недели, подобные летам;
Он видит кошмарные сны.
Дрожит его сердце. Он верит приметам
Грядущей гражданской войны.

Опять океан неприветливо вспенен,
Растут за валами валы.
Посмотрит налево — неистовый Ленин,
Направо — видение мглы.

Из уст вылетают лишь вопли да скрежет,
Он стал по-иному речист:
«Коль нынче случайный Марат не зарежет,
То вздернет потом монархист».

Мерещатся всюду лишь зло и напасти,
Свобода не так хороша...
И слезно взывает к низвергнутой власти
Залезшая в пятку душа!..

(Август 1917)

482. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯТКИ

Как только новые порядки
На родине моей настали —
О, чудо! наступили святки
И люди ряжеными стали.

Костюмы старого режима
Не стали гражданам годиться,
Всех повлекло неудержимо
В иное платье нарядиться.

Вся Русь по-новому одета,
Чертовски пестрый маскарад!
Погромщик принял вид кадета,
А кто теперь не демократ?

Республиканцем стал охранник,
Социалистом стал палач,
Зане тюремный хлеб — не пряник
И не калач.

1917

483. ДВА НИКОЛАЯ

Курс рубля страшно повысился.

Из газет

На Монетный двор в карете
Прикатив, средь пышных стай,
Раз увидел на монете
Николая Николай.

Не понравилась монета.
Задаёт он ей вопрос:
«Мой портрет, ты что же это
Так повесил кисло нос?»

И ответила монета:
«Чем твоя сильнее власть,
Чем грознее ты для света,
Тем должна я ниже пасть».

Николай швырнул монету,
Ус свирепо закрутил,
Недовольно сел в карету
И, надувшись, укатил.

Во дворе по кабинету
Он шагал в теченье дня
И велел: пускай монету
Бьют похожей на меня.

На Монетном бьют монету,
Надрываясь. Тяжело-с!
Поглядишь на ту, на эту —
Всюду тот же кислый нос.

Царь — вверху. Он в тучах где-то
Лютых молний держит вязь.
А монета. . . А монета
Что ни день, всё глубже в грязь.

Вдруг мятеж. Арест. Карета.
Уезжая в дальний край,
«Как-то выгладит монета?» —
Кисло молвил Николай.

Принесли ему монету.
Не монета — первый сорт.
Не поверил он портрету:
Так портрет блестящ и горд.

И, на чудо глядя это,
«Почему, — он рек, скорбя, —
Столь прекрасна ты, монета?»
— «Потому, что нет тебя».

Между 2 и 17 марта 1917

484. ГАЗАВАТ

Сонет

Мы, божьей милостью, мы, Павел Милюков,
Чей ум непогрешим и прозорливо око,
Мы спрашиваем вас, господ большевиков:
«Известно ль вам, каков цвет знамени Пророка?»

Сей цвет есть изумруд. И точно же таков
Есть и кадетский цвет, без скверны и порока.
Вот почему теперь до крайних уголков
Нам Турция должна открыть себя широко.

Был прежде Магомет. Теперь там будем мы,
Достойная рука ухватит это знамя!
Арабы, турки — все, все зачитают «Речь»,

Как некогда Коран. И, просветив умы,
Объявят газават, помчатся, как картечь...
Тогда, большевики, расправимся мы с вами!»

〈Апрель 1917〉

485. ГЕНЕРАЛЬСКОЕ ПАЛЬТО

Шутка

Жил на свете таракан,
Таракан от детства...

Жил на свете генерал,
Генерал махровый,
Он командовал и крал...
Как бы вас не покарал,
Досточтимый генерал,
Суд России новой?!

Покарает? Ни за что!
Взятки будут гладки.
Генеральское пальто
На какой подкладке?

Николай-то был не глуп:
Все мы с цветом алым,
Только вывернуть тулуп
Надо генералам.

Был я прежде генерал,
Стал теперь я социал,
Социал махровый.
Раньше скромно взятки брал,
А теперь я заиграл,
Точно мак багровый...

Коль потом случится что —
Средство уж готово:
Генеральское пальто
Выверну я снова.

Так и буду плыть да плыть...
Дело лишь за малым.
Хорошо в России быть
Полным генералом!..

(Апрель 1917)

486

За 100 процентов капитал попирает все человеческие законы, и нет такого преступления, на которое он бы не рискнул даже под страхом виселицы.

Справляет смерть веселый бал;
Она и пляшет и смеется.
Под руку с нею — капитал...
А прибыль чистой остается.

Оркестр. Орудий лютый шквал
В багровых далях отдается.
Со смертью шутит капитал...
А прибыль чистой остается.

Плохие шутки. День настал.
Танцор галопом не несется...
«Вперед, вперед, мой капитал!
Ведь прибыль чистой остается!..»

«Сюда летят из дальних зал
Иные звуки, мне сдается...»
Пустые страхи, капитал!
Ведь прибыль чистой остается.

572

Но звуки ближе. И оскал
Кривых зубов в него вопьется...
Да, капитал, вам кончен бал...
Кому же прибыль остается?

(Май 1917)

487. КОРОНКИ

Он говорил, и слов поток
Хлестал как будто из воронки:
«Пылает заревом восток,
Летят короны и коронки...»

Но тут заметил чей-то взгляд
И наблюдательный и тонкий,
Что у него во рту блестят
Отменно крепкие коронки...

(Май 1917)

488. КРЕТИН И КОНСТАНТИН

Басня

Где трон, где Константин?
Весьма знакомая картина...
Скитаясь, Константин Кретина
Узрел в саду среди куртин.
Тая в душе и стыд и горе,
Он произнес: «Всему виной
Ты, гнусный, ты, второй!..»

Кретин отвечивал с достоинством во взоре,
Кропя любимые цветы:
«Я не второй, а первый;
Вторым же будешь ты!»

«Хотя похожи на пантер вы,
Но тем не менее напрасен этот спор, —

Тут третий, подойдя, изрек им приговор, —
Довольно предаваться бредням,
Расплаты пробил час.
Могила общая готовится для нас,
Могила с надписью:
„Последним“». *(Июнь 1917)*

489. ЗЕЛЕНЬ

Распушились быстро почки,
Зеленеют всюду кочки.
На камнях — травки след,
Вязь зеленых многоточий. . .
Злобно морщится рабочий:
«Милюковский всюду цвет!»

Но весна не будет длинной.
Лето явится с малиной,
Будут ягоды везде.
Их румянцем мир запышет.
Милюков тогда напишет:
«Нет прохода от эс-де. . .»

(Июнь 1917)

490. В МИРЕ НЕЯСНОГО И НЕРЕШЕННОГО

Николай Романов выразил намерение подписаться на «Заем свободы».

Не ожидал! Благодарю!
Свобода нравится царю!!!
Начнем искать, в догадках рьяны,
Зачем сей вклад на сей алтарь:
Свободолюбцем ли стал царь
Иль у свободы есть изъяны?

Июль 1917

491. ВЫКИНУТЫЕ

Веселитесь, ер и ять!
Вас министр решил изъять
И отвез на свалку быстро.
Но грядет отмщенье вам:
В ту же кучу, в сор и хлам,
Самого швырнут министра.

(Июль 1917)

492

Радуйся, желтая пресса!
Вот. Увенчались труды.
Выстрелы. Красная месса.
Крови в камнях — пруды.

Радуйся, желтая пресса!
Счастью желанному верь:
Вот, в завершенье процесса,
Стала ты красной теперь!

Июль 1917

493. СПЕШКА

Чтобы объяснить аресты большевиков, опубликован, вместо материалов следствия, прямо «обвинительный акт» — в судебных летописях случай небывалый.

Чем в суесловьи вам бродить,
Как за иголкой в чаще бора,
Чем обвинять, да чем судить —
Начните прямо с приговора!

Август 1917

494. ПЕРЕПЛАТИЛИ

Кадеты предложили премьеру семь пунктов, на которых они готовы войти в состав правительства. Первый пункт: «Война до победного конца».

Премьер заявил представителям партии народной свободы, что эти условия он принимает.

Яйца
Кусаются;
Мыло

Под облака взмыло;
Все вздорожали припасы —
Керосин, масло и мясо.
Не приступишься ни к одному товару.
Но такая дороговизна недоступна понятию —
Чтобы за плохеньких кадетишек пару
Отдать всю русскую демократию.
И душа тоскою палима:
Вот где такса необходима!..

Июль 1917

495. ПУШКИНСКОЕ

...Пуришкевич ли подцепит,
Милюков ли с ног свалит,
Иль доносами облепит
Бурцев, тошный инвалид?..

Август 1917

496. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Введена военная цензура. В Ревеле закрыты эстонская газета «Кийр» и русская «Утро правды». Ответственные редакторы газет, виновных в «призывах к ниспровержению», будут подвергаться судебному преследованию с перспективой тюрьмы от 1 года и 4 месяцев.

...И красный цвет фригийской шапки,
И окровавленный палаш.
Красны знамена, ленты, тряпки,
Красны, как некий карандаш...

Август 1917

497. Б. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Принять венец смиренно согласится...

«Борис Годунов»

Ах, боже мой! Какой сюрприз!
Был Александр, а стал — Борис.

Июль 1917

498. ОТСРОЧКА

Созыв Учредительного собрания снова отсрочен «по техническим соображениям».

Неужели, прорвав эту почку,
Когда-нибудь будет цветочек?
Проверить бы эту отсрочку
В комиссии по проверке отсрочек!..

Август 1917

499. РИЖСКАЯ ПЕСЕНКА

Солдаты здесь, солдаты там,
Отборные солдаты.
При первом взгляде ясно нам,
Что те и эти — хвататы.

На этих те бегут гурьбой,
Застыли эти строем.
И сразу ясно: жаркий бой
Здесь предстоит героям.

Кто победит? Вопрос тяжел.
Решат его булатом.
Тихонько сзади подошел
Наш генерал к солдатам.

Они не слышат. До того ль?
Застыли, сжав винтовки.
А он, неведомо отколь,
Достал клубок веревки.

У генерала много дел:
Недаром влез в траншею.
Тихонько петельки надел
Героям он на шею.

Работы этой чистоте
Вы подивитесь, дети.
Бегут в атаку быстро те,
Их поджидают эти.

Он не прорвется, фронт литой,
Его не смять ударом.
Но генерал тот занятой
Здесь возится недаром.

Дела в руках его горят.
Ах, будь же он неладен:
Уж он столбов поставил ряд
С рядами перекалдин.

А те всё ближе. Гул пальбы.
И не один уж сгинул.
А генерал? Он на столбы
Веревки перекинул. . .

Бегут. . . Их встретит эта рать,
Заварится тут дело.
Но генерал веревку — хватать! . .
Вся армия взлетела! . .

Повисли люди на столбах,
Их генерал повесил,
И результат для этих — швах,
Для тех же очень весел.

Пришла тут песенка к концу,
И ясно детям малым:
Железный крест весьма к лицу
Российским генералам.

Сентябрь 1917

500. «МУТЬ»

Не хватает красной краски
Для плакатов, флагов, бантов,
Убеждений и платформ.
Под покровом алой маски
Толпы старых комедьянтов
Перешли на свежий корм.

Завсегдатаи охраны,
Перекрасившись, успели
Отразиться в сотнях призм:
Шлют приветствия Родзянке,
Поздравляют Церетели,
Поощряют анархизм.

Всех программ и партий шире,
В духе Маркова-второго,
В кучках уличных зевак
Разглагольствуют о мире,
Разбивают с полуслова
Бронированный кулак.

Забегают слева, справа,
Воют: «Бей буржуазию!»
И евреев, кстати, бьют...
Неприменно и лукаво
Опускают в гроб Россию
И отходную поют.

(Июнь 1917)

501. ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПОШЛОСТЬ

Когда на улицах столицы
Кружила в бешенстве гроза,
Когда у родины-тигрицы
Пылали мщением глаза,

Когда пришел и стал на страже
Хозяин истинный — народ,
Ждала Россия, что прикажет,
Куда направит тяжкий ход, —

Из черных ям, домов и башен
Единым зовом изошла
Столица светлая, и страшен
Был знак февральского числа.

Под белым куполом дворцовым,
Вобрав всю боль надежд и мук,
Рождалась явь, чудесным словом
Сплетя в одно миллионы рук.

Упали царские вериги,
Корона сорвана с герба,
Но вы взгляните — в пыльной книге
Страницы сблизила судьба...

Вы свергли иго, вы свободны,
Но он оплеван — красный цвет,
И цвета крови всенародной
Конторщик сшил себе жилет.

Плодятся мерзости, как крысы,
И звонко хвалит детвора
«Роман развратнейшей Алисы»
И «Тайны Гришкина двора».

Тоскою жадности не сыты,
В «концерты-митинги» спеша,
Всем рукоплещут Афродиты
И пляшут речи антраша.

Я вижу новую царицу
В пунцовом бархате, в шелках,
Ее бесстыжие ресницы
Влюбленного повергнут в прах.

День ото дня жиреет свита,
Из горла рвется жадный крик.
Она гирляндами увита
Неувядающих гвоздик.

Пройдя с триумфом по панели,
Кричать всем гражданам «ура»
Ее величество велели
Коротким росчерком пера...

(Июнь 1917)

502. В ЗАЩИТУ СМЕХА

В годину стройки и распада,
Бессилья, злобы, клеветы,
Стихии творчества и ада,
Распутства, мести, красоты
Заносишь ты, рука поэта,
Нагайку хлесткую свою,
И в это призрачное лето
Приемлешь светлый пыл в бою.
Гуляй по спинам фарисеев,
Рабов вчерашнего числа,
Под знамя скрывшихся злодеев,
Клевретов царского орла...
Казни испуг слепого труса,

В подполье скрывшего мощну,
Избавь конторщика от флюса
И в щуплый мозг вдохни весну...
Гуляй по спинам с жарким свистом,
Гони с дороги вороньё,
Его дыханием нечистым
Мечты отравлено копьё.
О, не щади распутства света,
Пусть не смолкает дерзкий клич,
И пусть не дрогнет мощь поэта,
Подъемля Ювеналов бич!..

(Август 1917)

503. ПОХОРОНЫ

Получше фирмы первоклассной
«Быстровых сына и отца»,
Хоронит улица согласно
Бунтарству верные сердца.

Ступайте к ней на перекрестки,
Там злость отходную поет...
Крутые бабищи, подростки...
Столицы плесень и помет.

Там в гроб, запаянный исправно,
Давно упрятали страну.
Там не тоскует Ярославна —
Там воет свора на луну.

Ату ее, гони свободу!
Могильщик-деспот, поспеши
И, стае воронов в угоду,
Души проклятую, души...

Ханжа столикий ждет чего-то
И на могилу льет слезу,
Я вижу лик Искарриота
С бельмом на скошенном глазу.

Июль или начало августа 1917

504—505. (ИЗ «НОВЫХ ЧАСТУШЕК-
КОРОТУШЕК ПРО ВОЙНУ»)

1

Деревенские девицы
Не едали чечевицы...
Эх, грехи, грехи, грехи,
Для кобыл дают жмыхи...
А солдат — не кобылица —
Ест, иначе, чечевицу!..

2

Развелось в России франтов,
Развеселых интендантов,
Как вели они войну
На российскую казну...:

Всю казну в карман забрали,
Всю в бумажники связали,
Победили, разгромили,
Кошельки свои набили...

Интендантская порода
Воровала провиант,
А сегодня для народа
Нацепила красный бант...

(1917)

1

Все законы — миротворцы,
Только судьи — крючкотворцы,
А закон — что дышло:
Повернешь, и вышло...

2

Выходил один оратор,
Оказался — провокатор...
Ох, оратель мой, оратель,
Сохрани от вас, создатель!

3

У богатого — телята,
А у бедного — ребята,
У окопных у солдат
Ни теляток, ни ребят...

4

Две копейки с полкопейкой
Получал солдатик в день.
Коли хошь, отдай цыганке,
Коли хошь, храни их в банке,
Коли хочешь, собирай
Да брильянты покупай!

(1917)

510. ИСТОРИЯ СПОКОЙНОГО КОРОЛЯ

Хуже песни

Сидела некая матрона
У трона
И помогала лезть на трон
Тьме подозрительных персон.
А вдалеке хозяин трона
Им улыбался благосклонно.

Народ пищал, и трон трещал,
А кто-то радостно вещал:
«Всё для войны. И для войны
Снимайте, граждане, штаны».
А вдалеке хозяин трона
Лишь улыбался благосклонно.

Как в сказке: от козла лишь рожки,
У трона подломились ножки.
И робко издавая стон,
Упала на пол тьма персон.
И сам упал хозяин трона,
Но — улыбался благосклонно.

Осиротел убогий трон
И к победителям свезен;
И приказал из них один:
«Что? Старый трон? Сейчас в камин!»
А вдалеке хозяин трона
Лишь улыбался благосклонно.

И трон сожжен. Давно забыт.
Теперь другая власть царит.
Порядок прежний — в тьме могил,
Его народ уже забыл.
А что же он — хозяин трона?
Он? Улыбнулся благосклонно.

Март 1917

511. ПЛАНТАТОРЫ

На дублинской крыше стоит одиноко,
Хранящий покой полисмен.
Он вдаль устремил недреманное око —
За грань успокоенных стен.

И видит: там Африка. В черной коросте
Свистят переливы плетей.
Несут караваны слоновые кости
По кладбищам рабьих костей.

Апрель 1917

512. КАРЬЕРА КАДЕТА

В те дни, когда восстанья гром
Повсюду прокатился,
Кадет с сияющим лицом
К народу появился.

С трудом отбросив сильный страх
Перед рабочим классом,
Кадет с дрожанием в ногах
Пошел к народным массам.

Галантен, важен, надушён,
В плаще последней моды,
Заговорил елейно он
О ценности свободы.

И, развивая целый ряд
Суждений в том же роде,
Кадет, как истый демократ,
Твердил всё о народе.

И о войне он говорил,
О зверстве диких немцев,
И клеветал, и поносил
С.-д-ков-«пораженцев».

«Народ! — вопил кадет в речах, —
Моим призывам внимли:
Разбей ты немцев в пух и прах
И захвати их земли...»

Народ с терпением внимал
И, помолчав солидно,
Кадету плотно рот зажал,
Промолвив: «Будет... Стыдно...»

(Апрель 1917)

513

Скучная картина! Тучи без конца.
Старая скотина плачет у дворца.
Кто он? Полицейский, безымянный икс?
Протопопов? Нилов? Штюрмер? Фредерикс?
Всё равно не будет от дворца тепла,
Старая скотина плюнула. Ушла.

(Май 1917)

514. В АЛЬБОМ

Обдумав все нюансы,
Я взял себе финансы,
Потом мой ум созрел
Для иностранных дел.

Сперва писал банкноты,
Теперь пишу я ноты,
Где ж лучше — тут иль там,
Еще не знаю сам...

Май 1917

515—517. НАШИ ПАРТИИ

1

КА-ДЭ

Он в разную погоду — и честь ему и слава —
То молится налево, то молится направо.
О, хитрая лисица с хвостом красивых фраз,
Политики отменной ты ловкий ловелас.

2

МЕНЬШЕВИК

Мой лексикон — лишь сон,
Лишь сказка прежних бурных дней,
Но нет теперь в душе моей
Тех светлых радостных идей.
И сила вся моя в словах,
Но не в стремленьях, не в делах.

3

СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Я — пестрый, пестрый арлекин,
Арены новой жалкий сын.
Я землю, равно и свободу,
Отдать хочу... Кому?.. Народу,
Но надо... надо обождать,
А то взволнуется владельческая рать...

(Июнь 1917)

518. ВНИМАНИЕ!

Прокурором Петроградской судебной палаты состоит г. Каринский.

В 1915 году он был редактором харьковской газеты «Утро», старавшейся по мере возможности проводить большевистские идеи. В этой газете сотрудничал, между прочим, и Ленин.

Теперь г. Каринский ведет следствие о петроградских большевиках.

Такая весть — смущенья фактор.
Идешь, шатаясь, наугад.
И если встретится редактор,
То скажешь: «Здравствуй, ренегат!»

Август 1917

519. СКАЗКА ПРО СТАРОГО ВОРОБЬЯ

Старый вор-воробей,
Птичий кум Берендей,
На заборе
В страшном горе,
Весь нахохлившись, сидел,
Чик-чирикал и смотрел,
Как у маленькой лавчонки
Бабы, мальчики, девчонки
Друг на друга опирались
И в лавчонку пробирались.
А прохожий весь народ
Называл это «черед».

Никогда-то воробей,
Птичий кум наш Берендей,
Не видал среди людей
Никаких очередей.
Прежде всюду у окошек
Были кучи разных крошек,
А теперь поди-ка клюнь!
Жизнь выходит — прямо плюнь!

Стосковавшись,
Сголодавшись,
Полетел наш воробей
Мимо сел и деревней;
Но везде — одно и то же:
Люди стонут: «Дай нам, боже,
Хлеба, сахару, махорки,
Ситцу, спичек и опорки!»

Бог на это им в ответ:
«У меня товару нет.
Если дождичка вам нужно,
То служи молебны дружно,
Ну, а прочий весь товар,
Он в руках у всяких бар».

(Октябрь 1917)

520. СКАЗКА О МУЖИКЕ ФИЛАТЕ, ХРАБРОМ СОЛДАТЕ

Когда в Галицию пешком,
И с сухарями и с мешком,
Мужик Филат,
Лихой солдат,
С дубинкой на австрийца лез,
Его хвалили до небес:
«О, чудо-богатырь Филат,
Голубчик, миленький солдат!»
Сам царь к Филату приезжал,
И поздравлял,
И крестик дал.
Но ведь с дубинкою одной
Не одолеешь пушек строй!
Стал немец жару поддавать;
А с тылу русский царь, как тать,
Решил всю армию продать.
Тут взбудоражился Филат, —
Он был смекалистый солдат
И знал, что царь ему не брат, —
Он сверг царя.
Взошла заря

Земли и воли наконец.
Но вдруг кричат:
«Мужик Филат —
Дрянной, трусливенький солдат,
Изменник, хам, злодей, подлец!»
И кто ж кричит так, мой творец! —
Войной нажившийся купец!
Смекнул Филат,
Лихой солдат:
Купец мне тоже ведь не сват,
И будь ты хоть какой купчина,
Но и тебе придет кончина!
И с этих пор мужик Филат
С рабочим стал как с братом брат.

(Октябрь 1917)

521. «РУССКОЕ СЛОВО»

Альбом эпиграмм

Нажившись на царских портретах,
Здесь помнят о радости тьмы
И возят газету в каретах,
И ей удобряют умы...

Здесь склад увядающих граций,
Здесь сочно считают вокруг
Проценты былых репутаций,
Купоны забытых услуг...

И помнят тяжелую лапу
Гасителя вольных идей...
Прохожий, снимите же шляпу...
Здесь кладбище бывших людей.

(Октябрь 1917)

522. СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС — В РЕБРО

Старушка-бабушка была,
Жила, со всеми ладя;
Приволокнулся к ней, шаля,
Американский дядя.

Конец печален, — не шутя
Отмстила мать-природа:
Зовут внебрачное дитя
Их — «Волею народа».

Октябрь 1917

523. СОЦИАЛИСТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Правый

Был он красным, был эсером
Ярко-пламенным, как солнце. . .
Стал он бледным, желто-серым —
Шовинистом, оборонцем.

За трудящихся когда-то
Он с буржуями сражался. . .
Стал защитником богатых,
К ним в прислужники нанялся.

Обещал народу волю,
Обещал ему и землю,
А дает — живым неволю,
Жертвам Керенского — землю. . .

Был он красным, был эсером,
Стал он бледным, желто-серым.

Октябрь 1917

524. «МОНОЛОГ» КЕРЕНСКОГО

У петергофских фонтанов

Тень Баденге меня усыновила,
«Диктатором» у гроба нарекла,
Вокруг меня *Советы* возмутила,
Большевиков на свет произвела.
Правитель я! Довольно! Стыдно мне
Перед Советами позорно унижаться.
Разрыв навек: в игре войны кровавой
Судьбы моей обширные заботы
Последний стыд, надеюсь, заглушат.
Теперь иду, — погибель иль венец
Мою главу в России ожидает.
Найду ли смерть «на подступах
к столице»
Иль в Петропавловке покой я обрету —
Ах, всё равно, я знал, на что иду,
Когда назло большевикам охочим
(Пускай кричат, что это был скандал!)
Я Церетели признавал рабочим,
Авксентьева ж — крестьянином признал.

Спущенный Военно-революционным комитетом занавес падает и прихлопывает декламатора.

Остается мокрое место.

Между 25 октября и 1 ноября 1917.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник представляет собой первый в советской печати свод произведений стихотворной сатиры, написанных в предоктябрьское десятилетие. Здесь приведено свыше 500 стихотворений и поэм, отобранных из обширного фонда сатирической поэзии указанных лет, насчитывающего несколько тысяч названий (в это число не входят сочинения, печатавшиеся в юмористических изданиях реакционного и бульварного толка). Составителем были обследованы как сатирическая периодика, так и газеты и журналы общего типа, поэтические сборники, альманахи, рукописные фонды. В преобладающей своей части сборник состоит из текстов, не воспроизводившихся ни в одном печатном издании советской эпохи.¹

Вместе с тем при составлении настоящего сборника невозможно было обойтись без произведений широко известных поэтов, активно действовавших в литературе предоктябрьского десятилетия и во многом предопределивших судьбу стихотворной сатиры того времени. Речь идет прежде всего о Маяковском, Демьяне Бедном, Саше Черном, творчество которых представлено в Большой серии «Библиотеки поэта» особыми изданиями (Саша Черный, Стихотворения 1960; В. В. Маяковский. Избранные произведения в 2-х томах, 1963; Демьян Бедный, Стихотворения и поэмы, 1965). Материал названных изданий использован здесь (с необходимыми поправками в текстах или комментариях) в строго ограниченных пропорциях — нами включено в сборник лишь несколько наиболее показательных образцов творчества этих поэтов за период с 1908 по октябрь 1917 г. Что касается Саши Черного и Демьяна Бедного, то у составителя была и другая задача: продемонстрировать их сатирическую работу на стихотворениях, не вошедших в названные издания «Библиотеки поэта» и в большинстве своем малоизвестных. Тот же принцип отбора применен и в отношении стихотворений А. С. Бухова, Е. Венского, В. В. Воинова, В. И. Горянского, В. В. Князева, Красного, П. П. Потемкина, И. К. Пруткова, Н. Тэффи, творчеству которых был посвящен сборник Большой серии «Поэты „Сатирикона“» (Л., 1966).

¹ Выпущенный в 1960 г. Гослитиздатом сборник «Русская сатира XIX — начала XX века» насчитывает всего лишь 9 малоизвестных стихотворений 1908—1917 гг.

Предоктябрьское десятилетие в жизни России характеризуется бурной динамикой социальных процессов, резкими изменениями условий классовой, политической борьбы. Большинство сатирических произведений, возникших в эту пору, связано с событиями общественно-политической жизни, и потому изучать их можно лишь соотносясь с особенностями развития самой истории. Данное обстоятельство определило структуру сборника.

Он состоит из трех разделов, соответствующих основным этапам жизни страны. В первом разделе помещены произведения, созданные с января 1908 г. до середины 1914 г., т. е. до начала первой мировой войны; во втором разделе — произведения, написанные в годы войны (с июля 1914 г. по февраль 1917 г.), и в третьем — произведения, созданные в период с марта по октябрь 1917 г. (некоторые из них печатались в последние месяцы этого года).

Внутри разделов материал распределен по авторским рубрикам, следующим друг за другом в алфавитном порядке; стихотворения же каждого поэта располагаются в хронологической последовательности. В конце разделов под рубрикой «Неизвестные авторы» (и также в хронологическом порядке) приводятся тексты, печатавшиеся анонимно либо же подписанные псевдонимами и криптонимами, до сих пор не раскрытыми (некоторые из них мы раскрываем предположительно в комментариях, ставя после фамилии вопросительный знак). Авторские рубрики обозначаются подлинной фамилией поэта и лишь в некоторых случаях (если псевдоним более известен, чем фамилия) — псевдонимом. В примечаниях указывается, за какой подписью появлялось в печати каждое произведение (есть авторы, которые пользовались одновременно несколькими псевдонимами). Отсутствие таких указаний означает, что произведение подписано фамилией или псевдонимом, обозначенным в авторской рубрике.

Большинство стихотворений, ввиду отсутствия авторских дат, датируется годом первой публикации, а произведения 1917 года — также и месяцем (во всех этих случаях дата берется в угловые скобки). Учитывая злостность сатирических произведений для своего времени и быстроту их появления в печати (измеряемую чаще всего днями, иногда — неделями, месяцами), следует считать эти даты приблизительно совпадающими с датами написания. Есть и такие произведения, время написания которых определено нами по авторским указаниям или по косвенным признакам.

В примечаниях после порядкового номера текста обозначается место его первой публикации. Последующие издания текста упоминаются в том случае, если в него вносились изменения (наиболее существенные из них приводятся). Из перепечаток отмечаются лишь те, которые имели место в большевистских изданиях. Краткие справки о журналах и газетах, послуживших источниками текстов, читатель найдет в «Аннотированном списке периодических изданий».

После ссылок на публикации в примечаниях дается реально-исторический комментарий. При этом справки об исторических лицах, упоминаемых в текстах произведений, отнесены в Именной указатель.

Сведения о поэтах, представленных в сборнике, даны в примечаниях. Сведения эти в ряде случаев неполны, а кое-где и вовсе отсутствуют из-за недостатка данных. Если произведение одного и того

же автора фигурирует в нескольких разделах, то биографическая справка о нем дается в том разделе сборника, где его фамилия появляется впервые. Для удобства нахождения текстов того или иного поэта и биографических сведений о нем перед оглавлением помещен Указатель авторов.

Все даты до ноября 1917 года приводятся по старому стилю.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

АС — Аннотированный список периодических изданий (с. 686 настоящего сборника).

Б — журнал «Будильник».

БВ — газета «Биржевые ведомости».

ВС — «Все сочиненное Владимиром Маяковским. 1909—1919». (Пг., 1919).

ЖЖ — «Журнал журналов».

Изд. 1912 — Александр Амфитеатров, Ау! Сатиры, рифмы, шутки, фельетоны и статьи, СПб., 1912.

Изд. 1913 — Николай Агнивцев, Студенческие песни. Сатира и юмор, СПб., 1913.

Изд. 1917 — Чуж-Чуженин, Песенник революционного солдата, (Пг., 1917).

Изд. 1919 — Василий Князев, Первая книга стихов (1905—1916), Пб., 1919.

Изд. 1926 — Н. Агнивцев, От пудры до грузовика. 1916—1926, М.—Л., (1926).

Изд. 1935 — Василий Князев (Красный звонарь). За четверть века (1905—1930). Книга избранных стихотворений, Л., 1935.

КЗ-1 — А. А. Измайлов. Кривое зеркало. Пародии и шаржи (изд. 1), СПб., (1908).

КЗ-2 — А. А. Измайлов, Кривое зеркало. Пародии и шаржи, изд. 2, СПб., 1910.

КЗ-3 — А. А. Измайлов, Кривое зеркало. Пародии и шаржи, изд. 3, СПб., 1912.

МҚ-1 — Евгений Венский, Мое копыто. Книга великого пасквиля (изд. 1), СПб., 1910.

МҚ-2 — Евгений Венский, Мое копыто. Книга великого пасквиля, (изд. 2), СПб., 1911.

НЖ — газета «Новая жизнь», 1917.

НС — журнал «Новый сатирик».

ПС — «Поэты „Сатирикона“», «Библиотека поэта», Большая серия, М.—Л., 1966.

С — журнал «Сатирик».

СМ — журнал «Современный мир».

ст. — стих.

стих. — стихотворение.

А. Т. АВЕРЧЕНКО

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881—1925), выступавший в печати также под псевдонимами: Аз, Аркадий Аз, Волк, Аве, Фома Опискин, родился в купеческой семье. Литературную деятельность начал как фельетонист и юморист. В 1906—1907 гг. редактировал выходивший в Харькове юмористический журнал «Штык», где печатал и собственные стихи. Со стихами выступал также в еженедельниках «Стрекоза» и «Сатирикон». Был редактором и совладельцем журналов «Сатирикон» и «Новый сатирикон». Широкую известность приобрел как автор юмористических рассказов, публиковавшихся в периодике и составивших целый ряд сборников («Веселые устрицы», «Круги на воде», «Зайчик на стене» и др.). В 1917 г. эмигрировал. Умер в Праге.

1. С, 1912, № 42, с. 8, подпись: Волк. *Переселенцы* — жители европейской части Российской империи, которые из-за голода и малоземелья переселялись в отдаленные районы Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Крайне скудная помощь со стороны государственных и общественных организаций приводила к тому, что переселенцы и в этих районах влачили полуголодное существование.

2. С, 1912, № 45, с. 7, подпись: Фома Опискин. Написано в связи с провалом А. И. Гучкова на выборах в IV Государственную думу осенью 1912 г. *Аи* — марка шампанского.

Н. Я. АГНИВЦЕВ

Николай Яковлевич Агнивцев (1888—1932) родился в дворянской семье. С 1913 г. печатал стихи в сатирических журналах; в том же году издал книгу «Студенческие песни». Был известен как автор бытовых песенок, куплетов для эстрады и юмористических стихотворений. С конца 1917 г. до 1923 г. находился в эмиграции, потом вернулся на родину, сотрудничал в советских сатирических журналах («Мухомор», «Дрезина», «Заноза» и др.). Стихи 1916—1926 гг. вошли в его книгу «От пудры до грузовика» (1926). Умер в Москве.

3. С, 1913, № 34, с. 2, в специальном номере «Иван Иванович Иванов». *Коллежский регистратор* — низший гражданский чин в табели о рангах.

4. Изд. 1913, с. 20. *Министр просвещения* — Л. А. Кассо. «*Курсовая система*» — порядок, требовавший от студентов сдачи определенного экзаменационного минимума при переходе с курса на курс; этот порядок ухудшал положение беднейших студентов, которые из-за материальных трудностей не успевали сдавать экзамены в опре-

деленные сроки. *Зулусы* — народность, населяющая провинцию Наталь в Южно-Африканском Союзе; здесь — в значении: отсталое племя. *Зане* — так как, потому что. *Педель* — университетский надзиратель. *Разгонная* — намек на разгон властями студенческих митингов и демонстраций.

5. Изд. 1913, с. 22. «*Назначенные профессора*» — педагоги-реакционеры, назначенные министром Л. А. Кассо на должности профессоров вопреки общепринятой системе выборов профессоров на университетских (или факультетских) советах; «назначенные профессора» должны были заменить ученых, которые в знак протеста против реакционных мероприятий Кассо покинули университетские кафедры (из Московского университета по этой причине ушло 130 преподавателей, в том числе выдающиеся ученые: К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, Н. Д. Зелинский, В. И. Вернадский и др.).

6. Изд. 1913, с. 23.

7. Изд. 1913, с. 37.

А. В. АМФИТЕАТРОВ

Александр Валентинович Амфитеатров (1862—1938) родился в Калуге, окончил в 1885 г. юридический факультет Московского университета. Со студенческих лет сотрудничал в печати как фельетонист, участвуя одновременно и в реакционных и в прогрессивных изданиях. В 1902 г. за опубликование нашумевшего фельетона «Господа Обмановы», в котором обличалась династия Романовых, был выслан в Минусинск. В 1905 г. выехал в Париж. В 1904—1907 гг. напечатал в газетах «Русь», «Молва» и других изданиях серию стихотворных политических фельетонов на злободневные темы. Вернувшись в Россию в 1916 г., стал редактором националистической газеты «Русская воля». Тогда же подготовил двухтомное издание «Забывтый смех» — сборник сатирических стихотворений, печатавшихся в журнале «Искра». В 1917 г. публиковал стихи в еженедельнике «Бич». Амфитеатров известен также как автор повестей, романов, очерков и драм. В 1921 г. эмигрировал. Умер в Леванто (Италия).

8. Изд. 1912, с. 194, в разделе «Рифмы и строчки». Перепев народной песни «Ой, ладо, ой, ладушки-ладо...». *Учебник полковника Кладо* — «Очерки военных действий в море во время русско-японской войны» (СПб., 1906). *В разборе цусимских позиций*. 14—15 мая 1905 г., во время русско-японской войны, у островов Цусимы в Корейском проливе Тихоокеанская эскадра русского флота потерпела поражение.

9. Изд. 1912, с. 202, в разделе «Рифмы и строчки». *Аристон* — механический музыкальный инструмент, предшественник граммофона. *Синематограф* — кинематограф. *Веси* — деревни. *Шаляпина «Дубина»* — народная песня «Дубинушка» из репертуара Ф. И. Шаляпина. «*Колена преклоня*». Имеется в виду инцидент, происшедший на сцене Мариинского театра в Петербурге во время представления оперы

«Борис Годунов»: 6 января 1911 г., когда хористы встали на колени перед находившимся в царской ложе Николаем II, вместе с ними опустился на колени и Ф. И. Шалапин, исполнявший роль Бориса. В письме М. Горькому он объяснил этот поступок тем, что растерялся, не поняв смысла происходящего. *«Ухарь-купец»* — песня «Ехал из ярмарки ухарь-купец...» на слова И. С. Никитина. *Статья сто двадцать девятая* — статья Уголовного уложения, предусматривающая наказание за «подстрекательство к учинению бунтовщического или изменнического деяния». *Спасла от горя государство опять Всевышнего рика* — намек на казенно-патриотическую пьесу Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» (1834). *Новый опыт золотарства*. «Золотарями» называли в быту ассенизаторов.

10. «Бич», 1917, № 10-11, с. 10, под рубрикой «Из нелегального архива „Бича“». Датировано. *«Двуногие без перьев»* — книга сатирических стих. В. В. Князева, изданная в «Библиотеке „Сатирикона“» в начале 1914 г. Авторская дата под текстом (1913) исправлена нами в соответствии с датой выхода книги.

Т. АРДОВ

Т. Ардов — псевдоним Владимира Геннадиевича Тардова (р. 1879): С 1899 г. печатался во многих периодических изданиях, в том числе в журнале «Зритель». В 1907 г. выпустил сборник стихов «Вечерний свет». Выступал также как журналист и прозаик. Печатался в советских изданиях первых лет революции.

11. «Зритель», 1908, № 4, с. 4. *Октябристы* — члены «Союза 17 октября», партии крупной буржуазии и помещиков, ратовавшей за «конституцию», дарованную в царском манифесте от 17 октября 1905 г. В последующие годы эта партия стояла на страже столыпинского режима. *Альгвазил* — чиновник, служитель инквизиции в средневековой Испании. *Декларация* — реакционная программа октябристов, зачитанная в III Государственной думе.

ИВАН БАТРАК

Иван Батрак — псевдоним Ивана Андреевича Козловского (1892—1943). Родился в семье крестьянина Оршанского уезда (Белоруссия). Учился в сельской школе, затем в городском училище г. Орши. Осенью 1911 г. уехал в Петербург, стал железнодорожным рабочим. Писать начал в 1913 г., сотрудничал в «Правде» как рабкор и поэт; излюбленным жанром его литературного творчества была басня. В 1914 г. вступил в большевистскую партию. Весной 1915 г. был арестован и за содержание тайной типографии приговорен военным судом к восьми годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости. После Октябрьской революции сотрудничал как фельетонист и баснописец в «Известиях», «Бедноте», в журналах «Крокодил» и «Безбожник». В 1924 г. окончил отделение общественных наук Московского университета. С 1926 по 1935 г. издал сборники стихов: «Обручи и клепки», «Басни», «Пауки и мухи», «По сле-

дам жизни». Был одним из руководителей Всероссийского общества крестьянских писателей. Трагически погиб.

12. «За правду», 1913, 4 октября, подпись: И. К.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Демьян Бедный — псевдоним Ефима Алексеевича Придворова (1883—1945), другие псевдонимы: Мужик Вредный, Яким Нагой, Солдат Яшка — медная пряжка, Друг сердечный, Иван Заводской. Родился в семье крестьянина-бедняка с. Губовка, Херсонской губ. После окончания Киевской военно-фельдшерской школы и отбывания военной службы учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Печататься начал в 1909 г.; весной 1911 г. стал сотрудником большевистских изданий, приобрел известность как автор басен, эпиграмм, стихотворных фельетонов. В 1913 г. выпустил книгу «Басни», на появление которой В. И. Ленин обратил внимание М. Горького (см.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 180). В 1916 г. вышла книга стихотворных сатирических сказок («Диво дивное и другие сказки»), несколько книг вышло также в 1917 г. («Куй железо, пока горячо», «Сказки» и др.). Большую популярность как поэт-сатирик Д. Бедный приобрел в годы гражданской войны и социалистического строительства. Умер в Подмосковье.

13. СМ, 1912, № 11, с. 189. *Российские патриоты* — так именовали себя реакционеры-черносотенцы, насаждавшие политику шовинизма, национальной вражды, борьбы с демократическим движением. Басня направлена против деклассированных элементов и мещан, вовлекаемых в «черную сотню».

14. «Волянка», 1912, № 4, с. 8, со следующей концовкой после заключительного ст.:

С моралью басенка ясней,
Есть и у нас мораль, но... знаете... бог с ней:
Сановный Силуян не оказался б рядом!

«Просвещение», 1913, № 1, с разнотением в последнем ст. этой концовки («Сановный Силуян не очутился б рядом!»). Печ. по кн.: Демьян Бедный, Басни, СПб., 1913, с. 39.

15. «Путь правды», 1914, 30 марта. «*Биржевка*» — обиходное название газеты «Биржевые ведомости» — см. АС.

16. «Путь правды», 1914, 25 марта. *Пуришкевичское большинство* — реакционное буржуазно-помещичье большинство в IV Государственной думе, одним из лидеров которого был В. М. Пуришкевич. *Законопроект о печати* — «Проект устава о печати», разработанный в 1913 г. министерством внутренних дел с целью усиления гонений на демократическую и оппозиционную правительству прессу; реакционная сущность законопроекта была разоблачена в ряде вы-

ступлений большевистской печати, в частности в передовой статье «Закон и намордник» («Правда», 1913, 14 мая).

17. «Трудовая правда», 1914, 7 июня. Написано в связи с забастовками в Петербурге, во время которых хозяева предприятий вербовали штрейкбрехеров из деклассированных и уголовных элементов.

18. СМ, 1914, № 6, с. 129, под рубрикой «Басни и сатиры».

19. «Жизнь для всех», 1916, № 6, с. 688, в цикле «Корней Гордеич Дерунов. Хроника в шести баснях с эпилогом», с подзаг.: «Басня б-я», ст. 3—4 переставлены местами; Демьян Бедный, Мошна туга, всяк ей слуга, М., 1926, в цикле «Дерунов 1001-й. Хроника в шести баснях с эпилогом», без ст. 5. Печ. по кн.: Демьян Бедный, Сто басен, М., 1935, с. 269, в цикле «Дерунов 1001-й. Хроника в десяти баснях с двумя эпилогами», датировано; в этой книге случайно пропущен ст. 13, восстановленный нами по предыдущим изданиям. «Правда» — см. АС.

А. БЕРКЕВИЧ

20. НС, 1913, № 20, с. 6. *Пристав* — начальник полиции в небольшом городе; *частный пристав* — начальник полицейского участка в губернском или столичном городе.

М. М. БЕСКИН

Михаил Мартынович Бескин (псевдонимы: Меб, Мим, Бикс и др.) в годы первой русской революции сотрудничал в виленской газете «Свободное слово». Затем печатался в журналах «Красный смех», «Будильник» (до конца 1917 г.) и др. Кроме сатирических стихов писал пьесы.

21. Б, 1911, № 8, с. 11, подпись: Меб, с рисунком неизвестного художника под названием «Чума». *Холера и чума* — эпидемии, которыми были охвачены многие губернии Российской империи в 1910—1911 гг. *Земля трясется там и тут*. 11 мая 1910 г. и 1 января 1911 г. в азиатской части России произошли землетрясения. *Костров мы видим красный свет*. Во время холерных и чумных эпидемий на кострах сжигалась одежда (а иногда и тела) умерших.

22—24. Б, 1911, № 14, с. 3, подпись: Меб. «*Новое время*», «*Московские ведомости*», «*Свет*» — реакционно-монархические газеты, органы черносотенцев. *Субсидий грозные витии*. Имеется в виду денежная поддержка газеты правительством.

25. Б, 1911, № 51, с. 4, подпись: Меб. В «*Волынке*», 1912, № 1, с. 2, подпись: Бикс. *Пейзане* — крестьяне.

26. Б, 1912, № 52, с. 4, в рождественском номере, подпись: Мим. *Береза да каша* — от выражения «березовая каша» (порка). *За ко-*

зой идет Сидор. Имеется в виду народное выражение: «Выдрал, как Сидорову козу». *Кадетский неистовый лидер* — П. Н. Миллюков. Кадеты — буржуазная партия «конституционных демократов» (сокращенно: КД).

27. Б, 1912, № 50, с. 11, подпись: Мим. *Селяк* (болг.) — крестьянин. *Царьград* — распространенное в Древней Руси наименование Константинополя (Стамбула).

Ф. Ф. БЛАГОВ

Федор Федорович Благов (1883—1957) выступал в печати под псевдонимами: Аргус, Человек без..., Человек без слепой кишки, Фрицхен, экс-Фрицхен и др. Автор стихотворных пародий и фельетонов, печатавшихся с 1908 г. в газетах «Русь», «Раннее утро», «Наша мысль», «Столичное утро», в журнале «Будильник», в сборниках и альманахах. Написал несколько одноактных комедий-шаржей. После Октябрьской революции сотрудничал во многих сатирических журналах («Безбожник», «Крокодил», «Красный перец», «Мухомор», «Смехач» и др.), писал для эстрады.

28. «Руль», 1908, 12 февраля, подпись: Фрицхен. Пародия на стих. Г. И. Чулкова «Качели». Эпиграф — из этого стих. *«Веселая вдова»* — оперетта Ф. Легара; в ней исполняется «Песня на качелях» («Ровно и плавно качаясь...»), муз. В. Голлендера. *О мистическом анархизме всё время мечтаю* — намек на книгу Г. Чулкова «О мистическом анархизме» (1906). *В тайге я не боялся медведей и волков.* Будучи арестован в январе 1902 г. за участие в студенческом движении, Чулков находился в ссылке в Якутской губернии. *Шаманка, кузина в Коломне* — персонажи стихотворений Г. Чулкова.

29. «Руль», 1908, 12 февраля, подпись: Фрицхен. Пародия на стих. Андрея Белого «Гроза на закате» (первоначальное название — «Гроза на западе»). Эпиграф — цитата из этого стих. *Плачу над новой симфонией...* В 1902—1908 гг. А. Белый издал четыре произведения, написанных ритмической прозой и названных «симфониями» («Северная симфония», «Драматическая», «Возврат», «Кубок метелей»).

30. «Раннее утро», 1908, 3 октября, в цикле «„Пламенный круг“ Ф. Сологуба», подпись: Фрицхен. Пародия на стих. Ф. Сологуба «Только в жилах торопится кровь...» из его книги «Пламенный круг» (1908). Эпиграф — из этого стих. *Убаскал меня мелкий бес* — намек на роман Сологуба «Мелкий бес» (1902).

31. Б, 1912, № 19, с. 3, в цикле «Библиография наизнанку», подпись: Фрицхен. Пародия на процитированное в эпиграфе стих. К. Д. Бальмонта. *Мастодонт* — ископаемое млекопитающее животное громадных размеров. *Птеродактиль* — ископаемый летающий ящер.

32. Б, 1912, № 36, с. 7, в цикле «Осенние пародии», подпись: Человек без слепой кишки. В стих. пародируются типичные приемы

словотворчества Игоря Северянина. *Пробальмонтив* — от фамилии Бальмонт. *Девные* — девичьи. *Синдетиконясь* — от названия клея «Синдетикон». *Хронос* (греч.) — время. *Стрелиться* — мчаться на Стрелку (окраина Петербурга, место отдыха и развлечений состоятельной публики).

33. Б, 1912, № 39, с. 5, в цикле «Библиография наизнанку», подпись: Фрицхен. Пародия на стих. К. Бальмонта, из которого в эпиграфе приведены начальные и конечные строфы.

34. Б, 1912, № 46, с. 6, в цикле «Библиография наизнанку», подпись: Человек без слепой книжки. Пародия на стих. поэта-акмеиста С. М. Городецкого «Поэт». Эпиграф — цитата из этого стих. *Медведица, Возничий, Пес, Овн, Стрелец, Телец, Дева, Весы, Скорпион, Рак, Водолей* — названия созвездий. *Сак* — род женского пальто. «*Шиповник*» — издательство, выпустившее книгу Городецкого «Ива» (1912), куда вошло пародируемое стих.

А. А. БЛОК

Александр Александрович Блок (1880—1921) начал писать в юношеском возрасте, известность приобрел книгой «Стихи о Прекрасной Даме» (1904), созданной под влиянием символистов. По мере отхода от символизма и обострения социального чувства в поэзии Блока усиливаются сатирические мотивы. Они сказались в стихотворении «Незнакомка», в двух произведениях, которые А. Блок впервые напечатал в сатирических журналах («За гробом», «Поэты»), в пародийной комедии «Балаганчик», высмеивающей мистику и декадентство. Сатирические мотивы пронизывают также крупнейшие поэмы Блока — «Возмездие» и «Двенадцать».

35. «Кривое зеркало», 1909, № 5, с. 5, без строфы 8; «Пламя», 1918, № 3, со след. строфы в конце:

Ты смотришь, без смысла разинувши рот,
На всё равнодушно на свете,
Как ветер бежит или дождик идет,
Любимый мой дождик и ветер!

Печ. по кн.: А. Блок, Седое утро, Пг., 1920, с. 10. Датировано.

36. «Современник», 1912, № 11, с. 95. Здесь между строф 9 и 10:

И льнет к нему... в его лице румянец.
Ресницы опустив, летит она,
Не ведая, что это — смерти танец,
Им, скрипками и вальсом пленена...

В кн.: Александр Блок, Стихотворения. Кн. третья (1905—1916), М., 1916 — без этих строк, под загл. «Пляска смерти». Печ. по кн.: Александр Блок, Стихотворения. Кн. третья (1907—1916), Пб., 1921, с. 39, где помещено в цикле «Пляски смерти».

ВАСИЛИЙ БОЛЫЧЕВ

37. С, 1909, № 16, с. 8. *Духовная консистория* — орган управления епархией, т. е. церковно-административным районом, территориально совпадающим с губернией. *Хожалый* — полицейский солдат. *Аз и ижица* — названия первой и последней букв древнерусского алфавита. *Литургия* — обедня.

А. Н. БУДИЩЕВ

Алексей Николаевич Будищев (1867—1916) родился в Саратовской губ., в семье мирового судьи. С 1886 г., будучи студентом-медиком Московского университета, сотрудничал в юмористических журналах «Развлечение», «Осколки», «Будильник»; позднее печатался в «Новом сатириконе». Выпустил две книги стихотворений (1901 г. и 1915 г.). Писал также юмористические рассказы, повести, романы и пьесы. Последние годы жил в Гатчине, похоронен в Петрограде.

38. НС, 1913, № 28, с. 5, в номере, посвященном пятилетию С.

П. П. БУНАКОВ

Петр Петрович Бунаков (р. 1888) выступал в печати под псевдонимами: Барс, Дядя Петр, Редактор Барс и др. Был постоянным сотрудником журнала «Свисток» (1911—1912). В 1917 г. выпустил в Москве сборник стихотворений «Из тьмы на свет». В 1921—1925 гг. печатался в сатирических изданиях, выходивших в Симбирске (ныне Ульяновске); в 1922 г. был редактором журнала «Симбирский комар». В 1942 г. в Куйбышеве вышла его книга «И стихом и прикладом по фашистским гадам».

39—43. «Свисток», 1911, № 4, с. 7, в подборке «Гусь» (объявления 1 и 2); 1911, № 5, с. 6, в той же подборке (3); 1912, № 8, с. 7, в подборке «Фонарь» (4); 1912, № 32, с. 7, в подборке «Фонарь» («Гусь» и «Фонарь» — названия пародийной юмористической «газеты», печатавшейся на страницах журнала «Свисток»), подпись всюду: Редактор Барс. 1. *Октябрист* — см. примеч. 11. 3. *Нововременский Иуда* — сотрудник реакционно-монархической газеты «Новое время». *Треф* — здесь: собачья кличка.

44. «Свисток», 1912, № 16, с. 4, в подборке «Фонарь», подпись: Барс. Эпиграф — из стих., начинающегося этими строками.

45. «Свисток», 1912, № 21, с. 4, в подборке «Фонарь», подпись: Редактор Барс. *Открытие Дарданелл*. Имеется в виду открытие судоходства через пролив после перерыва, вызванного военными действиями на Балканах (см. примеч. 114),

Аркадий Сергеевич Бухов (1889—1946) учился в Казанском университете. С 1908 г. выступал как поэт-сатирик в журналах: «Стрекоза», «Сатирикон» и «Новый сатирикон». Писал также юмористические рассказы (ряд сборников 1914—1918 гг.), редактировал «Синий журнал». В 1914 г. был призван в армию, но как «политически неблагонадежный» переведен в маршевую роту, а затем демобилизован. В 1918 г. эмигрировал в Литву, в 1927 г. вернулся на родину. Активно сотрудничал в советских сатирических изданиях: «Бич», «Бегемот», «Смехач», «Крокодил» (одно время в «Крокодиле» заведовал литературным отделом) и в «Литературной газете». Написал множество памфлетов, фельетонов и водевилей. Отдельными изданиями вышли его сатирические романы «История трех святых и некоторых посторонних» (1930), «Черное кольцо» (1931). Трагически погиб.

46. «Стрекоза», 1908, № 25, с. 15. Перепев стих. Лермонтова «Нищий». Стоял, просящий подаянья на «Знамя русское». «Русское знамя» — погромно-черносотенная газета, выходившая под редакцией А. И. Дубровина и пользовавшаяся правительственной субсидией; речь идет о денежных затруднениях, испытываемых газетой в связи с временным прекращением этой субсидии. И... плюнул доктору на руку. В. М. Пуришкевич, будучи чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел и являясь политическим единомышленником Дубровина, не смог обеспечить непрерывность правительственных субсидий газете «Русское знамя». *Кадет* — см. примеч. 26. *Пристав* — см. примеч. 20.

47. С, 1912, № 22, с. 3. *Афинские ночи* — ночные радения декадентствующей публики, проповедовавшей — якобы по афинскому образцу — культ обнаженного тела. *Курьер*, *Край* — распространенные названия провинциальных газет. *Фрина* — гетера в древних Афинах, отличавшаяся необыкновенной красотой; здесь — красавица. *Хитон* — повседневная одежда древних греков, рубаха без рукавов.

48. С, 1912, № 36, с. 10, в специальном номере, посвященном столетию Отечественной войны. *Вещал о сорока веках*. Во время похода в Египет (1798—1801) Наполеон, согласно легенде, произнес: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид».

49. С, 1912, № 44, с. 7.

50. НС, 1913, № 24, с. 7.

51. НС, 1914, № 17, с. 5, в специальном номере, посвященном 25-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина. Направлено против юмористов буржуазной печати, которые принижали и мельчили традиции великого сатирика. *Тимбукту* — древний город в Африке.

52. НС, 1914, № 12, с. 10, в специальном номере, посвященном германскому милитаризму. *Паладин* — доблестный рыцарь, бескорыстный поклонник дамы. *Апаш* — хулиган, разбойник.

ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ

Евгений Венский — псевдоним Евгения Осиповича Пяткина (1885—1943). Родился в семье дьячка в селе Тимерсяны, Симбирской губ. С двенадцати лет учился в бурсе (Симбирск), затем в Казанской духовной семинарии, откуда по истечении четырех лет был исключен. На протяжении года работал учителем, потом стал профессиональным литератором. В 1905 г. под псевдонимом «Во Евгений» начал печататься в сатирическом журнале «Зритель»; в 1906—1907 гг. принимал участие в издании журнала «Метеор» (Казань), затем выступал во многих периодических изданиях, был постоянным сотрудником «Сатирикона» и «Нового сатирикона». Широкою известность приобрел сборник пародий Е. Венского «Мое копыто. Книга великого пасквиля», вышедший двумя изданиями (1910, 1911). Отдельно был издан также его сборник «Сатира и юмор» (1912), а во время первой мировой войны — книга «В тылу» (1915). После Октябрьской революции активно сотрудничал в советских сатирических журналах: «Красный ворон», «Бегемот», «Бузотер», «Дрезина», «Красный перец», «Заноза», «Смехач», «Крокодил». Жизнь Е. Венского оборвалась трагически.

53. МК-1, с. 123, под загл. «Пасквиль», в разделе «Взгляд и нечто», с вариантами. Печ. по МК-2, с. 114, в разделе «Pro domo sua» («По личному поводу» — лат.). *Корней* — К. И. Чуковский. *На вся пишты не шел войной*. Имеются в виду хлесткие статьи Чуковского о современных поэтах. *Шматков Егор* — имя, по всей вероятности, вымышленное. *Смоленский* — псевдоним А. А. Измайлова. *Кальян* — восточный курительный прибор. *Луга* — город в Петербургской губернии. *Пилад с Орестом* (греч. миф.) — верные друзья; имена их стали нарицательными для обозначения преданной дружбы.

54. МК-2, с. 72. Пародия на стих. Игоря Северянина «Хабанера». Первые два ст. — цитата из этого стих.

55. МК-2, с. 115, в разделе «Pro domo sua». *Мойка* — река в Петербурге.

56. С, 1912, № 42, с. 7. Эпиграф — из арестантской песни фольклорного происхождения. *Арест...* — недописанное слово «арестантская». *Голубой картуз* — принадлежность жандармской формы. *Меринос* — порода овец. «*Эрнест*» — название ресторана. *Нужно для порядка Лекцию сберечь*. По распоряжению властей, в целях «охраны порядка» на публичные лекции (иногда — и на лекции в высшие учебные заведения) назначался полицейский наряд. *Римское право* — курс лекций на юридических факультетах.

57. С, 1912, № 47, с. 2. *Переселенческое управление* — учреждение, ведавшее переселением крестьян, см. примеч. 1. *Штундисты* — сектанты (члены евангелическо-баптистской секты).

58. НС, 1913, № 17, с. 2. Перепев стих. Н. А. Некрасова «Калистрат». Загл. — перефразировка изречения Ювенала: «*Mens sana in corpore sano*» («В здоровом теле — здоровый дух»). *Кас... ушка* —

Л. А. Кассо. *Митрофанушка, Цифиркин, Кутейкин* — персонажи комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». *Цугундер* — наказание за провинность (разговорное «взять на цугундер» — привлечь к ответу, наказать). *Шагистика* — строевые упражнения. *Ундер* — унтер-офицер.

59. НС, 1913, № 2, с. 7. *Новый закон о печати* — см. примеч. 16. *Передовик* — здесь: автор передовой газетной статьи.

В. В. ВОИНОВ

Владимир Васильевич Воинов (1878—1938), выступавший в печати также под псевдонимами: В. В. В., Тривэ и др., родился в семье донского казака. Принимал участие в первой русской революции. Был постоянным сотрудником «Сатирикона» и «Нового сатирикона», печатался также в журналах «Красный смех», «Бич». В 1916 г. издал роман «Чертово колесо», в 1917 г. — книгу «Политические сказки и басни». После Октябрьской революции работал в РОСТА, печатался во многих сатирических журналах, писал, кроме стихотворных фельетонов и басен, комедии, театральные обозрения, рассказы и стихи для детей. Умер в Ленинграде.

60. С, 1909, № 35, с. 3, подпись: В. В. В. Перепев стих. К. Д. Бальмонта «Ангелы опальные». *Россия в кавычках* — газета «Россия», орган министерства внутренних дел. *Мирно-бутербродная*. «Бутербродными» называли продажных журналистов.

61—63. С, 1909, № 40, с. 7, в цикле «Обзор печати». Первое четверостишие — перепев стих. М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль». 1. «*Русь*» — либеральная газета кадетского толка. На «*братце Иоанне*» — на разоблачениях Иоанна Кронштадтского; в стих. подчеркивается, что этим исчерпывались «оппозиционность» газеты и ее кратковременная популярность. 2. «*Речь*» — центральный орган партии кадетов (см. примеч. 26). «*Дело*», «*Мысль*» — названия журналов. 3. «*Русское знамя*» — см. примеч. 46. В дни «измены». На языке правительственной печати «днями измены» назывались дни первой русской революции. *Кабинет «два ноля»* — туалетная комната.

64. С, 1912, № 8, с. 7. *Суций* — бог.

65. С, 1912, № 10, с. 3. «*Сорок человек и восемь лошадей*» — надпись на вагонах воинских эшелонов. «*Вестник*», «*Голос*», «*Край*» — распространенные названия газет.

66. С, 1912, № 16, с. 2, в специальном «дипломатическом» номере. *Савватий, Зосима* — «святые» в христианском вероисповедании. *Артур* (Порт-Артур), *Мукден, Цусима* — места наиболее кровопролитных сражений в период русско-японской войны 1904—1905 гг. *Государственный делец* — С. Ю. Витте, возглавлявший русскую делегацию на переговорах в *Портсмуте* (США), где в августе 1905 г. был заключен мирный договор с Японией.

67. С, 1912, № 45, с. 6, в подборке материалов, посвященных А. И. Гучкову в связи с его провалом на выборах в IV Государственную думу, см. примеч. 2. *Был в «маврах»... и смело может уходить*. Здесь обыгрывается известная реплика из драмы Ф. Шиллера «Заговор Фнеско в Генуе»: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». *Октябрист* — см. примеч. 11.

68. С, 1913, № 2, с. 5. *От различных «положений»*. Имеются в виду правительственные инструкции, указания и постановления, уточняющие и расширяющие действие «Устава о печати».

69. С, 1913, № 10, с. 14. *Пьеса Смурского* — «Распродажа жизни. Современные сцены» (1910), посвящена нравам и быту молодежи.

70. С, 1913, № 18, с. 2. Об этом стих. см. во вступ. статье, с. 22—23.

71. НС, 1913, № 3, с. 7, в цикле «Спички». В загл. обыграны названия двух нашумевших романов: «Яма» А. И. Куприна (1910) и «Ключи счастья» А. А. Вербицкой (в пяти томах, 1909—1913). *Куприцкая* — контаминация имен обоих писателей.

72. НС, 1913, № 6, с. 6. *Десница* — правая рука.

73. 1913, № 24, с. 2. *Приобрел себе значок*. Имеется в виду значок «Союза русского народа», см. примеч. 144.

74. НС, 1913, № 21, с. 3. «*Русские ведомости*» — либеральная газета, орган кадетов (см. примеч. 26). Инцидент, о котором сообщала газета, произошел 6 октября 1913 г. в Петербурге, в «Литературно-художественном кружке». *Пристав* — см. примеч. 20. *Околоточный* — околоточный надзиратель, один из нижних чинов городской полиции.

75. НС, 1914, № 13, с. 2. *Цусима* — см. примеч. 8. *Афина* (греч. миф.) — богиня мудрости, почитавшаяся и как богиня-воительница. *Матчиш* — эстрадный танец.

В. ВОЛЖЕНИН

В. Волженин — псевдоним Владимира Моисеевича Некрасова (1886—1942), другие псевдонимы: Трель, Н. Красов, Р. В. Родился в Москве, в семье священника. По окончании гимназии поступил в духовную семинарию; бросив ее, продолжал образование на юридическом факультете Московского университета. Печатался с 1906 г. В 1909 г. начал активно сотрудничать в журналах «Будильник» и «Сатирикон». В чине поручика принимал участие в первой мировой войне. С 1918 г. — в рядах Красной Армии, на командирских должностях. В 1920 г. стал членом Коммунистической партии. После ранения, полученного на фронте, работал в ревтрибунале и в отрядах особого назначения. Как поэт сотрудничал во многих сатирических журналах советского времени: «Красный ворон», «Дрезина», «Пушка», «Ре-

визор», «Смехач», «Бсгемот», «Красный лапоть», «Безбожник» и др. Писал также для театра, эстрады и кино. В начале Великой Отечественной войны выступал с агитационными и сатирическими стихами по радио из блокированного Ленинграда. Будучи эвакуирован в феврале 1942 г., скончался по дороге (в Ярославле).

76. Б, 1909, № 9, с. 4, подпись: Трель.

77. С, 1909, № 45, с. 11, подпись: Владимир Некрасов. *Марон Вергилий шел по аду*. В первой части «Божественной комедии» Данте описано путешествие ее героя по аду в сопровождении Вергилия.

78. С, 1909, № 47, с. 3, подпись: Владимир Некрасов.

В. В. ВОРОВСКИЙ

Вацлав Вацлавович Воровский (1871—1923) — революционный деятель, литератор, советский дипломат. Родился в семье польского инженера в Москве, учился в Высшем техническом училище, участвовал в студенческих революционных кружках. За революционную деятельность отбывал тюремное заключение и был сослан. В 1902 г. эмигрировал, сотрудничал в ленинской «Искре», редактировал вместе с В. И. Лениным большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий». В 1905—1911 гг. вел партийную работу в России, в эти годы активно выступал как литературный критик, фельетонист и поэт (в газете «Одесское обозрение» в 1908 г. печатались его стихотворные пародии на декадентов). В 1912 г. снова был сослан, в 1915 г. вторично эмигрировал. После Октябрьской революции — полпред СССР в скандинавских странах, в Италии, участник международных конференций в Генуе и Лозанне. Убит в Лозанне белогвардейским террористом.

79. «Одесское обозрение», 1908, 9 ноября, в подборке «Лягушка. Орган молодых амфибий», представляющей собой пародию на декадентский журнал; подпись: Редактор-издатель Фавн. В стих. пародируется поэзия символистов.

80. «Одесское обозрение», 1908, 9 ноября, в той же подборке и с той же подписью, что и предыдущее стих.

И. К. ВОРОНОВ

Иван Карпович Воронов жил в Воронеже, в 1900-е годы участвовал в революционном движении, находился временами на нелегальном положении, в конце 1909 г. переселился в Петербург, а спустя полгода эмигрировал в Англию. Осенью 1911 г. вернулся в Россию, дальнейшие сведения о нем отсутствуют. (По некоторым данным, он служил в Воронежской земской управе, а в начале 1920-х годов был преподавателем Воронежского университета.) К 1909—1911 гг. относится переписка Воронова с М. Горьким. Стихи поэта, посланные Горькому на Капри (Италия), были им одобрены и напечатаны в

сборниках «Знание». Среди этих стихов — цикл «За решеткой», дающий основание предполагать, что их автор за свою революционную деятельность подвергался тюремному заключению.

81. Сборник т-ва «Знание», кн. 37, СПб., 1911, с. 3. Как сообщает автор в письме к М. Горькому от 21 ноября 1910 г. (хранится в Архиве А. М. Горького), стих. написано на мотив произведений английского поэта Э. Карпентера.

И. Н. ВОСТОКОВ

Иона Никифорович Востоков (псевдонимы: Инвос, И. Никифорович) печатался с 1900-х годов, сотрудничал в журналах «Развлечение», «Сатирикон».

82. С, 1913, № 17, с. 3. *Урядник* — низший чин уездной (сельской) полиции.

Г. А. ВЯТКИН

Георгий Андреевич Вяткин (1885—1941) с 1900 г. печатался в сибирских изданиях. В 1907 г. выпустил в Томске сборник «Стихотворения», в последующие годы там же — сборники стихов «Грезы Севера» и «Под северным солнцем». Со стихами Вяткина в 1912 г. ознакомился М. Горький (см. Собр. соч. в тридцати томах, т. 29, М., 1955, с. 246, 291—292). В 1913 г. поэт сотрудничал в «Сатириконе». В 1917 г. вышли из печати книги стихов Вяткина «Алтай» и «Опечаленная радость», а в 1923 г. — сборник «Чаша любви», объединивший стихи 1917—1922 гг. К январю 1935 г. относится последнее письмо Горького к Вяткину, в нем говорится: «Итак — Вы отработали в русской литературе как поэт и прозаик 35 лет. Искренно и горячо поздравляю Вас» (Собр. соч., т. 30, М., 1955, с. 370).

83. С, 1913, № 44, с. 2. *Бикс* — китайский бильярд (с наклонной доской небольших размеров). *О турках и сербах* — речь идет о Балканской войне, см. примеч. 114. *О китайской республике*. В 1911—1913 гг. в Китае произошла буржуазная революция, в ходе которой была свергнута деспотическая маньчжурская династия Цинов и провозглашена республика.

А. И. ГОМОЛИЦКИЙ

Александр Иванович Гомолицкий выступал в печати под псевдонимами: Ното, Лохматый господин, Чертенюк и др. С 1890-х годов на протяжении многих лет сотрудничал в сатирических журналах «Осколки», «Искра», «Стрекоза», «Шут»; особенно часто печатался в журнале «Будильник».

84. Б, 1911, № 11, с. 2, подпись: Лохматый господин.

85. Б, 1911, № 15, с. 10, подпись: Чертенюк.

86. Б, 1911, № 18, с. 2, подпись: Лохматый господин. В «списках» — в списках кандидатов на выборы в Государственную думу. *Забывать о Третьей нашей думе.* III Государственная дума, избранная на основе реакционного избирательного закона от 3 июня 1907 г., имела черносотенно-кадетский состав и проводила политику помещиков и крупной буржуазии.

87. Б, 1912, № 8, с. 11, подпись: Лохматый господин. *Что любой недород...* — см. примеч. 90.

88. Б, 1912, № 12, с. 4, подпись: Лохматый господин. *Верб* — базар в «вербную субботу» (религиозный праздник у православных за неделю до Пасхи).

89. Б, 1912, № 16, с. 3, подпись: Ното.

90. Б, 1912, № 4, с. 7, подпись: Ното. Перепев народной песни «Дубинушка». Написано в связи с приездом в Россию в январе 1912 г. английской парламентской делегации. В *полосе недорода.* В 1911—1912 гг. в 60-ти губерниях России, охваченных неурожаем, свирепствовал голод. *Урядник* — см. примеч. 82.

91. Б, 1912, № 11, с. 3, подпись: Лохматый господин. Написано в связи с утверждением государственного бюджета. *Голодающие* — см. примеч. 90.

92. Б, 1912, № 17, с. 8, подпись: Лохматый господин. В *Четвертую думу попасть.* III Государственная дума просуществовала до июня 1912 г. Выборы в IV Думу состоялись осенью того же года.

93—94. Б, 1912, № 26, с. 7, подписи: Ното (1) и Чертенок (2). *Дума третья* — см. примеч. 86. *Хоть умерла...* — см. примеч. 92. *Возвысив странного Гучкова* — см. примеч. 2.

95—97. Б, 1912, № 29, с. 3, подпись: Чертенок. *Предвыборные* — в связи с выборами в IV Государственную думу, см. примеч. 92. 1. *Кутья* — кушанье (рис с изюмом или крупа с медом), которое, по православному обычаю, едят на похоронах. 2. *«Потешные»* — подразумевается «потешное войско» юного Петра I, набранное из его приятелей и добровольцев.

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) родился в семье петербургского чиновника, литератора-этнографа. Учился он на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Первые сборники стихов («Ярь» и «Перун») выпустил в 1907 г. С 1908 г. на протяжении нескольких лет сотрудничал в журнале «Сатирикон», где подписывал свои стихи псевдонимом «Сатир». До революции издал ряд поэтических сборников, занимал видное положение в группе поэтов-акмеистов. В 1920 г. выпустил стихотворную книжко-лубок «Пан-Жупан, долой обман! Дружеская беседа красноармей-

ца с польским паном». После гражданской войны сотрудничал в советских сатирических журналах. В 1923 г. в библиотеке «Крокодила» вышла его антирелигиозная стихотворная повесть «Тьма да ложь, две старушки божьи тож». Городецкий — автор многих стихотворных произведений, написанных в советские годы, а также нескольких повестей. Умер в Москве.

98. С, 1908, № 3, с. 2, подпись: Сатир. *Пристав* — см. примеч. 20. *Таврида* — древнее название Крымского полуострова.

99. С, 1908, № 16, с. 4, подпись: Сатир. *Каменноостровский* — проспект в Петербурге, ведущий к Каменному острову.

100. С, 1909, № 33, с. 3. *Лета* (греч. миф.) — река забвения.

101. С, 1910, № 4, с. 6. Перевод стих. К. Гамсуна того же названия. *Халлинг* — норвежский танец. *Слоттен* — грустная, прощальная песня.

102. С, 1912, № 6, с. 13. *Вознесенский* — проспект в Петербурге.

М. ГОРЬКИЙ

Максим Горький — псевдоним Алексея Максимовича Пешкова (1868—1936). В юношеские годы писал стихи, которые позднее были утеряны. Став известным писателем, Горький продолжал заниматься поэзией, в частности сочинял пародии на стихи декадентов. Образцы пародийного стихотворного юмора Горького рассеяны по многим его произведениям (фельетоны самарского периода; рассказы «Грустная история», «Разговор по душе», «О писателе, который знался», «Тюрьма»; повести «Трое» и «Городок Окуров»; пьеса «Дачники»). Особенно широко представлены они в «Русских сказках» (стихи безымянного поэта-пессимиста, стихи Егорки, «поэзы» Смертяшкина) и в романе «Жизнь Клима Самгина» (стихи Иноква, стихи дьякона). В годы первой революции Горький активно сотрудничал в передовых сатирических журналах («Жупел», «Жало», «Адская почта»); в дальнейшем проявлял большой интерес к творчеству поэтов-сатириков (Саши Черного, Д. Бедного, В. Маяковского), способствовал публикации их произведений. В журнале «Современник» (1912) Горький руководил отделом сатиры, в большевистском ежемесячнике «Просвещение» — отделом беллетристики, где печатал и сатирические стихи. Горький внимательно следил за советскими сатирическими журналами, печатался в одном из них («Чудак») и оказал большое влияние на развитие советской сатиры. Стихотворные произведения Горького собраны в кн.: «М. Горький и поэты „Знания“», «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1958.

103—110. «Русское слово», 1912, 16 декабря, в тексте «Сказки» из цикла «Русские сказки» (в позднейших изд. — сказка 3). *Смертяшкин* — персонаж этой сказки, поэт Евгений Закивакин, начавший свой литературный путь с сочинения рекламных стихов для «Анонимного бюро похоронных процессий». Став затем сотрудником модного

журнала «Жатва смерти», он избрал псевдоним «Смертяшкин». Псевдоним этот отражает основной тон и содержание его произведений («поэз»), в которых воспеваются брэнность человеческого существования, бессмысленность бытия, ведущего к смерти. Стихи Смертяшкина — пародия на «замогильную» лирику декадентов, в частности на пессимистические мотивы в творчестве Ф. Сологуба, З. Гиппиус и др. «Вероятно, когда я писал Смертяшкина, то «в числе драки» имел в виду пессимизм Сологуба, — сообщил М. Горький (Собр. соч. в тридцати томах, т. 30, М., 1955, с. 275). Впервые имя Смертяшкина появилось в статье Горького «Разрушение личности» (1909): «...певцы смерти, господя Смертяшкины, действительно и неизлечимо отравляются страхом ее, бледнеют, вянут и жалобно кричат: „Погибаем, ибо нет личного бессмертия!“» (Собр. соч., т. 24, М., 1953, с. 70). 1. *Погост* — кладбище. 8. *Парка* (римск. миф.) — одна из трех богинь, прядущих нить человеческой судьбы.

М. ДЕНИСОВ

Михаил Иванович Денисов (псевдоним: Денис) до революции сотрудничал в журнале «Будильник», осенью 1918 г. — в московском сатирическом журнале «Грубиан».

111. Б, 1911, № 25, с. 2. В «штрафных» *затаскан* — имеются в виду «штрафные журналы» (для записи проступков учащихся), «штрафные списки» (списки провинившихся или неблагонадежных), «штрафные роты» (для отбывания наказания военнослужащими) и т. п.

Н. Ф. ДИНГЕЛЬШТЕДТ

Николай Ф. Дингельштедт (р. 1852) подписывался псевдонимами: Дин-т, Динем, Энде. С 1898 г. на протяжении 10 лет печатался в журнале «Осколки». Затем сотрудничал в «Стрекозе» и «Сатириконе».

112. «Стрекоза», 1908, № 22, с. 14, подпись: Дин-т.

113. С, 1909, № 12, с. 7, подпись: Дин-т. *Северная Пальмира* — поэтическое наименование Петербурга, установившееся в русской литературе с конца XVIII в. *Парма* — город в Италии.

А. ДМИТРИЕВ

Александр Дмитриев (псевдонимы: Ад, Ад1 и др.) с 1900 г. печатался в «Стрекозе», затем — в журналах «Шут», «Сатирикон», «Будильник». В 1915 г. выпустил книгу стихов «Песни невольника».

114. Б, 1912, № 48, с. 6, подпись: Ад. Речь идет о Первой Балканской войне (с октября 1912 г. по май 1913 г.) между Болгарией, Сербией, Грецией, Черногорией — с одной стороны, и Турцией — с другой. В этой войне балканские страны отстаивали свою независимость

от турецкого ига. *Константинополь* (ныне Стамбул) — столица Турции до 1923 г. *Шипка* — горный перевал в Болгарии; во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. служил линией обороны русских и болгарских войск, а затем исходным рубежом для их наступления против турецкой армии.

А. П. ДОБРОХОТОВ

Анатолий Павлович Доброхотов (р. 1874), выступавший в печати также под псевдонимом «Мечтательный рыцарь», с 1890-х годов сотрудничал в журнале «Развлеченье», в 1908 г. — в журнале «Зритель». Стихи за двенадцать лет (1900—1912) собраны в его книге «Песни воли и тоски» (1913).

115. «Зритель», 1908, № 8, с. 2. Сатирический перепев собственного стихотворения «По дороге в Симеиз» (см.: Анатолий Доброхотов, Песни воли и тоски, М., 1913, с. 12). *Симеиз* — курортный городок в Крыму. *Муэдзин* — служитель при мечети.

116. «Зритель», 1908, № 10, с. 7, подпись: Мечтательный рыцарь. Ник Картер и Нат Пинкертон — сыщики, персонажи детективных романов, широко распространенных в России. «Сатир» — под этим названием с 1896 г. выходили альбомы и альманахи, содержащие рассказы, анекдоты и карикатуры низкопробного свойства. «Вопросы пола» — журнал, посвященный сексуальным проблемам; выходил в 1908—1909 гг.

ПАВЕЛ ЕГОРОВ

117. «Зритель», 1908, № 8, с. 7. «Голос Москвы» — орган октябристов (см. примеч. 11). «Русская земля» — реакционно-монархическое издание. «Вече» — орган черносотенцев.

В. А. ЗОРГЕНФРЕЙ

Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882—1938) подписывался псевдонимом «Гильом ZZ». Родился в семье военного врача в Аккермане, под Одессой. В декабре 1904 г. опубликовал в газете «Новая жизнь» сатирическую повесть «Пробуждение потока» — о русско-японской войне. Затем сотрудничал как поэт в журналах «Зритель», «Маски», «Сатирикон». Единственная его книга лирических стихов — «Страстная суббота» — вышла в 1922 г. В последующие годы занимался переводческой деятельностью.

118—121. С, 1908, № 7, с. 4, подпись: Гильом ZZ. *Санин* — герой одноименного романа М. П. Арцыбашева (1907), проповедующий антиобщественные идеи, культ эротики и «свободного эгоизма». «Четыре» — рассказ А. П. Каменского (1907), посвященный, как и некоторые другие произведения этого автора, культу «естественной», «свободной» любви. «Грех» — повесть В. Муйжеля (1908).

Александр Алексеевич Измайлов (1873—1921), выступавший в печати под псевдонимами: А. Смоленский, Аякс и др., родился в Петербурге в семье дьякона. Окончил духовную академию, состоял на педагогической службе по духовному ведомству. Печататься начал в 1895 г.; писал стихи, рассказы, повести (в их числе автобиографическая повесть «В бурсе»), критические статьи. Особую известность приобрел как автор шаржей и пародий (прозаических и стихотворных). Они собраны в его книгах «Кривое зеркало» (четыре издания с 1908 по 1914 гг.) и «Осиновый кол» (1915). Сотрудничал в ряде периодических изданий. После Октябрьской революции читал лекции в Институте журналистики, в рабочих и красноармейских клубах. Умер в Петрограде.

122. КЗ-1, с. 19. *Анкудин Козодоев* — имя вымышленное. *То славное время, когда...* — ходовая формула либеральной прессы 1850—1860-х годов, высмеянная Н. А. Добролюбовым. *Павловск* — городок под Петербургом; в помещении Павловского вокзала устраивались музыкальные вечера. *Автор «Мертвого дома»* (т. е. «Записок из мертвого дома») — Ф. М. Достоевский. *Лубянка* — Лубянская площадь. *Мойка* — река в Петербурге.

123. КЗ-1, с. 32, с вариантами, в том числе — после слов «Паоло Трубецкого», вместо приводимых пяти строк:

Мещерского с идеалами Аскольда,
Колпак Пьерро с головы Мейерхольда, —
Этой жертвы поистине «действия бесовского».

КЗ-2 — с незначительными вариантами. Печ. по КЗ-3, с. 79. *Семь пар видимых... и семь пар невидимых* — по аналогии с «семью парами чистых» и «семью парами нечистых», которые, согласно библейской легенде, спаслись от всемирного потопа в Ноевом ковчеге. *Макаки* — презрительная кличка японцев. *Палку, сломанную с Бурениным в драке*. Имеются в виду яростные выступления В. П. Буренина против демократии. *Адмирала Небогатова две калоши*. Намек на бесславное участие Н. И. Небогатова, командовавшего 3-й Тихоокеанской эскадрой, в русско-японской войне 1904—1905 гг. *Корову, имевшую честь поить...* Некоторые русские генералы заводили в своих штабных обозах коров. *Паспорт патриота Шмида*. Имеются в виду реакционно-шовинистические проповеди Г. К. Шмида, в которых он ратовал за укрепление самодержавия и церкви. *Две-три истинно русских резины*. Речь идет о резиновых дубинках, которыми избивали людей участники черносотенных погромов. *Виды судов, погибших от собственной мины*. Подразумеваются случаи, имевшие место во время русско-японской войны. *Кузмина, всероссийского обер-порнографа*. Имеются в виду эротические мотивы в лирике М. А. Кузмина. *Академического диплома Горького Максима*. Речь идет об «академическом инциденте» — избрании А. М. Горького в 1902 г. почетным академиком; по распоряжению царя это избранье было признано недействительным, что вызвало протесты обществен-

ности и отказ А. П. Чехова и В. Г. Короленко от звания почетных академиков. *Семи японских миллионов на поддержание революции*. Реакционная печать и правительственные органы (в том числе Святейший синод) клеветнически утверждали, будто русские революционеры получают денежную помощь от японцев. *Витте Каменноостровский* — С. Ю. Витте проживал на Каменноостровском проспекте в Петербурге. *Проект булыгинской конституции* — проект создания законосовещательного органа (Думы), составленный по указу царя в августе 1905 г. Л. Г. Булыгиным; в связи с развитием революции проект, по которому большинство населения лишалось избирательных прав, не был осуществлен. *Куропаткинского доблестного терпения*. Речь идет о бесславной деятельности генерала А. Н. Куропаткина в качестве командующего сухопутными войсками на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг. *Алексеева токийских резиденций*. Намек на хвастливые обещания адмирала Е. И. Алексеева разгромить Японию и перенести свою резиденцию в Токио. *Служителя святого искусства Тумпакова*. Домовладелец П. В. Тумпаков был антрепренером петербургских театров «Буфф» и «Варьете». *Опереточные громы Гермогена*. Имеются в виду черносотенные выступления саратовского епископа на митингах и в церквях. *Лидваль, Гурко* — эти имена упоминаются в связи с крупной аферой, ставшей предметом судебного разбирательства: Э. Л. Лидваль взял у В. И. Гурко подряд на поставку зерна в голодающие губернии России; получив в виде аванса 800 тысяч рублей, поставки этой не выполнил. *«Балаганчик»* — пьеса А. А. Блока, высмеивающая декадентство; постановка этой пьесы в театре В. Ф. Комиссаржевской (Петербург, 1906) стала примечательнейшим событием культурной жизни России. *Стихи Вячеслава Иванова под Тредьяковского*. Параллель с Тредьяковским объясняется тем, что Вяч. Иванов в своих стихах часто прибегал к гекзаметру. *Собрание речей... Келеповского*. В своих думских речах С. И. Келеповский выступал в пользу столыпинских реформ; В. И. Ленин относил его к «полукрепостникам из националистов и октябристов» (Полн. собр. соч., т. 21, с. 119). *Черемнецкий монастырь* — мужской монастырь на острове в Черемнецком озере (Петербургская губ.). *Лидер кадетский* — П. Н. Милоков. *Черта оседлости* — ограниченная часть территории России (западные и юго-западные губернии), вне которой евреям не имели права жительства. *Шебуевские пулеметы* — см. Н. Г. Шебуев (с. 642—643). *Главное управление по делам печати* — высшее цензурное учреждение в царской России. *Скорпионы* — ядовитые паукообразные насекомые, укусы которых опасны для человека; здесь с укусами скорпиона сравнивается деятельность царской цензуры. *Демонстрировать его граммофоном* — записать проповеди Илюдора на граммофонные пластинки. *Почтить... наших славных героев тыла*. Намек на книгу Ф. П. Купчинского «Герои тыла. Очерки преступной деятельности чинов интендантского ведомства во время русско-японской войны» (1908). *Овес Дурново*. В декабре 1905 г. П. Н. Дурново был уличен в спекуляции овсом: он заключил договор на поставку из своего имения 150 тыс. пудов овса для армии, получил крупный аванс и перепродал этот овес по более дорогой цене другим покупателям, не возвратив аванса казне. *Минусинск* — город в Сибири, место ссылки деятелей революционного движения. *Ков* — заговор, коварство. *Гиппопотам* — имеется в виду

созданный П. П. Трубецким конный памятник императору Александру III в Петербурге; подчеркнута грузные фигуры лошади и седока символизировали тяжеловесную, грубую силу. *Гордика, экстраординарного плагиатора*. В 1903 г. И. К. Гордик был изобличен в крупном плагиате: повесть И. И. Ясинского «Сердце не скажет», напечатанную в 1880-х годах, он опубликовал под другим загл. в приложении к «Ниве», подписав ее своим именем; об этом было сообщено в журнале «Север» (1903, № 8, с. 60). *Коб-ский* — Л. Л. Кобылинский (псевдоним — Эллис). *Недотыкомка* — фантастическое существо в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1907).

В строках первоначального варианта (КЗ-1) нуждаются в пояснениях след. слова: *Мещерского с идеалами Аскольда*. Имеется в виду реакционная деятельность В. П. Мещерского, служившего в министерстве внутренних дел и редактировавшего черносотенную газету «Гражданин»; Аскольд, по летописному сказанию, — князь-завоеватель, захвативший в IX в. Киев, воевавший с древлянами и т. д. *Пьерро* — традиционный персонаж итальянской «комедии масок»; здесь — пародийный персонаж в пьесе А. А. Блока «Балаганчик», поставленной В. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Комиссаржевской в 1906 г. *Действо бесовское* — речь идет о постановке трагедии Ф. Сологуба «Победа смерти», осуществленной Мейерхольдом в том же театре в 1907 г.

124. БВ, веч. вып., 1909, 22 августа. Эпиграф — из романа-трилогии Ф. К. Сологуба «Творимая легенда» («Королева Ортруда» — вторая книга этого романа), см. примеч. 260. *Дульцинировало, альдонсировало* — от имени крестьянки Альдонсы Лоренсо — героини «Дон-Кихота» Сервантеса, которую Дон-Кихот называл Дульцинеей Тобосской. *Салтыковился... гневный смех* — смех сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина. *Гиль* — вздор, чепуха. *Рамолизирует* — от слова *gatti molli* (франц.), означающего старческую хилость, близкую к слабости. *Санатолит, нафедорит* — словообразования от имен Каменского и Сологуба (Анатолий и Федор).

125. КЗ-2, с. 31, с вариантом ст. 20: «Люблю звериный гонорар». Печ. по КЗ-3, с. 37. «*В башне*» — книга стихов А. С. Рославлева (1909); из которой в эпиграфе процитировано стих. «В городе». «*Пилюли Ара*», «*Одоль*» — патентованные средства, рекламировавшиеся в печати. «*Вена*», «*Капернаум*» — названия ресторанов. *Номад* (греч.) — кочевник.

126. КЗ-2, с. 7. «*Сын человеческий*» — рассказ Л. Н. Андреева, из которого взят эпиграф. *Планида* — планета, звезда. *Просвирка* — хлебцец, употребляемый в православном богослужении. *Пулька* — игра в преферанс. «*Акулька*» — название карточной игры. «*Знание*» — демократическое издательство, возглавленное М. Горьким; выпускало периодические сборники, отдельные издания произведений и собрания сочинений писателей. *Синод* — высший орган управления русской православной церковью; возглавлялся обер-прокурором. *Крылос* — клирос, место для певчих в церкви. «*Воеводи... взбранный*», «*Иже херувимами*» — православные молитвы. *Падекатр* — бальный танец. *Кэк-уок* — модный американский танец. *Шансонетка* — эстрадная пес-

ня скабрзного содержания, исполнялась в кафе-шантахах. *Эдисона чадо вредное* — фонограф (звукоспроизводящий аппарат, по принципу которого построен граммофон). *Язык огня геенского*. Геенна — ад, место вечных мук. *Чресла* — бедра. *Иов* — мифический библейский праведник, на которого, согласно легенде, бог обрушил страшные бедствия для испытания твердости его веры. *Мормоны* — американские сектанты, называвшие себя «святыми последних дней»; среди них было распространено многоженство. *Опресноки, куци* — принадлежности еврейских религиозных обрядов. *Талмуд* — собрание религиозных и правовых законоположений иудаизма. *Хочу себя обрезать*. Имеется в виду обряд обрезания, принятый у лиц иудейского и магометанского вероисповедания. *Генерация* — поколение, род; здесь — продолжение рода. *Анафема* — церковное проклятие. *Консистория* — см. примеч. 37. *Обитель Соловецкая* — православный монастырь на Соловецком острове в Белом море. *«Шиповник»* — периодически издававшийся литературно-художественный альманах.

127. КЗ-2, с. 127. Перепев баллады И. Зейдлица (точнее — Цедлица) «Ночной смотр» в переводе Жуковского; баллада посвящена Наполеону I. «Пчела» — «Северная пчела», газета, издававшаяся Ф. В. Булгариним; после восстания декабристов стала рупором монархизма и реакции. «Домашняя беседа» — еженедельная газета реакционно-монархического направления. *Страшные тени из Гойи*. Имеется в виду картина Ф. Гойи «Тени инквизиции». «Русский вестник» — журнал, выходивший с 1856 г.; после крестьянской реформы 1861 г. умеренно-либеральное направление журнала сменилось реакционно-шовинистическим; в этот период со страниц «Русского вестника» велась яростная полемика против революционных демократов, в том числе А. И. Герцена. «Домострой» — древнерусская книга (XVI в.), содержащая свод житейских правил и поучений благонамеренного характера («как веровати», «как царя чтити» и т. п.). *Куколь* — здесь: капюшон (покрывало) *клобука*, головного убора монахов.

Н. Е. КАМЕНСКИЙ

Николай Евгеньевич Каменский (псевдонимы: Никс, Кум, Корк) сотрудничал в «Будильнике» и других сатирических журналах с 1890-х годов. После Октябрьской революции печатался в молодежном юмористическом журнале «Заря» (1918—1919) и в сатирическом еженедельнике «Тачка» (1922—1923).

128. Б, 1912, № 36, с. 3, подпись: Кум. Написано в связи с празднованием столетия Отечественной войны.

129. Б, 1912, № 47, с. 5, подпись: Кум. *Какая будет голова?* Речь идет о выборах городского головы.

В. В. КНЯЗЕВ

Василий Васильевич Князев (1877—1937 или 1938), выступавший в печати также под псевдонимами: Княжевич, Базиль, Джо, Cave,

Ирод, Бедный родственник Вильгельма Теткина, Красный звонарь, Софронов внук из Великих Лук, Иван Седых и др., родился в Тюмени, в семье купца. Учился в Екатеринбургской гимназии, затем в Петербургской учительской семинарии, откуда был исключен за «крамольные» настроения. В годы первой русской революции печатал стихи во многих сатирических журналах, затем стал постоянным сотрудником «Сатирикона», выступая одновременно на страницах других изданий: «Серый волк», «Стрекоза», «Будильник», позднее — «Бич». В 1910 г. выпустил книгу «Сатирические песни», а в 1914-м — «Двуногие без перьев». В том же году, порвав с «Новым сатириконом», стал вести отдел «Маленькие фельетоны» (стихотворные отклики на злободневные темы) в умеренно-либеральной газете «День». Князев увлекался фольклором, собирал частушки и в 1913 г. издал сборник «Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки Петербургской губернии (в советские годы выпустил еще несколько сборников фольклора — частушек и пословиц). После Октябрьской революции активно сотрудничал в «Красной колокольне» (сатирическое приложение к «Красной газете»). В дни обороны Петрограда от войск Юденича вступил в Красную гвардию, выезжал с агитвагоном на передовые позиции, работал на фронтовой газете «Боевая правда». Тогда же написал знаменитую «Песню Коммуны» (с припевом: «Никогда, никогда! Никогда, никогда Коммунары не будут рабами»), широко распространенную в народе. Песня была известна В. И. Ленину (см.: Н. Крупская, О Ленине, М., 1960, с. 74). Князев сотрудничал во многих периодических изданиях советского времени, выпустил ряд поэтических сборников, опубликовал роман «Деды». Его сатира собрана в «Первой книге стихов» (1919), «Последней книге стихов» (1933) и сборнике «За четверть века» (1935). Жизнь Князева оборвалась трагически.

130. «Серый волк», 1908, № 17, с. 257. «Из ненаписанных песен Беранже» — цикл стихотворений Князева, в которых он подражал французскому поэту П.-Ж. Беранже.

131. «Стрекоза», 1908, № 20, с. 3. Подпись: В. Кн.

132. С, 1908, № 35, с. 4, с подзаг. «Поэма», с вариантами; после ст. 39 было:

«Леда! Волшебная Леда!
Ты, что отбросила прочь
Нравственно-пышные ткани,
Разума светлая дочь.
Чуждая тьмы колебаний,
О, просвети! . . Научи
Новой, безоблачной жизни!
Истины светлой лучи
В сердце усталого брызни! . . »

В кн.: Василий Князев, Сатирические песни, П., 1910, без подзаг., с эпиграфом из поэмы Н. А. Некрасова «Современники» (гл. 1. «Юбиляры и триумфаторы»):

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:

«Бывали хуже времена,
Но не было подлей!»

В этом изд. строки из первопечатного текста, приведенные выше (кроме ст. «Леда! Волшебная Леда!»), заменены точками и к ним дана сноска: «Желающих заполнить место, обозначенное точками, отсылаем к современным последователям школы Баркова». В кн.: Василий Князев, Двунogie без перьев. Сатира и юмор, (Пг.), 1914— текст книги «Сатирические песни» без сноски. В изд. 1919 — с незначительными вариантами. Печ. по изд. 1935, с. 76. Датирована. *Леда* — здесь: имя героини одноименного рассказа А. П. Каменского (1907); рассказ этот, граничащий с порнографией, приобрел среди читателей скандальную известность. «*Плошка*» — подразумевается «огарок». Литература духовного упадка, проповедовавшая аполитизм и безнравственность, получила название «огарочной» литературы; огарками в просторечии называли уличных мальчишек, подонок, босяков. В четверть *аршина поля! Около пуда бумаги!* Некоторые декадентские издания финансировались богатыми меценатами; издания эти имели большой формат и печатались на дорогой, тяжелой бумаге. «*Давыдка*» — трактир в Петербурге, одно из пристанищ столичной богемы.

133. С, 1909, № 14, с. 8, подпись: В. Кн. *Иван Рукавишников, скорбный пишт.* Стихи И. С. Рукавишникова были пронизаны мрачными настроениями, мистическими предчувствиями.

134. Б, 1911, № 2, с. 11, подпись: Василий Княжевич. *Не рюми* — не хнычь. *Шаромыжник* — бродяга, попрошайка (по предположению В. Даля — от слов: ше: аті, которыми бежавшие из России в 1812 г. голодные и оборванные французы начинали свои просьбы о помощи, обращенные к местным жителям). *Лисабета* — императрица Елизавета Петровна. *Петиметры* — светские щеголи, франты, в одежде и манерах подражавшие французам. *Анна* — императрица Анна Иоанновна.

135. С, 1912, № 33, с. 7, подпись: Джо. Написано перед выборами в IV Государственную думу, происходившими осенью 1912 г. *Четвертая дума кадетскою будет.* Агитация за «кадетскую» думу (о кадетях — см. примеч. 26) выражала стремление некоторых кругов общества направить деятельность Думы в сторону буржуазного либерализма. *Поверьте, — не Третья* — см. примеч. 86.

136. С, 1913, № 7, с. 10, подпись: Бедный родственник Вильгельма Теткина. В загл. обыграно название сборника стихотворений В. Я. Брюсова «Зеркало теней» (1912). *Илот* — раб. *Сарт* — устаревшее (ныне вышедшее из употребления) название некоторых азиатских народностей. *Чигирики* — от слова «чигирь» (простейший механизм для выкачивания воды из водоема при орошении небольшого участка — в данном случае кукурузного поля).

137. С, 1913, № 30, с. 9. «*Свисток*» — отдел сатиры в журнале революционных демократов «Современник» в 1859—1863 гг. Данное стихотворение — вводное к аналогичному разделу, задуманному, но не

осуществленному в С (см. вступ. статью, с. 14). *Октябристы* — см. примеч. 11.

138. С, 1913, № 13, с. 4, в цикле «Отрывной календарь», подпись: Джо. *IV Дума* — см. примеч. 92. «*Правда*» — см. АС.

139. С, 1913, № 14, с. 10, в цикле «Мавританские песни». «*День*» — см. АС.

140. С, 1913, № 47, с. 2, в цикле «Радикальное средство». «*Русского слово*» — см. АС. *Трижды черный*. Слово «шварц» в немецком языке означает: черный.

К. КРАВЦОВ

141. «Путь правды», 1914, 6 апреля. Сатира на провокатора, служившего в охранке.

КРАСНЫЙ

Красный — псевдоним Константина Михайловича Антипова (1883—1919), другие псевдонимы: Зарницын, Краб, Фетин. Родился в Петербурге. Литературный путь начал в сатирических журналах 1905—1906 гг. Был постоянным сотрудником «Сатирикона» и «Нового сатирикона», печатался одновременно и в других изданиях. После Октябрьской революции заведовал литературным отделом газет «Беднота» и «Коммунар», потом работал в РОСТА. Красному (А. Зарницыну) принадлежит перевод на русский язык полного текста пролетарского гимна «Интернационал» (напечатан в «Известиях», 1919, 24 января; перевод неполного текста впервые был сделан А. Я. Коцем). В декабре 1919 г., находясь в служебной командировке, заболел сыпным тифом и умер на станции Раевка под Уфой. «Константин Михайлович, — говорилось в некрологе газеты «Агит-Роста» (12 декабря 1919 г.), — был энтузиаст своего дела, идеалист в полном смысле слова и человек редкой доброты... Много молодых поэтов обязаны ему напечатанием своих первых литературных попыток».

142. «Стрекоза», 1908, № 23, с. 7. Ст. 1—2 — цитата из стих. А. С. Пушкина «Демон» (ст. 2 у Пушкина: «Все впечатленья бытия»). *В те дни* — подразумеваются дни первой русской революции. *Эсеро-ский маршрут*. Эсеры — члены социал-соглашательской партии социалистов-революционеров. *Эсдекская программа* — программа социал-демократической партии. *Туман и мрак опять кругом*. Здесь говорится о политической реакции 1908—1910 гг.

143. С, 1908, № 10, с. 7. *Кюба́* — ресторан в Петербурге.

144. «Стрекоза», 1908, № 10, с. 4. «*Союз русского народа*» — огромно-черносотенная организация, поддерживаемая правительством; осуществляла борьбу с революционным движением методами террора и бандитизма; теми же методами пользовалась в преследовании евреев. «*Русь*» — см. примеч. 61—63.

145. С, 1909, № 2, с. 2. Перепев баллады В. А. Жуковского «Светлана». *Черные* — черносотенцы. *Оркестрион* — орган с механическим заводом, имитирующий оркестр. *Черная ермолка* — предмет ритуальной одежды у евреев. *Эктенья* — от слова «ектиния» (церковное моление).

146. С; 1909, № 25, с. 3. *Государственный совет* — высшее государственное учреждение в России, формально считавшееся «верхней законодательной палатой»; в ней рассматривались и утверждались законы после их обсуждения в Государственной думе. Фактически же ни один закон не мог получить силы без санкции царя, являвшегося председателем Государственного совета (половина членов совета также назначалась царем). *На воды* — на курорты с лечебными минеральными водами.

147. С, 1909, № 49, с. 3. *Октябристы* — см. примеч. 11. «*Трудоспособной*» называла себя партия октябристов.

148. С, 1910, № 37, с. 6. *После бури* — после революции 1905—1907 гг. *Вождь правительства* — П. Н. Столыпин. *Октябристы* — см. примеч. 11. *Дума третья* — см. примеч. 86.

149. С, 1910, № 45, с. 11. *Университетский устав* — устав 1884 г., отменивший университетскую автономию (выборность ректора, деканов, профессуры) и усиливший власть правительственных чиновников. В 1905 г. под воздействием революционных событий в уставе были восстановлены некоторые права автономии, но в последующем целым рядом инструкций и указаний эти смягчения были сведены на нет. *Мерзость запустения* — выражение из Библии, получившее известность благодаря произведению М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности», где сказано, что в обществе, которое «коснеет в равнодушии к собственным интересам», «не может быть ничего иного, кроме мерзости запустения».

150. С, 1911, № 45, с. 7. В номере, посвященном провокаторам. *Тьма таинственных субъектов* — агентов тайной полиции.

151. Б, 1911, № 38, с. 3, подпись: Краб.

152. С, 1912, № 26, с. 2. *Сборник стихов* — В. Пуришкевич, В дни бранных бурь и непогоды, СПб., 1912. *Геликон* (греч. миф.) — гора, где обитали музы; в переносном смысле — место поэтического вдохновения. *Парнас* (греч. миф.) — горный массив, место пребывания Аполлона и муз; в переносном смысле — сообщество поэтов. *Союз* — «Союз русского народа», см. примеч. 144. *Даже карою Мидаса*. Невестственный царь Мидас, будучи, согласно мифу, судьей музыкального состязания Аполлона с Паном, отдал предпочтение Пану, за что Аполлон наградил его ослиными ушами; с тех пор выражение «уши Мидаса» стало синонимом невежества.

153. С, 1912, № 47, с. 3, в цикле «Песни в клетке».

154. НС, 1913, № 14, с. 11. В эпиграфе цитируется речь, произнесенная А. С. Салазкиным 16 августа 1913 г. в Нижнем Новгороде на заседании ярмарочного комитета совместно с директорами банков, судовладельцами, купцами и членами биржевого комитета; в этой речи было заявлено желание торгово-промышленной буржуазии участвовать в государственном управлении. Присутствовавший на заседании В. Н. Коковцов оставил слова Салазкина без внимания.

155. НС, 1914, № 8, с. 2. *Улисс* (Одиссей) — герой поэмы Гомера «Одиссея», много лет странствовал по морям. *Сцилла и Харибда* (греч. миф.) — чудовища, обитавшие в Мессинском проливе; они уничтожали мореплавателей, которые осмеливались пройти через пролив; быть между Сциллой и Харибдой — находиться между смертельными опасностями. *Любимых мэтров запретный груз* — запрещенные стихи любимых поэтов. *Волны красного чернила* — красные чернила цензора. *Цирцея* (греч. миф.) — волшебница, *Калипсо* (греч. миф.) — нимфа, персонажи «Одиссеи» Гомера; оба имени служат нарицательными обозначениями красавиц. *Циркуляры* — распоряжения Главного управления по делам печати.

156. НС, 1914, № 20, с. 13. *Гранды* — испанские дворяне из придворной знати. *Скипетр* — жезл, являющийся знаком царской (королевской) власти.

Ф. Т. КУЛИКОВ

Ф. Т. Куликов (псевдонимы: Кулик, Эф, — лик) как поэт-сатирик дебютировал в периодических изданиях 1905—1906 гг. («Водоворот», «Анчар», «Аргус» и др.). В 1907 г. редактировал сатирический журнал «Еж», где также печатал стихи. Затем сотрудничал в «Сатириконе» и «Будильнике», участвовал в ряде юмористических альманахов.

157. С, 1908, № 19, с. 7, подпись: Кулик.

А. И. КУПРИН

Александр Иванович Куприн (1870—1938) родился в семье мелко чиновника г. Наровчата, Пензенской губ. С семи до десяти лет воспитывался в пансионе, затем длительный срок (1880—1890) провел в закрытых военно-учебных заведениях. Находясь в кадетском корпусе, писал стихи, среди которых — сатирическая «Ода Каткову». Первый свой рассказ опубликовал в «Русском сатирическом листке» (1889). Оставив впоследствии военную службу, стал профессиональным литератором. В годы, предшествовавшие первой русской революции, был близок к М. Горькому и входил в группу писателей, объединившихся вокруг горьковского издательства «Знание». С 1908 г. печатался в журнале «Сатирикон». Широчайшую известность получил как автор повестей «Молох», «Поединок», «Олеся», «Суламифь», рассказов «Гамбринус», «Гранатовый браслет», «Анафема» и многих других. В 1918—1919 гг. сотрудничал в издательстве «Всемирная литература», руководимом Горьким. Осенью 1919 г. эмигрировал, в 1937 г. вернулся на родину. Умер в Ленинграде.

158. С, 1908, № 30, с. 3. *Козерог* — горный козел. *Кентавр* (греч. миф.) — получеловек-полулошадь; племя кентавров отличалось неистовой дикостью. *Альгвазил* — см. примеч. 11; здесь — полицейский. *Канкан* — французский эстрадный танец. *Заключение в Башне*. Помимо прямого смысла эти слова содержат намек на книгу стихов А. С. Рославлева «В башне» (1907).

В. Н. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

Владимир Николаевич Ладыженский (1859—1932) родился в селе Александровка, Саратовской губ. в помещицкой семье. Долгое время занимался земской просветительской деятельностью в Пензенской губ. С 1893 г. переключился на литературное поприще. Первую книгу стихов опубликовал в 1896 г., вторую — в 1908 г. Редактировал выходившую в Пензе прогрессивную газету «Перестрой» (1906). В 1910 г. сотрудничал в «Сатириконе». Выпустил «Историю русской литературы для школ и народа», составленную из бесед, проведенных им в народных школах. Умер в эмиграции (в Ницце).

159. С, 1910, № 4, с. 5. Ссылка в подзаг. на «рукопись XVII в.» имеет фиктивный характер; она дана для устранения цензурных препятствий. То же относится к подзаг. в двух последующих стих.

160. С, 1910, № 8, с. 8. Подзаг. — см. примеч. 159. *Промессы* — обязательства, обещания. *Метрессы* — здесь: любовницы. *Жантиль-ом* — дворянин; здесь: светский лев. *Пейзане* — крестьяне.

161. С, 1910, № 13, с. 6. Подзаг. — см. примеч. 159. *Шпицрутен* — длинный гибкий прут, употреблявшийся для избивания провинившихся солдат. Строфа 2 — перепев нескольких строк стих. А. С. Пушкина «Бесы».

162. С, 1910, № 31, с. 2.

А. С. ЛАЗАРЕВ-ГРУЗИНСКИЙ

Лазарев-Грузинский (наст. фамилия — Лазарев) Александр Семенович (1861—1927) подписывался также псевдонимами: Ариэль, Заноза, Хома Брут, Человек, который смеется, и др. Печататься начал в 1883 г. Был секретарем редакции «Будильника»; с 1902 г. сотрудничал в журнале «Осколки», затем — в «Осе» и других сатирико-юмористических изданиях. Жил и умер в Москве.

163. «Осколки», 1908, № 15, с. 4, подпись: Ариэль. «*Крылья*» — повесть М. А. Кузмина; в ней поэтизируются извращенные формы любви.

В. С. ЛИХАЧЕВ

Владимир Сергеевич Лихачев (1849—1910), выступавший в печати также под псевдонимами: Читатель, Мирный, Сомневающийся,

Маститый, Аполлон Рифмачев, Езоп Лафонтенов и др., — родился в Полтаве. Литературную деятельность начал в 1877 г. в журнале «Будильник». В 1891 г. выпустил книгу «Сочинения и переводы». В 1905 г. печатался в журнале «Зритель». В последние годы жизни был постоянным сотрудником «Сатириконе».

164. С, 1908, № 27, с. 5. *Охранники* — служащие тайной полиции (охранки).

165. С, 1908, № 28, с. 2.

166. С, 1908, № 33, с. 9, подпись: Аполлон Рифмачев.

167. С, 1913, № 10, с. 7. Датируется по содержанию (1908 г. — последний год неурожая и голода в России при жизни поэта). *Тать* — вор, грабитель.

168. С, 1909, № 9, с. 5. *Тать* — см. примеч, 167. *И, штраф платя*. . . Имеется в виду система штрафов, применявшаяся правительством против прогрессивных изданий.

169. С, 1909, № 19, с. 7.

170. С, 1909, № 30, с. 5. *Черный кабинет* — камера для перлюстрации (просвечивания) закрытых писем; такие камеры были обору- дованы тайной полицией для контроля над частной перепиской.

171. С, 1909, № 33, с. 3, подпись: Аполлон Рифмачев. *Передоновщина* — от имени Передонова, героя повести Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» (1907), — учителя гимназии, злобствующего обывателя, при- служника реакции. *Азефщина* — от имени провокатора Е. Азефа.

172. С, 1909, № 5, с. 2. Перепев стих. М. Ю. Лермонтова «Спор», откуда и взят второй эпиграф. *Тороватый* — щедрый.

173. С, 1910, № 11, с. 10.

174. С, 1910, № 14, с. 4.

175. С, 1910, № 29, с. 6.

С. Я. МАРШАК

Самуил Яковлевич Маршак (1887 — 1964) как поэт-сатирик под- писывался псевдонимами: Д-р Фрикен, Уэллер. Родился в Воронеже в семье заводского мастера. Писать стихи начал с детских лет; близ- кое участие в его литературной судьбе приняли В. В. Стасов и М. Горький. Печататься начал в 1907 г., с 1908 г. сотрудничал в «Са- тириконе», затем публиковал сатирические стихи в «Биржевых ведо- мостях», «Всеобщей газете», журнале «Солнце России» и других изданиях. В 1912 г. уехал для продолжения образования в Англию, слушал лекции в Лондонском университете. По возвращении в Рос- сию много работал над переводами английских и шотландских поэ- тов. В 1923 г. выпустил первую книгу стихов для детей, за которой

последовали многие другие, принесшие автору широчайшую известность. Писал также пьесы, лирические стихи и продолжал работать в области стихотворной сатиры: сотрудничал в «Крокодиле», «Правде», в детских юмористических журналах («Ерш», «Сверчок», «Веселые картинки»), а также в сатирических изданиях военного времени: «Перекрестным огнем» (1942), «Фронтowej юмор» (1941—1945). Незадолго до смерти создал сборник стихов «Лирические эпиграммы». Умер в Москве.

176. «Всеобщая газета», 1911, 20 декабря, подпись: Уэллер. *Праздничное* — написано в связи с рождественским праздником. *Триполитанские дум-дум* — разрывные пули, применявшиеся в Триполитанской войне (войне против Турции, начатой Италией в сентябре 1911 г. с целью захвата турецких владений в Африке). *Богдыхан* — китайский император. *Китайский президент республики* — см. примеч. 83. *Скальд* — поэт и певец в древних скандинавских странах.

177. «Солнце России», 1912, № 12, с. 12, подпись: Д-р Фрикен. *Дум-дум* — см. примеч. 176. *Данс-макабр* (франц.) — танец смерти. *Антраша* — смешной, затейливый прыжок в танце. «*У последней черты*» — роман М. Арцыбашева (1910).

178. БВ, веч. вып., 1912, 2 июня, подпись: Д-р Фрикен. *Июня третьего числа* — см. примеч. 86. *Глубокой осенью вошла в Таврический дворец*. III Государственная дума открылась 1 ноября 1907 г. в Таврическом дворце Петербурга. *Совет* — Государственный совет, см. примеч. 146. *Меж тем министров кабинет* и т. д. Здесь говорится о прислужничестве Государственной думы перед царским правительством. *Вермишель* — обиходное название мелких вопросов, обсуждением которых были перегружены заседания Думы.

179. БВ, утр. вып., 1912, 1 августа, подпись: Д-р Фрикен. Эпиграф — из стих. А. С. Пушкина «Из Гафиза». Приводимый текст является перепевом этого стих. Написано в связи с выборами в IV Государственную думу, см. примеч. 92. *С крайней правой* — с силами реакции, поддерживающими правое крыло Думы. «*Разъяснить твой думский ценз*». Далее речь идет о мелких правонарушениях, позволявших властям лишать избирателей права участвовать в выборах.

180. БВ, веч. вып., 1912, 1 августа, подпись: Д-р Фрикен. Сатирический отклик на первые декларации художников-футуристов.

181. «Аргус», 1917, № 4, с. 95, подпись: Д-р Фрикен. «*Путевая тетрадь*» велась автором во время его поездки по Англии летом 1913 г. Приводимый текст является частью стихотворного дневника, который Маршак вел в путешествии с 20 июля по 6 августа 1913 г. Дневник сохранился в архиве поэта. *Армия спасения* — реакционная религиозно-филантропическая организация, основанная в Англии в 1865 г.; члены этой организации носят форменную одежду; одна из ее задач — «спасение» падших людей. *Канкан* — см. примеч. 158.

182. БВ, веч. вып., 1913, 31 декабря, подпись: Д-р Фрикен. Перепев стих. А. С. Пушкина «Делибаш». *Год-покойник* — 1913 г. *Раз-*

громил он октябристов. В конце 1913 г. октябристы (см. примеч. 11), имевшие в Государственной думе 120 мандатов, раскололись на три фракции: «правых», «земцев» и «левых». *Эго, кубо* — эгофутуризм, кубофутуризм, модернистские течения в русском искусстве. *Избирательные клики*. Имеются в виду выборы городского головы в Москве: ни один из кандидатов не получил нужного для избрания числа голосов. *Годом «ритуальным»*. В 1913 г. в Киеве состоялся суд над евреем М. Бейлисом, против которого реакционные элементы, при поддержке правительства, сфабриковали обвинение в ритуальном убийстве. Под давлением широкой волны общественного протеста суд присяжных был вынужден вынести Бейлису оправдательный приговор.

С. МИХЕЕВ

Сергей Михеев (ум. 1919) печатал стихи в журналах «Красный смех», «Будильник», «Сатирикон», «Новый сатирикон», а также в альманахах периода первой мировой войны. Иногда выступал как литературный критик.

183. С, 1912, № 28, с. 7, подпись: С. М — в. *Бибабо* — игрушечная кукла из целлулоида (голова, надеваемая на палец играющего).

С. М. НАХИМСОН

Семен Михайлович Нахимсон (1885—1918) печатался под псевдонимом: Павел Салин. В юношеском возрасте вступил на путь революционной борьбы; в 1905 г. был заочно судим и приговорен к смертной казни. Скрывшись за границу, где участвовал в Пятом съезде большевистской партии. Вернувшись в Россию, вел партийную работу в Петербурге, Либаве, Крменчуге; неоднократно подвергался арестам. В 1917 г. редактировал большевистскую газету «Окопная правда». После Октябрьской революции возглавлял губернский исполнительный комитет в Ярославле; там и погиб во время контрреволюционного мятежа.

184. «Звезда», 1912, 11 марта, подпись: П. Салин. *Кадет* — см. примеч. 26. *Кресло в Таврическом зале* — в зале Таврического дворца (Петербург), где заседала Государственная дума.

Е. Е. НЕЧАЕВ

Егор Ефимович Нечаев (1859—1925), выступавший в печати также под псевдонимами: Дядя Нил, Я. Далекый, Е. Ефимович, Некто, родился в селе Харитоново, Тверской губ., в семье рабочего. С девяти лет работал на стекольных заводах. Образование получил самоучкой. Печататься начал в 1891 г., когда жил уже в Москве. Там участвовал в деятельности «Суриковского литературно-музыкального кружка». С произведениями сатиры выступал в журналах «Балагур», «Острияк» и др. Выпустил сборники стихов: «Трудовые песни» (1911), «Вечерние песни» (1913), «Из песен старого рабочего» (1922). После

Октябрьской революции кроме стихов писал прозу. Умер в Подмоскowie.

185. «Балагур», 1910, № 8, с. 6, подпись: Некто.

186. «Остряк», 1910, № 68, с. 8, подпись: Дядя Нил.

187. «Остряк», 1910, № 75, с. 2, подпись: Некто.

188. «Остряк», 1910, № 80, с. 8, подпись: Н. Сокращенный перевод стих. украинского поэта В. И. Самийленко «Ельдорадо». *Держиморда* — имя полицейского в «Ревизоре» Н. В. Гоголя; здесь в нарицательном значении: слепой исполнитель полицейского устава, грубиян и насильник.

Л. А. НИКИФОРОВА

Людмила Алексеевна Никифорова в 1906 г. была соредактором сатирического журнала «Маски», в котором печатала и свои стихи. Сотрудничала также в «Зрителе», с 1908 г. — в «Сатириконе». По поводу своих рассказов и повестей переписывалась с М. Горьким (1909—1910), некоторые из них печатались в сборниках горьковского издательства «Знание».

189. «Зритель», 1908, № 2, с. 10, подпись: Л. Ни—ва. *Нынешнюю Думу* — III Государственную думу, см. примеч. 86.

190—191. «Зритель», 1908, № 7, с. 3, 6, подписи: Л. Н. и Л. Ни—ва.

ЛЕВ НИКУЛИН

Лев Никулин — псевдоним Льва Вениаминовича Ольконицкого (1891—1967); другие псевдонимы: Лин, Пессимист, Анжелика Сафьянова. Родился в Житомире, в семье артиста. Учился с 1911 г. в Московском университете, одновременно сотрудничая в газетах и сатирических журналах (чаще всего — в «Будильнике», позднее — в «Божьей коровке»). В 1917 г. выпустил отдельным изданием сатирическую стихотворную повесть «О старце Григории и русской истории». Во время гражданской войны работал в культурно-просветительных учреждениях Красной Армии. В 1921 г. с советской дипломатической миссией ездил в Афганистан. С 1918 г. на протяжении двадцати с лишним лет сотрудничал в советских сатирико-юмористических изданиях. В эти и в последующие годы приобрел широкую известность как автор повестей и романов («Время, пространство, движение», «России верные сыны», «Московские зори», «Мертвая зыбь»), а также пьес, киносценариев, путевых очерков и автобиографических книг. Умер в Москве.

192. Б, 1912, № 11, с. 9. *Кабинет* — здесь: отдельная комната ресторана. *Остзейские* — прибалтийские. «*Пожалей*» — романс на слова

и музыку В. Р. Бакалейникова. «*Бордолез*» — подливка, соус. *Удод* — птица с пестрым оперением. *Шаблы, Кюрасо* — марки вин.

193. Б, 1912, № 13, с. 6, в пасхальном номере. Перепев начальных глав поэмы М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша». *Становой* — становой пристав, начальник полицейского стана в уезде. *Десть* — 24 листа. *Терсит* — персонаж «Илиады» Гомера, отличавшийся физическим уродством и злоречием.

194. Б, 1912, № 25, с. 8. *Балаклава* — поселок вблизи Севастополя. *Ай-я* — название горы в Крыму.

Ю. НИЛОВ

195. С, 1913, № 35, с. 3, под рубрикой «Из провинциальных мотивов». *Вице* — вице-губернатор. *Таврида* — Крым. «*Гражданин*» — черносотенная газета.

Н. НОВИЧ

Н. Нович — псевдоним Николая Николаевича Бахтина (1866—1940), другие псевдонимы: Б. Ахтин, Библиограф, NN. Педагог и писатель, переводил на русский язык произведения французских, венгерских и словацких поэтов; переводы эти печатались с 1885 г. в ряде журналов, в том числе и в журналах сатирических.

196. «Зритель», 1908, № 1, с. 11. *Мадьярский* — венгерский.

А. ПЕРСКИЙ

197. Б, 1912, № 7, с. 3. *Спасен закон* — закон о царской монополии на продажу водки. В начале 1912 г. правительством были пресечены попытки отменить или хотя бы поколебать этот закон. *Сороковка* — бутылка водки емкостью в сороковую часть ведра.

Б. ПОПОВ

198. С, 1912, № 5, с. 7. *Голод* — см. примеч. 90.

199. С, 1912, № 5, с. 13, подпись: Б. П.

П. П. ПОТЕМКИН

Петр Петрович Потемкин (1886—1926), выступавший в печати также под псевдонимами: Андрей Леонидов, Пи-куб, Вестрис, родился в Орле. Был студентом-филологом Петербургского университета. На литературное поприще вступил в 1905 г. (журнал «Сигнал»), в 1906 г. печатался в журналах: «Маски», «Водолаз», «Комета» и др. С появлением «Сатирикона» стал его постоянным сотрудником, за-

тем — секретарем редакции. В 1908 г. выпустил первую книгу стихов «Смешная любовь»; спустя четыре года вышла вторая книга — «Герань». Выступал также как драматург, прозаик и литературный критик. Руководил петербургскими театрами «Летучая мышь» и «Кривое зеркало», для которых написал ряд скетчей и пьес. В конце 1920 г. эмигрировал, вскоре выпустил в Берлине последний сборник стихов «Отцветшая любовь». В парижских театрах ставились его маленькие комедии. Умер в Париже.

200. «Зритель», 1908, № 2, с. 6. *Лосины* — штаны из лосиной кожи. *Ватерлоо* — местечко в Бельгии, где в 1815 г. потерпела окончательное поражение армия Наполеона.

201. С, 1908, № 16, с. 8. *Газель* — строфическая форма в классической поэзии Востока: двестишестидесяти с особой рифмовкой, иногда — как в данном случае — с повторением конечных слов (редифом). *Визирь* — первый министр. *Падишах* — титул султана. «С младотурками краснеет ветер!» Под влиянием первой русской революции в Турции разрослось буржуазно-революционное движение, возглавленное младотурками; в 1908 г. они подняли восстание, пришли к власти и добились созыва парламента (при сохранении монархии).

202. С, 1908, № 21, с. 2, в номере, посвященном 80-летию Л. Н. Толстого. *Чтоб грошил он казни гневно*. Имеются в виду выступления Л. Толстого против смертных казней в России. *Рыбу с Репиным ловил*. Л. Толстой и художник И. Е. Репин не употребляли в пищу мяса. *Чтоб в церквах он проклинался*. Решением Синода (см. примеч. 126) за выступления против церкви Л. Толстой в 1901 г. был отлучен от церкви и предан анафеме (проклятию). *Чтобы злу не противлялся* — речь идет о толстовской теории «непротивления злу насилием».

203. С, 1908, № 33, с. 1, к рисунку Ре-ми (Н. Ремизова) «Союз Хомякова с Пуришкевичем». *Союз Эвридики с Орфеем*. Эвридика (греч. миф.) была женой Орфея, который изобрел музыку и стихосложение; своей игрой и пением он заставлял сдвигаться камни, укрощал диких зверей. *Володя* — В. М. Пуришкевич. *Бряцатель колокольный, смиритель свистков*. Подразумеваются действия Н. А. Хомякова на председательском посту в Думе: звоном колокольчика, прекращением речей и другими мерами он препятствовал выступлению оппозиционных депутатов.

204. С, 1910, № 13, с. 2. *Дворцовый мост* — у Зимнего дворца через Неву. *За крепостной иглою* — за шпилем Петропавловской крепости. *Прачечный мост* — мост через реку Фонтанку у Летнего сада.

205—209. С, 1910, № 15, с. 5. *Выставка «Треугольник»* — первая выставка рисунков и автографов русских писателей, организованная в Петербурге в 1910 г. *Шмит-Рыжова* была представлена на выставке этюдами «Версаль», «Paris, Folies Bergeres», «Павлины», «Мечта», «Сны», «Розы» и др. *На грязной рогоже*. В числе экспонированных на выставке работ были два этюда С. М. Городецкого

«Мать», исполненных на рогоже (на основе этих данных нами в тексте стих. исправлен инициал автора этюдов; указанный в журнальном тексте А. Городецкий также участвовал в выставке — под псевдонимом «А. Гей», — но в его работах не было рогож). «Моя сестра». Среди работ В. Д. Бурлюка на выставке был «Портрет сестры». «Зимняя баня» — имеется в виду этюд «Баня (зимний вид)» Д. Д. Бурлюка (на этом основании в загл. стих. № 4 фамилия художника «Ларионов», напечатанная ошибочно, исправлена на фамилию «Д. Бурлюк»; Ларионов в каталоге выставки не значится). *Статуэтка* — по-видимому, одна из скульптур Л. П. Афанасьевой.

210. С, 1911, № 45, с. 3, в специальном номере, посвященном провокаторам. Публикация стих. вызвала нарекания цензуры (ф. Петербургского комитета по делам печати в Центральном гос. историческом архиве СССР). *Охранка* — обиходное название Охранного отделения (тайной полиции). *Октябрист* — см. примеч. 11.

211. С, 1912, № 9, с. 10.

212. С, 1912, № 21, с. 3, в специальном номере, посвященном полиции. *Околоточный* — см. примеч. 74. «Перикола» — оперетта Ж. Оффенбаха. *Пристав* — см. примеч. 20. *В лекционный зал на реферат дежурить* — см. примеч. 56. *Курская* — улица в Петербурге. «Капитал» — фундаментальный труд Карла Маркса. *Маркса знал он* — издателя А. Ф. Маркса, выпускавшего, в числе других изданий, еженедельный иллюстрированный журнал «Нива» с приложениями.

М. В. ПРАСКУНИН

Михаил Васильевич Праскунин (1878—1960), выступавший в печати также под псевдонимами: М. Подлесный, Свой, Мишка Пескарь, родился в селе Подлесная слобода, Рязанской губ. в семье крестьянина. В 1909—1910 гг. сотрудничал в газете «Доля бедняка»; был редактором-издателем сатирического журнала «Рожок» и народной книжки-газеты «Доля моя». В 1910—1911 гг. выпустил две тетради стихов «Злые песни», конфискованные властями. После этого вышли его книги: «Водопады» (1911), «Цеп стучит...» (1915), «Полынь на родных полях» (1918). В советские годы активно сотрудничал в журнале «Безбожник».

213. «Доля бедняка», 1909, 20 декабря. *Богдыхан* — см. примеч. 176.

214. «Доля бедняка», 1910, 11 апреля. Подзаг., по всей вероятности, дан для устранения цензурных препятствий. Опубликовано в пасхальные дни. *Тога* — длинный плащ, одежда древних римлян; здесь: одеяние монахинь.

215. «Остряк», 1911, № 3, с. 2.

216. «Остряк», 1911, № 14, с. 2.

217. «Остряк», 1911, № 47, с. 2.

218. «Остряк», 1911, № 72, с. 8, подпись: Свой. *Не бурлит в животе лебеда*. Лебедю (сорной травой) питались голодающие крестьяне.

И. К. ПРУТКОВ

Иван Кузьмич Прутков — псевдоним Бориса Владимировича Жирковича (1888—1943); этим псевдонимом он подчеркивал свою преимущественную связь с Козьмой Прутковым (о нем — см. Именной указатель); другой псевдоним Жирковича: Б. Владимиров. Родился он в Смоленске, на литературное поприще вступил в 1909 г., был постоянным сотрудником «Сатирикона» и «Нового сатирикона». После Октябрьской революции выступал как автор юмористических стихов и рассказов во многих периодических изданиях, выпустил ряд стихотворных сборников (наиболее известный из них — «Приключения Евлампия Карпыча Надькина», 1928); писал также эстрадные обозрения и скетчи, стихи для детей. Умер в Сталинграде.

219. С, 1909, № 26, с. 7. *На шею Анна* — орден святой Анны, награда «за заслуги и отличия»; пристегивался к шнуру и носился на шею.

220. НС, 1913, № 3, с. 2. *Зане* — так как.

221. НС, 1914, № 15, с. 3. *Потустороннее исканье* — намек на увлечение спиритизмом и мистикой.

222. НС, 1914, № 20, с. 11. *Участок* — часть городского района, подведомственная отделению полиции. *Околочный* — см. примеч. 74.

М. ПУСТЫНИН

М. Пустынин — псевдоним Михаила Яковлевича Розенבלата (1884—1966), другие псевдонимы: Дарвалдай, Недотыкомка, Такойсякой и пр. Родился в Одессе, окончил техническое училище, стихи печатал с 1902 г. в газете «Одесские новости». Переехав в 1905 г. в Петербург, принял участие в сатирических журналах «Сигнал», «Зритель», «Маски», «Гудок», «Шрапнель», «Жало», «Зарницы» и др. В последующие годы особенно часто печатался в журналах «Сатирикон» и «Новый сатирикон». После Октябрьской революции выступал на страницах «Красной газеты», сотрудничал с Маяковским в «Окнах сатиры РОСТА». В 1920 г. руководил витебским отделением РОСТА и основал в этом городе театр революционной сатиры. Был одним из организаторов журнала «Крокодил», в котором работал (автором и редактором) на протяжении многих лет; аналогичную работу выполнял в других сатирических изданиях («Красный перец», «Смехач», «Чудак»). Совместно с известным поэтом-пародистом А. Архангельским написал в 30-е годы стихотворный роман-пародию «Евгений Онегин в Москве» (публиковался в газете «Вечерняя Мосва») и сатирическую комедию «Конкурс на лучшую семью». Во время Великой Отечественной войны работал в ташкентских пе-

риодических изданиях, после войны — в центральных газетах и журналах. В 1955 г. выпустил сборник сатирических произведений «Сучки и задоринки». Умер в Москве.

223. С, 1913, № 26, с. 13, подпись: Дарвалдай. Перепев стих. М. Ю. Лермонтова (перевод из Г. Гейне) «Сосна». Написано в связи с окончанием (25 июня 1913 г.) первой сессии IV Государственной думы, см. примеч. 235. *Шпалерная* — улица в Петербурге, где расположен *Таврический дворец* — место заседаний Думы. *Водокачка* — водопроводная станция на той же улице. В октябре, в непогоду. Дума была распущена до 15 октября.

А. А. РАДАКОВ

Алексей Александрович Радаков (1879—1942) — художник-карикатурист, постоянный сотрудник «Сатирикона» и «Нового сатирикона» — журналов, в которых он выступал и как поэт (стихотворные подписи к собственным рисункам и самостоятельные стихотворения). В 1917 г. вместе с Маяковским работал над агитационно-сатирическими плакатами, в годы гражданской войны участвовал в создании «Окон сатиры РОСТА», затем сотрудничал как художник во многих сатирических изданиях.

224. «Стрекоза», 1908, № 5, с. 5, подпись: Р., с рисунками автора. Первое четверостишие — начальная строка стих. А. Н. Плещеева «Вперед! Без страха и сомненья...». *Пресечение* — преследование свободной мысли. *Искоренять* — уничтожать крамолу (смысл этих слов явствует из рисунков).

225. С, 1912, № 21, с. 2, подпись: А. Р., в специальном номере, посвященном полиции, с рисунком автора. На рисунке — городской с резиновой дубинкой в руке, вместо головы у него — «всевидящее око». *Фомка* — отмычка. Последний ст. — перефразировка слов Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «И дым отечества нам сладок и приятен».

226. С, 1912, № 35, с. 6, с рисунком автора. *Кайзер* — германский император. *Моабит* — тюрьма в Берлине.

М. К. САВИН

Михаил Ксенофонович Савин (1876—1947), выступавший в печати также под псевдонимами: Дедушка с Протвы, Микула Селянинович, Михаил Топтыгин, родился в семье крестьянина, в одной из деревень Калужской губ. С 12 лет служил в торговом заведении в Москве, в 1891 г. начал писать, стал членом «Суриковского литературно-музыкального кружка». В 1902 г. выпустил книгу стихов «Песни рабочего», спустя пять лет вторую книгу — «Новые песни», в 1911 г. — стихотворную повесть «Забавные приключения свата Берсндея». Затем сотрудничал в сатирических журналах «Остряк» и «Барабан», в 1916 г. издавал журнал «Балалайка».

227. «Остряк», 1911, № 23, с. 3, подпись: Михаил Топтыгин. *Советник тайный... И действительный притом*. Тайный советник, действительный статский советник — высшие гражданские чины. Об этом стих. см. вступ. статью, с. 22.

В. СВЕТОБОР

228. «Правда», 1912, 27 сентября. Написано в связи с выборами в IV Государственную думу, см. примеч. 235. *Гидра-гадина* — подразумевается крамола, дух свободы; см. вступ. статью, с. 22.

Я. О. СИРКЕС

Яков Осипович Сиркес (ум. 1922) подписывался псевдонимами: Аякс, дядя Яша, Сириус, Я. Осипович и др. Печататься начал в 1906 г. в журнале «Стрекоза». Затем сотрудничал в «Шуте», «Осколках», «Будильнике» и других сатирических журналах.

229. «Стрекоза», 1908, № 17, с. 6, подпись: Я. С — с. Первые две строки — из стих. М. Ю. Лермонтова «Ангел».

230. «Барабан», 1913, № 3, с. 2, подпись: Я. Осипович.

А. СКОРБИН

А. Скорбин — рабочий, участник революционного движения, подвергался тюремному заключению. Первую книгу стихов — «Музы в тюрьме» — выпустил в 1906 г. в Петербурге. Спустя год издал там же книгу стихотворной сатиры «До Думы. При Думе. Без Думы». Летом 1912 г. сотрудничал в «Правде».

231. «Правда», 1912, 31 мая.

Е. Э. СНО

Евгений Эдуардович Сно (1880—1941) начал литературную деятельность в демократической печати в 1905 г. Тогда он редактировал «Юмористический альманах» и сатирический журнал «Дятел», за что был приговорен к полугодовому заключению в крепости и лишен права заниматься издательским делом. Печатал стихи в журналах «Клов», «Леший» (1905—1906), в журналах и альманахах позднейших лет. Писал также юмористические рассказы.

232. «Юмористический альманах», 1909, № 4 («Аэроплан»), с. 3, подпись: Ясновидящий. «*Чепуха*» — распространенный в русской сатире вид частушечного цикла с «перевернутым» смыслом (содержание каждого четверостишия или двустишия имеет обратное значение) и с традиционной концовкой. *Вибрион* — холерный микроб. *Фонтанка* — приток Невы. *Греки с турками дружба*. Имеется в виду

конфликт между Грецией и Турцией в связи с решением учредительного собрания острова Крит (1908) о присоединении к Греции (в XVII в. остров был завоеван Турецкой империей). *Арцыбашев стал писать* — см. примеч. 118—121. *А Куприн... для... институток*. Имеется в виду повесть А. И. Куприна «Яма» (1-я часть — 1909), в которой описана жизнь публичного дома. *Паки* — еще.

П. СТЕПАНОВ

233—234. Б, 1912, № 21, с. 3, подпись: П. Сте. *Дума 3-я* — см. примеч. 86, 92. *Лета* — см. примеч. 100.

235. Б, 1912, № 48, с. 3, подпись: П. Сте. *Первая* — I Государственная дума заседала в апреле — июле 1906 г., *Вторая* — в феврале — мае 1906 г.; *Третья* — см. примеч. 86, 92. *На Четвертой те же пятна*. В IV Государственной думе, созванной 15 ноября 1912 г., преобладали, как и в предыдущей, фракции буржуазно-помещичьих партий (правые и октябристы), поддерживавшие политику царизма.

Ф. Ф. СЫРОМОЛОТОВ

Федор Федорович Сыромолотов (1877—1949) печатался под псевдонимами: Зигзага, Тит Подкузьмихин, Федич. Родился в Златоусте, в семье рабочего. Участвовал в революционном движении, в 1897 г. вступил в социал-демократическую партию. В 1906 г. сотрудничал в большевистской газете «Самарская лука». В январе 1907 г. был привлечен к суду по делу Екатеринбургского комитета партии, отбывал тюремное заключение. С 1912 г. печатался в «Правде» и других большевистских изданиях. В 1917 г. был организатором красногвардейских отрядов в г. Троицке. После Октябрьской революции — член президиума ВСНХ, Госплана СССР и Малого Совнаркома.

236. «Правда», 1912, 17 ноября, подпись: Тит Подкузьмихин. Подзаг. поставлен для устранения цензурных препятствий. *Пушкай он турок, серб, болгарин*. Речь идет о Балканской войне, см. примеч. 114. *Дивиденд* — прибыль.

ТЭФФИ

Тэффи — псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, по мужу — Бучинской (1872—1952). Дочь профессора-криминалиста, сестра поэтессы М. А. Лохвицкой, она родилась в Петербурге, окончила женскую гимназию, печататься начала в 1901 г. Помещала свои стихи в большевистских изданиях 1905 г. («Вперед», «Новая жизнь»), тогда же сотрудничала в сатирических журналах «Сигнал», «Зарницы», «Красный смех», позднее (1908) — в журнале «Серый волк». Единственная книга стихов, выпущенная до революции, — «Семь огней» (1910). Став постоянным сотрудником «Сатирикона», писала преимущественно юмористические рассказы, имевшие большой успех; они составили ряд ее книг. Успехом пользовались также

ее маленькие пьесы, ставившиеся в театрах. В 1920 г. Тэффи эмигрировала, жила во Франции, писала фельетоны, в которых отразила духовное банкротство белой эмиграции. Умерла в Париже, приняв за несколько дней до смерти советское гражданство.

237. «Серый волк», 1908, № 1-2, с. 2. «Союз» — «Союз русского народа», см. примеч. 144. *Кадет* — см. примеч. 26. *Резина, резиновый батон* — см. примеч. 123 к словам: «Две-три истинно русских резины. . .».

238. С, 1911, № 24, с. 5. *Азра* — образ поклонника, мученика любви в книге Стендаля «О любви» и в стих. Г. Гейне «Азр». *Аничков мост* — мост через Фонтанку на Невском проспекте в Петербурге. *Гороховая шуба*. Имеется в виду «гороховое пальто» — так называли агентов тайной полиции. *Гимней* (греч. и римск. миф.) — бог бракосочетаний.

В. В. УМАНОВ-КАПЛУНОВСКИЙ

Владимир Васильевич Уманов-Каплуновский (наст. фамилия — Каплуновский, р. 1865, псевдоним: Вук) в годы первой революции печатался в сатирических журналах «Водоворот», «Буревал», «Водолаз», был участником альманахов «В борьбе», «Песни борьбы», «Набат». Позднее сотрудничал в журнале «Стрекоза», в альманахе «Страда».

239. «Стрекоза», 1908, № 2, с. 3, подпись: Вук.

Д. М. ЦЕНЗОР

Дмитрий Михайлович Цензор (1877—1947) — сын ремесленника, родился в небольшом местечке Виленской губ. В годы молодости был связан с революционным подпольем, вел занятия в марксистских кружках. Первое стихотворение опубликовал в 1900 г. Окончив художественное училище в Одессе, с 1903 по 1908 г. учился в Петербургской академии художеств. В это же время сотрудничал в сатирических изданиях, несколько стихотворений поместил в большевистских газетах «Волна», «Казарма», «Вперед». Первый сборник стихов — «Красная быль» (1906) — был конфискован цензурой. Следующие сборники — «Старое гетто», «Крылья Икара» — вышли в 1907—1909 гг. Сотрудничал в «Сатириконе» и других периодических изданиях. В советский период вел активную общественную работу, вступил в Коммунистическую партию, опубликовал ряд сатирических стихотворений (в журналах «Красный ворон», «Мухомор», «Бегемот», «Смехач», «Ревизор», «Пушка»), а также песен и стихов для детей. Умер в Ленинграде.

240. С, 1910, № 24, с. 6. *Римское право* — см. примеч. 56. *Татарин* — здесь: скупщ...: старья. «Геройская гибель „Варяга“» — слова из песни «Памяти „Варяга“» на слова Е. М. Студенской. *Папильотки* — бумажки для завивки волос.

САША ЧЕРНЫЙ

Саша Черный — псевдоним Александра Михайловича Гликберга (1880—1932), другие псевдонимы: А. Гли, Сазонов, И. Чижик, а также ряд криптонимов: А. Г—ъ, —ъ, С—а Ч—й и др. Родился в Одессе, учился в Житомирской гимназии, не окончив которую поступил на службу в ведомство сборов. Печататься начал в 1904 г. (газета «Вольнский вестник»). Переехав затем в Петербург, принял участие в сатирических журналах 1905—1906 гг. «Сигнал», «Молот», «Леший», «Маски», «Скоморох». Первый сборник стихов — «Разные мотивы» (1906) — был конфискован. Автор, во избежание ареста, до 1908 г. скрывался за границей. Вернувшись в Россию, стал постоянным сотрудником «Сатирикона». Основные произведения этих лет (1908—1913) собраны в книгах «Сатиры» (шесть изданий), «Сатиры и лирика» (четыре издания). В 1911 г. Саша Черный порвал с «Сатириконом», при поддержке М. Горького стал сотрудничать в журнале «Современник». В 1912 г. посетил Горького в Италии. Поэт был участником первой мировой войны, которой посвятил стихотворный цикл «Война». В 1920 г. он эмигрировал. За рубежом писал преимущественно рассказы и стихи для детей. Умер в Провансе, на юге Франции.

241. Первый вариант этого стих. — без загл., в сб. «Вольница», СПб., 1906, вып. 2, с. 43. Печ. по журн. «Зритель», 1908, № 5, с. 6, подпись: —ъ. С публикуемым текстом в первом варианте совпадает только заключительная строфа (в которой небольшое разночтение: «Партий правых»). Приводим все предыдущие:

Слишком много разговоров,
Пересудов, переколов,
Бесконечных рассуждений,
Полувзглядов, полумнений...

Слишком много.

Слишком много безразличных,
Веселящихся, безличных,
Жизнерадостно-утробных,
Всепрощающих, незлобных...

Слишком много.

Слишком много терпеливых,
Неуверенных, плаксивых,
Робких, маленьких, забитых,
Растерявшихся, разбитых...

Слишком много.

Слишком много паразитов,
Фарисеев, иезуитов,
Губернаторов, удавов,
Патриотов, волкодавов...

Слишком много.

242. «Зритель», 1908, № 3, с. 2. *В Думе правые дурни* — представители правых (реакционных) партий. *Инфлуэнца* — грипп.

243. «Зритель», 1908, № 3, с. 5. *Нибелунгово кольцо* — цикл древнегерманских эпических сказаний о нибелунгах (XII в.). *Эвое* — восторженное восклицание на пиришествах у древних греков. *Он грек по духу*. Имеется в виду насаждение древнегреческого языка в качестве обязательного предмета для изучения в гимназиях; этой мерой А. Н. Шварц стремился отвлечь внимание учащихся от современной науки.

244. «Стрекоза», 1908, № 14, с. 7. Сатира на пресмыкательство А. И. Гучкова перед П. Н. Столыпиным. *От великого до смешного...*

и т. д. — слова Наполсона, сказанные им, как полагают, при бегстве из России. *У премьеры* — у Столыпина. *Из крючков* — из среды чиновников-крючковторов.

245. «Стрекоза», 1908, № 15, с. 6, вариант ст. 12: «Пусть П. Я.-старомодник из зависти злится». Печ. по кн.: А. Черный, Сатиры, кн. 1, Берлин, 1922, с. 110. В кн.: Саша Черный, Стихотворения, «Б-ка поэта», Б. с., Л., 1960, место первой публикации и дата под текстом указаны неверно. П. Я. — П. Ф. Якубович-Мельшин. Последнюю строфу цитировал В. В. Маяковский в статье «Живопись сегодняшнего дня» (журнал «Новая жизнь», 1914, № 5 — см. Полн. собр. соч. в тринадцати томах, т. 1, М., 1955, с. 292).

246. С, 1908, № 22, с. 2, без загл. Печ. по кн.: Саша Черный, Сатиры, кн. 1, СПб., 1910, с. 17.

247—249. С, 1908, № 26, с. 3.

250. «Зритель», 1908, № 6, с. 6, подпись: А. Г—ъ.

251. С, 1909, № 42, с. 2. *Перед началом думских игр* — перед очередной сессией III Государственной думы (открылась 10 октября 1909 г.). *Прошла предвыборная свалка*. Незадолго до сессии состоялись дополнительные выборы в Думу. *Кадеты* — см. примеч. 26. *Три лебеда... раки... щуки* — здесь обыграны наименования персонажей басни И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука». *Октябристы* — см. примеч. 11. «*Союзнники*» — члены «Союза русского народа», см. примеч. 144. «*Речь*» — см. примеч. 61—63. *Оглушаясь хомяковским звоном* — см. примеч. 203.

252. С, 1910, № 10, с. 3, подпись: -ъ. *Магадэва* — индийский бог. *Сонник* — книга, содержащая толкования снов. *Ирбит* — уездный город Пермской губ. *Нат* Пинкертон — см. примеч. 116.

253. С, 1910, № 50, с. 4. *Канашка* — ласкательная форма слова «каналья» (чаще всего в обращении к женщине).

254. С, 1911, № 6, с. 2. В отдельных изданиях (Саша Черный, Сатиры и лирика, кн. 2, СПб., 1913 и третье издание того же сборника стихов, Пг., 1917) последние три строфы были пропущены, вероятно, по цензурным соображениям. Печ. по С. *Скинния* — переносный храм (шатер) у древних иудеев; здесь — синоним религии вообще. *Белые штаны с позументами* — такие брюки носили чиновники высших классов. *Союзно-ничтожная падаль* — члены «Союза русского народа», см. примеч. 144. «*Россия*» — см. примеч. 60.

255. «Современник», 1913, № 4, с. 313. *Участок* — здесь: отделение полиции. *Не сравнивали бы вас с хулиганами*. Участников стачек, революционных митингов, рабочих и студенческих сходок царские власти приравняли к хулиганам.

ЧУЖ-ЧУЖЕНИН

Чуж-Чуженин — псевдоним Николая Ивановича Фалеева (1873—1930-е годы), другие псевдонимы: Левый, Трутень, Фарлаф, Сила Дворянинович и пр. В 1901 г. выступил в журнале «Зритель», в котором особенно активно сотрудничал в период первой русской революции; тогда же печатался в журналах: «Маски», «Леший», «Скорморох», позднее — в «Сатириконе» и др. Был участником первой мировой войны, в 1917 г. выпустил книжку стихов «Песенник революционного солдата». В советские годы сотрудничал в журнале «Смехач» и других периодических изданиях.

256. С, 1913, № 21, с. 2, в цикле «Собачьи мелодии». *Газетный хлам, отмеченный нововременским знаком*. На страницах реакционной газеты «Новое время» регулярно печатались брачные объявления, а также предложения о случке животных.

257. С, 1913, № 23, с. 2. *Проект Устава о печати* — см. примеч. 16. *Таскою* — от слова «таскать» в значении: истязать.

О. Н. ЧЮМИНА

Ольга Николаевна Чюмина (1864—1909) в сатирической прессе выступала под псевдонимами: Бой-Кот, Оптимист. Родилась в Новгороде, печататься начала с 1892 г. Произведения ранних лет объединены в ее сборнике «Стихотворения» (1900). В период первой русской революции активно сотрудничала в сатирических журналах «Зритель», «Сигнал», «Молот», «Зарницы» и выпустила несколько сборников стихов: «В ожидании» (1905), «Песни о четырех свободах» (1906), «На темы дней свободы» (1906). Плодотворно работала также в области стихотворного перевода; эту ее работу отметил М. Горький (см.: М. Горький, Собр. соч., т. 30, М., 1955, с. 326).

258. Б, 1911, № 11, с. 9, подпись: Оптимист. Датируется по содержанию и по дате смерти автора.

259. «Наша газета», 1909, 1 марта, в цикле «Романсы дня», подпись: Оптимист. Автограф — в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Эпиграф — краткое изложение речи П. Г. Курлова, произнесенной 25 февраля 1909 г. в Государственной думе (см.: «Вестник полиции», 1909, № 9, с. 171).

Н. Г. ШЕБУЕВ

Николай Георгиевич Шебуев (1874—1937) родился в Казани, где и начал свою литературную деятельность. Переехав в Петербург, стал сотрудничать в сатирических изданиях («Будильник» и др.). Осенью 1905 г. начал выпускать журнал «Пулемет», все тексты для которого писал сам. Первый же номер журнала был конфискован, а Шебуев приговорен к году заключения в крепость «за оскорбление императорского величества и дерзостное неуважение к верховной вла-

сти». Тексты для последующих номеров (журнал был закрыт на № 4-5 в январе 1906 г.) писались в одиночном заключении. В 1908—1913 гг. Шебуев печатался в журналах «Стрекоза», «Сатирикон», был редактором журнала «Весна», затем — бульварного «Синего журнала». После Октябрьской революции сотрудничал в «Газете для чтения» (1922) и в сатирических журналах «Безбожник» и «Лапоть». Умер в Москве.

260. «Стрекоза», 1908, № 5, с. 4, в цикле «Экспромты», подпись: Граф Бенгальский. «*Навыи чары*» (1907) — первая книга романа-трилогии Ф. К. Сологуба «Творимая легенда», произведения реакционно-мистического содержания (основная идея его — уход от реальной жизни в мир «творимой легенды»; «навыи чары» — чары мртвцов).

261. «Стрекоза», 1908, № 14, с. 3, подпись: Граф Бенгальский. *Купидо* — Купидон (римск. миф.) — бог любви. *Менада* (греч. миф.) — вакханка. *Зоилы* — придирчивые, недоброжелательные критики (по имени древнегреческого риторика и критика Зоила). *Сором* — срам. *Профессор*. Вяч. Иванов преподавал на Высших женских курсах в Петербурге; звание профессора получил позднее.

262. С, 1913, № 37, с. 38, в специальном студенческом номере. Загл. пародирует пространные названия русских од XVIII в. Написано десятистопной одической строфой. *Микрокефал* — человек с малым объемом черепа, недоразвитой головой. *Стикс* (греч. миф.) — река в царстве мертвых. *Лета* — см. примеч. 100. *Рожон* — острый кол, укрепленный в наклонном положении. «*Что может собственных Платонов...*» — цитата из «Оды на день восшествия на всероссийский престол... Елисаветы Петровны» (1747) М. В. Ломоносова. *Скрижаль* — доска с письменами священного содержания; здесь — полицейский рескрипт. *Нормы и проценты* — намек на процентную норму, установленную царским правительством для евреев при приеме их в казенные (в том числе высшие) учебные заведения.

Ф. С. ШКУЛЕВ

Филипп Степанович Шкулев (1868—1930), выступавший в печати также под псевдонимами: Фиша, Филли, Ф. Шмель, Злой Сатир, Филипп Богатырь, Шкуль, Лев-шук и др., родился в деревне Печатники, Московской губ., в семье крестьянина-бедняка. Подростком поступил работать на фабрику, где ему машиной отрезало правую руку. В пятнадцатилетнем возрасте начал писать стихи, в 90-е годы они появились во многих журналах и альманахах. Организовав в Москве совместно с М. Леоновым (отцом советского писателя Л. Леонова) издательство «Искра», печатал в нем революционные брошюры, песенники и сатирический журнал «Шрапнель», за что был приговорен к шести месяцам одиночного заключения. В 1906 г. написал песню «Мы — кузнецы», получившую впоследствии широчайшее распространение среди русских рабочих. В 1908—1912 гг. редактировал сатирические журналы «Гроза», «Народный рожок» и «Бой-рожок», печатал в них и свои произведения; одновременно сотрудни-

чал как поэт в журнале «Остряк», в газете «Доля бедняка». Шкулев выпустил несколько сборников стихов, наиболее известный из которых — «Смелые песни» (1912). В 1912 г. печатался в большевистских газетах «Звезда», «Невская звезда». Осенью того же года снова попал в тюрьму (за издание журнала «Народный рожок»), откуда вышел в начале 1913 г. В 1916 г. редактировал сатирические журналы «Заноза» и «Северное жало». После Октябрьской революции вступил в Коммунистическую партию, был военным комиссаром, народным судьей, председателем волостного совета. Входил в объединение пролетарских писателей «Кузница». Выпустил сборники стихов «Гимн труду» (1923), «Кузнецы» (1923) и др. Умер в Москве.

263. «Остряк», 1908, № 3, с. 8, подпись: Фиша. В том же журнале (1908, № 5, с. 3) Шкулев напечатал новую серию «сходств» под тем же загл. Она завершается строками:

Двери и союзы — закрываются.
Деревья и редакторы — сажаются.
Тюрьмы и ведомости — заполняются.
Попы и стихи — посвящаются.

Тоска и Дума — разгоняются. I и II Государственные думы (см. примеч. 235) были разогнаны правительством. *Октябрист* — см. примеч. 11.

264. «Гроза», 1908, № 6, с. 4, подпись: Филли. Перепев стих. М. Ю. Лермонтова (перевод из Г. Гейне) «Сосна».

265. «Остряк», 1909, № 4, с. 6, подпись: Ф. Шмель. Печ. по «Звезде», 1912, 9 февраля. *Есть в запасе лебеда* — см. примеч. 218.

266. «Доля бедняка», 1910, 21 марта. Напечатано в дни «великого поста» — того периода времени, когда, по церковным правилам, предписывается воздержание от скоромной (мясной, молочной) пищи. *А бедных на книжку.* Часть своего заработка рабочие нередко получали продуктами по заборным книжкам. *Отвечает* — закончит пост, перейдет на скоромную пищу.

267. «Бой-рожок», 1913, № 2, с. 2, подпись: Злой Сатир. Первый ст. — перепев начальной строки песни «Вечерний звон» И. И. Козлова. Написано в связи с обвалом, происшедшим в 1912 г. на строительстве торгового здания купцов Титовых в Москве. *Вова* — В. М. Пуришкевич.

К. ЮРЕНЕВ

К. Юренев — псевдоним Константина Константиновича Кротовского (1888—1938), другой псевдоним: К. Пинежский. Родился в Двинске, в семье путевого сторожа; образование получил в реальном училище. В конце 1905 г. вступил в большевистскую партию. Весной 1908 г. был арестован и сослан в Пинежский уезд Архангельской губ. В ссылке начал писать стихи. Вернувшись в Петербург, печатался

в «Звезде», затем — после второго ареста — в «Правде». В 1917 г. был членом Петроградского Совета, участвовал в формировании Красной гвардии. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомвоенмора, член Реввоенсовета Восточного, а затем Западного фронта. С 1921 г. был на дипломатической работе. Жизнь К. Юренева оборвалась трагически.

268. «Звезда», 1912, 26 января, подпись: К. Пинежский. *К нам из Англии туманной* — см. примеч. 90. В Персии примеры! Под влиянием первой русской революции в Персии (Иране) в 1905—1911 гг. происходила буржуазная антифеодалная и антиимпериалистическая революция, в ходе которой был созван *меджлис* (парламент) и подготовлена конституция. В 1911 г. революция была подавлена силами внутренней и международной реакции. *Буржуа хотя «сближенья»*. Главной задачей английской парламентской делегации, состоявшей из крупных промышленников, было обсуждение вопроса о русском рынке и о размежевании сфер экономического влияния в Персии. *Старый Джон с Варягом* — правительства Англии и России.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

269. «Осколки», 1908, № 2, с. 4, подпись: Стихоплет. *«Черная шаль»* — стих. А. С. Пушкина; здесь «шаль» в другом значении: дурь, глупость. *«Тащить — не пуцать»* (точнее: «Тащить и не пуцать») — девиз городского Мымрецова из рассказа Г. И. Успенского «Будка». *Городские отцы*. «Отцами города» называли деятелей городской управы.

270. «Осколки», 1908, № 2, с. 5, подпись: Стихоплет.

271. «Остряк», 1908, № 2, с. 3, подпись: Черт в маске (Ф. С. Шкулев?).

272. «Зритель», 1908, № 3, с. 8, подпись: Приготовишка. *Пусин-Мушкин, Дусин-Хрюшкин* — имеется в виду А. А. Мусин-Пушкин. У самой Екатерины. Екатерина II занималась сочинительством (при помощи своих секретарей Г. В. Козицкого, А. В. Храповицкого и др.); среди ее произведений были комедии нравоучительного содержания, где фигурировали и «отрицательные» герои.

273. «Осколки», 1908, № 3, с. 5, в цикле «Посвящения героям дня», подпись: «*Ille est*». *Хожалый* — см. примеч. 37.

274. «Зритель», 1908, № 7, с. 11, подпись: Ignis Fatuus. *Пололам с лебедой* — см. примеч. 218.

275. «Зритель», 1908, № 11, с. 3, подпись: У. Р. А. (А. И. Герсон?). *Сек Сологуб лозой себя*. О сечении идет речь в стих. Ф. К. Сологуба «Расстегни свои застегжки...», а также в нескольких эпизодах его повести «Мелкий бес». *«Сети»* — первая книга стихов М. А. Кузмина (1908).

276. «Серый волк», 1908, № 17, с. 247, подпись: Волчонок (А. Т. Аверченко ?).

277. С, 1908, № 4, с. 11, подпись: Жан Сансуси.

278. «Серый волк». 1908, № 20, с. 303, подпись: Модернист. Пародия на стихи символистов. «Гриф», «Скорпион» — издательства символистов. *Притащит лозы* — см. примеч. 275. *Валерий* — В. Я. Брюсов.

279. С, 1908, № 30, с. 13, подпись: Диссонанс. Ст. 1 — из стих. Н. А. Некрасова (без названия), начинающегося той же строкой.

280. С, 1908, № 31, с. 9, подпись: Дон-Лопец.

281. С, 1908, № 34, с. 3, без подписи, в специальном номере, посвященном русской прессе (два последующих стих. — в том же номере).

282. С, 1908, № 34, с. 8, без подписи. «Коробейники» — стих. Н. А. Некрасова. «Газета», «Листок», «Слово» — распространенные названия русских газет. «Биржевушка» — БВ. «Новое время» — реакционная газета. «Младо-новости» — название вымышленное. «Речь» — см. примеч. 61—63. «Копейка» — «Газета-Копейка», бульварное издание. *Наг Пинкертон, Ник Картер* — см. примеч. 116. «*Накупил вопросов пола я*». Имеется в виду журнал «Вопросы пола», см. примеч. 116.

283. С, 1908, № 34, с. 11, без подписи.

284. С, 1908, № 38, с. 2, без подписи, в рождественском номере. *Пристав* — см. примеч. 20.

285. С, 1909, № 7, с. 9, подпись: Жан Сансуси. *Под Покрова* — накануне христианского церковного праздника, отмечаемого 1 октября. *Литейный проспект* — в Петербурге. *Охранка* — см. примеч. 210.

286. С, 1909, № 8, с. 3, подпись: Як. Скр. (Я. Скромнов ?). *И наше местожительство... меняет каждый раз*. Имеется в виду право административной высылки, которым располагали градоначальники и губернаторы.

287. С, 1909, № 21, с. 5, подпись: Жан Сансуси. *Рептилии* — пресмыкающиеся, здесь: продажная пресса и ее представители.

288. «Остряк», 1910, № 11, с. 3, подпись: «Ш». Граф Вазелинов (Ф. С. Шкулев ?). *Кадет* — см. примеч. 26.

289. С, 1910, № 47, с. 4, подпись: А. С-н.

290. Б, 1911, № 7, с. 4, подпись: Нар. Написано в связи с дополнительными выборами в III Государственную думу (февраль-

март 1911 г.). «Нет иных, а те — далече» (точнее: «Иных уж нет, а те далече») — цитата из 8-й гл. романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; здесь намек на аресты видных большевиков (И. И. Скворцова-Степанова, Л. М. Книпович, В. Д. Бонч-Бруевича и др.) в феврале 1911 г. *Кадетская* — см. примеч. 26. «Белый зал» — зал Таврического дворца, где заседала Государственная дума. «Союз» — «Союз русского народа», см. примеч. 144.

291. Б, 1911, № 11, с. 3, подпись: Анов. *Идет полисменов коллекция* — см. примеч. 56.

292. «Остряк», 1911, № 24, с. 11, без подписи, с рисунком неизвестного художника.

293. Б, 1911, № 44, с. 5, в цикле «Наши эпиграммы», подпись: Лилит. Речь идет о Триполитанской войне (см. примеч. 176).

294. Б, 1912, № 7, с. 5, подпись: А. (А. Перский?).

295. «Звезда», 1912, 5 апреля, подпись: Б. В. Перепев стих. Н. А. Некрасова «Забятая деревня». *Бабушка Ненила* — персонаж этого стих. *Орда вандалов* — здесь: отряд конных полицейских, казаков. *Наконец собралось наше упованье!* Имеется в виду созыв I Государственной думы (апрель 1906 г.). Далее говорится о разгоне I и II Государственных дум (апрель 1906 г. и июнь 1907 г.). *Мужичок с котомкой да еще рабочий*. В III Государственной думе было 18 депутатов от социал-демократической партии, в том числе 4 большевика.

296. С, 1912, № 21, с. 2, подпись: Гудим Бодай-Корова (П. П. Потемкин?), в специальном номере, посвященном полиции. *Фараон* — презрительная кличка полицейских.

297. С, 1912, № 24, с. 3, без подписи. *Варшавер, Кровопусков, Властелица* — фамилии вымышленные.

298. Б, 1912, № 36, с. 10, подпись: Турус. *Казенка* — водка (торговля водкой принадлежала царской казне).

299. Б, 1912, № 48, с. 6, подпись: Саккар. *Будешь ведь распутен* — намек на Г. Е. Распутина.

300. «Волянка», 1912, № 3, с. 11, подпись: К-о. «*Песни западных славян*» — цикл стих. А. С. Пушкина. Здесь речь идет о бравурных, воинствующих песнях и стихах, сочинявшихся мелкотравчатыми официозными поэтами в связи с Балканской войной, см. примеч. 114. *Погост* — кладбище.

301. «Волянка», 1912, № 3, с. 15, подпись: Камло. *Акафист* — хвалебное церковное песнопение. *Здесь не «Прага», а война*. Речь идет о Балканской войне, см. примеч. 114; «Прага» — ресторан в Москве.

302. «Барабан», 1913, № 5, с. 9, подпись: Чайльд Гарольд (Е. А. Гликман ?). Перепев стих. А. Н. Апухтина (без названия), начинающегося строкой, приведенной в эпиграфе. Написано в связи с выборами в Бакинскую городскую думу. *Гласные* — депутаты городской думы.

303—304. С, 1913, № 14, с. 3, подпись: Mixtix. Пародия на стих. эгофутуристов, см. примеч. 182. 1. Перепев стих. М. Ю. Лермонтова «Парус». 2. Перепев его же стих. «Молитва». *Стихозы* — по аналогии со словом «позы» (так называл свои произведения Игорь Северянин). *Бланшит* — белеет (от франц. blanche — белая). *Солингюдитный* — вероятно, сложное прилагательное, образованное от итальянского слова solingo (одинокий) и французского guider (вести, править). *В обскуре* — в темноте (от франц. obscur — темный). *Шершит* — ищет (от франц. chercher — искать). *Лонгитный* — далекий (от англ. long — длинный). *Шантеклер* (франц.) — петух; здесь — голос петуха. *Феб* (греч. миф.) — бог солнца. *Морфей* (греч. миф.) — бог сновидений. *Аливрвер* — à livre ouvert (франц.) — по открытой книге, «с листа». *Бемоль* — музыкальный термин, означающий понижение звука на полутон.

305. НС, 1914, № 4, с. 7, подпись: В. Г. Пародия на стихотворения модных поэтов, пользовавшихся лексическими и аллитерационными приемами лирики символистов и эгофутуристов.

II

ИЮЛЬ 1914 — ФЕВРАЛЬ 1917

Н. Я. АГНИВЦЕВ

(см. с. 600)

306. «Стрекоза», 1916, № 2, с. 6. *Набоб* — титул мусульманских правителей в Индии.

307. Изд. 1926, с. 12, в разделе «Зелень» (этот раздел состоит из стих., написанных до 1917 г.). *Каноник* — католический священник. *Во вкусе ста Боккачевых новелл*. Многие из новелл, составляющих «Декамерон» Д. Боккаччо, направлены против духовенства, средневекового аскетизма и носят фривольный характер.

С. А. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

Сергей Александрович Басов-Верхоянцев (1869—1952) родился в Туле, в семье мелкого помещика. Учился в местной гимназии, по окончании которой (в 1885 г.) учительствовал. Затем переменял ряд профессий: был заводским рабочим в Туле, конторщиком на железной дороге, лесорубом, печником. С 1887 г. принимал участие в революционном движении, неоднократно подвергался арестам. В 1896—1904 гг. отбывал ссылку в Верхоянске (отсюда псевдоним: Верхоян-

цев, другой псевдоним, избранный позднее: Дедушка Тарас). После ссылки уехал во Францию, учился в Высшей школе общественных наук (Париж), затем вернулся в Россию. Печатался с 1896 г. В 1906 г. опубликовал стихотворную сказку «Конек-скакунок», завоевавшую громадную популярность. Книга эта была конфискована полицией. По свидетельству современника, В. И. Ленин «считал, что книга Басова-Верхомянцева весьма полезна для крестьян, так как в легкой, занимательной форме она дает первое представление о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй царской России» (В. Бонч-Бруевич, Воспоминания, М., 1968, с. 25). Нелегально издавались и другие произведения поэта. Летом 1917 г. он был избран членом Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, в 1919 г. вступил в Коммунистическую партию, служил в отрядах особого назначения, работал комиссаром на железной дороге (Москва), в ВЧК и ОГПУ, в учреждениях Наркомпроса. Последние десятилетия своей жизни занимался исключительно литературной работой. В 1927—1929 гг. вышло собрание его сочинений в трех томах. Умер в Москве.

308. С. А. Басов-Верхомянцев, Король Бубен. Сказка, «Народная жизнь», Пг., (1917) (книга издана не ранее марта и не позднее апреля 1917 г.), с вариантами, подпись под текстом: С. Басов. Печ. по кн.: С. Басов-Верхомянцев, Собр. соч., т. 3 («Калинов-город». Сказки и поэмы), (М.), 1929, с. 17. Опечатки и неточности исправлены по первопечатному тексту. В основе сюжета — сказка датского писателя Х. Андерсена «Новое платье короля», от которой пошло употребительное выражение «А король-то голый!» или «Голый король». Часть первая я. *Мамелюк* — солдат личной охраны (по имени гвардейцев охраны династии Айюбидов). *Белендрясы* — вздорные шутки, пустяки. *Копыл* — брусок на полозьях саней, здесь: преграда. *Червленьый* — темно-красный. *Измодел* — исхудал, исчахнул. *Инда* — даже. *Жох* — пройдоха, ловкач. *Седьмица* — неделя. *Прокуратор* — шутник, проказник; здесь также и начальник (от слова «прокуратор» — наместник). Часть вторая я. *Штуклеватый* — находчивый, изобретательный, от глагола «штуковать» — сшивать так, чтоб шов не был заметен. *По тузу промежду плеч*. Бубновый туз на спине — клеймо каторжников (в данном случае — бывших). *Ухачи* — от слова «ухарь» (хват, молодец). *С наговором* — с заклинаньем (пришептыванием). *Подбьичий, дяк* — здесь: служащий, чиновник. *Кросна* — ткацкий станок с начатой работой. *Навой* — вал в ткацком станке, на который навивают основу (нить). *Бёрдо* — гребень, принадлежность ткацкого станка. *Свостожим* — смастерим. Часть третья я. *Бирючи* — глашатаи. *Приказ* — ведомственное учреждение, здесь: полиция. *Пристав* — см. примеч. 20.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

(см. с. 603)

309. СМ, 1915, № 10, с. 209, в разделе «Пестрядь». В *Петербурге — виноват...* В начале войны с Германией Петербург был переименован в Петроград.

310. СМ, 1915, № 10, с. 211, в разделе «Пестрядь». *Список рептильный* — список прислужников царизма (рептилия — пресмыкающееся). *Станислав* — орден святого Станислава, награда за особые государственные заслуги. *Три* — «Станиславы» всех трех степеней.

311. СМ, 1915, № 11, с. 151, в разделе «Пестрядь. Басни и сатиры». *Промерз на вологодской стуже*. Вологодская губерния была местом ссылки революционеров. *Выругал щегла* — И. Г. Щегловитова.

312. «Жизнь для всех», 1916, № 2, с. 180, в подборке «Басни Эзопа в переводе Демьяна Бедного», с вариантом ст. 2. Печ. по кн.: Демьян Бедный, *Сто басен*, М., 1935, с. 383. *Всю тяжесть ведь несешь не ты, а я*. Речь идет о тяготах войны, переживаемых народом. Под скрипящим *колесом* подразумевается буржуазная пресса, отражающая интересы имущих сословий.

313. «Жизнь для всех», 1916, № 2, с. 181. В той же подборке, что и предыдущее стих.

А. С. БУХОВ

(см. с. 608)

314. НС, 1915, № 27, с. 5. *Мерзость запустения* — см. примеч. 149.

315. НС, 1915, № 48, с. 7, подпись: Арк. Б. Перепев отрывка из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы».

316. НС, 1916, № 21, с. 2.

317. НС, 1917, № 6, с. 11.

ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ

(см. с. 609)

318. НС, 1914, № 40, с. 6, с обратным расположением ст. 22—23. Печ. по кн.: Евгений Венский, *В тылу. Сатира. Юмор. Лирика*, Пг., (1916), с. 26. *Тангльфут* (англ.) — липкая бумага от мух. *Крупновский кумир* — милитаристическая Германия (от фамилии Крупп). *«Полдневный крокодил»* — условное название газеты. *«Писатель, если только он...»* и т. д. — четверостишие из стих. Я. П. Полонского «В альбом К. Ш.». *Варшавский* — вокзал в Петрограде.

319. НС, 1915, № 17, с. 6 (в ПС источник указан неточно). *Вильгельм Кровавый* — Вильгельм II. *Плимутский*. Плимут — порт в Англии. *В Летнем* — в Летнем саду (Петроград).

320. НС, 1915, № 44, с. 2. Ст. 2 — неточно цитированная первая строка стих. А. С. Пушкина «Зимний вечер». *Ардаган* — древнее грузинское поселение и город на реке Куре. *Пан* (греч. миф.) — бог плодородия, покровитель стад.

321. НС, 1915, № 46, с. 5, подпись: Евг. В. *Кураж* — смелость.

322. «Бич», 1916, № 7, с. 5, подпись: В. Перепев стих. А. С. Пушкина «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). *Атлант* (греч. миф.) — титан, державший на своих плечах небесный свод; здесь: воротила, делец. *Салол* — лекарство для желудка.

323. «Стрекоза», 1916, № 47, с. 7, подпись: Евг. В. *Сен-Готард* — перевал в швейцарских Альпах. *Говард* — фирма писчебумажных принадлежностей. *Петарда* — разрывной снаряд. *Лев Ричард* — по видимому, Ричард I Львиное Сердце. *Личарда* — слуга. *Кокарда* — значок на форменной фуражке; здесь речь идет о судебном приставе (в фуражке с кокардой), пришедшем описывать имущество за неплату долгов.

324. Евг. Венский, В тылу. Сатира. Юмор. Лирика, Пг., (1916), с. 94, в разделе «Графитъ надо». *Франц* — Франц-Йосиф. *Льеж* — город в Бельгии.

А. Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Александр Николаевич Вознесенский (1879—1939) сотрудничал в 1905 г. в сатирическом журнале «Жало», затем печатался в «Сатириконе» и «Новом сатириконе». Издал сборники стихов: «Песни молчания» (1905), «Паутинные ткани» (1908) и «Путь Агасфера» (1914, с предисловием Л. Андреева). Писал также пьесы.

325. НС, 1915, № 30, с. 2.

326. НС, 1916, № 14, с. 2, в первоапрельском номере.

В. В. ВОИНОВ

(см. с. 610)

327. НС, 1915, № 3, с. 7. *Арбалет* — старинное ручное оружие, здесь — игрушечное. *Ориноко* — река в Южной Америке.

328. НС, 1915, № 15, с. 6. Я. О. — Я. Окунев, автор книги рассказов «На передовых позициях» (1915). В. Б. — Вадим Белов, автор рассказов «Смертью храбрых», «Переправа (Из боевых впечатлений)», «При лунном свете (Рассказ офицера)» и др. *Чемоданы* — немецкие снаряды крупного калибра. *Сапанжу* — род обезьян. *Дертъ* — давленное зерно, корм для скота. *Дерпт* — старое название эстонского города Тарту.

329. НС, 1915, № 18, с. 2. *Брешко* — Н. Н. Брешко-Брешковский.

330. «Бич», 1917, № 10-11, с. 15. Стих. о засилии немцев в правительственном аппарате России. Не пропущенно цензурой в 1916 г., было напечатано после свержения царизма со следующим примеч. ре-

дакции: «... мы помещаем образец творчества подцензурного поэта, еще недавно вынужденного, обманывая цензора, вместо фамилий «Бальц», «Балк», «Рейн», «Риттих» и др., давать лишь подразумевающиеся рифмы». *Земец* — деятель земских учреждений (местных самоуправлений в центральных губерниях России).

А. И. ГОМОЛИЦКИЙ

(см. с. 613)

331. Б, 1916, № 33, с. 10, в цикле «Эпиграммы», подпись: Лохматый господин. *Кабинет* — подразумевается кабинет министров.

332. Б, 1916, № 38, с. 5, в цикле «Эпиграммы», подпись: Лохматый господин.

В. ГОРЯНСКИЙ

Валентин Горянский — псевдоним Валентина Ивановича Иванова (1888—1944). Родился в г. Луга, Петербургской губ., в бедной семье. Окончил местную учительскую школу. С первыми стихами выступил в 1906 г., с 1913 г. был постоянным сотрудником «Сатирикона», затем «Нового сатирикона». Первая книга его стихов — «Крылом по земле» — вышла в 1915 г., спустя год в Дешевой юмористической библиотеке «Нового сатирикона» была издана его книжка «Мои дураки. Лиро-сатиры». В 1920 г. эмигрировал. Умер в Париже.

333. НС, 1915, № 24, с. 2, подпись: В. Г.

334. НС, 1915, № 47, с. 5.

335. НС, 1917, № 2, с. 10, в цикле «Концерт банкира». *Глетчер* — ледник (масса льда, спускающаяся с гор). *Крез* — нарицательное обозначение богача (по имени царя Креза, обладателя огромных богатств). *Марьяж* — свадьба. *Плоеный* — из складчатой ткани. *Карат* — единица веса драгоценных камней. *Магометовы и Дантовы ада*. О существовании ада (Страшном суде и загробном возмездии) говорится в Коране, священной книге мусульман; ее творцом считается Магомет. *Дантов ад* — см. примеч. 77.

А. С. ГРИН

Александр Грин — псевдоним Александра Степановича Гриневского (1880—1932). Родился в г. Слободском, Вятской губ., в семье служащего-поляка, участника польского восстания 1863 г., сосланного в Сибирь. Окончив Вятское городское училище, Грин уехал в Одессу, затем скитался по разным городам, был матросом, рыбаком, солдатом, работал на золотых промыслах. Вел революционную работу среди матросов и солдат Севастополя, сидел в тюрьмах, трижды подвергался ссылке. Литературную деятельность начал в 1906 г., опубликовав отдельным изданием рассказ, который был признан

«крамольным» и подвергся конфискации. В 1907 г. выступил как поэт-сатирик, напечатав в газете «Сегодня» фельетон о II Государственной думе («Элегия»). В 1914—1916 гг. сотрудничал в журнале «Новый сатирикон», где опубликовал ряд стихотворений. Летом 1916 г. за «оскорбление царской фамилии» был выслан из Петрограда. В 1919—1922 гг. печатал стихи в журналах «Пламя» и «Мухомор». Широкою известность Грин завоевал своими фантастическими романами, написанными в советские годы («Алые паруса», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам» и др.). Умер в Старом Крыму.

336. НС, 1914, № 40, с. 3. *Коль римская в нейтралитете власть*. До мая 1915 г. Италия не вступала в войну. И с Турцией играют нам на нервах. В начале войны Турция заявила о своем нейтралитете и через русского посла в Константинополе предлагала союз с Россией. Позднее, 12 ноября 1914 г., она вступила в войну против Англии, Франции и России. *Могий — могущий. Ты виноват уж тем, что хочется нам кушать* — неточная цитата из басни И. А. Крылова «Волк и ягненок».

337. НС, 1915, № 8, с. 10. «Иллюзион» — обиходное название кинопатея в дореволюционной России. *Чресла* — бедва. *Сан* — пек в Польше. *Кале* — город-порт во Франции. *Мученики Льежа* — участники обороны бельгийского города Льежа во время первой мировой войны. *Пате* — фирма «Братья Пате», поставившая ряд стран, в том числе России, кинооборудование и кинофильмы (в частности, хроникальные).

338. НС, 1915, № 9, с. 7. *Первая дума* — см. примеч. 235.

339. НС, 1915, № 14, с. 10. *Антраша* — см. примеч. 177. *Альфонс-ралле-картинок* — картинок неприличного содержания. «*Пробуждение*» — литературно-художественный журнал либерально-буржуазного направления.

340. НС, 1915, № 47, с. 8. *Консонанс, диссонанс* — виды рифмующихся созвучий. При консонансе совпадают лишь согласные буквы; здесь «консонанс» дан в ином смысле — как полное созвучие рифмующихся слов, в противовес диссонансу, при котором совпадают только послеударные звуки. «*Сатирикон*» — см. АС. *Аника-воин* — незадачливый воин, хвостун и задира, не обладающий нужной для борьбы ловкостью и силой (по имени героя русских народных легенд).

А. д'АКТИЛЬ

А. д'Актиль — псевдоним Анатолия Адольфовича Френкеля (1890—1942), другие псевдонимы: Желчный поэт, Три А., Поток-Богатырь. С 1914 г. сотрудничал в «Сатириконе» и прочих сатирических журналах. В годы гражданской войны писал стихотворные агитки, фельетоны и песни (тогда, в частности, был создан широко известный «Марш буденновской конницы»: «Мы — красная кавалерия, и про нас...»). Сотрудничал во многих советских сатирических изданиях: «Красный ворон», «Бузотер», «Заноза», «Дрезина», «Бегемот», «Кро-

кодил», «Мухомор», «Смехач». В 1928—1930 гг. выпустил пять сборников поэтической сатиры («Никаких настроений», «Песней по богу» и др.). Умер в Перми.

341. ЖЖ, 1915, № 15, с. 9, в отделе «Поэтическая вермишель». *Ориент — восток. Муэдзин* — см. примеч. 115. *Нет в мире ситца, кроме ситца* и т. д. — перефразировка известного догмата мусульманской веры: «Нет бога, кроме бога, и Магомет пророк его».

342. ЖЖ, 1916, № 7, с. 15, в цикле «Из моей записной книжки». *Брешко* — Н. Н. Брешко-Брешковский. «*Наш собственный...*» и т. д. Брешко-Брешковский был корреспондентом русской буржуазной печати на фронтах первой мировой войны. *Матадор, тореадор* — участники боя быков. *Оксидент* — запад. *Ориент* — восток.

343. «Бич», 1916, № 9, с. 4. *Бр. Пате* — см. примеч. 336. *Дрина* — река в Югославии. *Глупышкин* — популярный комический киноактер Андре Дид. *Канкан* — см. примеч. 158.

344. «Бич», 1916, № 9, с. 11, на развороте: «Газета „Бича“ (ежедневный независимо-подцензурный орган)», подпись: Желчный поэт. *Седьмая держава* — печать.

345. «Стрекоза», 1916, № 9, с. 7. *Военный заем* — второй выпуск краткосрочного военного займа на 3 миллиарда рублей, объявленный в начале 1916 г. на основе царского указа. *Крез* — см. примеч. 334.

346. «Божья коровка», 1916, № 2, с. 2. «*Девка виновата!*» — народное выражение, означающее попытку свалить вину на безвинных. *Съезд биржевой торговли* (Всероссийский) состоялся в апреле 1916 г. *Тьмутараканский* — здесь: доморощенный, провинциальный.

347. «Стрекоза», 1916, № 9, с. 14. *Журнал Пате* — киножурнал (см. примеч. 336). *Антраша* — см. примеч. 177.

348. ЖЖ, 1916, № 15, с. 15. «*Биржевка*» — БВ.

349. НС, 1917, № 5, с. 5. *Франко Петроград* — с оплатой доставки в Петроград.

ВЛАДИМИР ЗЛОБИН

350. «Рудин», 1916, № 7, с. 14. *Гостинный двор* — торговая галерея в Петрограде.

351. «Рудин», 1916, № 8, с. 11. *Столетний, ты стоишь*. Петербургский университет был основан в 1819 г.

Ю. ЗУБОВСКИЙ

Юрий Николаевич Zubовский (р. 1890), выступавший в периодике также под инициалами «Ю. З.», — журналист и поэт. Родился в То-

больске, печататься начал в 1909 г. В 1911 г. выпустил в Киеве сборник стихов «Из городского окна». В 1915—1916 гг. сотрудничал в журналах «Весь мир» и «Новый сатирик».

352. НС, 1916, № 36, с. 2.

А. А. ИЗМАЙЛОВ

(см. с. 618)

353. «Стрекоза», 1916, № 19, с. 4, в подборке «Басни А. А. Измайлова». Перепев басни И. А. Крылова «Слон на воеводстве». Последние два ст. — цитата из этой басни. *Тевтон* — член немецкого духовно-рыцарского ордена, под флагом распространения христианства захватившего в XIII—XIV вв. ряд прибалтийских стран; здесь: немецкий солдат.

В. В. КНЯЗЕВ

(см. с. 621)

354. «День», 1914, 13 октября, под загл. «Шакалы»; изд. 1919, с вариантами. Печ. по изд. 1935, с. 66 (в ПС дано по изд. 1919). *Издатель* — подразумевается С. М. Проппер. «*Биржевка*» — БВ, в годы войны выходили специальные «военные выпуски» этой газеты. «*Синий журнал*» — бульварное издание.

355. НС, 1915, № 51, с. 3, в цикле «Вскользь», подпись: Джо. *Белым местом*. После цензурных изъятий в периодических изданиях оставались пустые места.

356—358. 2 — НС, 1915, № 2, с. 4, под загл. «У всякого свой вкус», с вариантами. 3 — НС, 1915, № 8, с. 5, под загл. «Еще о дубе и Сологубе (Выступление его в „Лукоморьи“»)». Публикация стих. № 1 в периодике не установлена. Печ. по изд. 1919, с. 27, цикл датирован. «*Новое время*» — см. примеч. 22—24. «*Лукоморье*» — иллюстрированный журнал шовинистического направления, издавался с 1914 по 1917 г. Ст. 1—2 — цитата из вступления к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». *Эдип* — герой двух трагедий Софокла, мудрец, проникший в тайну своего рождения и разгадавший загадки сфинкса. *Появился Федор Сологуб*. В № 31 «Лукоморья» за 1915 г. было напечатано стих. Ф. Сологуба «Надоело уж нам, зеркалам...». Его произведения были и в предшествующих номерах журнала.

359. НС, 1915, № 50, с. 2, подпись: В. Кн. (В ПС место первой публикации указано неверно.) Датировано в изд. 1919, где помещено в разделе «Во дни войны (1914—1917 гг.)». *Угловик* — угловой жилец (снимающий часть комнаты).

360—362. 1 — НС, 1917, № 31, с. 11, под загл. «Молитва доброго буржуа». 2 — там же, с. 2, под загл. «Символ веры». 3 — «Бич», 1917, № 23, с. 12, под загл. «Славословие проценту». В виде цикла — изд. 1919, в другом составе (вместо «Акафиста проценту» — стих. «Скрижали завета», имевшее в первой публикации — «Бич», 1916, № 3, с. 13 — загл. «Гимн золоту»). Печ. по изд. 1935, с. 89 (в ПС приведено по изд. 1919). Датировано. *Требник* — богослужебная книга, сборник текстов для отправления христианских религиозных обрядов. *Акафист* — см. примеч. 302.

363. «Бич», 1917, № 9, с. 6, под загл. «Еще о хвостах (думы)», с вариантами, в том числе в начале последней строфы:

И если бы во всех углах планеты
Творилось то же, что и на Руси:
О кризисах кричали бы газеты
И в крокодилы лезли караси. . .

Печ. по изд. 1919, с. 387. *Хвосты в народе — в моде*. Речь идет об очередях в магазины, продающие продовольствие и товары первой необходимости; очереди эти возникли из-за кризиса снабжения в годы войны. *Погост* — кладбище. *Протори* — издержки, убытки.

СЕРГЕЙ КРЕМКОВ

364. «Рудин», 1915, № 1, с. 13, с рисунком А. Топикова, изображающим Бальмонта диким индейцем на четвереньках. Там же помещен фельетон Марина (Л. Рейснер) «Бальмонт шаманит», сообщаящий о выступлении Бальмонта в зале Петроградской городской думы. Финалом лекции, по словам фельетониста, был «настоящий акт волхования или шаманного беснования. Поэт использовал здесь свой великий дар для того, чтобы воспроизвести с маорийской или малайской экспрессией «священные наговоры», заговоры, заклинания, завывания беснующихся жрецов, факиров и прочих артистов своего дела и погрузить публику в состояние транса, ничего общего с поэзией не имеющего» («Рудин», 1915, № 1, с. 12). *Маорийский* — иновозеландский (маори — коренное население Новой Зеландии):

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

Эмиль Кроткий — псевдоним Эммануила Яковлевича Германа (1892—1963). Родился в Каменец-Подольске, печататься начал в «Одесском листке» (1911). Как автор стихотворных фельетонов особенно активно выступал в 1917 г. (журнал «Бич», газета «Новая жизнь»). В том же году выпустил отдельным изданием стихотворную «Сказку о том, как царь места лишился». Некоторые сатирические стихи этого времени вошли в книгу Э. Кроткого «Растопленный полюс» (1918). В 1919 г. он написал поэму «Разговор с Вильсоном» (отд. изд.), в 1920 г. издал книгу «Скифский берег. Стихи о России», затем сотрудничал в ряде сатирических изданий; был постоянным автором «Крокодила»; писал также стихи для детей. Умер в Москве.

365. Эмиль Кроткий, Сказка о том, как царь места лишился (в стихах), Одесса, 1917 (под грифом «Сказка для взрослых»). Датируется по устному сообщению автора; произведение не могло быть опубликовано до революции по цензурным условиям. 1. *Жил-был царь, жила царица*. Имеются в виду Николай II и его жена Александра Федоровна. *Люди падали*, т. е. умирали. 2. *«Еду, дети, на войну»*. Речь идет о первой мировой войне. 3. *Царь на фронте*. В августе 1915 г. Николай II, будучи в чине полковника, занял пост Верховного главнокомандующего русской армией. *Восседает частый гость*. Имеется в виду Г. Е. Распутин.

И. С. ЛОГИНОВ

Иван Степанович Логинов (1891—1942) родился в деревне Паршуки, недалеко от Костромы, в крестьянской семье. Работал на петербургских заводах, за участие в революционной деятельности подвергался репрессиям. В 1912 г. вступил в большевистскую партию. С 1911 г. в газетах «Звезда» и «Правда» публиковал стихотворные фельетоны, памфлеты, сатирические песни. Участвовал во втором «Сборнике пролетарских писателей» (1917), подготовленном М. Горьким. В том же году выпустил первую книгу стихов «У станка», в 1919 г. — книги «На страже» и «Накануне», в 1925 г. — «Под знаменем правды». Сотрудничал в «Красной колокольне» (сатирическое приложение к «Красной газете»), в журналах «Красный дьявол», «Красный ворон» и др. Затем работал в Госиздате, в Ленинградском партийном клубе, в Обществе старых большевиков. Летом 1941 г. Логинов вступил добровольцем в Народное ополчение. Погиб в дни ленинградской блокады.

366. «Наше слово», 1917, № 1, с. 9.

367—369. «Наше слово», 1917, № 1, с. 13. «Биржевка» — БВ. *Обладание Царьградом*. Обладание Дарданелльским проливом — одна из ближайших целей русской буржуазии в первой мировой войне. Царьград — см. примеч. 27. «Биржевые ведомости», «Русское слово» — см. АС. «Речь» — см. примеч. 61—63.

370. «Наше слово», 1917, № 4-5, с. 12. «День» — см. АС.

Д. МАЙЗЕЛЬС

Дмитрий Майзельс — типографский рабочий. Будучи юношей, в поисках заработка уехал в США, там скитался и бедствовал, в начале первой мировой войны вернулся в Россию. Как поэт сотрудничал в журнале «Рудин». В 1918 г. выпустил книгу стихов «Трюм». В последующие годы был работником полиграфической промышленности.

371. «Рудин», 1916, № 5, с. 7.

372. «Рудин», 1916, № 7, с. 9, с рисунком Е. П. (Е. Праведникова). *Уолл-стрит* — улица в Нью-Йорке, где расположены здания крупнейших банков и финансовых монополий. *Монумент Вашингтона* — памятник Джорджу Вашингтону.

С. Я. МАРШАК

(см. с. 628)

373. БВ, веч. вып., 1914, 29 декабря, подпись: Д-р Фрикен. *Пришла война. И у Невы воздвигся Петроград* — см. примеч. 309. *Позор* — здесь в старом значении этого слова: зрелище, театральное действо. *Чемодан* — см. примеч. 328. *Жён-премьер* — сценическое ампула первого любовника.

374. БВ, веч. вып., 1915, 11 января, подпись: Д-р Фрикен. *Муха це-це* — ядовитая муха; здесь: царская цензура. *Красный след от ранки* — след цензорских чернил.

375. БВ, веч. вып., 1915, 16 мая, подпись: Д-р Фрикен. Первый эпиграф — неточная цитата из «Эпиграммы» А. С. Пушкина (на Карамзина), второй — из стих. Игоря Северянина «Ландо, трамвай и... извозчик». *Футуриянин* — см. примеч. 182 к слову «эго». *Бонна* — гувернантка. *Поэзы* — см. примеч. 304—305 к слову «Стихозы».

В. В. МАЯКОВСКИЙ

Владимир Владимирович Маяковский (1893—1930) с юношеских лет участвовал в революционном движении, в 1906—1909 гг. в Москве — в подпольной большевистской работе, за которую подвергался арестам. В 1912 г. началась его литературная деятельность. Сатирические мотивы ярко сказались в стихотворениях «Нате!», «Вам!», в поэмах «Облако в штанах», «Война и мир», «Человек» и особенно в цикле «гимнов» — памфлетов, с которыми Маяковский выступил в журнале «Новый сатирик» в 1915—1916 гг. Сатирические стихи на злободневные темы, написанные в 1917 г., печатались в газете «Новая жизнь» и в журнале «Соловей». В годы гражданской войны поэт создавал «Окна сатиры РОСТА», в 1921 г. организовал сатирический журнал «БОВ», затем сотрудничал в журналах «Крокодил», «Смехач», «Красный перец», «Чудак». Стихотворной сатире посвящен ряд сборников поэта: «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается» (1923), «Обряды» (1923), «Маяковская галерея» (1923), «Слоны в комсомоле» (1929) и др. К последним годам жизни поэта относятся его сатирические комедии «Клоп» (1928) и «Баня» (1929).

376. Альм. «Взял», Пг., 1915, с. 1, под загл. «Вам, которые в тылу», ст. 5—7: «Вот вы прохвосты бездарные многие», ст. 9 без слов «приведенный на убой», изъятых цензурой, и другие варианты. Печ. по кн.: В. Маяковский, 13 лет работы, т. 1, М., 1922, с. 115. Стих. было прочитано автором 11 февраля 1915 г. на вечере в артистиче-

ском кафе «Бродячая собака» (Петроград) и встречено визгом негодующей буржуазной публики. *Георгий* — медаль или крест в честь Георгия Победоносца, награда за боевые заслуги. *Напевае Северянина*. «Ресторанно-будуарные» (как называл их М. Горький) стихи Северянина пользовались успехом в кругах буржуазной интеллигенции и мещан.

377. НС, 1915, № 9, с. 2, под загл. «Судья», с рис. А. Радакова. Печ. по ВС, с. 53.

378. НС, 1915, № 12, с. 12, под загл. «Ученый», с рис. А. Радакова, содержание которого было во многом подсказано автором текста. «Маяковский, — вспоминает Радаков, — долго смотрел на рисунок и сказал: «А вы спрячьте голову ученого в книгу, пусть с головой уйдет в книгу». Я так и сделал» («Литературная газета», 1940, 26 апреля). Печ. по ВС, с. 54. *Приготовишки* — ученики приготовительного класса гимназии.

379. НС, 1915, № 28, с. 7, с вариантами. Печ. по ВС, с. 55. *Сапа* — подкоп, траншея. *Построчный пяточок* — гонорар за строку печатного текста.

380. НС, 1915, № 29, с. 3, с рис. Ре-ми (Н. Ремизова), с незначительными вариантами. Печ. по ВС, с. 57. *Реймс* — Реймский собор во Франции, разрушенный в сентябре 1914 г. германской артиллерией. *Пулярка* — жареная курница.

381. НС, 1915, № 34, с. 10, ст. 10: «Громок хозяина бас как» и другие варианты. Печ. по ВС, с. 68.

382. НС, 1915, № 35, с. 4, в специальном номере «О взятке», с незначительными вариантами. В кн.: «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается», М., 1923 — под загл. «Гимн взятке». Печ. по кн.: В. В. Маяковский, т. 1, М.—Л., 1928, с. 191. *Участок* — отделение полиции. *Пристав* — см. примеч. 20.

383. НС, 1915, № 36, с. 6, с вариантами, в том числе ст. 39: «Сплошной обрыдавший Гаршин». Печ. по ВС, с. 49. *Изрыдавший Гаршин*. Творчество В. М. Гаршина было проникнуто страдальческими мотивами, вызванными ощущением тяжести и несправедливости жизни.

384. НС, 1916, № 46, с. 12, под загл. «Лучше не называть», с рис. А. Радакова, перед ст. 1: «Надоело» и другие варианты. В кн.: В. Маяковский, 13 лет работы, т. 1, и «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается», М., 1923, предпоследний ст.: «в 1914 году». Печ. по кн.: В. В. Маяковский, т. 1, М.—Л., 1928, с. 198. *Рябое* — усеянное цензурными точками (вместо запрещенных строк). «*Простое как мычание*» — сборник стих. Маяковского (1916).

385. НС, 1916, № 52, с. 11. Печ. по кн.: В. В. Маяковский, т. 1, М.—Л., 1928, с. 160.

С. МИХЕЕВ

(см. с. 630)

386. НС, 1915, № 6, с. 8. «*Мы не моргнем*» — название вымышленное. «*Вечерка*» — вечерняя газета. «*Речь*» — см. примеч. 61—63. «*Палас-Рояль*» — название отеля. *Лабаз* — торговый склад.

387. Б, 1916, № 41, с. 10, с вариантами. Печ. по «Бичу», 1916, № 11, с. 4. *Повинтить* — сыграть в винт (карточная игра). «*Нива*» — популярный иллюстрированный еженедельник.

СЕРГЕЙ НЕДОЛИН

Сергей Недолин — псевдоним Сергея Александровича Поперек (р. 1880). Как поэт, прозаик и литературный критик выступал в ряде изданий. Сатирические стихотворения печатал в «Журнале журналов». В 1912 г. переписывался с М. Горьким.

388. ЖЖ, 1915, № 11, с. 24, в отделе «Поэтическая вермишель». *Футирист*, *акмеист*, *викторист* — представители декадентских литературных течений. *Перфектист* — приверженец прошлого (от латинского «перфектум» — прошедшее время). *Октябрист* — см. примеч. 11.

ЛЕВ НИКУЛИН

(см. с. 631)

389. «Божья коровка», 1916, № 2, с. 5, подпись: Анжелика Сафьянова. *Супирант* — воздыхатель. *Фолиант* — увесистый том. *Поэзы* — см. примеч. 304—305 к слову «Стихозы». *Елисавета Воробей* — имя и прозвище умершей крестьянки, принадлежавшей Собакевичу, герою «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

390. Б, 1917, № 2, с. 5, в цикле «Лирические эпиграммы», подпись: Л. Н. *Правовед* — слушатель Училища правоведения — привилегированной высшей школы для аристократической молодежи; ее выпускники пополняли собою царскую бюрократию. *Кейф* — праздность, безделье. *Пращур* — прадед, здесь: предок. *Калита* — Иван I Калита. *Треуголка* — форменный головной убор.

М. ПУСТЫНИН

(см. с. 635)

391. НС, 1915, № 34, с. 10. «*Островки*» — незаполненные места печатного текста, см. примеч. 355.

А. А. РАДАКОВ

(см. с. 636)

392. НС, 1915, № 17, с. 2. *Голконда* — феодальное государство в Южной Индии (XVI—XVII вв.).

393. НС, 1915, № 50, с. 9, в пародийной газете «Розовая незабудка. Только для благоправных граждан, № 1», без подписи, с рис. автора. «Речь» — см. примеч. 61—63. «Колокол» — черносотенная газета, выходившая в 1905—1917 гг. «День» — см. АС.

394. НС, 1915, № 50, с. 19, подпись: А. Р.—ов, с рис. автора. Между строфами 1 и 2 — пробел, указывающий на строфу, изъятую цензурой.

395. НС, 1916, № 20, с. 2, подпись: А. Р., с рис. автора «К юбилею Сервантеса». На рис. — Сатир (спутник бога веселья и вина Диониса, изображенный по традиции получеловеком-полукозлом с заостренными ушами и козьим хвостом) на коне; с пикой наперевес, бросается на ветряную мельницу, одетую в чиновничий мундир со множеством орденов и медалей. Юбилей Сервантеса (300-летие со дня смерти) отмечался в апреле 1916 г. *Дон-Кихот*, *Санчо Панса*, *Дульцинея Тобосская* — персонажи романа М. Сервантеса «Дон-Кихот». *Россинант* — конь Дон-Кихота.

Л. М. РЕЙСНЕР

Лариса Михайловна Рейснер (1895—1926), выступавшая в печати также под псевдонимами: М. Ларин, Марин, Рики-Тики-Тави, Л. Храповицкий и др., родилась в Люблине в семье профессора-юриста. С 1905 г. жила в Петербурге, окончила женскую гимназию, училась в Психоневрологическом институте и посещала лекции в Университете, где принимала участие в студенческом «кружке поэтов». Литературную деятельность начала в 1913 г., опубликовав пьесу «Атлантида». В 1915 г. основала вместе с отцом журнал «Рудин», в котором выступала как поэт, критик и публицист. Затем печаталась в журнале «Летопись» и газете «Новая жизнь». Л. Рейснер была участницей гражданской войны (Волжская флотилия, Восточный фронт). В 1921 г. с первым советским посольством ездила в Афганистан, несколько раз бывала в Германии, посетила ряд промышленных районов СССР. Опыт гражданской войны и впечатления от поездок изложены ею в книгах очерков: «Фронт», «Афганистан», «Гамбург на баррикадах», «Уголь, железо и живые люди» и др. Умерла от тифа в Москве.

396. «Рудин», 1916, № 8, с. 1, с рис. И. Юдина (Пушкин на фоне Медного всадника и Адмиралтейства). Эпиграф — из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». *Медный всадник* — памятник Петру I (работы М.-Э. Фальконе) на Сенатской площади в Петербурге. *Гунн* — здесь: завоеватель, властитель. *Порфира* — царская мантия. *Копыта на уста раздавленному змею* — деталь памятника;

копыта коня, топчущие змею, символизирующие борьбу Петра I с отсталостью феодальной России. *Сальери* — герой трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери»; здесь: человек, исчисляющий чужие грехи и ошибки. *Арап* — просторечная форма слова «араб»; «арапом» был прадед Пушкина А. П. Ганнибал — сын абиссинского князя; в детстве его похитили турки, затем он был привезен в Москву; Петр I принимал участие в его воспитании. *Божественный Арап* — потомок Ганнибала, А. С. Пушкин. *Указ, тебя ссылавший на Кавказ*... и т. д. По распоряжению царя Александра I Пушкин был сослан на юг России (а не на Кавказ), а затем в село Михайловское. *И он восстал, неистов*. Подразумевается сочувствие Пушкина движению декабристов. *Хариты* (греч. миф.) — богини изящества и красоты, спутницы Афродиты.

Б. САДОВСКИЙ

Борис Александрович Садовский (1881—1952), подписывавшийся также псевдонимами: Б. Борисов, Борис Садовской, родился в Ардатове, Нижегородской губ., в семье историка А. Я. Садовского. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. На литературное поприще вступил в 1901 г. в нижегородской печати. Выпустил сборники стихов: «Позднее утро» (1909), «Пятьдесят лебедей» (1913), «Самовар» (1914), «Косые лучи» (1914), «Полдень» (1915). Как поэт сотрудничал в «Журнале журналов» и других периодических изданиях. Писал также исторические и историко-фантастические повести, рассказы, критические статьи. В последние десятилетия был тяжело болен. Умер в Москве.

397. ЖЖ, 1916, № 11, с. 14, подпись: Б. Борисов. Памфлет на А. И. Тинякова, выступавшего в печати под псевдонимами: Куликовский, Чернохлебов, Немакаров и др. (в тексте — *Кульковский, Белохлебов, Матаров*). Откликом на приводимое стих. явилось письмо А. Тинякова в редакцию ЖЖ. Признаваясь в том, что осенью 1913 г. он напечатал в «Земщине», за подписью Куликовского, «две антисемитические статьи о деле Бейлиса», что в 1914 г. он перешел в газету «День», а в июне 1915 г. стал сотрудничать в литературном отделе «Речи», Тиняков писал: «Отойдя постепенно от моих прежних политических убеждений, я счел себя вправе принять посильное участие в либеральной прессе, тем более что политикой специально я не занимался, а интересовался главным образом литературой, по существу своему беспартийной» (ЖЖ, 1916, № 13, с. 7). Однако спустя два месяца Л. Фортунатов в заметке «Предсмертный хрип» (ЖЖ, 1916, № 18, с. 13) сообщил, что А. Тиняков вернулся в «Земщину». Новым черносотенным писаниям этого литератора в «Земщине» посвящен фельетон «Тартюф» А. Лозина-Лозинского (Я. Любара) в ЖЖ, 1916, № 18, с. 9. «Печь» — подразумевается кадетская газета «Речь». «Немщица» — подразумевается черносотенная газета «Земщина». *Чеберячка* — В. Чеберяк.

398. ЖЖ, 1916, № 12, с. 8. *Зловещий год* — 1905 г. *Промчалась буря* — первая русская революция.

СКАНДЕРБЕГ

Скандербег (Скандерберг) — псевдоним Николая Александровича Фольбаума; другие псевдонимы: Жакасс, С-берг и пр. В 1905 г. печатался в журналах «Зритель» и «Жалю», затем в «Будильнике», «Красном смехе» и других изданиях. В 1912—1913 гг. редактировал юмористические журналы «Волянка» (Москва) и «Тихий омут» (Ростов-на-Дону); в 1917 г. печатался в еженедельниках «Будильник» и «Пересмешник». Принимал участие в одном из первых сатирических журналов советского времени, созданном В. Маяковским («БОВ», 1921).

399. «Красный смех», 1915, № 7, с. 5. Стих. направлено против проповедников шовинистических идей. *Мраморный парос* — один из лучших сортов белого мрамора, добываемый на острове Парос в Эгейском море.

400. Б, 1915, № 35, с. 5, подпись: Перевел Ф.

Ф. К. СОЛОГУБ

Фёдор Кузьмич Сологуб (наст. фамилия — Тетерников, 1863—1927) — поэт-символист. Родился в Петербурге, в семье портного. Окончив учительский институт, много лет преподавал математику. В печати выступил впервые в 1884 г. В 1905—1906 гг. публиковал сатирические стихи в журналах «Зритель», «Сигнал» и др. (произведения этих лет вошли в его книгу «Родное», 1906). В 1910-е годы сотрудничал в «Сатириконе» и «Биче». Известен как автор многочисленных лирических стихотворений, повестей и романов («Мелкий бес», «Творимая легенда») и драм. Умер в Ленинграде.

401. «Бич», 1916, № 10, с. 6.

В. СТАРИКОВ

Василий Стариков дебютировал лирическими стихами в «Первом сборнике группы молодых поэтов» (1914). Сатирические произведения печатал в журналах «Будильник», «Новый сатирикон» (1915—1917).

402. Б, 1915, № 47, с. 11.

М. СТРОНИН

403. «Бич», 1916, № 9, с. 7. *Лабазник* — торговец.

Д. Н. ТИГЕР

Дмитрий Николаевич Тигер (р. 1883) подписывался псевдонимами: Красное жало, Д. Долев, Доль и др. В начале первой мировой войны выступал со стихами в журналах и альманахах. В 1916—

1917 г. печатался в «Новом сатириконе». Принимал участие в одном из первых советских сатирических журналов («Гильотина, 1918), затем в сатирических изданиях 20-х годов. Отдельной книгой в 1922 г. вышла его сатирическая стихотворная повесть «Красный Октябрь. История о том, как народ буржуев развенчал». Писал также агитационно-сатирические пьесы («Буржуи в аду», «Колдовговор» и др.).

404. НС, 1916, № 48, с. 2, подпись: Доль. Написано в связи с продовольственным кризисом, вызванным войной. *Языци* — народы. *Карат* — см. примеч. 334. *Баккара* — азартная карточная игра. *Шокинг* (англ.) — неловкость, неприятность, скандал.

405. НС, 1916, № 49, с. 3, подпись: Доль; ст. 8, по-видимому, изъят цензурой. *Одиннадцатый год*. I Государственная дума была созвана в апреле 1906 г. *Юница* — молодка. *Гувернантка в бороде* — М. В. Родзянко. *Фунт вермишели* — см. примеч. 178. *За Таврический порог* — см. примеч. 184. *Два раза гнали вон*. I и II Государственные думы были разогнаны правительством. *Июня третьего числа* — см. примеч. 86. *Гермес* (греч. миф.) — бог скотоводства, покровитель пастухов; в позднейших изображениях (с V в. до н. э.) — олицетворение юности и здоровья.

406. НС, 1916, № 50, с. 2, подпись: Доль. *Девятый круг* — последний круг ада, описанный в «Божественной комедии» Данте. *«Хвост»* — см. примеч. 363.

О. ТОМСКИЙ

О. Томский — псевдоним Иосифа Хейсина, другой псевдоним: Х. Иосифов. В 1916—1917 гг. печатал стихи в журналах «Бич», «Живое слово», «Журнал журналов» и др. В 1917 г. выпустил отдельными изданиями сатирические повести в стихах: «Новая история царствования дома Романовых» и «Сказка о Гришке Распутном, глухых министрах и Дворе Высочайшем».

407. «Бич», 1917, № 3, с. 14, в цикле «Патриоты (посвящается многим)»: *«Многи лета»* — слова из молитвы, прославляющей царя. *Брутто, нетто, франко* — коммерческие термины, означающие стоимость товара с тарой, без тары, с доставкой.

ЧУЖ-ЧУЖЕНИН

(см. с. 642)

408. Изд. 1917, с. 8. Написано в связи с мобилизацией на фронт полицейских (мера, принятая царским правительством из-за острого недостатка людских резервов). Датируется по содержанию. *Фараон* — см. примеч. 297. *Охранник* — служащий тайной полиции. *Частный пристав* — см. примеч. 20.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

409. НС, 1914, № 47, с. 9, подпись: Щ. *Овидиевы метаморфозы* — поэма Овидия «Метаморфозы», рассказывающая, на основе мифологических источников, о превращениях людей в животных, растения и камни.

410. Б, 1915, № 33, с. 8, подпись: Сем. (Д. Н. Семёновский?). *Малага* — марка вина.

411. Б, 1915, № 44, с. 7, подпись: Лн. *Антиохия* — столица древней Сирии. *Антиной* — в «Одиссее» Гомера предводитель группы женихов, понуждавших Пенелопу к браку во время многолетних странствий ее мужа, Одиссея. *Гектор* — в «Илиаде» Гомера герой Троянской войны, мужественный защитник родного города. *Котурны* — обувь трагических актеров в античном театре (башмаки на высоких подошвах).

412. ЖЖ, 1916, № 10, с. 13, подпись: Н. Переклюев. Пародия на ранние стихи Н. А. Клюева, в творчестве которого преобладали архаические, стилизаторские, патриархально-религиозные мотивы. «*Лукоморье*» — см. примеч. 356—358. Клюев сотрудничал в этом журнале.

413. «Стрекоза», 1916, № 18, с. 4, подпись: Ю. *Клякспапир* — промокательная бумага. *Пропускалось* — проходило через цензуру.

414. «Стрекоза», 1916, № 41, с. 15, подпись: Комик. «*Рамоли*» — см. примеч. 124.

III

МАРТ — ОКТЯБРЬ 1917

МИХАИЛ АГАТОВ

415. «Голос социал-демократа», 1917, 21 мая и «Кавказский рабочий», 1917, 13 июня. *Кадет* — см. примеч. 26. На протяжении всей первой мировой войны кадеты поддерживали военную программу царизма. После Февральской революции они играли руководящую роль в буржуазном Временном правительстве и вели антинародную империалистическую политику. *Царьград* — см. примеч. 27. *Перейдут турецкие проливы* — см. примеч. 367—369. Последний ст. — перефразировка выражения из Евангелия: «Взявшие меч — мечом погибнут».

Н. Я. АГНИВЦЕВ

(см. с. 600)

416. Изд. 1926, с. 24, в разделе «Февраль» (все стих. этого раздела написаны после февраля 1917 г.). *Гильотина* — машина для отсечения головы; казнь гильотиной была введена во время французской буржуазной революции конца XVIII в.

417. Изд. 1926, с. 30, в разделе «Февраль». *Порфира* — царская мантия. *Прискакавши из Гатчины*. С 1783 г. Павел I проживал в Гатчинском дворце, под Петербургом. *Павел Первый взошел на престол* — в 1796 г. *Шпицрутен* — см. примеч. 161. *Цесаревич* — будущий император Александр I, старший сын Павла I. *Государыня* — императрица Мария Федоровна, жена Павла I. *Пален* — один из главных организаторов убийства Павла I. *Император задушенный*. В ночь на 11 марта 1801 г. Павел был задушен участниками дворцового заговора.

418. Изд. 1926, с. 32, в разделе «Февраль». Стих. пользовалось большой популярностью в первые годы революции (печаталось в хрестоматиях, читалось на митингах и концертах).

А. В. АМФИТЕАТРОВ

(см. с. 601)

419. «Бич», 1917, № 34, с. 10, подпись: Fa-mi. Загл. — из церковных молитвословий типа акафистов (см. примеч. 302). *Троице-Сергиевская лавра* — монастырь недалеко от Москвы (в современном Загорске). *Зане* — так как. *Лавр* — имеется в виду Лавр Георгиевич Корнилов. *Лавр-то вышел — колкий терн*. В двадцатых числах августа 1917 г. Корнилов возглавил контрреволюционный мятеж, организованный буржуазными партиями с целью захвата Петрограда, разгрома большевиков и установления в стране буржуазно-помещичьей военной диктатуры. Мятеж был ликвидирован революционными войсками, руководимыми большевиками. Временное правительство под давлением масс было вынуждено отстранить Корнилова от поста Верховного главнокомандующего и взять его под арест.

С. А. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

(см. с. 648)

420. Первая редакция поэмы: Дедушка Тарас. Русская история в стихах, Казань, 1908 (на титульном листе — «Сказка дедушки Тараса»). Тот же текст под другим загл.: Дедушка Тарас. Правдивая история о русских царях (Русская история в стихах), Одесса, 1917. Печ. последние главы третьей части по изд.: С. Басов-Верхожанцев, Сказ, отколь пошли цари у нас, Пг., 1917, с. 55. Важнейшие варианты первой редакции (в публикуемых здесь главах):

- вместо ст. 3—4: Как девятого числа
Нас нелегкая несла
Что ко Зимнему дворцу,
К самому царю-отцу.
- вместо ст. 21—22: Стал опять народ гадать,
Как бы так царя изнять
- вместо ст. 69—83: Возвещаем мы свободу.
Нынче всякий может вслух
Поносить царевых слуг.
Да задумали мы разом
Настоящим же указом
Думу в Питере созвать
И ей власть всю нашу сдать.
А без Думы той согласья
Нам не править одночасья.
- вместо ст. 112—113: Сам гвардейский генерал
То восстанье умирал,
Да чуть шеи не сломал,
Никогда б не усмирили,
Каб в деревне пособили.
Да мужик силен умом
Больше задним всё числом.
- вместо ст. 139—168: Снова Думу он прогнал,
Выбрать третью приказал,
Да при том и наказал:
Чтобы вместо непокорных
Выбирали только «черных».
- вместо ст. 195—200: Депутатов выбирать
В Третью думу посылать
- вместо ст. 207: То ли Думу выбирать
- вместо ст. 213: Пусть крестьянский мир честной
Управляет сам собой.
- между ст. 217—218: У Федота длинный волос,
У Федота грубый голос,
- ст. 232—239 отсутствовали. Вместо заключительных двух ст.:
- Вот и сказке конец,
А нам бражки корец.
А мы бражки попьем
И еще заведем.

Приведенный текст в значительно дополненном и переработанном виде вошел в третью часть поэмы Басова-Верхомянцева «Расея» (Пг.,

1923), где история России доведена до окончания гражданской войны (как в этой поэме, так и в других редакциях «Русской истории в стихах» повествование ведется со времен пришествия варягов, т. е. с IX—X вв.). *В день девятый января* — расстрел мирной демонстрации рабочих царскими войсками в Петербурге 9 января 1905 г. *Тысяч пять на погост стащили спать*. В этот день было убито 1200 и ранено свыше 2 тыс. человек. Погост — кладбище. *На дно японских вод опустил русский флот* — гибель русской эскадры в Цусимском бою (см. примеч. 8). *Стали фабрики, заводы* — всеобщая забастовка в октябре 1905 г. *Николай* — царь Николай II. *Царица* — Александра Федоровна. *Мотня* — суета, волокита. *Царев указ* — манифест 17 октября 1905 г., в котором были обещаны демократические свободы и созыв представительного народного собрания; эти ложные обещания были даны с целью успокоить народ и задержать развитие революции. *Седьмица* — неделя. *Царское Село* — пригород Петербурга, летняя резиденция царя (ныне — г. Пушкин). *А в Москве первопрестольной*. Далее говорится о вооруженном восстании московских рабочих в декабре 1905 г. *Вот собрались депутаты*. Эта глава повествует о созыве I, II, III Государственных дум, см. примеч. 235, 296. *Гуня* — от слова «гунявый»: оплешивевший от болезни, облезший. *Третьего июня* — см. примеч. 86. *Октябристы* — см. примеч. 11. *Хомяки* — намек на приверженцев Н. А. Хомякова. *Черняки* — черносотенцы. *Новые качели С перекадиной из ели* — виселицы, символ столыпинской реакции и правительственного террора (1907—1910 гг.). *Мослаками* — костями. *Увязался царь в войну* — начало первой мировой войны (июль 1914 г.).

В вариантах: *Как девятого числа Нас нелегкая несла* — перепев начальных слов солдатской песни Л. Н. Толстого «Как четвертого числа...». *Сам гвардейский генерал* — Г. А. Мин, посланный на усмирение Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. *Выбирали только «черных»* — черносотенцев.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

(см. с. 603)

421. «Правда», 1917, 5 апреля. *Кадет* — см. примеч. 26, 415.

422. «Правда», 1917, 6 мая, подпись: Мужик Вредный. *Новая комбинация* — новый состав буржуазного Временного правительства, пришедший 5 мая 1917 г. на смену первому составу, сформированному в марте 1917 г., но потерпевшему крах из-за неспособности решить коренные вопросы жизни страны (о мире, земле и т. д.). «Новая комбинация» состояла из кадетов, октябристов, меньшевиков, эсеров и «народных социалистов»; в нее вошли упоминаемые в эпиграфе лица. *Достиг он высшей цели* — перефразировка строки из монолога Бориса в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» («Достиг я высшей власти»).

423. «Правда», 1917, 23 июня, подпись: Иван Заводской.

424. «Правда», 1917, 25 июня, подпись: Мужик Вредный. Ст. 1 — из народной песни. *Малая Невка* — рукав в дельте Невы, на территории Петрограда. *Лява* — в представлении древних, призрак погибшего человека. «Правда» — см. АС.

425. «Рабочий и солдат», 1917, 4 августа, подпись: Солдат Яшка — медная пряжка. Стих. вскрывает лживый, антинародный характер меньшевистской печати, которой противостоит газета большевиков «Рабочий и солдат» — см. АС. «Рабочая газета» — центральный орган меньшевиков в 1917 г. *Оборонка* — стоящая на позициях «оборончества», т. е. продолжения империалистической войны.

426. «Рабочий путь», 1917, 23 сентября, подпись: Друг сердечный, с эпиграфом (цитатой из сообщений реакционной газеты «Русская воля») и концовкой, шедшей за последней строкой приводимого текста:

Товарищи, с программой этой
Вы ознакомьтесь вполне,
Поговоривши с тем, кто ищет правды в «Дне»
И упивается «Рабочею газетой».

Печ. по кн.: Демьян Бедный, Всяк Еремей про себя разумеи. Пролетарские басни, Пг., 1917, с. 33. «День» — см. АС. «Рабочая газета» — см. примеч. 425.

М. М. БЕСКИН

(см. с. 604)

427. Б. 1917, № 37-38. с. 7, подпись: Бемоль. *Известный многим грек* — Пифагор. *Бессмертные «штаны»* — «пифагоровы штаны», т. е. чертеж пифагоровой теоремы о квадратах сторон треугольника. *Гекатомба* — у древних греков жертвоприношение из ста волов. *Быки всегда с тех пор дрожат, ревут...* и т. д. Имеется в виду отношение имущих классов и реакционных политических сил к Октябрьской революции.

ГРИБКО-ГОЛЬШОВСКИЙ

428. «Красное знамя», 1917, 10 сентября. *Мессия* — в религии евреев будущий спаситель народа, который должен избавить его от зла и создать райскую жизнь; здесь — в нарицательном значении: могущественный благодетель. *Я поставлял в казну болванки*. Речь идет о металлургических болванках, в которых нуждалась военная промышленность. «...Родзянко поставлял на Сестрорецкий оружейный завод никуда не годные болванки и получал за них годный на все чистоган» («Правда», 1917, 30 августа). *Октябристские заветы* — заветы октябристов; см. примеч. 11.

А. д'АКТИЛЬ

(см. с. 653)

429. «Бич», 1917, № 13, с. 19, подпись: Желчный поэт. *Циклон переворота* — свержение царской власти в феврале 1917 г. *Из сильных мира — в арестанты*. Написано в связи с арестом названных в эпиграфе лиц. *Куранты* — часы на башне Петропавловской крепости; в казематы этой крепости были заключены деятели царского режима.

430. «Бич», 1917, № 17, с. 2. *При разборе ампула* — при разборе ролей (ампула — тип ролей, соответствующих определенным данным актера). *Эсдечий* — социал-демократический (от аббревиатуры с.-д.).

431. «Бич», 1917, № 19, с. 2. *И грянул гром* — Февральская революция. «*Декламатор*» — «Чтец-декламатор», сборник текстов художественных произведений для публичного исполнения. «*На повороте*» — повесть В. В. Вересаева, в которой большое место уделено изображению марксистской интеллигенции. «*Капитал*» — см. примеч. 212. *Романы Брешки* — Н. Н. Брешко-Брешковского.

432. «Бич», 1917, № 30, с. 15, подпись: д'А. Написано по случаю третьей годовщины со дня начала первой мировой войны.

433. «Бич», 1917, № 33, с. 10, подпись: д'А. Стих. является откликом на принятые Временным правительством в середине июля 1917 г. решения о восстановлении предварительной военной цензуры и о закрытии большевистских газет. Автор иронизирует над «свободой слова», декларированной буржуазной властью после свержения царизма.

434. «Бич», 1917, № 42, с. 7. *Акцизный* — чиновник налогового (акцизного) ведомства. *Кутья* — см. примеч. 95—97. *Эсер* — см. примеч. 142.

Н. ДУБРОВСКИЙ

435. «Интернационал», 1917, 25 августа. Перепечатано рядом большевистских газет в сентябре — октябре 1917 г. Перепев басни И. А. Крылова «Квартет». *Эсер* — см. примеч. 142. После февраля 1917 г. партия эсеров переродилась в буржуазную партию, поддерживавшую Временное правительство и боровшуюся против социалистической революции. *Кадет* — см. примеч. 26, 415. *Трудовик* — член группировки мелкобуржуазных демократов, колебавшихся до революции между кадетами и большевиками; после Февральской революции «*трудовики*» поддерживали Временное правительство. *Эсдек* — социал-демократ, здесь: меньшевик.

И. ЗВЕРЬКОВ

И. Зверьков — солдат, участник первой мировой войны. В 1917 г. печатался в большевистских газетах.

436. «Голос правды», 1917, 16 апреля.

И. ИОНОВ

Илья Ионов — псевдоним Ильи Ионовича Бернштейна (1887—1942), другой псевдоним: Звонарь. Родился в Одессе, в мещанской семье, с двенадцати лет работал в типографии, затем поступил в художественное училище, откуда был исключен за революционную деятельность. Писать начал в 1905 г. Вскоре был приговорен к ссылке, оттуда бежал, а в 1908 г. был осужден на восемь лет каторжных работ. После свержения царизма приехал в Петроград, печатался в газетах «Правда», «Солдат», «Прибой», «Окопная правда». В 1917 г. выпустил первую книгу стихов «Алое поле» (переиздана в 1918 г.). После Октябрьской революции занимался редакционно-издательской деятельностью (на протяжении ряда лет — с 1918 по 1932 г. — по издательским вопросам переписывался с М. Горьким) и продолжал писать стихи. Сотрудничал в сатирическом журнале «Красный дьявол» (1918—1919), выпустил еще две книги стихов: «Колос» (1921) и «Октябрьские дни» (1926). Погиб трагически.

437. «Солдат», 1917, 24 октября. Загл. — народная пословица. Текст — перепев стих. М. Ю. Лермонтова (перевод из Г. Гейне) «Сосна». *Мариинка* — Мариинский дворец в Петрограде, где в октябре 1917 г. заседал Предпарламент (совещательный орган при Временном правительстве, сформированный Демократическим совещанием, см. примеч. 446). *Корниловский козырь* — здесь Б. В. Савинков (намек на его сочувствие генералу Корнилову, см. примеч. 419). *Эсер* — см. примеч. 142, 435.

В. КИЧУЙСКИЙ

Валериан Кичуйский — псевдоним Ивана Ивановича Самойлова (1888—1964). Родился в семье крестьянина-бедняка Казанской губ. Во время пребывания в Казанской учительской семинарии вошел в среду революционно настроенной молодежи. Писать начал в 1904 г. Работал в Казани народным учителем, вступил в большевистскую партию; за участие в революционной работе подвергался арестам, а в 1909 г. приговорен на вечное поселение в Сибирь. Оттуда послал стихи М. Горькому, печатался в «I сборнике пролетарских писателей», вышедшем под редакцией Горького в 1914 г. Освобожденный от ссылки после Февральской революции, печатался в газете «Красноярский рабочий». В советские годы был на хозяйственной, издательской, педагогической работе, продолжал писать стихи. Умер в Москве.

438. «Красноярский рабочий», 1917, 7 апреля, подпись: И. С. «Енисейский край» — монархическая газета, прекратившая существо-

вание после Февральской революции. *«Наш голос»* — газета эсеров (см. примеч. 142, 435), издавалась при Временном правительстве.

439. «Красноярский рабочий», 1917, 13 апреля, подпись: И. С. *Храбрый росс* — слова из стих. Г. Р. Державина «Ода кадрили». *«Наш голос»* — см. примеч. 438. *Клевету нам преподнес*. Е. Колосов выступил с клеветническими измышлениями о большевиках, позаимствованными из кадетской печати. *Эсдеки* — социал-демократы, здесь: большевики. *Немецед* — здесь: сторонник продолжения войны с Германией.

В. В. КНЯЗЕВ

(см. с. 621)

440. Изд. 1919, с. 93, в разделе «Сатиры» (в ПС источник указан неточно). Датируется по содержанию. Написано в связи с попытками возобновить деятельность IV Государственной думы (см. примеч. 235) в дни Февральской революции; с этой целью был создан Временный комитет Государственной думы, часть которого склонялась к сохранению династии Романовых. *Терсит* — см. примеч. 193. *Патрокл* — отважный и благородный воин, герой «Илиады» Гомера. *Казовые* — выставленные напоказ. *Погост* — кладбище.

441. «Бич», 1917, № 15, с. 10. *Цареград берет на карте* — см. примеч. 27, 367—369. *Иностранный* — министр иностранных дел. *Князь Олега дубликат*. Около 907 г. князь Олег совершил поход на Византию и осадил Царьград. *Павел* — П. Н. Милюков. *«Речь»* — см. примеч. 61—63. *Обряд обрезания* — религиозный обряд у мусульман и сирсев. *На Жуковской* — на улице Жуковского в Петрограде.

442. «Бич», 1917, № 19, с. 6, подпись: Джо. Муций Иванович Гучков. Имя Муция Сцеволы, пожертвовавшего своей рукой для доказательства готовности бороться за спасение Рима, применено к А. И. Гучкову иронически, в связи с отказом последнего от поста военного и морского министра в первом составе Временного правительства. Вынужденный совершить этот шаг под давлением масс, недовольных политикой продолжения войны, Гучков изображал его как жертву для «спасения революции».

443. «Бич», 1917, № 26, с. 11.

444. «Бич», 1917, № 27, с. 12.

445. «Солнце России», 1917, № 17, с. 16.

446. НС, 1917, № 34, с. 6, в цикле «Вскользь», подпись: Ирод. *Чудо-совещание* — Всероссийское Демократическое совещание, созванное меньшевиками и эсерами в Петрограде 14 сентября 1917 г.

с целью задержать развитие революции и подорвать влияние Советов, в которых преобладающее место к этому времени завоевали большевики.

ЕВТ. КОНДАКОВ

447. Б, 1917, № 34, с. 11. «Понедельничные» газеты — буржуазные газеты, издававшиеся по понедельникам (в этот день не выходили другие ежедневные газеты); отличались, в большинстве своем, легковесностью публикуемого материала, дурной сенсационностью и бульварщиной. *Этуаль* — «звезда» театра или эстрады.

448. Б, 1917, № 36, с. 3. *Съезд общественных деятелей* — так называл себя съезд, созданный буржуазными контрреволюционными элементами в Москве 12 октября 1917 г.; задачей съезда была выработка программы, предусматривающей ликвидацию большевизма и установление военной диктатуры. *Земский начальник* — при царизме чиновник, объединявший в своих руках административную и судебную власть над местным крестьянством. *Кадет* — см. примеч. 26, 415. *Но тут Родзянко*. М. В. Родзянко председательствовал на этом съезде. «*Прага*» — ресторан в Москве. «*Союз*» — «Союз русского народа», см. примеч. 144. «*Палата Михаила*» — «Союз Михаила Архангела», погромно-черносотенная организация в царской России, родственная «Союзу русского народа».

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

(см. с. 656)

449. Эммануил Герман, *Растопленный полюс*. Стихи о России и революции, Пг., 1918, с. 12, в разделе «Растопленный полюс». Датируется по устному сообщению автора. *Орлов растоптаны останки*. Двуглавый орел — эмблема русского самодержавия. *Джа* — название железнодорожной станции, где был задержан поезд Николая II, направлявшийся в Петроград в дни февральского восстания 1917 г.

450. «Бич», 1917, № 21, с. 7. *Туша-всадник, конь неловкий* — памятник Александру III, см. примеч. 123 к слову «Гиппопотам». *Между питерских громад*. Памятник был установлен в 1909 г. на Знаменской площади перед Николаевским (ныне Московским) вокзалом. *Затевали панегирик*. По замыслу купечества, на деньги которого сооружался монумент, он должен был подчеркнуть неизбежность российского самодержавия; художник же превратил его в памфлет на тяжеловесную, грубую, всеподавляющую царскую власть. *Урядник* — см. примеч. 82.

451. НЖ, 1917, 8 июня. Перепев стих. А. С. Пушкина «Моя родословная». Стих. разоблачает политических обывателей, которые словами «русский гражданин» прикрывают свою реакционную сущность. *Алтын* — трехкопеечная монета царской чеканки. *Со мной*

республику признали... князя — см. эпитафия к 422. *Трехаршинную розетку... ленты*. Знаками сочувствия революции весной и летом 1917 г. считались красные розетки и красные ленты, пристегнутые к костюму. *Отменили твердый знак*. В мае 1917 г. была объявлена реформа правописания: из русского алфавита изъяты буквы «ять», «фита», «ижица», «и» с точкой и твердый знак в конце слов.

452. НЖ, 1917, 11 июня. Написано в связи с различными проектами нового избирательного права, предлагавшимися после свержения царизма. *Пангос* — персонаж сатирической повести Вольтера «Кандид», известный своим непоколебимым оптимизмом. *Сиамские близнецы* — близнецы, сросшиеся при рождении. *Бе* — была (архангелская форма прошедшего времени от глагола «быть»). *Мезальянс* (франц.) — неравный брак. «*Молодой*», т. е. революции. *Сфинксы над Невой* — каменные изваяния сфинксов, привезенные в Петербург из Египта в 1832 г. и установленные на набережной Невы, перед зданием Академии художеств.

453. Эммануил Герман, *Растопленный полюс*, Пг., 1918, с. 22, в разделе «*Растопленный полюс*». Датируется по устному сообщению автора. *Провинциальный адвокат* — А. Ф. Керенский.

454. НЖ, 1917, 2 августа; перепеч. в газ. «Вперед», 1917, 10 августа. Перепев стих. А. С. Пушкина «Зимняя дорога». «*Близкие выборы*» — подразумеваются выборы в Учредительное собрание, неоднократно откладываемые Временным правительством. *Тройка-Русь* — образ, заимствованный из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. *Кадеты* — см. примеч. 26, 415. *Моськи черной масти* — черносотенцы.

455. НЖ, 1917, 5 августа; перепеч. в газ. «Вперед», 1917, 10 августа. «*Таймс*» — английская газета, центральный орган партии консерваторов. *Фосфатин* — питательная смесь для детей. *Затеваю... дальнюю поездку* — поездку в Стокгольм, на международную конференцию социалистических партий для выработки возможных условий соглашения между воюющими государствами; эта позиция А. Гендерсона вызвала недовольство английской буржуазии, жаждавшей «полной победы» в войне, из-за чего Гендерсон вынужден был выйти из состава правительства.

456. НЖ, 1917, 19 августа; перепеч. в «Донецком пролетарии», 1917, 24 августа. *У врат старинного Кремля, где резолюции летели*. Речь идет о Государственном совещании, состоявшемся в Москве 12—15 августа 1917 г.; оно было создано Временным правительством для мобилизации реакционных сил против нарастающей революции. *Бубликов пожал его протянутую руку*. А. А. Бубликов выступил на совещании с призывом к единению буржуазии с меньшевиками и демонстративно пожал руку И. Г. Церетели. «*Прими, мой друг, на счастье руку*» — перефразировка строки из романа В. П. Лучича «Дай, милый друг, на счастье руку...». *Кадетский лидер* — см. примеч. 26.

457. НЖ, 1917, 20 августа. *Дарданеллы* — см. примеч. 367—369. *Партия-вдова* — партия кадетов (см. примеч. 26, 415).

458. НЖ, 1917, 26 августа, в цикле «Живые трупы», под рубрикой «Кстатн». Стих. написано в связи с выступлениями газеты «Речь» (см. примеч. 61—63) в поддержку корниловцев. *Убережь... Русь от заговора*. В период работы Государственного совещания (см. примеч. 456) Корнилов отправил с фронта в Москву казачий полк для совершения контрреволюционного переворота. Этот замысел был сорван силами демократии при активном участии большевиков. Корниловцы отложили свою акцию до последней недели августа 1917 г., см. примеч. 419.

459. НЖ, 1917, 22 сентября. Загл. ассоциативно соотнесено с Библией, где рассказывается о кущах (шалашах из веток), служивших для евреев временным жилищем. *Предпарламент* — см. примеч. 437. «Русская воля» — черносотенно-шовинистическая газета. *Сибилла* (греч. миф.) — пророчица. «С милым рай и в шалаше» — цитата из стих. Н. М. Ибрагимова «Русская песня» («Вечерком красна девица...»).

460. НЖ, 1917, 24 сентября, в цикле «Родное». Написано в связи с закрытием 22 сентября 1917 г. Демократического совещания, см. примеч. 446. *Гора мышонка родила* — имеется в виду Предпарламент, см. примеч. 437.

И. С. ЛОГИНОВ

(см. с. 657)

461. «Правда», 1917, 22 апреля, первая редакция, под загл. «Марсельеза социал-шовинистов», подпись: Рабочий Ив. Логинов; «Социал-демократ», 1917, 25 апреля, без подписи, с редакционным примеч.: «Эта «Марсельеза» пелась среди рабочих еще в 1916 г., последний же куплет, очевидно, позднейшего происхождения»; «Кавказский рабочий», 1917, 8 июля, без подписи, с подзаг.: «Посвящается министрам-социалистам и социал-патриотам» (ст. 24: «Голосуй за военный заем»); «Донецкий пролетарий», 1917, 11 августа, без подписи, с подзаг.: «Посвящается меньшевикам, эсерам-оборонцам и министрам-социалистам» (ст. 24: «Голосуй за военный заем»). Печ. по «Социал-демократу» (изменения в позднейших публикациях не авторизованы). Приводим из первой редакции строфы 1 и 2 (разделенные припевом):

Отречемся, друзья, от марксизма,
От доктрины великой, святой.
Нам дороже кумир шовинизма,
Нам не нужно борьбы классово́й!
Мы пойдем к нашим новеньким братьям,
Мы к Гучкову пойдем в Комитет!
Что нам стоны людей и проклятья,
Что нам Маркса великий завет?
Вставай, подымайся... и т. д.
Пусть по фабрикам всем и заводам
Раздается наш голос смелей,
Что иного пути нет к свободам,
Как чрез войны и трупы людей.

Так кричит сам Георгий Плеханов,
Шейдеман, Вандервельде и Гед,
В Государственной думе Бурьянов
Повторяет с трибуны их бред.

Перепев «Марсельезы» Руже де Лилия — французской революционной песни, сложенной в период буржуазной революции во Франции (в 1792 г.) и получившей распространение в России в конце XIX в. Стих. направлено против лидеров социалистических партий европейских стран, голосовавших во время войны за военные кредиты и поддерживавших шовинистическую политику буржуазных правительств. *Оборонцы* — см. примеч. 425. *Комитет* — Центральный военно-промышленный комитет, созданный в 1915 г. для связи между военным ведомством и промышленным капиталом. *Гучковский заем* — так называемый «Заем свободы», выпущенный Временным правительством на военные нужды; большевики агитировали против «Займа свободы», приравнивая его поддержку к голосованию за военные кредиты; в стих. заем назван по имени А. И. Гучкова.

462. «Правда», 1917, 28 апреля, подпись: Рабочий Ив. Логинов. Перепеч. в «Сибирской правде», 1917, 18 июня. «Русская воля» — см. примеч. 459. «День» — см. АС. «Бывший» Коленька — Николай II.

463. «Солдатская правда», 1917, 2 июля. «Русская воля» — см. примеч. 459. *Женский полк* — воинская часть из женщин, сформированная Временным правительством.

464. «Пролетарий», 1917, 16 августа. *Щегловитову разрешено...* и т. д. После Февральской революции Щегловитов, в числе других царских министров, содержался в тюрьме. «Право», «Юридический вестник» — кадетские журналы. *Кадет* — см. примеч. 26, 415.

465. «Рабочий и солдат», 1917, 8 августа; перепеч. в «Красном знамени», 1917, 10 сентября.

466. «Солдат», 1917, 2 сентября.

467. «Солдат», 1917, 30 сентября, без ст. 5—8. Печ. по кн.: И. Логинов. Стихи, Кострома, 1958, с. 37, где восстановлен полный текст. *В Петрограде* — копия. Имеется в виду А. Ф. Керенский. *Керочка* — имя уличной девицы. *Либердан* — ироническое прозвище меньшевиков; впервые употреблено Д. Бедным в стих. «Либердан (Подхалимский танец)», составлено из имен меньшевистских лидеров: Либерта и Дана.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

(см. с. 658)

468. НЖ, 1917, 30 июля, под загл. «Сказочка», с подзаг.: «Цвету интеллигенции посвящаю», с вариантами, в частности ст. 8: «и внук кадетов и кадетов дед»; ВС, под загл. «Сказка о кадете». Печ. по кн.:

В. Маяковский, 13 лет работы, т. 1, М., 1922, с. 127. Текст НЖ перепечатывался: «Донецкий пролетарий», 1917, 5 августа и «Вперед», 1917, 10 августа. *Кадет* — см. примеч. 26, 415. Написано в связи с выходом кадетов из второго состава Временного правительства, см. примеч. 494.

469. «Красное знамя», Харьков, 1938, 11 августа. Беловой автограф в записной книжке Маяковского (Гос. музей им. В. В. Маяковского в Москве). Предназначалось для сатирического журнала «Тачка», который предполагалось издавать летом 1917 г. при НЖ (этим определяется время написания); издание журнала не состоялось, и стих. осталось ненапечатанным. Текст его частично использован автором в одном из «Окон сатиры РОСТА» («Первый вывоз», 1919). *Мы вместо карандаша взяли в руки по новенькой тачке*. Среди русских рабочих был распространен обычай «вывозить на тачке» неугодных администраторов и хозяев. *Невский аристократ* — с Невского проспекта. *Нарвская* (сторона), *Выборгская* (сторона), *Охта* — пролетарские районы Петрограда.

470. ВС, с. 196. Печ. по кн.: В. В. Маяковский, т. 2, М., 1928, с. 14. Черновой автограф в записной книжке поэта (Гос. музей им. В. В. Маяковского в Москве), под загл. «Басня», с вариантами (концовка — в двух редакциях: «по шее догу не пора»; «туда же догу не пора»). Датируется по содержанию. *Петух... дог и вор* — подразумевается Тройственный союз в первой мировой войне: Франция («галльский петух» — эмблема страны), Англия (дог) и русский царь (вор).

471. «Соловей», 1917, № 1, с. 1 (обложка), с рис. неизвестного художника, изображающим последний пир буржуазии. Печ. по кн.: В. В. Маяковский, т. 4, М., 1929, с. 231. Написано незадолго до Октябрьской революции. «...Матросы шли на Зимний, напевая какую-то песенку: „Ешь ананасы...“ и т. д.» (В. В. Маяковский, Только не воспоминания. — Полн. собр. соч., т. 12, М., 1959, с. 152). Включено автором в текст поэмы «Владимир Ильич Ленин» (эпизод, где рабочие в 1917 г. «примериваются» к атаке на буржуев).

И. И. МУКОСЕЕВ

Иван Иванович Мукосеев, подписывавшийся также псевдонимом: Крайний, осенью 1917 г. выступил с злободневными стихотворными фельетонами в газете екатеринославских большевиков «Звезда». В том же году опубликовал книгу стихов «Прямое зеркало». В последующие годы активно сотрудничал как поэт, публицист и критик в газете «Известия Бежицкого совета». В Бежице издал еще два сборника стихов: «У свергнутых кумиров» (1918) и «Поэзия революции» (1920). В конце 20-х годов выпустил несколько книг для детей.

472. «Звезда», 1917, 2 сентября. Перепев «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. *Опальный... царевич* — А. Н. Романов, бывший наследник престола. *Скоро выйдем на свободу*. После Фев-

дальской революции Пуришкевич был арестован и содержался в тюрьме. *Родзянко... записал себя в казаки* — см. эпиграф к № 428. *Повесть Корнилов войско* — см. примеч. 419. *Из Тобольска вырчит своих*. В Тобольске содержался под арестом Николай II. *Гришка* — Г. Е. Распутин. *Кадеты* — см. примеч. 26, 415.

473. «Звезда», 1917, 10 сентября. *Дело Корнилова* — суд над Корниловым, обещанный Временным правительством после провала возглавленного им контрреволюционного мятежа; Корнилов был арестован и препровожден в Петроград; однако следствие по делу намеренно затягивалось, и суд не состоялся. *Отдал Ригу и Двину*. В ходе осуществления своего контрреволюционного заговора Корнилов в августе 1917 г., будучи верховным главнокомандующим, без сопротивления сдал немецким войскам Иксюльское предместное укрепление, что привело к занятию побережья Западной Двины (вместе с Ригой) войсками противника. *Возле Питера коней горцы придержали*. Казачьи войска, двинутые Корниловым, были задержаны в предместьях Петрограда большевистскими агитаторами. *А в Тобольске калачей* — см. примеч. 472.

474. «Красноярский рабочий», 1917, 7 октября; перепеч. в «Товарище» (Минусинск), 1917, 29 октября. *Амвон* — возвышение в церкви в виде кафедры, служащее для чтения церковных текстов и произнесения проповедей.

ЛЕВ НИКУЛИН

(см. с. 631)

475. Б, 1917, № 14-15, с. 10, под загл. «О Гессенской мухе и русской разрухе. Русская сказка Л. Никулина», в отрывках. Полностью — Анжелика Сафьянова, О старце Григории и русской истории... Сказка наших дней, М., (1917). Печ. по этому изданию. Датируется по устному сообщению автора. *Старец Григорий, Гришка* — Г. Е. Распутин. *Сашка, Алиса* — царица Александра Федоровна Романова, по рождению — немка, принцесса Гессенская. *Царь выходит погулять* — здесь говорится об Александре III. *Сын* — цесаревич Николай, с 1894 г. — царь Николай II. *И содержит балерину* — имеется в виду М. Ф. Кшесинская, любовница цесаревича. *Треба* — богослужебный обряд (крестины, отпевание и т. п.). *Паперть* — площадка или крыльцо при входе в церковь. *Иерей* — священник. *Штунда или хлыст* — член одной из религиозных сект — штундистов (см. примеч. 57) или хлыстов. *Фараоны* — полицейские. *Малый крепких правил, Уважать себя заставил* — перефразировка двух строк из 1-й главы романа Пушкина «Евгений Онегин». *Джиоконда* — женщина, изображенная на портрете, написанном Леонардо да Винчи; здесь — придворная дама. *Бомонд* (франц.) — светское общество. *Анна* — А. А. Вырубова; служила посредницей в сношениях царицы с Распутиным. *Гришка едет на село* — о поездке Распутина в село Покровское (близ Тюмени), где он родился. *Гришку баба подколола*. Имеется в виду неудавшееся покушение на Распутина; его бывшая поклонница Феония Гусева, подосланная иеромонахом Илиодором, пыталась

убить Распутина в селе Покровском ударом ножа. *Вилли* — Вильгельм II. *Манифест* — декларация о начале войны с Германией. *Мессия* — см. примеч. 428. *И тогда собрались трое* — группа монархистов (В. М. Пуришкевич, Д. П. Романов и Ф. Ф. Юсупов), решивших устранить «старца», чтобы спасти царскую династию. *Ночной порою* — в ночь на 18 декабря 1916 г. *Собрались во дворец* — дворец Юсуповых в Петрограде. *Кончил прорубью у моста*. Труп Распутина был спущен в реку Малая Невка (у Петровского моста). *Возле Царского Села*. Распутин, после извлечения его трупа из воды, был похоронен за Царскосельским парком, неподалеку от дворцов.

476. Б, 1917, № 34, с. 3, подпись: Лин, «Красноярский рабочий», 1917, 28 сентября, без подписи. *Министр-председатель* — А. Ф. Керенский. *Восстание в Луге* (Луга — уездный город Петроградской губ.) — корниловский мятеж, см. примеч. 419, 473. *Рада* — украинская буржуазно-националистическая организация, требовавшая «автономии» Украины (летом 1917 г. между Временным правительством и Украинской радой велись переговоры). *Каде* — кадеты, см. примеч. 26, 415.

477. Б, 1917, № 34, с. 10, подпись: Лин. «Новое время» — см. примеч. 22—24. Написано в связи с закрытием газеты. *Почтенные сводники* — имеется в виду отдел брачных объявлений в газете, см. примеч. 256. *Рептилия* — пресмыкающееся.

478. Б, 1917, № 36, с. 7, подпись: Лин. *Проливы* — см. примеч. 367—369. *Эпир* — старинное название северо-западной части Греции, омываемой Ионическим морем.

Я. ОКСНЕР

Яков Окснер подписывался псевдонимом: Жак-Нуар. Печатался в журналах 1908—1917 гг. «Бомба», «Огонек», «Сатирикон», «Эпоха» и др.

479. НС, 1917, № 38, с. 7, подпись: Жак-Нуар. *Санкилот* — революционер (санкилотами называли представителей народных низов, участвовавших во французской буржуазной революции конца XVIII в.). «*Ростбиф по-казацки*». Имеется в виду участие казачьих войск в подавлении революционных выступлений. *Пурпурный петух* — здесь: пожар (от выражения: «Пустить красного петуха»). *Великий* — великий.

А. РАДЗИЕВСКИЙ

Александр Радзиевский, подписывавшийся также псевдонимом: Альми, в 1907 г. редактировал журнал «Поэт», печатался в сатирическом журнале «Еж» и выпустил книгу стихов «Воскресный Дон-Жуан». В последующие годы сотрудничал в журналах «Стрекоза», «Сатирикон», «Бич», «Новый сатирикон».

480. НС, 1917, № 23, с. 7, подпись: Альми. *Марсельеза* — см. примеч. 461.

481. «Бич», 1917, № 31, с. 10, подпись: Альми. *Средний человек* — подразумевается обыватель. Эпиграф — из стих. А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». 1. *Радужные бумажки* — деньги. *Марат* — здесь в нарицательном смысле: революционер.

Д. Н. СЕМЕНОВСКИЙ

Дмитрий Николаевич Семеновский (1894—1960), выступавший в печати также под псевдонимами: Лжедмитрий, Семен Овский и др., родился в селе Меховицы, Владимирской губ., в семье священника. Учился в духовной семинарии, откуда был исключен в 1912 г. Продолжил учение в народном университете Шанявского (Москва), занимаясь одновременно литературной деятельностью. Печатал стихи в большевистских изданиях «Невская звезда», «Правда», «Просвещение». Важную роль в его творческом развитии сыграли общение и переписка с М. Горьким, длившаяся с 1913 по 1935 г. В 1917 г. печатался в сатирическом журнале «Пересмешник». После Октябрьской революции входил в кружок пролетарских поэтов при иваново-вознесенской газете «Рабочий край»; этим кружком интересовался В. И. Ленин (см.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 52, с. 58). В советские годы выпустил ряд сборников стихов («Под голубым покровом», «Мир — хорош», «Земля в цветах» с предисловием М. Горького, «Путь», «Радуга» и др.), несколько книг очерков и рассказов, книгу воспоминаний о Горьком, стихотворный перевод «Слова о полку Игореве». Жил и умер в Иванове.

482. «Пересмешник», 1917, № 4, с. 11, подпись: Лжедмитрий. *Святки* — в быту православных время между праздниками Рождества и Крещения. *Ряженный* — одетый в маскарадный костюм, по святочному обряду. *Кадет* — см. примеч. 26, 415. *Зане* — так как.

СКАНДЕРБЕГ

(см. с. 663)

483. Б, 1917, № 11-12, с. 11. *Монетный двор* — фабрика для чеканки монет в Петрограде. *Увидел на монете Николая Николай*. На золотых и серебряных (высшего достоинства) монетах, имевших хождение в царствование Николая II, был вычеканен профиль царя. *Тем должна я ниже пасть*. Последний период царствования Николая II (1915—1916) ознаменовался резким падением курса рубля. *Царь — вверху* — намек на принятие Николаем II в августе 1915 г. поста верховного главнокомандующего. *Вдруг мятеж* — Февральская революция.

484. Б, 1917, № 16, с. 3, с рис. Д. Моора (Д. С. Орлова): Милоков в горностаевой маптии (атрибут царской одежды), с короной

на голове, восседает на царском троне; на ножках трона буквы «к» и «д» (кадеты). *Газават* — священная война у мусульман, здесь война против большевиков. *Кадетский цвет*. Кадеты (см. примеч. 26, 415) считали зеленый цвет символом «обновления» и «свободы». *Турция должна открыть себя широко* — см. примеч. 367—369. *«Речь»* — см. примеч. 61—63. *Коран* — священная книга мусульман, свод религиозных заповедей.

485. Б, 1917, № 17, с. 8. Эпиграф — из стихов капитана Лебядкина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Генеральское пальто . . . на какой подкладке?* Генеральские шинели имели шелковую подкладку красного цвета. *Полный генерал* — высшее генеральское звание.

486. Б, 1917, № 18, с. 10, подпись: Сканд., в подборке «Большая прогулка „Будильника“», в которую входят также: цитата из т. 1 «Капитала» К. Маркса (в эпиграфе приведена последняя часть этой цитаты) и справка о прибылях крупнейших монополий (общества «Треугольник», Бакинского нефтепромышленного общества и др.).

487. Б, 1917, № 20, с. 4, подпись: Ф.

488. Б, 1917, № 21, с. 3. *Константин* — король Греции, лишившийся престола в июне 1917 г. *Ты, второй* — Николай II.

489. Б, 1917, № 22, с. 8, подпись: Ф. *Милюковский. . . цвет* — см. примеч. 484 к словам «Кадетский цвет». *Эс-де* — социал-демократы.

490. Б, 1917, № 24, с. 3, подпись: Ф. *«Заем свободы»* — см. примеч. 461.

491. Б, 1917, № 24, с. 7, подпись: Ф. *Ер и ять* — см. примеч. 451 к словам «Отменили твердый знак» (ер — твердый знак). *Министр* — А. А. Мануйлов.

492. Б, 1917, № 25, с. 3, подпись: Ф., в цикле «Гражданская война». *Желтая пресса* — собирательное название беспринципной, бульварной, а в 1917 г. — и откровенно реакционной печати. *Выстрелы*. *Красная месса* — расстрел революционной демонстрации войсками Временного правительства в Петрограде 3—4 июля 1917 г. *Стала ты красной* — обогрилась кровью трудящихся.

493. Б, 1917, № 27, с. 2, подпись: Ф. *Обвинительный акт*. С целью устранения большевистской партии с политической арены Временное правительство в июле 1917 г. распорядилось начать следствие по «делу» большевиков. Из грубых инсинуаций был сфабрикован «обвинительный акт».

494. Б, 1917, № 27, с. 2, подпись: С—бег. Написано в связи с кризисом очередного состава Временного правительства (см. примеч. 422) в начале июля 1917 г. *Кадеты* (см. примеч. 26, 415) вышли из правительства в знак протеста против соглашения, заключенного между правительством и Украинской радой (см. примеч. 476); 24 июля был

сформирован новый, третий по счету, кабинет, в который вошли и кадеты. *Премьер* — А. Ф. Керенский. *Партия народной свободы* — так именовала себя кадетская партия.

495. Б, 1917, № 47, с. 7, подпись: Ф. Перепев 4-х строк из стих. А. С. Пушкина «Бесы». *Доносами облепит*. Летом 1917 г. В. Л. Бурцев пустил в ход подложные документы, содержащие гнусную клевету на большевиков.

496. Б, 1917, № 28, с. 5, подпись: Ф. «*Кийр*», «*Утро Правды*» — большевистские газеты. *Фригийская шапка* (фригийский колпак) — эмблема свободолюбия у якобинцев во время французской буржуазной революции конца XVIII в. *Окровавленный палаш* — намек на кровавые события июльских дней 1917 г., см. примеч. 492. *Некий карандаш* — красный карандаш цензора.

497. Б, 1917, № 28, с. 11, подпись: Ф. Б. Ф. — инициалы Бориса Федоровича Годунова. *Какой сюрприз!* Имеется в виду принятие Керенским поста министра-председателя в третьем составе Временного правительства (см. примеч. 494).

498. Б, 1917, № 29, с. 2, подпись: Ф. *Созыв Учредительного собрания* — см. примеч. 454. *Комиссии по проверке отсрочек*. Созданные еще при царском строе комиссии контролировали правильность предоставления отсрочек от военной мобилизации.

499. Б, 1917, № 31-32, с. 6, с рис. Д. Моора (Д. С. Орлова): Корнилов, с железным крестом на груди, скачет в Петроград. Написано в связи со сдачей Риги немецким войскам (см. примеч. 473) и введением смертной казни на фронте. *Наш генерал* — Л. Г. Корнилов. *Швах* (немецк.) — слабо, плохо. *Железный крест* — военный орден, которым был удостоен Корнилов.

В. СТАРИКОВ

(см. с. 663)

500. НС, 1917, № 19, с. 7. Стих. направлено против бывших царских служаков, которые после свержения царизма «перекрашивались» в республиканцев. *Бронированный кулак* — немецкие войска на фронте.

А. М. ФЛИТ

Александр Матвеевич Флит (1891—1954), выступавший в печати также под псевдонимами: Саша, Чистый лирик и др., родился в Киеве, в семье врача. Учился на юридическом факультете Киевского университета, затем служил в страховом обществе. В 1917 г. начал сотрудничать в журнале «Новый сатирик». После Октябрьской революции работал в Петроградском РОСТА (тексты для «Окон сатиры»), печатался во многих газетах и журналах, выпустил несколько книг стихотворных фельетонов и пародий: «Братья-писатели» (1935),

«В садах литературы» (1938), «Таланты наизнанку» (1940). В годы Великой Отечественной войны был сотрудником фронтовой печати, выпустил книги сатирических стихов: «В лоб!», «Гансы и фрицы», «Битые козыри» (последняя — в соавторстве с М. Дудиным). Умер в Ленинграде.

501. НС, 1917, № 19, с. 3. *Знак февральского числа* — день свержения царизма (27 февраля 1917 г.). *Под белым куполом дворцовым* — под куполом Таврического дворца, где после Февральской революции обосновался Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. *Конторщик* — конторский служащий, здесь: мещанин, обыватель. «*Роман развратнейшей Алисы*» и «*Тайны Гришкина двора*» — ходовые названия книг и брошюр об интригах императрицы (Алисы) и о похождениях Г. Е. Распутина (Гришки); эти сенсационные издания получили широкое распространение летом и осенью 1917 г. *Антраша* — см. примеч. 177. *Новая царица* — пошлость.

502. НС, 1917, № 29, с. 14. *Фарисеи* — здесь: лицемеры, ханжи. *Ювеналов бич* — сатира (по имени поэта Ювенала).

503. НС, 1917, № 30, с. 10. Стих. направлено против буржуазных душителей свободы и присоединившихся к ним реакционных мещан, поднявших голову после кровавых июльских дней 1917 г. *Искарриот* — Иуда Искарриот, один из апостолов Христа, предавший его.

ЧУЖ-ЧУЖЕНИИ

(см. с. 642)

504—505. Изд. 1917, с. 19.

506—509. Изд. 1917, с. 26.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

510. НС, 1917, № 12, с. 6, подпись: Тис (В. И. Блюм?). *Матрона* — у древних римлян пожилая женщина, мать семейства; здесь — русская царица А. Ф. Романова. *И помогала лезть на трон* — имеется в виду распутинщина (Распутин — см. Именной указатель). *Хозяин трона* — Николай II.

511. Б, 1917, № 17, с. 8, подпись: Галин, с двумя рис. К. Грусса: 1) На африканских плантациях, 2) на ирландских плантациях (на этом рисунке — полисмен с дубинкой и пулеметом, восседающий на крыше дома). Перепев стих. М. Ю. Лермонтова (перевод из Г. Гейне) «Сосна». Написано в связи с годовщиной восстания против английских колонизаторов, происшедшего в Дублине (столице Ирландии) весной 1916 г. Восстание было подавлено британскими войсками, после чего порядок в стране поддерживался силой оружия.

512. «Красноярский рабочий», 1917, 2 апреля, без подписи. *Кадет* — см. примеч. 26, 415. *С.-д-ки-«пораженцы»* — большевики.

513. «Солнце России», 1917, № 10, с. 16, в цикле «Исправленная хрестоматия», раздел «Классики», подпись: Тис (В. И. Блюм?). Перепев стих. А. Н. Плещеева «Скучная картина! . . .». *У дворца* — у Зимнего дворца, бывшей резиденции русских царей.

514. «Бич», 1917, № 20, с. 10, подпись: Маркиз де Бульон. Написано в связи с назначением М. И. Терещенко, бывшего министром финансов в первом составе Временного правительства, на пост министра иностранных дел во втором составе того же правительства.

515—517. «Социал-демократ», 1917, 6 июня, подпись: Зловредный большевик. 1. *Ка-дэ* — кадет, см. примеч. 26, 415. *Соц.-революционер* — эсер, см. примеч. 142, 435.

518. Б, 1917, № 27, с. 11, без подписи. «*Утро*» — либеральная газета; в годы первой мировой войны, за неимением своей партийной печати, в ней (как и в некоторых других либеральных органах) сотрудничали большевики. *Следствие о петроградских большевиках* — см. примеч. 493.

519. «Социал-демократ», 1917, 12 октября, подпись: Бобыль. Перепеч. в «Кавказском рабочем», 1917, 19 октября. *Опорки* — старые, ношенные башмаки.

520. «Брянский рабочий», 1917, 19 октября, подпись: Затейник-грамотей. Перепечатано рядом большевистских газет в октябре — ноябре 1917 г. *Когда в Галицию пешком*. В начале первой мировой войны на территории Галиции шли ожесточенные бои. *Крестик* — Георгиевский крест, см. примеч. 376. *Тать* — вор, грабитель.

521. Б, 1917, № 34, с. 5, подпись: Н. «*Русское слово*» — см. АС; в годы первой мировой войны газета одобряла шовинистскую политику царизма, усердно печатала портреты членов царской фамилии; в 1917 г. поддерживала лагерь реакции.

522. «Соловей», 1917, № 1, с. 3, подпись: Балагур. Загл. — русская пословица. *Старушка-бабушка* — Е. К. Брешко-Брешковская, принадлежавшая к правым эсерам, т. е. к наиболее реакционному крылу эсеровской партии (см. примеч. 435); в этой среде ее величали «бабушкой русской революции». *Приволокнулся. . . американский дядя*. Намек на связь правых эсеров с американской буржуазией. «*Воля народа*» — газета правых эсеров, издавалась в Петрограде с апреля 1917 г.; Брешко-Брешковская была одним из ее редакторов и активных сотрудников.

523. «Правда», 1917, 3 ноября, без подписи; «Социал-демократ», 1917, 5 ноября, под загл. «Правый эсер»; «Вперед!», 1917, 10 ноября, под первоначальным загл. Печ. по газ. «Правда». *Социалист-рево-*

люционер — эсер, см. примеч. 142. *Правый эсер* — см. примеч. 522 к словам «Старушка-бабушка». *Оборонец* — см. примеч. 425.

524. «Правда», 1917, 2 ноября, подпись: Д. В. А. Перепеч. в «Кавказском рабочем», 1917, 14 ноября. Перепев монолога Самозванца из трагедии Пушкина «Борис Годунов». *Баденге* — рабочий-каменщик, в одежде которого принц Луи-Наполеон бежал в 1846 г. из тюрьмы; здесь намек на бегство Керенского 25 октября 1917 г. из Петрограда; по слухам, он был одет в чужое платье. «*На подступах к столице*» — Керенский бежал в Гатчину. *Петропавловка* — Петропавловская крепость, куда в феврале — марте 1917 г. были заключены министры царского правительства, а в конце октября 1917 г. — министры Временного правительства.

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- «*Аргус*» — ежемесячный иллюстрированный художественный и литературный журнал либерального направления. Издавался в Петербурге с 1913 г. по 1917 г. Сотрудничали: А. Аверченко, А. Ахматова, А. Куприн, С. Маршак, Ф. Сологуб и др.
- «*Балагур*» — еженедельный иллюстрированный сатирический журнал. Издавался в Иркутске в 1907—1908 гг. Среди поэтов, сотрудничавших в журнале, — Е. Нечаев.
- «*Барабан*» — еженедельный иллюстрированный сатирический журнал. Издавался в Баку с ноября 1912 г. до конца 1913 г. Здесь печатались стихи М. Бескина, П. Бунакова, С. Михеева, Я. Сиркеса и др. Журнал подвергался цензурным репрессиям.
- «*Биржевые ведомости*» — ежедневная буржуазная газета, орган биржевых кругов, издавалась в Петербурге с 1902 г. по 1916 г., двумя выпусками — утренним и вечерним. В литературном отделе обоих выпусков сотрудничали многие писатели, в их числе поэты-сатирики Е. Венский, А. Измайлов, С. Маршак и др.
- «*Бич*» — еженедельный иллюстрированный сатирико-юмористический журнал. Выходил в Петрограде с августа 1916 г. по январь 1918 г. Редактор — Н. Ветлугин, с июня 1917 г. — А. Амфитеатров. Литературным отделом заведовал А. Бухов. В журнале постоянно сотрудничали поэты: Н. Агнивцев, Е. Венский, В. Воннов, В. Горянский, А. д'Актиль, В. Князев, А. Лазарев-Грузинский, С. Михеев, М. Пустынин, Д. Цензор. Эпизодически со стихами выступали А. Амфитеатров, Я. Годин, А. Куприн, В. Стенич, Ф. Сологуб. На развороте журнала печаталась «Газета „Бича“». См. также вступ. статью.
- «*Божья коровка*» — иллюстрированный сатирический журнал. Издавался в Петрограде в мае 1916 г. Вышло три номера. В них помещены стихи А. д'Актиля, А. Будищева, В. Князева, Красного, Л. Никулина.
- «*Бой-рожок*» — еженедельный иллюстрированный сатирический и юмористический журнал. Выходил с перерывами в 1911—1914 гг., издавался в Москве. В 1914 г. имел подзаголовок: «Журнал женского смеха и обличения мужского лицемерия». Среди поэтов, сотрудничавших в журнале, — Ф. Шкулев.

- «*Брянский рабочий*» — ежедневная газета Бежицкого Совета рабочих депутатов. Начала издаваться в сентябре 1917 г. С 8 октября стала органом большевистской организации Брянского завода. Печатались стихи Д. Бедного, И. Логинова и др.
- «*Будильник*» — еженедельный иллюстрированный юмористический журнал. Издавался в Москве с 1865 г. до начала 1918 г. В предвоенные годы (с конца 1910 г. до середины 1914 г.) журнал редактировал поэт М. Бескин. Постоянными сотрудниками в период с 1908 г. по 1917 г. были поэты Ф. Благов, Н. Вержбицкий, А. Гомолицкий, Л. Никулин, А. Перский, Скандерберг, В. Стариков, П. Степанов; эпизодически печатались стихи А. Вертинского, Красного, Д. Моора (Д. Орлова). До февраля 1917 г. журнал подвергался цензурным репрессиям. См. также вступ. статью.
- «*Волянка*» — иллюстрированный сатирико-юмористический журнал. Издавался в Москве с сентября по ноябрь 1912 г. Всего вышло четыре номера. Редактор с № 2 — Скандерберг. Сотрудничали поэты: Д. Бедный, Л. Никулин, А. Перский и др. Журнал подвергался цензурным репрессиям. № 1 был конфискован.
- «*Всеобщая газета*» — ежедневная газета, выходила в Петербурге с сентября 1909 г. по декабрь 1911 г. Среди поэтов, сотрудничавших в газете, — С. Маршак.
- «*Голос правды*» — ежедневная газета, орган Кронштадтского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с марта по июль 1917 г. В газете сотрудничали поэты: Б. Ганцев, И. Ерошин, И. Зверьков, А. Колочий и др. В июльские дни закрыта Временным правительством.
- «*Голос социал-демократа*» — газета Киевской организации РСДРП (большевиков). Выходила с марта 1917 г. нерегулярно, с июня по октябрь 1917 г. ежедневно. Печатались стихотворения А. Бирюкова, В. Сорокина и др.
- «*Гроза*» — еженедельный иллюстрированный сатирико-юмористический журнал. Издавался в Москве в 1908 г. Всего вышло 8 номеров. Среди поэтов, сотрудничавших в журнале, — Ф. Шкулев.
- «*День*» — ежедневная либерально-буржуазная газета, основанная издателем И. Сытиным. Выходила в Петербурге с начала 1912 г. по 26 октября 1917 г. После Февральской революции была органом меньшевиков. До 1917 г. в газете сотрудничал поэт В. Князев.
- «*Доля бедняка*» — газета, выходившая с подзаголовками: «Народная газета», «Маленькая народная газета», «Народная литературная, политическая и сатирическая газета». Издавалась в Москве с июля 1909 г. по апрель 1914 г. Периодичность — колеблющаяся, от ежедневной до двухнедельной. С сатирическими стихотворениями выступали: И. Морозов, Е. Нечаев, М. Праскунин, П. Травин, Ф. Шкулев и др. Газета подвергалась цензурным репрессиям. Издание приостановлено приговором Московской судебной палаты. В 1910 г. в виде приложения к газете выходил журнал «Остряк» (см.).
- «*Жизнь для всех*» — ежемесячный литературно-художественный, научный и общественно-политический журнал. Издавался в Петер-

бурге с 1910 г. по 1917 г. Редакторами в разное время были В. Поссе, П. Миролюбов и др. В журнале принимали участие М. Горький, А. Неверов, Е. Чириков, И. Эренбург и др.; с сатирическими стихотворениями выступал Д. Бедный. Журнал уделял место рабочему движению, просветительной кооперации и т. п. Отдел самообразования вел Н. Рубакин.

«*Журнал журналов*» — еженедельный журнал, выходил с подзаголовком: «Орган критической мысли. Сатирический календарь литературы, искусства и общественной жизни». Издавался в Петрограде в 1915—1916 гг. Редактор — И. Василевский (псевдоним: Небукава). Среди материалов, опубликованных журналом, — беседа с М. Горьким, статья В. Маяковского и др. С сатирическими произведениями выступали поэты: А. Будищев, Е. Венский, А. д'Актиль, Е. Зозуля, А. Измайлов, В. Князев, С. Недолин, М. Пустынин, Б. Садовский, О. Томский.

«*За правду*» — см. «Правда».

«*Звезда*» — большевистская газета. Выходила в Петербурге с декабря 1910 г. по апрель 1912 г., с разной периодичностью (от недели до 2—3 дней). Газетой руководил из-за границы В. И. Ленин, в ней сотрудничали видные публицисты-большевики и ряд пролетарских поэтов. Сатирические стихи в ней печатали: Д. Бедный, Ф. Сыромолотов, Ф. Шкулев, К. Юренев и др. Газета подвергалась жесточайшим цензурным репрессиям (из 69 выпущенных номеров — 30 конфисковано) и была закрыта правительством.

«*Звезда*» — газета Екатеринбургского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с апреля 1917 г. по апрель 1918 г. Среди сотрудников — поэт И. Мукосеев.

«*Зритель*» — еженедельный иллюстрированный сатирический журнал. Издавался в Петербурге с июня 1905 г. по апрель 1908 г. с перерывами. В состав редакции входил поэт Чуж-Чуженин. Всего вышло 39 номеров, многие из которых подверглись арестам. В журнале сотрудничали поэты-сатирики: Т. Ардов, С. Городецкий, В. Доброхотов, П. Егоров, А. Измайлов, Красный, П. Потемкин, Саша Черный и др.

«*Интернационал*» — газета Нижегородского комитета РСДРП (большевиков). Выходила 2—3 раза в неделю с июня по 3 ноября 1917 г. В числе поэтов, сотрудничавших в газете, — Н. Дубровский.

«*Кавказский рабочий*» — ежедневная газета Кавказского краевого и Тифлисского комитетов РСДРП (большевиков). Выходила с марта 1917 г. по февраль 1918 г. под редакцией П. Джапаридзе, С. Шаумяна и др. Печатались стихи Д. Бедного, Л. Котомки, С. Кошкарлова, А. Маширова, А. Соловьева-Нелюдима и др.

«*Красное знамя*» — еженедельная газета, выходила во Владивостоке с мая по декабрь 1917 г. вначале как орган Объединенного комитета РСДРП (с участием большевиков), а с сентября 1917 г. — как самостоятельный орган большевиков. Печатались стихи И. Ерошина, И. Ионова, И. Логинова, П. Орешина и др.

«*Красноярский рабочий*» — большевистская газета, выходила с 10 по 24 декабря 1905 г. (5 номеров). Возобновилась с марта 1917 г.

как орган Объединенного комитета РСДРП (с участием большевиков), а с июля 1917 г. — как самостоятельный орган большевиков. Постоянное участие в 1917 г. принимал поэт В. Кичуйский; печатались также стихи Д. Бедного, А. Богданова, М. Герасимова, В. Кириллова, Л. Котомки, И. Мукосеева и др.

«*Красный смех*» — еженедельный иллюстрированный журнал сатиры и юмора. Выходил в 1915 г. в Москве под редакцией В. Е. Ермилова и Д. Моора (Д. Орлова). Сотрудничали поэты: М. Бескин, А. Гомолицкий, В. Горянский, Л. Никулин, Скандерберг и др.

«*Кривое зеркало*» — еженедельный иллюстрированный журнал, выходивший с подзаголовком: «Литературно-художественный журнал текущей мысли», затем — «Литературно-художественный и юмористический журнал». Издавался в Москве с сентября 1909 г. по декабрь 1910 г. Печатались стихи Ф. Благова, А. Блока, Скандербега, Н. Шебуева и др.

«*Наша газета*» — ежедневная политическая, литературная и экономическая газета. Издавалась в Петербурге. Выходила с перерывами с мая 1907 г. по апрель 1909 г. Среди поэтов, сотрудничавших в газете, — О. Чумина.

«*Наше слово*» — еженедельный журнал Кинешемского союза кооперативов. Издавался группой большевиков в Кинешме, Костромской губ., в январе-феврале 1917 г. (5 номеров). На страницах журнала выступали поэты: С. Ганьшин, Л. Котомка, И. Логинов.

«*Новая жизнь*» — ежедневная газета, орган группы социал-демократов «интернационалистов». Выходила в Петрограде с апреля 1917 г. по июль 1918 г. под редакцией М. Горького. Политические деятели и публицисты, группировавшиеся вокруг «Новой жизни», колебались между социал-соглашателями и большевиками. В меньшей степени эти колебания коснулись литературно-художественного отдела, где был опубликован ряд материалов, направленных против Временного правительства и буржуазных политических партий. Из поэтов-сатириков в газете сотрудничали В. Маяковский и Э. Кроткий. Их произведения нередко перепечатывались большевистскими газетами.

«*Новый сатирикон*» — еженедельный иллюстрированный сатирический журнал. Издавался в Петербурге с июня 1913 г. по август 1918 г. группой литераторов и художников во главе с А. Аверченко, покинувших журнал «Сатирикон» (см.). Постоянно сотрудничали поэты: А. Бухов, Е. Венский, В. Воинов, С. Городецкий, В. Горянский, В. Маяковский (с 1915 г.), С. Михеев, П. Потемкин, М. Пустынин, А. Радаков, Б. Садовский, Д. Цензор, эпизодически: Н. Вержбицкий, А. Грин, Дон-Аминадо, В. Каменский, Э. Кроткий, О. Мандельштам, П. Орешин, А. Флит. Журнал подвергался цензурным репрессиям, некоторые номера были конфискованы. См. также вступ. статью.

«*Одесское обозрение*» — ежедневная политико-экономическая и литературная газета буржуазно-демократического направления. Выходила в Одессе с 1907 г. по 1911 г. Страницы этой газеты использовал большевик В. Воровский, поместивший в ней в 1907—

1909 г. серию фельетонов, среди которых были стихотворные пародии. Газета подвергалась полицейским преследованиям, главным образом из-за материалов, публикуемых Воровским.

«*Осколки*» — еженедельный иллюстрированный юмористический журнал. Выходил в Петербурге с 1881 г. по 1916 г. В период с 1908 г. по 1916 г. в журнале сотрудничали поэты: А. Гомолицкий, Ф. Дингельштедт, А. Лазарев-Грузинский, Я. Сиркес и др. В виде приложений с 1907 г. выходили сборники юмористических рассказов и стихотворений.

«*Остряк*» — еженедельный иллюстрированный сатирико-юмористический журнал. Издавался в Москве с 1909 г. по февраль 1914 г. с подзаголовками: «Копейка-злодейка. Юмористический и сатирический, самый мучительный журнал», «Сатирический, юмористический народный журнал», «Юмористический и сатирический самый веселый народный журнал». В 1910 г. выходил 2 раза в неделю. В этот период рассылался в качестве приложения к газете «Доля бедняка» (см.). Редактором «Остряка» был П. Травин. В журнале сотрудничали поэты: С. Кошкарар, Е. Нечаев, М. Праскунин, Ф. Шкулев и др. Журнал подвергался цензурным репрессиям; в 1914 г. был запрещен приговором Московской судеб-ной палаты.

«*Пересмешник*» — иллюстрированный сатирический журнал. Выходил в Иваново-Вознесенске в 1917—1918 гг. с подзаголовком: «Вольный еженедельник, журнал горького смеха и веселых слез». Всего вышло пять номеров (из них четыре — в 1917 г.). Сотрудничали поэты: А. Ноздрии, Д. Семеновский, Скандерберг и др.

«*Пламя*» — литературно-политический и художественный журнал. Издавался Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов с мая 1918 г. до конца 1920 г. Среди поэтов, печатавшихся в журнале, — А. Блок.

«*Правда*» — ежедневная большевистская массовая рабочая газета. Издавалась в Петербурге с апреля 1912 г. по июль 1914 г. Восемь раз газета закрывалась правительством и возобновлялась под новыми названиями: «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда». Газетой руководил Центральный комитет РСДРП во главе с В. И. Лениным, который, находясь в Кракове, направлял работу газеты и почти ежедневно писал в нее. Активное участие в ней принимали виднейшие публицисты-большевики. Из 646 номеров газеты, выпущенных за два с лишним года, 190 подвергались конфискации, штрафам и другим репрессиям. 8 июля 1914 г., перед началом мировой войны, редакция была разгромлена, газета закрыта, часть сотрудников арестована и сослана в Сибирь. После свержения царизма, 5 марта 1917 г., издание «Правды» возобновилось. Газета стала органом Центрального и Петроградского комитетов РСДРП (большевиков). 5 апреля, по возвращении из эмиграции, редакцию снова возглавил В. И. Ленин. Газета печатала руководящие партийные документы, в ней было помещено около 170 статей, заметок, речей В. И. Ленина. В ночь с 4 на 5 июля 1917 г. редакция была разгромлена юнкерами и казаками, подосланными

Временным правительством. В. И. Ленин, перешедший на нелегальное положение, руководил газетой из подполья. С 6 июля 1917 г. газета выходила под названиями: «Листок „Правды“», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь». С 27 октября 1917 г. издается под первоначальным названием. В «Правде» постоянно сотрудничала большая группа пролетарских поэтов. С сатирическими произведениями выступали: И. Батрак, Д. Бедный, И. Логинов, К. Кравцов, А. Скорбин, В. Светобор, Ф. Сыромолотов и др.

«Пролетарий» — см. «Правда».

«Путь Правды» — см. «Правда».

«Рабочий и солдат» — см. «Правда».

«Рабочий путь» — см. «Правда».

«Раннее утро» — ежедневная политическая и литературная газета детского направления. Издавалась в Москве с ноября 1907 г. по июль 1918 г. Сотрудничали поэты: Ф. Благов, В. Брюсов, М. Волошин и др.

«Рудин» — двухнедельный иллюстрированный журнал демократического направления. Издавался в Петрограде с ноября 1915 г. по май 1916 г. Выходил с подзаголовком: «Поэзия. Pamфлет. Сатира». Основателями журнала и его главными сотрудниками, скрывавшимися под псевдонимами, были ученый-юрист М. А. Рейснер и его дочь Л. М. Рейснер. К участию в журнале был привлечен «кружок поэтов» Петроградского университета. С произведениями стихотворной сатиры, кроме Л. Рейснер, выступали: В. Злобин, С. Кремков, Д. Майзельс, Л. Никулин. Журнал подвергался цензурным репрессиям.

«Руль» — еженедельная политическая, общественная и литературная газета. Выходила в Москве с 1908 г. по октябрь 1914 г. Среди сотрудников — поэт-сатирик Ф. Благов.

«Русское слово» — ежедневная газета либерального направления. Издавалась в Москве с 1895 г. по 1917 г. (с 1897 г. издатель — И. Д. Сытин). Видное место среди сотрудников занимали фельетонисты А. Амфитеатов и В. Дорошевич. В газете печатались многие писатели и поэты. В декабре 1912 г. на ее страницах появилась одна из «Русских сказок» М. Горького, содержащая стихотворные пародии на произведения декадентов.

«Сатирикон» — еженедельный иллюстрированный журнал сатиры и юмора. Издавался в Петербурге с апреля 1908 г. по май 1914 г. Преобразован из журнала «Стрекоза» (см.); до конца 1908 г. оба журнала выходили одновременно. Редактором «Сатирикона» первоначально был А. Радаков, затем — А. Аверченко, в течение короткого времени в середине 1911 г. — П. Потемкин. Постоянными сотрудниками были поэты: В. Воинов, С. Городецкий, В. Князев, Красный, В. Лихачев, П. Потемкин, И. К. Прутков, А. Радаков, Тэффи, Саша Черный, Чуж-Чуженин, Н. Шебуев; эпизодически выступали со стихами: А. Блок, Н. Клюев, А. Куприн, С. Маршак, В. Нарбут, А. Толстой и др. В качестве приложения издавалась «Юмористическая библиотека „Сатирикона“», выходили также коллективные и персональные сборники произведений писателей-«сатириконцев». Журнал подвергался цензур-

ным репрессиям, некоторые номера были конфискованы. Летом 1913 г. группа основных сотрудников во главе с А. Аверченко порвала с журналом и основала «Новый сатирикон» (см.). См. также вступ. статью.

«*Свисток*» — еженедельный иллюстрированный юмористический журнал. Издавался в Москве с ноября 1911 г. по февраль 1914 г., (с конца 1913 г. выходил два раза в месяц). Редактором и автором значительной части материала, печатавшегося в журнале, был Я. Земский. Активно сотрудничал поэт П. Бунаков. Журнал подвергался цензурным репрессиям (был, в частности, запрещен отдел «Гусь», выходящий в виде пародийной газеты).

«*Серый волк*» — еженедельный иллюстрированный сатирический журнал. Издавался в Петербурге с июля 1908 г. по июнь 1908 г. Сотрудничали поэты: В. Князев, Тэффи и др.

«*Сибирская правда*» — большевистская газета. Выходила в Красноярске два раза в неделю с апреля по август 1917 г. Печатала стихи: Д. Бедного, И. Логинова, Л. Котомки и др.

«*Современник*» — ежемесячный журнал литературы, политики, науки, истории, искусства. Издавался в Петербурге в 1911—1915 гг. Основателем журнала был А. Амфитеатров, рекламировавший его как «внепартийный орган», «журнал без направления», что вызвало резкую отповедь В. И. Ленина (см.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, с. 3). Осенью 1912 г. в редакцию был приглашен М. Горький, согласившийся сотрудничать при условии коренной реорганизации журнала. Горький вел в «Современнике» «Хронику заграничной жизни» и руководил литературно-художественным отделом, в частности сатирой. При содействии Горького в журнале печатался Саша Черный. Однако обещанная реорганизация не была проведена, и в 1913 г. Горький порвал с «Современником»; затем из него ушел и Саша Черный. В этом же году журнал возглавил меньшевик Н. Суханов.

«*Современный мир*» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Выходил в Петербурге с октября 1906 г. по 1918 г. Редакторы — В. Кранихфельд, Н. Иорданский. Направление журнала В. И. Ленин охарактеризовал как «зачастую меньшевистски-кадетское...» (Полн. собр. соч., т. 48, с. 4). В период временного союза с плехановцами в журнале участвовали большевики (здесь в 1914 г., в частности, была напечатана статья В. И. Ленина «Еще одно уничтожение социализма»). На страницах «Современного мира» публиковали свои произведения В. Вересаев, М. Горький, А. Серафимович, А. Чапыгин. В журнале велся отдел сатиры «Пестрядь», где с баснями и эпиграммами выступал Д. Бедный.

«*Солдат*» — см. «Солдатская правда».

«*Солдатская правда*» — ежедневная газета, орган военной организации Петроградского, затем — Центрального комитета РСДРП (большевиков). Выходила в Петрограде с апреля 1917 г. по февраль 1918 г. с перерывами, вызванными террором Временного правительства (разгром редакции 5 июля 1917 г. и т. п.). В период с 13 августа по 26 октября 1917 г. газета издавалась под названием «Солдат». Идейным руководителем «Солдатской правды» был В. И. Ленин, напечатавший в ней более 50 статей,

заметок и речей. В газете сотрудничали поэты: Д. Бедный, И. Ионов, И. Логинов, И. Садофьев, Н. Тихомиров и др.

«*Солнце России*» — еженедельный популярный иллюстрированный журнал. Издавался в Петербурге с 1910 г. по 1916 г. С произведениями сатиры выступали поэты: Н. Агнивцев, А. д'Актиль, В. Князев, С. Маршак, А. Флит и др.

«*Соловей*» — первый советский сатирический журнал. Издавался с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. Московским комитетом партии большевиков. Выходил с подзаголовком: «Журнал пролетарской сатиры». В нем печатались стихи Д. Бедного, Л. Котомки, В. Маяковского и др.

«*Социал-демократ*» — ежедневная газета Московского комитета РСДРП (большевиков). Выходила с марта 1917 г. по март 1918 г. под редакцией М. Ольминского. В газете сотрудничали поэты: В. Александровский, Д. Бедный, И. Ерошин, С. Лесной, И. Логинов, А. Соловьев-Нелюдим.

«*Стрекоза*» — еженедельный иллюстрированный журнал сатиры и юмора. Издавался в Петербурге с 1875 г. по 1908 г. с подзаголовком: «Политико-сатирический и художественно-юмористический журнал». Редактор — И. Василевский (псевдоним: Буква), с 1908 г. — А. Аверченко. В 1908 г. в журнале сотрудничали поэты: А. Бухов, В. Князев, Красный, А. Радаков, Я. Сиркес, Саша Черный, В. Уманов-Каплуновский, Н. Шебуев и др. В виде приложений выходили сборники стихотворений, альбомы, календари, открытки юмористического содержания. Сотрудниками этого журнала был основан «Сатирикон» (см.).

«*Стрекоза*» — еженедельный иллюстрированный журнал сатиры и юмора. Издавался в Петрограде, в 1916—1917 гг. Сотрудничали поэты: Н. Агнивцев, Е. Венский, А. д'Актиль, А. Измайлов, С. Михеев, М. Пустынин и др.

«*Трудовая правда*» — см. «Правда».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ¹

- Аверченко А. Т. (1881—1925) — писатель-юморист. 108
- Авксентьев Н. Д. (1878—1943) — эсер, дворянин; после Февральской революции — председатель Исполкома крестьянских депутатов; в буржуазном Временном правительстве (с июля 1917 г.) — министр внутренних дел. 594
- Азеф Е. Ф. (1869—1918) — эсер, один из руководителей «боевой организации» партии. Служа с 1892 г. тайным агентом полиции, выдавал ей членов своей организации. Разоблачен в 1908 г. 93, 162, 213, 628
- Айвазовский И. К. (1817—1900) — художник-маринист. 97
- Айюбиды — династия султанов, правивших в Сирии и Египте (XII—XIII вв.). 649
- Александр I (1777—1825). 662, 666
- Александр III (1845—1894). 620, 673, 678
- Александра Федоровна (1872—1918) — царица, жена Николая II. 546—549, 554—559. 657, 668, 678, 683
- Алексеев Е. И. (1843—1909) — адмирал, наместник царя на Дальнем Востоке в период русско-японской войны. 161, 619
- Алексинский Г. А. (р. 1879) — бывший социал-демократ, в период первой мировой войны занял шовинистическую позицию, в 1917 г. выступил на стороне буржуазной реакции, публиковал подложные документы, содержащие клевету на В. И. Ленина. 535
- Амори (псевдоним Рапгофа И. П.) — русский литератор, сочинявший «продолжения» популярных романов. 120
- Анакреон (ок. 570—478 до н. э.). 154
- Андерсен Г.-Х. (1805—1875) — датский писатель-сказочник. 217
- Андреев Л. Н. (1871—1919) — писатель. 166, 620
- Анна Иоанновна (1693—1740) — императрица. 181, 623

¹ Если интересующее читателя лицо не названо в произведении, а лишь подразумевается в нем, указатель дает в таких случаях отсылку на соответствующее место примечаний. Страницы примечаний выделены курсивом.

- Анненский И. Ф. (1856—1909) — поэт-декадент. 439
- Апухтин А. Н. (1840—1893) — поэт. 330, 648
- Арабажин К. И. (1866—1929) — историк литературы и критик. 398
- Архимед (ок. 287—212 до н. э.) — древнегреческий ученый, физик и математик. 385
- Арцыбашев М. П. (1878—1927) — писатель. 156, 270, 617, 629
- Аскольд (IX в.) — киевский князь. 618, 620
- Аскоченский В. И. (1813 или 1820—1879) — редактор реакционной газеты «Домашняя беседа»; его имя в 60-х гг. было синонимом ханжества и мракобесия. 172
- Атила (ум. 453) — царь и полководец гуннов. 104, 393
- Афанасьева Л. П. — скульптор. 634
- Баденге (XIX в.) — французский рабочий-каменщик. 594, 685
- Бакалейников В. Р. (1885—1953) — музыкант и педагог. 632
- Балк А. П. — генерал-майор, в 1916 г. — петроградский градоначальник. 652
- Бальмонт К. Д. (1867—1943) — русский поэт-символист. 84, 85, 209, 412, 605, 606, 656
- Бальц В. А. — директор 2-го департамента министерства юстиции России. 652
- Барков И. С. (ок. 1732—1768) — поэт, автор скабрёзных сочинений, распространявшихся в списках. 291, 623
- Батый (ум. 1255) — монгольский хан. 169
- Бах И.-С. (1685—1750) — немецкий композитор. 114
- Бebel А. (1840—1913) — один из основателей и руководителей германской социал-демократии. 251
- Бедный Демьян (псевдоним Придворова Е. А.) — пролетарский поэт. 676
- Бейлис М. Т. (1873—1934) — служащий кирпичного завода в Киеве, ложно обвиненный в «ритуальном убийстве». 457, 630, 662
- Бёклин А. (1827—1901) — швейцарский художник, один из родоначальников стиля «модерн» в живописи. 177
- Белов В. М. — писатель и журналист, сотрудник дореволюционной печати. 651
- Белый Андрей (псевдоним Бугаева Б. Н.) (1880—1934) — поэт-символист. 605
- Бенкендорф А. Х. (1783—1844) — граф, шеф жандармов, начальник тайной полиции при Николае I. 456
- Беранже П.-Ж. (1780—1857) — французский поэт. 175, 320, 622
- Берг Ф. Н. (1840—1909) — редактор газеты «День», один из организаторов черносотенного движения в Москве. 161
- Бердслей Р. (1872—1898) — английский художник, родоначальник декадентского стиля в искусстве графики. 458
- Берне Л. (1786—1837) — прогрессивный немецкий писатель, публицист. 520
- Бирон Э. И. (1690—1772) — курляндский дворянин, фаворит императрицы Анны Иоанновны, жестокий временщик. 108, 181
- Биссолати Л. (1857—1920) — лидер итальянских социалистов, в 1916—1918 гг. входил в правительство Италии. 534
- Блок А. А. (1880—1921). 162, 619, 620
- Богданов А. (псевдоним Малиновского А. А.) (1873—1928) — фило-

- соф-ревизионист, автор «Краткого курса экономической науки», монографии «Эмпириомонизм» и др. трудов. 501
- Бодлер Ш. (1821—1867) — французский поэт-модернист. 358, 500
- Боккаччо Д. (1313—1375) — итальянский писатель. 336, 648
- Бокль Г. (1821—1862) — английский историк. 251
- Бонапарт — см. Наполеон I.
- Бонч-Бруевич В. Д. (1873—1955) — деятель большевистской партии. 647
- Брешко-Брешковская (1884—1934) — лидер правого крыла партии эсеров. 684
- Брешко-Брешковский Н. Н. (1874—1943) — беллетрист, автор многих бульварных романов. 157, 378, 393, 502, 651, 654, 670
- Брюсов В. Я. (1873—1924). 182, 623, 646
- Бубликов А. А. (1875—1941) — крупный промышленник, член либерально-монархической партии «прогрессистов», вице-председатель Центрального военно-промышленного комитета, в 1917 г. — комиссар буржуазного Временного правительства. 530, 531, 674
- Булацель П. Ф. (1867—1919) — крупный помещик, редактор черносотенной газеты «Русское знамя». 162, 172
- Булгаров Ф. В. (1789—1859) — реакционный журналист и литератор, был осведомителем тайной полиции. 171, 621
- Булыгин Л. Г. (1851—1919) — министр внутренних дел России в 1905 г. 161, 619
- Бунин И. А. (1870—1953) — писатель; в 1909 г. был избран почетным академиком. 123
- Буренин В. П. (1841—1926) — литератор; в 1860-е годы — поэт и сотрудник демократической прессы, с середины 70-х гг. принадлежал к реакционному лагерю. 161, 312, 618
- Бурже П. (1852—1935) — французский бульварный писатель. 501
- Бурлюк В. Д. — художник. 247, 634
- Бурлюк Д. Д. (1882—1967) — художник и поэт-футурист. 247, 634
- Бурцев В. Л. (1862—1942) — публицист, редактор журнала «Былое». 576, 682
- Бурьянов А. Ф. (р. 1880) — меньшевик-оборонец, депутат IV Государственной думы. 534, 676
- Вандервельде Э. (1866—1938) — бельгийский социалист, лидер II Интернационала. 676
- Вашингтон Д. (1732—1799) — первый президент США. 658
- Вендрих фон А. А. — генерал-лейтенант, товарищ министра путей сообщений России в 1908 г. 191
- Венский Евгений (псевдоним Пяткина Е. О.) (1885—1943) — поэт-сатирик. 108, 609
- Вербицкая А. А. (1861—1928) — писательница, автор многотомных романов о светской жизни и «свободной» любви. 291, 611
- Вергилий (Публий Вергилий Марон) (70—19 до н. э.) — римский поэт. 126, 385, 612
- Вересаев (псевдоним Смидовича В. В.) (1867—1945) — писатель. 670
- Верлен П. (1844—1896) — французский поэт-символист. 458
- Вернадский В. И. (1863—1945) — ученый, минералог и геохимик. 601
- Вильгельм II (1859—1941) — германский император. 364, 365, 650, 679

- Вилье де Лиль (1838—1889) — французский писатель, сотрудничал в прессе Парижской коммуны; поражение Коммуны наложило на его последующее творчество печать мистицизма и пессимизма. 458
- Виноградов А. И. — поэт-эгофутурист, эпигон И. Северянина (см.). 429
- Витте С. Ю. (1849—1915) — премьер-министр правительства России в 1905—1906 гг., один из ближайших советников царя. 161, 610, 619
- Водовозов В. В. (1864—1933) — буржуазный экономист, литератор; в 1917 г. — сотрудник газеты «День». 527
- Воеводский С. А. (1859—1937) — вице-адмирал, товарищ морского министра России в 1908 г. 317
- Вольтер Ф. (1694—1778). 674
- Вырубова А. А. (р. 1884) — фрейлина царского двора. 678
- Вяльцева А. Д. (1871—1913) — эстрадная певица. 66
- Галифе Г. (1830—1909) — французский генерал, палач Парижской коммуны 1871 г. 562
- Гамзей — черносотенец; его имя стало синонимом погромно-черносотенной деятельности. 161
- Гамсуи Кнут (псевдоним К. Педерсона) (1859—1952) — норвежский писатель. 144, 615
- Ганнибал А. Н. (ок. 1679—1781) — военный инженер, генерал-аншеф, прадед А. С. Пушкина. 662
- Гартинг — см. Лендейзен-Гаккельман
- Гаршин В. М. (1855—1888) — писатель. 439, 659
- Гвоздевич М. М. — ялтинский исправник в 1907 г. 205
- Гед Ж. (псевдоним Матье Базиля) (1845—1922) — основатель французской социалистической партии; был членом правительства Франции в 1914—1915 гг. 534, 676
- Гейне Г. (1797—1856). 306, 520, 636, 639, 644, 671, 683
- Гендерсон А. (1863—1935) — лидер английских лейбористов; в 1916—1917 гг. входил в состав правительства Великобритании. 528—529, 534, 674
- Генрих IV (1543—1610) — король Франции, первый из династии Бурбонов. 314
- Герич В. А. — чиновник в канцелярии Новороссийского университета (Одесса) в 1912 г. 108
- Гермоген (Долганёв Г. Е.) (р. 1858) — епископ саратовский и царичинский (до 1912 г.). 162, 619
- Герцен А. И. (1812—1870). 172, 621
- Гершельман С. К. — московский генерал-губернатор в 1909 г., известный реакционер. 214
- Гиппиус З. Н. (1869—1945) — русская поэтесса-декадентка. 162, 197
- Глинка М. И. (1804—1857) — композитор. 167
- Глинка-Янчевский С. К. (1844—1921) — редактор черносотенной газеты «Земщина». 355
- Глупышкин — см. Дид.
- Гоголь Н. В. (1809—1852). 314, 631, 660
- Годунов Б. Ф. (ок. 1551—1605) — русский царь. 602
- Гойя Ф.-Х. (1746—1828) — испанский художник. 172, 621

- Голлендер В. (р. 1866) — немецкий композитор. 605
- Гомер (между XII и VIII вв. до н. э.) — легендарный поэт Древней Греции. 201, 284, 385, 626, 632, 665.
- Гораций Ф. (65—8 до н. э.) — римский поэт. 251
- Гордик И. К. — русский литератор. 162, 620
- Горный Сергей (псевдоним Оцуа А. А.) (1880—1949) — поэт-сатирик. 99
- Городецкий А. М. — поэт и художник. 634
- Городецкий С. М. (1884—1967) — поэт. 247, 606, 633—634
- Горький М. (1868—1936). 161, 602, 618, 620, 659
- Гостомысл (IX в.) — старейшина, князь у ильменских славян, основатель Новгорода. 453
- Грибоедов А. С. (1794 или 1795—1829). 636
- Гринмут В. А. (1851—1907) — реакционный публицист, редактор монархической газеты «Русские ведомости». 172
- Грусс К. — русский художник. 683
- Гурко В. И. (1863—1927) — товарищ министра внутренних дел России в 1906 г. 162, 619
- Гурлянд И. Я. (р. 1868) — реакционный журналист, редактор правительственного официоза газеты «Россия». 161, 321
- Гурьев А. Н. (р. 1864) — экономист и публицист, редактор газеты «Русское государство», субсидировавшейся правительством. 321
- Гусева Ф. С. (1882—1920) — поклонница Г. Е. Распутина (см.), пытавшаяся убить его. 678—679
- Гучков А. И. (1862—1936) — лидер буржуазно-монархической партии октябристов. В 1910—1911 гг. был председателем III Государственной думы, в 1917 г. — председатель Центрального военно-промышленного комитета и военный министр буржуазного Временного правительства (до 5 мая). 59, 140, 192, 211, 276, 285, 287, 321, 323, 515, 535, 600, 614, 640, 672, 675, 676
- Даль В. И. (1801—1872) — русский писатель, этнограф, составитель «Толкового словаря русского языка». 623
- Дальский М. В. (1865—1918) — артист Александринского театра; в годы первой мировой войны подвизался на гастролях в разных городах России. 427
- Дан (псевдоним Гурвича Ф. И.) (1871—1947) — лидер меньшевиков. 676
- Дант — см. Данте
- Данте Алигьери (1265—1321). 126, 383, 385, 434, 466, 612, 652, 664
- Дарвин Ч. (1809—1882). 432
- Де-Ласси (О'Бриен де Ласси К. П.) — дворянин, разорившийся предприниматель; стал известен как обвиняемый по нашумевшему делу об убийстве В. Д. Бутурлина, наследника миллионного состояния. 77
- Демосфен (384—322 до н. э.) — древнегреческий оратор. 161
- Державин Г. Р. (1743—1816) — поэт. 301, 304, 672
- Дид А. (Глупышкин) (1884—1931) — франко-итальянский киноактер. 394, 654
- Диккенс Ч. (1812—1870). 178
- Добролюбов Н. А. (1836—1861). 618
- Дорошевич В. М. (1864—1922) — журналист, фельетонист. 329

- Достоевский Ф. М. (1821—1881). 618, 681
- Дубровин А. И. (1855—1918) — реакционный политический деятель, медик по образованию, почетный председатель черносотенного «Союза русского народа». 96, 172, 191, 192, 314, 608
- Думбадзе И. А. (1851—1916) — генерал, градоначальник Ялты; репрессивными акциями терроризировал население Крыма. 154, 293
- Дурново П. Н. (1844—1915) — крупный помещик, министр внутренних дел в 1905—1906 гг. 162, 619
- Екатерина II (1729—1796). 314, 645
- Елизавета Петровна (1709—1761) — императрица. 180, 623, 643
- Железнов В. Я. (1869—1939) — буржуазный экономист, автор «Очерков политической экономии». 501, 502
- Жозефина (1763—1814) — жена Наполеона I. 97
- Жуковский В. А. (1783—1852) — поэт. 621, 625
- Замысловский Г. Г. (1872—1918) — один из руководителей черносотенного «Союза русского народа», депутат III и IV Государственных дум. 499
- Зарудный А. С. (1863—1934) — министр юстиции буржуазного Временного правительства с июля 1917 г. 536
- Зейдлиц — см. Цедлиц.
- Зеленой П. А. (1833—1909) — генерал-лейтенант; с 1885 г. одесский градоначальник. 108
- Зелинский Н. Д. (1861—1953) — химик. 601
- Зоил (III—IV вв.) — древнегреческий критик и ритор. 643
- Золотарев И. М. — помощник министра внутренних дел России в 1912 г. 65, 66
- Золя Э. (1840—1902). 178
- Ибрагимов Н. М. (1778—1818) — поэт. 675
- Иван I Калита (ум. 1340) — великий князь Московский. 450, 660
- Иванов Вяч. И. (1866—1949) — поэт-символист. 162, 301—303, 619, 643
- Измайлов А. А. (1873—1921) — поэт и фельетонист. 609
- Илюндор (Труфанов С. М.) (1880—1950) — иеромонах, черносотенец, имевший влияние на официальную власть. После ссоры в 1906 г. со своим ближайшим покровителем Г. Распутиным (см.) был сослан во Флорищеву пустынь, откуда бежал. 94, 162, 172, 619, 678
- Иоанн Кронштадтский (Сергеев И. И.) (1829—1908) — реакционный клерикал и мракобес, протонерей Кронштадтского морского собора. 113, 610
- Каледин А. М. (1861—1918) — генерал, в июне 1917 г. стал атаманом Войска Донского и возглавил контрреволюцию на Дону. 498
- Калита — см. Иван I.
- Каменский А. П. (1876—1941) — писатель. 156, 617, 620, 623
- Карамзин Н. М. (1766—1826). 658
- Каринский Н. — публицист; летом 1917 г. — прокурор петроградской судебной палаты. 590

- Карпентер Э. (1844—1929) — английский поэт. 613
- Кассо Л. А. (1864—1914) — министр народного просвещения России в 1910—1914 гг., крайний реакционер. 109, 195, 201, 301, 600, 601, 610
- Катков М. Н. (1818—1887) — публицист и критик, редактор-издатель журнала «Русский вестник». В юности примыкал к лагерю демократов, в начале 60-х гг. перешел на сторону крепостнической реакции. 78, 172
- Каутский К. (1854—1938) — немецкий социал-демократ, лидер II Интернационала, занявший во время первой мировой войны шовинистическую позицию. 251
- Келеповский С. И. (р. 1873) — помещик, депутат II и III Государственных дум. 162, 619
- Керенский А. Ф. (1881—1971) — адвокат по образованию, эсер, был министром юстиции, затем военным и морским министром в буржуазном Временном правительстве 1917 г., а после июльского кризиса — министром-председателем. 492, 536, 538, 560, 577, 593, 594, 674, 676, 679, 682, 685
- Клаго Н. Л. (1862—1919) — профессор Военно-морской академии, участник русско-японской войны, автор трудов по истории и теории военно-морского дела. 64, 65, 161, 601
- Клюев Н. А. (1887—1937) — поэт. 474, 665
- Книпович Л. М. (1857—1920) — деятельница большевистской партии. 647
- Князев В. В. (1887—1937 или 1938) — поэт-сатирик. 67, 602
- Козницкий Г. В. (1724—1775) — секретарь императрицы Екатерины II. 645
- Козлов И. И. (1779—1840) — поэт. 644
- Коковцев В. Н. (1853—1943) — председатель Совета министров и министр финансов России в 1911—1914 гг. 199, 626
- Колосов Е. Е. (р. 1879) — публицист, член ЦК партии эсеров. 512, 672
- Кольбер Ж.-Б. (1619—1683) — французский министр, проводивший политику поощрения отечественной экономики в ущерб интересам других стран, а также за счет нужд трудящихся. 396
- Комиссаржевская В. Ф. (1864—1910) — актриса. 619, 620
- Константин (р. 1868) — король Греции в 1917 г. 488, 681
- Конфуций (Кун-Цзы) (ок. 551—479 до н. э.) — древнекитайский философ. 521
- Корнилов Л. Г. (1870—1918) — генерал, в июле — августе 1917 г. — верховный главнокомандующий русской армией. В ноябре 1917 г. стал одним из главнейших контрреволюционеров на Дону. 542—544, 666, 671, 675, 678, 679, 682
- Короленко В. Г. (1853—1921) — писатель. 619
- Красный (псевдоним Антипова К. М.) (1883—1919) — поэт-сатирик. 198
- Крез (VI в. до н. э.) — царь Лидии. 652
- Крупп — династия германских предпринимателей, владельцев сталелитейных заводов, снабжавших вооружением армии ряда государств. 274—275, 363, 376, 650
- Крылов И. А. (1769—1844) — баснописец. 216, 385, 641, 653, 655, 670
- Кубелик Я. (1880—1940) — чешский музыкант, скрипач, 384

- Кузмин М. А. (1875—1936) — поэт-символист, впоследствии акмеист. 161, 164, 209, 315, 618, 627, 645
- Кукольник Н. В. (1809—1868) — писатель, автор ходульных казенно-патриотических драм. 427, 602
- Куприн А. И. (1870—1938). 270, 611, 638
- Купчинский Ф. П. — публицист, в 1900-е годы сотрудничал в газете «Русь». 162, 619
- Курлов П. Г. (1860—1923) — товарищ министра внутренних дел России; известен карательными действиями против революционных масс в 1905 г. 299, 642
- Куропаткин А. Н. (1848—1925) — генерал, главнокомандующий сухопутными войсками во время русско-японской войны 1904—1905 гг. 161, 619
- Кшесинская М. Ф. (1872—1971) — балерина. 678
- Ларионов М. Ф. (1881—1964) — художник-модернист. 634
- Лассаль Ф. (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист. 520
- Лебедев П. Н. (1866—1912) — физик. 601
- Левашов С. В. — ректор Новороссийского университета (Одесса) в 1912 г. 108
- Легар Ф. (1870—1948) — венгерский композитор. 605
- Лендейзен-Гаккельман А. М. — руководитель русской полицейской агентуры за рубежом; следил за политическими эмигрантами, бежавшими от преследования царских властей; жил в Париже под именем действительного статского советника Гартинга; разоблачен в 1909 г. 162
- Ленин В. И. (1870—1924). 525, 567
- Ленский П. (псевдоним Оболенского П. Д.) (1852—1910) — драматург. 609
- Леонардо да Винчи (1452—1519). 440, 678
- Леонтьев П. М. (1822—1875) — реакционный журналист, сотрудник «Русского вестника», ближайший помощник Каткова (см.). 172
- Лермонтов М. Ю. (1814—1841). 96, 214, 268, 330, 628, 632, 636, 637, 644, 648, 671, 677, 683
- Либер (Гольдберг М. И.) (1880—1937), лидер меньшевиков. 676
- Лидваль Э. Л. — шведский подданный, промышленник и делец, в 1906 г. участвовал в афере с В. И. Гурко (см.). 162, 619
- Лозин-Лозинский (псевдоним Любара Я.) — русский журналист. 662
- Локк У. (1863—1930) — английский писатель; автор романов и юмористических рассказов, популярных в буржуазно-мещанской среде. 501
- Ломоносов М. В. (1711—1765). 643
- Луи-Наполеон (1808—1873) — принц Шарль Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I (см.), в 1852—1870 гг. — император Франции. 685
- Лучич В. П. (1852—1912) — артист и драматург. 674
- Львов Г. Е. (1861—1925) — крупный помещик, князь, один из лидеров кадетской партии, возглавлял буржуазное Временное правительство до июльских дней 1917 г. 491
- Магомет (Мохаммед) (570—632) — основоположник мусульманской религии. 383, 571, 652, 654

- Маклаков В. А. (1870—1959) — присяжный поверенный, думский оратор, кадет. 290, 526
- Мануйлов А. А. (1861—1929) — министр просвещения буржуазного Временного правительства 1917 г. 681
- Марат Ж.-П. (1743—1793) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в. 567, 680
- Маринетти Ф. Т. (1876—1944) — итальянский поэт, основатель футуризма в европейской литературе. 429
- Мария Федоровна (1759—1828) — жена Павла I. 666
- Маркевич Б. М. (1822—1844) — реакционный журналист, сотрудник «Русского вестника», ближайший помощник Каткова (см.). 172
- Марков (Марков 2-й) Н. Е. (р. 1866) — крупный помещик, реакционер, лидер крайне правых в Государственной думе, руководитель черносотенных организаций. 71, 93, 108, 144, 242, 289, 321, 499, 580
- Маркс А. Ф. (1838—1904) — русский книгоиздатель. 634
- Маркс Карл (1818—1883). 251, 634, 675, 681
- Маяковский В. В. (1893—1930). 641
- Мейерхольд В. Э. (1874—1942). 618, 620
- Меллер-Закомельский А. Н. (1844—1928) — барон, генерал, руководил карательными экспедициями против революционных масс в 1905—1906 гг. 214
- Меньшиков М. О. (1859—1919) — публицист, один из ведущих сотрудников реакционной газеты «Новое время». 126, 161, 283, 321
- Мещерский В. П. (1839—1914) — князь, реакционный публицист. 618, 620
- Мидас (конец VIII — нач. VII в. до н. э.) — царь древней Фригии. 198
- Мильтон Д. (1608—1674) — английский поэт и публицист. 385
- Миллюков П. Н. (1859—1943) — лидер буржуазной партии кадетов; после свержения царизма вошел в состав буржуазного Временного правительства в качестве министра иностранных дел; был последовательным проводником завоевательной политики русской буржуазии, одним из главных носителей буржуазно-шовинистического лозунга «Война до победного конца!». 142, 192, 283, 479, 514—515, 531, 536, 570, 576, 605, 619, 672, 680
- Мин Г. А. (1855—1906) — генерал, командир лейб-гвардии Семеновского полка в 1905—1906 гг. 668
- Михайловский Н. К. (1842—1904) — публицист, социолог и литературный критик; идеолог народничества. 473
- Мономах Владимир (1053—1125) — великий князь Киевский. 455
- Моор Д. (псевдоним Орлова Д. С.) (1883—1946) — художник. 680, 682
- Моцарт В.-А. (1756—1791) — австрийский композитор. 662
- Муйжель В. В. (1880—1924) — русский писатель, автор повестей и романов о пореформенной деревне. 156, 617
- Муратов Н. П. — тамбовский губернатор в 1912 г. 108, 238
- Мусин-Пушкин А. А. (1855—1918) — граф, попечитель Петербургского учебного округа в 1908 г. 645
- Муций Сцевола (VI в. до н. э.) — легендарный римский юноша-герой. 672

- Наполеон I Бонапарт (1768—1821). 97—98, 538, 562, 621, 633
- Небогатов Н. И. (1849—1922) — контр-адмирал. 161, 618
- Невтон — Ньютон И. (1642—1727), английский физик. 305
- Некрасов Н. А. (1821—1877). 158, 622, 646, 647
- Немирович-Данченко Вас. И. (1844—1936) — писатель и журналист, был корреспондентом буржуазной печати на фронтах русско-турецкой (1877—1878), русско-японской (1904—1905), 1-й Балканской (1912—1913) и первой мировой (1914—1917) войн. 81
- Никитин И. С. (1824—1861) — поэт. 602
- Николай II (1868—1918). 548—549, 554, 557—559, 569—571, 574, 602, 657, 668, 673, 676, 678, 681, 683
- Нилов К. Д. — адмирал, почетный командир императорского яхт-клуба. 588
- Ницше Ф. (1844—1900) — немецкий реакционный философ-идеалист. 358
- Оберучев — издатель. 318
- Овидий (Публий Овидий Назон) (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт. 665
- Окунев (псевдоним Окуня Я. М.) (1882—1932) — писатель. 651
- Олег (ум. 912 или 922) — киевский князь. 672
- Островский А. Н. (1823—1886) — драматург. 159
- Оффенбах Ж. (1819—1880) — французский композитор. 634
- Павел I (1754—1801). 481
- Пален П. Л. (1745—1826) — граф, военный губернатор Петербурга, один из приближенных Павла I. 481
- Палладий (Роговский) (1655—1703) — доктор богословия и философии, ректор Московской славяно-греко-латинской академии, игумен Заиконоспасского монастыря. 450
- Парни Э. (1753—1814) — французский поэт, автор сборников «Эротические стихотворения» и «Поэтические безделки». 473
- Пасынков Л. Н. (1886—1956) — публицист и критик, после Октября — советский писатель. 392
- Пате Ш. и Э. братья — владельцы кинофирмы. 386, 393, 397, 653
- Петефи Ш. (1823—1849) — венгерский революционный поэт. 239
- Петр I (1672—1725). 456, 661, 662
- Пифагор (ок. 580—500 до н. э.). 497
- Платон (Аристокл) (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. 305, 385
- Плевицкая (псевдоним Винниковой Н. В.) (1884—1941) — эстрадная певица. 66
- Плеханов Г. В. (1856—1918) — теоретик и пропагандист марксизма; после II съезда с.-д. партии — меньшевик, в период первой мировой войны — оборонец; в 1917 г. поддерживал буржуазное Временное правительство. 525, 534, 542, 676
- Плещеев А. Н. (1825—1893) — поэт. 636, 684
- Плиний Старший, Г. (23—79) — римский писатель и ученый. 385
- Победоносцев К. П. (1827—1907) — ближайший советник царя Александра III, вдохновитель политической реакции 1880-х гг., был до 1905 г. обер-прокурором Синода. 167

- Полонский Я. П. (1819—1898) — поэт. 650
- Потапенко И. Н. (1856—1929) — беллетрист, автор множества сочинений, в том числе рассказов, повестей и сказок идиллического, нравоучительного характера. 80
- Праведников Е. — художник. 658
- Проппер С. М. (1855—1931) — издатель газеты «Биржевые ведомости». 318, 355, 655
- Протопопов А. Д. (1866—1918) — помещик и фабрикант, октябрист; с июля 1916 г. до свержения царизма — министр внутренних дел. 588
- Прутков Козьма — коллективный псевдоним Толстого А. К. (см.) и братьев Жемчужниковых — А. М. (1821—1908) и В. М. (1830—1884), выступавших в печати совместно в 50-х — 60-х гг. 302
- Пуришкевич В. М. (1870—1920) — бессарабский помещик, монархист и черносотенец, известный своими погромными выступлениями в Государственной думе. 72, 96, 136, 161, 197, 209, 245, 306, 542, 576, 603, 625, 633, 644, 678, 679
- Пушкин А. С. (1799—1837). 158, 189, 219, 314, 429, 434, 447, 455, 576, 624, 645, 647, 650, 651, 658, 661, 662, 668, 674, 678, 682, 685
- Радаков А. А. (1879—1942) — художник и поэт. 659
- Распутин (Новых) Г. Е. (1872—1916) — известный авантюрист. Будучи сектантом, странствовал по монастырям, выдавал себя за «прорицателя» и «святого старца». Через суеверную и ханжествующую аристократию проник в придворные круги, стал фаворитом царя и царицы, оказывал через них влияние на государственные дела (назначение министров и т. д.). 546—560, 647, 657, 678—679, 683
- Рейн Г. Е. — лейб-хирург русского императорского двора; в 1915—1916 гг. главноуправляющий ведомства государственного здравоохранения. 652
- Рейснер Л. М. (1895—1926) — советская писательница; в 1915—1916 гг. была сотрудником и редактором журнала «Рудин». 656
- Рембрандт Х. (1606—1669). 234
- Ремизов Н. В. (Ре-ми) — художник. 633, 659
- Репин И. Е. (1844—1930) 244, 381, 633
- Риттих А. А. (р. 1868) — товарищ министра земледелия России в 1916 г. 652
- Ричард I Львиное Сердце (1157—1199) — английский король. 369, 651
- Родзянко М. В. (1859—1923) — крупный помещик, один из лидеров октябристов, председатель II и IV Государственных дум. 135, 498, 521—522, 542, 580, 664, 669, 673, 678
- Родичев Ф. И. (1856—1933) — один из лидеров кадетской партии, думский оратор. 290
- Романов А. Н. (1904—1918) — сын Николая II. 677
- Романов Д. П. (1891—1942) — великий князь. 679
- Романовы — царская династия. 490, 668, 672
- Рославлев А. С. (1883—1920) — поэт, эпигон символизма. 165, 205, 317, 620, 627
- Россовский Н. Л. — журналист, сотрудник газеты «Петербургский листок». 162

- Ротшильды — династия капиталистов, основавшая в разных странах Европы сеть банковских домов. 138
- Руже де Лиль К.-Ж. (1760—1836) — французский поэт и композитор. 676
- Рукавишников И. С. (1847—1930) — поэт, эпитом символизма. 179, 623
- Рябушинский П. П. (1871—1924) — банкир и промышленник, лидер либерально-монархической партии «прогрессистов». 530
- Савинков Б. В. (1879—1925) — эсер, помощник военного министра в буржуазном Временном правительстве в 1917 г. 510, 671
- Салазкин А. С. (р. 1870) — купец и промышленник, председатель нижегородского ярмарочного комитета, член партии кадетов. 199, 626
- Салтыков-Щедрин М. Е. (1826—1889). 100—101, 159, 164, 608, 620, 625
- Сальери А. (1750—1825) — итальянский композитор. 455, 662
- Самийленко В. И. (1864—1925) — украинский поэт. 631
- Северянин Игорь (псевдоним Лотарева И. В.) (1877—1943) — поэт-эгофутурист. 430, 448, 609, 648, 658, 659
- Сервантес де Сааведра М. (1547—1616) — испанский писатель. 620, 661
- Сергеев-Ценский С. Н. (1875—1958) — писатель. 104, 164
- Сергеенко П. А. (1854—1930) — литератор, секретарь Л. Н. Толстого. 160, 244
- Синаидино П. В. (1875—1941) — крупный помещик, депутат Государственной думы, городской голова Кишинева. 321
- Скворцов-Степанов И. И. (1870—1928) — деятель большевистской партии. 647
- Скуратов Малюта (Бельский Г. Л.) (ум. 1572) — палач-опричник, приближенный Ивана Грозного. 108
- Слепцов В. А. (1836—1878) — писатель, революционный демократ. 159
- Смурский Н. А. — драматург 1900—1910-х гг., автор пьес о правах и образе жизни молодежи. 118, 611
- Собинов Л. В. (1872—1934). 65
- Сократ (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. 445
- Соловьев М. П. (р. 1842) — начальник Главного управления по делам печати в 1896—1900 гг. 164
- Сологуб (псевдоним Тегерникова Ф. К.) (1863—1927) — писатель. 164, 300, 315, 316, 406, 605, 620, 628, 643, 645, 655
- Софокл (ок. 496—406 до н. э.) — древнегреческий драматург. 655
- Сперанский В. Н. — историк философии, профессор Петербургского университета, автор труда «Общественная роль философии. Введение в историю политических учений» (1913). 501
- Старчевский А. В. (1818—1910) — журналист, редактор «Библиотски для чтения». 160
- Стендаль (псевдоним Бейля А.-М.) (1783—1842). 639
- Стенега — точнее: Стенинг М. А., хозяйка булочной в Петербурге (1914). 72

- Стессель А. М. (1848—1915) — русский генерал, сдавший японцам крепость Порт-Артур во время русско-японской войны 1904—1905 гг. 108, 161
- Столыпин П. А. (1862—1911) — председатель совета министров и министр внутренних дел России. Режим оголтелой реакции, установленный им с приходом к власти в 1906 г., получил наименование «столыпинского режима». 194, 625, 640, 641
- Стросв — пристав полицейского участка в Петербурге (1913) 123
- Студенская Е. Н. — поэтесса. 639
- Суворин А. С. (1834—1912) — реакционный журналист и издатель. 405
- Тард Г. (1834—1904) — французский социолог, криминалист и психолог. 369
- Тассо Т. (1544—1595) — итальянский поэт. 385
- Тацит П. (ок. 55 — ок. 120) — римский историк. 385
- Теляковский Л. К. (1833—1908) — автор научно-статистических трудов по коневодству. 161
- Тенеромо И. (псевдоним Фейнермана И. Б.) (1885—1915) — журналист, один из секретарей Л. Н. Толстого. 244
- Терещенко М. И. (р. 1888) — сахарозаводчик, в 1917 г. — министр Временного правительства. 684
- Тимирязев К. А. (1843—1920) — естествоиспытатель-дарвинист. 601
- Тиняков А. И. (1886—1922) — реакционный журналист и поэт. 662
- Титовы — московские купцы. 308—309, 644
- Толмачев А. — поэт-эгофутурист, эпитон И. Северянина (см.) 429
- Толмачев И. Н. (р. 1863) — одесский градоначальник, прославившийся административным самодурством. 108, 214
- Толстой А. К. (1817—1875) — поэт. 94
- Толстой Л. Н. (1828—1910). 104, 108, 160, 244—245, 314, 458, 473, 633, 668
- Топпиков А. Д. — художник. 656
- Треднаковский В. К. (1703—1769) — поэт. 162, 301, 619
- Трепов А. Ф. (1855—1906) — товарищ министра внутренних дел и дворцовый комендант в 1905 г., сторонник и проводник крайних репрессий против участников революционного движения. 108
- Третьяков П. М. (1832—1898) — собиратель произведений русского искусства, основатель картинной галереи в Москве. 458
- Трилусса (псевдоним Салюстри К. А.) (1871—1950) — итальянский поэт-сатирик демократического и антифашистского направления. 460
- Трубецкой П. П. (1866 или 1867—1938) — скульптор. 162, 620
- Туган-Барановский М. И. (1865—1919) — экономист, виднейший представитель легального марксизма. 501, 502
- Тумпаков П. В. (ум. 1911) — купец, домовладелец. 161, 619
- Тургенев И. С. (1818—1883). 158, 178, 314
- Тэффи (псевдоним Бучинской Н. А.) (1872—1952) — русская писательница. 108
- Тютчев Ф. И. (1803—1873). 439
- Уайльд О. (1856—1900) — английский писатель. 177
- Успенский Г. И. (1843—1902) — писатель. 645

- Фальконе М.-Э. (1716—1791) — французский скульптор. 661
- Феоктистов Е. М. (1829—1898) — сенатор, начальник Главного управления по делам печати в 1883—1895 гг. 164
- Фет (другая фамилия Шеншин А. А.) (1820—1892). 132, 439, 565
- Фонвизин Д. И. (1745 или 1744—1792). 610
- Фортунатов Л. — литературный критик. 662
- Франц-Иосиф I (1830—1916) — австрийский император. 369, 651
- Фредерикс В. Б. (1838—1927) — русский генерал, граф, министр императорского двора при Николае II. 588
- Фульд Л. (1862—1939) — немецкий поэт и драматург. 288
- Хвостов А. Н. (1872—1918) — крупный помещик; вологодский, а затем нижегородский губернатор; приобрел скандальную известность черносотенными выступлениями в Государственной думе. 108, 238
- Хомяков Н. А. (1850—1925) — крупный помещик, октябрист, был председателем III Государственной думы до марта 1910 г. 245, 290, 319, 633, 641, 668
- Храповицкий А. В. (1749—1801) — секретарь Екатерины II. 645
- Худеков Н. С. (1869—1912) — журналист. 161
- Цедлиц (Зейдлиц) И.-Х. (1750—1848) — австрийский поэт-романтик. 171, 621
- Черетели И. Г. (1882—1959) — лидер меньшевиков, министр почт и телеграфов, затем — министр внутренних дел в буржуазном Временном правительстве 1917 г. 491, 492, 530, 580, 594, 674
- Чеберяк Вера — участница воровской шайки, совершившей в Киеве весной 1912 г. убийство русского мальчика; в этом убийстве с провокационной целью был обвинен еврей Бейлис (см.). 457
- Черняев М. Г. (1828—1898) — генерал, проводивший в 1860-е годы военные операции в Средней Азии, был генерал-губернатором Туркестана в 1882—1896 гг. 392
- Чехов А. П. (1860—1904). 619
- Чуковский К. И. (псевдоним Корнейчука Н. В.) (1882—1969) — писатель и критик. 104, 609
- Чулков Г. И. (1879—1939) — поэт-декадент. 82, 164, 605
- Шаляпин Ф. И. (1873—1938). 66, 167, 384, 601—602
- Шаховской В. Н. — князь, кадет, министр государственного призрения в буржуазном Временном правительстве 1917 г. 491
- Шварц А. Н. (1848—1915) — министр просвещения России в 1908—1909 гг., провел ряд реакционных мероприятий в средней и высшей школе. По словам В. И. Ленина, это был «черносотенный министр, действовавший в полном согласии с «премьером» Столыпиным...» (Полн. собр. соч., т. 17, с. 214). 184, 284—285, 640
- Шебуев Н. Г. (1874—1937) — журналист и поэт. 162, 404, 619
- Шейдеман Ф. (1865—1939) — лидер правого крыла германской социал-демократии. 676
- Шейн С. П. (ум. 1905) — русский морской офицер, участник Цусимского сражения. 124
- Шиллер И.-Ф. (1759—1805) — немецкий поэт. 101, 611

- Шмид Г. К. — реакционер; руководитель минского православного «Братства святого креста». 161, 618
- Шмит-Рыжова Л. Ф. — русская художница. 246, 633
- Штакельберг Г. К. — генерал-лейтенант, барон, один из виновников поражения русских сухопутных войск в русско-японской войне 1904—1905 гг. 108, 161
- Штюрмер Б. В. (1848—1917) — председатель Совета министров и министр внутренних дел России в 1916 г. 588
- Шубинский Н. П. (1853—1921) — помещик, октябрист, депутат III Государственной думы. 135
- Щегловитов И. Г. (1861—1918) — министр юстиции России в 1906—1915 гг., ярый черносотенец. 65, 536, 650, 676
- Щедрин — см. Салтыков-Щедрин.
- Эдисон Т. А. (1847—1931) — американский электротехник, изобретатель. 168, 170, 621
- Эзоп (VI—V вв. до н. э.) — полубогатый древнегреческий баснописец. 101
- Эллис (псевдоним Кобылинского Л. Л.) (р. 1879) — русский писатель и литературный критик. 104, 162, 620
- Эртис А. Д. — владелец булочной в Петербурге (1914 г.). 72
- Ювенал Д. Ю. (60 гг. I в. — после 127) — римский поэт-сатирик. 583
- Юдин И. — художник. 661
- Юсупов Ф. Ф.-младший (1887—1967) — князь, граф Сумароков-Эльстон. 679
- Якубович-Мельшин П. Ф. (1860—1911) — поэт-народоволец. 641
- Якушкин П. И. (1822—1872) — писатель-демократ, деятель революционного движения 60-х годов. 160
- Ярославна (Ефросия) (XII в.) — дочь галицкого князя Осмомысла, супруга князя новгород-северского и черниговского Игоря; воспета в «Слове о полку Игореве». 583
- Ясинский И. И. (1850—1931) — писатель. 620

**УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В НАСТОЯЩЕМ СБОРНИКЕ¹**

- Аверченко А. Т. 59, 600
Агатов М. 479, 665
Агнивцев Н. Я. 60—63, 335—336, 480—482, 600
Амфитеатров А. В. 64—67, 483, 601
Ардов Т. (Тардов В. Г.) 68, 602
- Басов-Верхоянцев С. А. 337—353, 484—490, 648
Батрак И. (Козловский И. А.) 69, 602
Бедный Д. (Придворов Е. А.) 70—75, 354—357, 491—496, 603
Беркевич А. 76
Бескин М. М. 77—81, 497, 604
Благов Ф. Ф. 82—86, 605
Блок А. А. 87—89, 606
Болычев В. 90—91
Будищев А. Н. 92, 607
Бунаков П. П. 93—95, 607
Бухов А. С. 96—103, 358—362, 608
- Венский Е. (Пяткин Е. О.) 104—111, 363—370, 609
Вознесенский А. Н. 371—373, 651
Воинов В. В. 112—124, 374—378, 610
Волженин В. (Некрасов В. М.) 125—126, 611
Воровский В. В. 127—128, 612
Воронов И. К. 129—130, 612
Востоков И. Н. 131, 613
Вяткин Г. А. 132—133, 613
- Гомолицкий А. И. 134—141, 379, 613
Городецкий С. М. 142—146, 614

¹ Обычным шрифтом указаны страницы, где помещены тексты произведений, курсивом — биографические справки.

- Горький М. (Пешков А. М.) 147—149, 615
Горянский В. (Иванов В. И.) 380—384, 652
Грибко-Гольшовский 498
Грин А. (Гринецкий А. С.) 385—391, 652
- д'Актиль А. (Френкель А. А.) 392—399, 499—505, 653
Денисов М. 150, 616
Дингельштедт Н. Ф. 151—152, 616
Дмитриев А. 153, 616
Доброхотов А. П. 154, 617
Дубровский Н. 506—507
- Егоров П. 155
- Зверьков И. 508—509, 671
Злобин В. 400—401
Зоргенфрей В. А. 156—157, 617
Зубовский Ю. Н. 402, 654
- Измайлов А. А. 158—173, 403, 618
Ионов И. (Бернштейн И. И.) 510, 671
- Каменский Н. Е. 174, 621
Кичуйский В. (Самойлов И. И.) 511—512, 671
Князев В. В. 175—184, 404—411, 513—519, 621
Кондаков Е. 520—522
Кравцов К. 185—188
Красный (Антипов К. М.) 189—203, 624
Кремков С. 412
Кроткий Эмиль (Герман Э. Я.) 414—422, 523—533, 656
Куликов Ф. Т. 204, 626
Куприн А. И. 205, 626
- Ладыженский В. Н. 206—208, 627
Лазарев-Грузинский А. С. 209, 627
Лихачев В. С. 210—216, 627
Логинов И. С. 423—424, 534—538, 657
- Майзельс Д. 425—426, 657
Маршак С. Я. 217—224, 427—429, 628
Маяковский В. В. 430—443, 539—541, 658
Михеев С. 225, 444—446, 630
Мукошеев И. И. 542—545, 677
- Нахимсон С. М. 226, 630
Недолин С. (Поперек С. А.) 447, 660
Нечаев Е. Е. 227—230, 630
Никифорова Л. А. 231—233, 631
Никулин Л. В. 234—237, 448—450, 546—561, 631
Нилов Ю. 238
Нович Н. (Бахтин Н. Н.) 239—240, 632

Окснер Я. 562—563, 679

Перский А. 241

Попов Б. 242

Потемкин П. П. 243—251, 632

Праскунин М. В. 252—256, 634

Прутков И. К. (Жиркович Б. В.) 257—259, 635

Пустынин М. (Розенблат М. Я.) 260, 451, 635

Радаков А. А. 261—265, 452—454, 636

Радзиевский А. 564—567, 679

Рейснер Л. М. 455—456, 661

Савин М. К. 266, 636

Садовский Б. А. 457—458, 662

Саша Черный — см. Черный Саша

Светобор В. 267

Семеновский Д. Н. 568, 680

Сиркес Я. О. 268, 637

Скандерберг (Фольбаум Н. А.) 459—460, 569—579, 663

Скорбин А. 269, 637

Сно Е. Э. 270—271, 637

Сологуб Ф. (Тетерников Ф. К.) 461, 663

Стариков В. 462, 580, 663

Степанов П. 272—273

Стронин М. 463

Сыромолотов Ф. Ф. 274—275, 638

Тигер Д. Н. 464—467, 663

Томский О. 468, 664

Тэффи Н. (Лохвицкая-Бучинская Н. А.) 276—278, 638

Уманов-Каплуновский В. В. 279, 639

Флит А. М. 581—583, 682

Цензор Д. М. 280, 639

Черный Саша (Гликберг А. М.) 282—294, 640

Чуж-Чуженин (Фалеев Н. И.) 295—297, 469—471, 584—585, 642

Чюмина О. Н. 298—299, 642

Шебуев Н. Г. 300—305, 642

Шкулев Ф. С. 306—309, 643

Юрнев К. (Кротовский К. К.) 310—311, 644

Неизвестные авторы 312—332, 472—476, 586—594

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1—2. *Между с. 96 и 97.* Рисунок М. Слепяна в журнале «Сатирикон», 1913, № 44. На заднем плане — Таврический дворец (здание Государственной думы).

На обороте. Обложка журнала «Новый сатирикон», 1914, № 19. Рисунок Ре-ми (Н. Ремизова) «У парадного подъезда». Эпиграф: «„Мои двери всегда открыты для всех. . .“ — из речи премьера Горемыкина». Текст внизу — начальные строки стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда».

3—4. *Между с. 128 и 129.* Стихотворение А. Радакова «Эволюция» с его же рисунками в журнале «Стрекоза», 1908, № 5.

На обороте. Иллюстрации неизвестного художника к афоризмам Козьмы Пруткова в журнале «Сатирикон», 1913, № 3.

5. *С. 164.* «Ф. Сологуб» — шарж В. Каррика в «Журнале журналов», 1916, № 4.

6. *С. 413.* Стихотворение Сергея Кремкова «Заклинание» с рисунком А. Топикова в журнале «Рудин», 1915, № 1.

7. *С. 449.* «Игорь Северянин — поэтоэтуаль» — шарж В. Дени (Денисова) в «Журнале журналов», 1915, № 14.

8—9. *Между с. 512 и 513.* Рисунок А. Радакова к стихотворению В. Маяковского «Надоело» (см. № 384) в журнале «Новый сатирикон», 1916, № 46.

На обороте. Обложка журнала «Будильник», 1915, № 46. Рисунки Д. Моора (Д. С. Орлова).

10—11. *Между с. 544 и 545.* Рисунок А. Радакова к его же стихотворению «Схема» (см. № 394) в журнале «Новый сатирикон», 1915, № 50.

На обороте. Обложка журнала «Соловей», 1917, № 1, работы неизвестного художника. Под верхним рисунком — двустишие В. Маяковского «Ешь ананасы, рябчиков жуй. . .», под нижним — начальные строки пролетарского гимна «Интернационал».

СОДЕРЖАНИЕ

Сатирическая поэзия предоктябрьских лет. <i>Вступительная статья И. С. Эвентова</i>	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Январь 1908—Июнь 1914

А. Т. АВЕРЧЕНКО

1. Из переселенческих мотивов	59
2. «А. И. Гучков! Твои «А» «И»...»	59

Н. Я. АГНИВЦЕВ

3. Гимн Е(го) В(ысоко)б(лагородию) Ивану Ивановичу г-ну Иванову	60
4. Щекотливый вопрос	61
5. Проект	62
6. «Шашлык на вертеле»	62
7. В университетской столовке	63

А. В. АМФИТЕАТРОВ

8. Зловредный полковник и спасительный костер. <i>Петербургская баллада</i>	64
---	----

9. Ода на победу над граммофоном	65
10. Послание Князеву. <i>По получении книги «Двуногие без перьев»</i>	67

Т. АРДОВ

11. Песнь октябриста	68
--------------------------------	----

ИВАН БАТРАК

12. Крестьянин и комар. <i>Басня</i>	69
--	----

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

13. «Умница»	70
14. Силуян	71
15. Змея	71
16. Володин домик	72
17. Хрен да редька — Елена да Федька	72
18. Административная «методика»	73
19. Утро	74

А. БЕРКЕВИЧ

20. Золотое молчание. <i>Басня</i>	76
--	----

М. М. БЕСКИИ

21. Веселая пора	77
22—24. В а л ь б о м ы:	
1. «Новому времени»	78
2. «Московским ведомостям»	78
3. «Свету»	78
25. Народный печальник, впервые попавший в деревню	79
26. Идиллия	80
27. Военный корреспондент	81

Ф. Ф. БЛАГОВ

28. «Я на качелях высоко летаю...»	82
29. «Вижу на западе вспышки я...»	82
30. «„Затаился в траве и лежу“...»	83
31. «Туфля. Цапля. Клубника. Юпитер. Ломбард...»	84
32. Эгофутурист	84
33. Бальмонт. «Зарево зорь», к-во «Гриф», 1912	85
34. Созвездия	86

А. А. БЛОК

35. Поэты	87
36. «Как тяжело мертвецу среди людей...»	88

ВАСИЛИЙ БОЛЫЧЕВ

37. Крамольник	90
--------------------------	----

А. Н. БУДИЩЕВ

38. Товарищам	92
-------------------------	----

П. П. БУНАКОВ

39—43. О б ъ я в л е н и я :	
1. «Тем, кто низко клонит шею...»	93
2. «Всех лечу и утешаю...»	93
3. «Я заработать хочу...»	93
4. «Примите, господа, <i>Азефа</i> ...»	93
5. «Сбежал Илиодор...»	94
44. Современное	94
45. Открытие Дарданелл	94

А. С. БУХОВ

46. Жестокий	96
47. Афинские ночи	96
48. Два Наполеона	97
49. Поэтам	98
50. Легенда о страшной книге	99
51. Вспомните! <i>Юбилейное</i>	100
52. Чего не успел написать Гейне	101

ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ

53. Портрет	104
54. Интуитивные краски	105
55. Поэт, обед и лунный свет	105
56. Арест... тьфу, академическая	106
57. Самое адекватное	107
58. <i>Mens mala in corpore malo</i>	109
59. Остались лазейки	110

В. В. ВОИНОВ

60. Россия в кавычках (<i>Под Бальмонта</i>)	112
--	-----

61—63. (Из «Обзора печати»)	
1. «Русь»	113
2. «Речь»	113
3. «Русское знамя»	113
64. Поэт над озером	113
65. Музыкальный критик Дурной. <i>Басня, пожалуй</i>	114
66. Дипломатическая симфония	115
67. <i>Curriculum vitae</i>	116
68. «Жуть зеленая»	117
69. «Распродажа жизни» (<i>Пьеса Смурского</i>). <i>Пессимистическая рецензия об оптимистической пьесе</i>	118
70. «Мы». <i>Прозаические стихи или стихотворная проза</i>	119
71. «Яма счастья, или Ключи от ямы». <i>Роман Куприцкой в 8-ми частях с прологом и эпилогом</i>	120
72. <i>Credo</i>	120
73. Обыкновенная история	121
74. Рукава. <i>Итоги банкета в честь «Русских ведомостей»</i>	123
75. На могиле	124

В. ВОЛЖЕНИН

76. Современный роман. <i>Из дневника курсистки</i>	125
77. Привычка — вторая натура	126
78. Слеза	126

В. В. ВОРОВСКИЙ

79. Лягушка. <i>Посвящение</i>	127
80. Манифест молодых амфибий	127

И. К. ВОРОНОВ

81. Слесарь	129
-----------------------	-----

И. Н. ВОСТОКОВ

82. Чижик	131
---------------------	-----

Г. А. ВЯТКИН

83. Пятый. <i>Загадочная картинка</i>	132
---	-----

А. И. ГОМОЛИЦКИЙ

84. Диалог	134
85. Беспечальное житье	134
86. На даче	135

87. Пантелей	135
88. На вербе	136
89. Весенний мотив	137
90. Разговор с англичанином. <i>Фантазия</i>	137
91. Ура! Бюджет в три миллиарда!!!	138
92. Господин Ренегатов	139
93—94. Эпиграммы на III Думу:	
1. «Хоть умерла, — похвал ни слова!..»	140
2. «Увы, без всяких междометий!..»	140
95—97. Эпиграммы. <i>Предвыборные:</i>	
1. «Нам предлагают всем кутью!..»	141
2. «Увлекались с пылом, с жаром!..»	141
3. «Какой бы ни был спор там!..»	141

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

98. Горе рыболова	142
99. Под липами	143
100. Сельская жизнь	144
101. Халлинг (<i>Кнут Гамсун</i>)	144
102. Коню извозчика, издохшему на Вознесенском на днях вечером	146

М. ГОРЬКИЙ

103—110. (Стихи поэта Смертяшкина Из «Русских сказок»)	
1. «Бьют тебя по шее или в лоб!..»	147
2. «Нас ежедневно жизнь разит!..»	147
3. «Чу, смерть стучит рукою честной!..»	147
4. «Что такое наше „я“!..»	148
5. «В жизни мы — как будто на вокзале!..»	148
6. «Всюду жирный трупный запах!..»	148
7. «Маленькая девочка ходит среди сада!..»	149
8. «Долго, сладостно и ярко!..»	149

М. ДЕНИСОВ

111. Современный человек	150
------------------------------------	-----

Н. Ф. ДИНГЕЛЬШТЕДТ

112. Устойчивость	151
113. Родное (<i>Поэзия обыденного</i>)	151

А. ДМИТРИЕВ

114. Телеграммы с войны	153
-----------------------------------	-----

А. П. ДОБРОХОТОВ

115. Из крымских мотивов 154
116. «И в Питере, и в Нижнем...» 154

ПАВЕЛ ЕГОРОВ

117. Московские газеты 155

В. А. ЗОРГЕНФРЕЙ

- 118—121. (Из цикла «Эпитафии» на случай кон-
чины):
1. Арцыбашева 156
2. А. Каменского 156
3. Муйжеля 156
4. Брешко-Брешковского 157

А. А. ИЗМАЙЛОВ

122. Знаменитые встречи. *Из литературных воспоминаний Анку-
дина Козодоева* 158
123. Проект Всероссийской выставки 160
124. Новый век 163
125. Александр Рославлев 165
126. Сын человеческий, или Роковой граммофон 166
127. В двенадцать часов по ночам... *Не из Зейдлица* 171

Н. Е. КАМЕНСКИЙ

128. Юбилейные мысли 174
129. Резонно 174

В. В. КНЯЗЕВ

130. Бабушка и внучек. *Из ненаписанных песен Беранже* 175
131. Моя политическая платформа 176
132. Триумфаторы. 1907—1908 гг. 177
133. «Как жрец ассирийский, недвижно сидит...» 179
134. Патриотическая филология 180
135. «О, сколько ненужного, нудного шума...» 181
136. Зеркало теней в кривом зеркале. *Шарж* 182
137. Наш «Свисток» 182
138. «„Мы, руку приложившие...“» 183
139. «Лежу я на животике...» 184
140. «Что темные цвета наводят гимназистов...» 184

К. КРАВЦОВ

141. О сером зайке и лютном волке. *Сказочка* 185

КРАСНЫЙ

142. Политическая лирика	189
143. То и другое	190
144. Стихи о генерале фон Вендрихе	191
145. Гаданье. <i>Шутка</i>	191
146. Новая хороводная. <i>Перед каникулами</i>	192
147. Политический чай	194
148. Хор российских обывателей	194
149. Песня про устав университетский	195
150. На перекрестках	196
151. Рифмы	197
152. Пуришкевич на Парнасе	197
153. Добрый сторож	198
154. Современные романтики	199
155. Литературный Одиссей	200
156. Музейные грезы	201

Ф. Т. КУЛИКОВ

157. Две думы	204
-------------------------	-----

А. И. КУПРИН

158. Козерогу Александру Рославлеву. <i>Шарж</i>	205
--	-----

В. Н. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

159. Воевода. <i>Перевод с рукописи XVII века</i>	206
160. Вельможа. <i>С рукописи XVIII века</i>	207
161. Генерал. <i>С рукописи 1823 года января 5 дня</i>	207
162. На Невском	208

А. С. ЛАЗАРЕВ-ГРУЗИНСКИЙ

163. Апрель	209
-----------------------	-----

В. С. ЛИХАЧЕВ

164. Sic transit...	210
165. Поэзия и проза	210
166. Мнение А. И. Гучкова	211
167. Тишь да гладь	211
168. Издателю	212
169. Где мало — где много	212
170. Догадливый барин	213
171. История в четверостишии	213
172. На выбор	214

173. Виноватый. <i>Шутка</i>	214
174. Обывательские рифмы	215
175. Загадка	216

С. Я. МАРШАК

176. Праздничное	217
177. Лига самоубийц. <i>Рассказ репортера</i>	218
178. Биография	219
179. Предостережение	219
180. Освободители искусства	221
181. Армия спасения. <i>Из путевой тетради «По Англии»</i>	221
182. 1914	223

С. МИХЕЕВ

183. Шахматы	225
------------------------	-----

С. М. НАХИМСОН

184. Кадет	226
----------------------	-----

Е. Е. НЕЧАЕВ

185. Тип	227
186. Рецепт	227
187. Шалости	229
188. С малорусского	229

Л. А. НИКИФОРОВА

189. Five o'clock	231
190. Песня («Веревочку-бечевочку кручу себе, кручу...»)	232
191. В XXIII Думе. <i>Из предсказаний ясновидящей</i>	232

ЛЕВ НИКУЛИН

192. В кабинете	234
193. Грешник. <i>Пасхальная поэма</i>	235
194. В Крыму	236

Ю. НИЛОВ

195. «Вице»	238
-----------------------	-----

Н. НОВИЧ

196. Мадыарский дворянин. <i>Из Петефи</i>	239
--	-----

А. ПЕРСКИЙ

197. Успокоение	241
---------------------------	-----

Б. ПОПОВ

198. Разговор	242
199. Марков 2-й	242

П. П. ПОТЕМКИН

200. Падение и совпадение	243
201. Ветер и султан. <i>Газель</i>	244
202. Некоторые желания кухни моей Ньюры	244
203. «Нежным богом брачных уз...»	245
204. У дворца	245
205—209. На выставке «Треугольник». <i>Шутки</i>	
1. Шмит-Рыжова	246
2. С. Городецкий	247
3. В. Бурлюк	247
4. Д. Бурлюк	247
5. Статуэтка	247
210. Честь	248
211. На вернисаже	249
212. Идиллия	250

М. В. ПРАСКУНИН

213. Счастливец	252
214. Невесты Христа. <i>Перевод с итальянского</i>	253
215. К кабаку	253
216. Не скоро	254
217. Братьям	255
218. Федот	256

И. К. ПРУТКОВ

219. Плевков	257
220. Постовой и месяц. <i>Басня</i>	258
221. Мозги и ночь. <i>Басня</i>	258
222. Донос на весну	259

М. ПУСТЫНИН

223. Водокачка	260
--------------------------	-----

А. А. РАДАКОВ

224. Эволюция	261
-------------------------	-----

225. «Ответствуй, гражданин, могла б стоять вселенна...»	262
226. Невеста фельдфебеля	263
М. К. САВИН	
227. Небесный свод	266
В. СВЕТОБОР	
228. Дума	267
Я. О. СИРКЕС	
229. Из Лермонтова	268
230. Рождение мысли	268
А. СКОРБИН	
231. Пальто рабочего	269
Е. Э. СНО	
232. (Из «Современной чепухи»)	270
П. СТЕПАНОВ	
233—234. Иголочки:	
1. Думе 3-ей	272
2. Маркову 2-му	272
235. 1.2.3.4.	272
Ф. Ф. СЫРОМОЛОТОВ	
236. На аэроплане. <i>С немецкого</i>	274
ТЭФФИ	
237. Гаданье	276
238. Бедный Азра	277
В. В. УМАНОВ-КАПЛУНОВСКИЙ	
239. Шпик	279
Д. М. ЦЕНЗОР	
240. Весеннее утро в доме № 37	280

САША ЧЕРНЫЙ

241. Слишком много	282
242. Вопль	283
243. Дерзкая задача	283
244. Верх лояльности, или От великого до смешного только один шаг	285
245. Стилизованный осел. <i>Ария для безголоосых</i>	286
246. Опять	286
247—249. Литература и критика (<i>Из Sinngedichte Людвига Фульда</i>):	
1. «Короли, герои, папы. . .»	288
2. Разговор на могиле	288
3. «Когда он меня обругал. . .»	288
250. «Что можно с Маркова взыскать? . . .»	289
251. Перед началом думских игр. <i>Беспартийная элегия</i>	289
252. Друг-читатель. <i>Этюд</i>	290
253. Герой. <i>Дурак без примеси</i>	291
254. Во имя чего?	292
255. Воробьиная элегия	293

ЧУЖ-ЧУЖЕНИН

256. Сваха	295
257. Детская песенка	296

О. Н. ЧЮМИНА

258. Благополучно	298
259. Прежде всего	299

Н. Г. ШЕБУЕВ

260. Федор Сологуб	300
261. Вячеславу Иванову	300
262. Ода на посрамление студенческих доктрин, собственноручно в державинском штиле сочиненная отставным императорских университетов студентом и кавалером Николаем Егоровым, сыном Шебуевым, и посвященная его высокопревосходительству господину министру народного просвещения и кавалеру Льву Аристидову, сыну Кассо	301

Ф. С. ШКУЛЕВ

263. Поразительные сходства	306
264. Как будто из Гейне	306
265. Не пойму	307
266. Постник	307
267. Титовский дом	308

268. «К нам из Англии туманной...»	310
--	-----

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

269. «Черная шаль»	312
270. На память	312
271. Телеграмма из ада	313
272. «Пусин-Мушкин, Дусин-Хрюшкин...»	313
273. Дубровнну	314
274. Веселые размышления о некоем короле, куриной лапше и мужике-проказнике	314
275. Экспромт	315
276. «Выдумку, о смертный...»	315
277. Две радости	315
278. Из альбома модерниста	316
279. В сферах	317
280. В альбом Рославлеву	317
281. Вопрос	317
282. Песня газетчика. <i>На мотив «Коробейник(ов)»</i>	318
283. Прессе	319
284. Сон	319
285. Конкуренты	320
286. Песня о его превосходительстве. <i>Почти из Беранже</i>	320
287. Моя «Америка»	321
288. Красный язык	322
289. Поэты	322
290. Песенка	323
291. В университете	323
292. Деревня в будущем	324
293. «Страна Италия...»	324
294. Постоянство	325
295. Дума	325
296. Сонет	326
297. Рифмы	327
298. Поэт	327
299. Об умном отце и несчастном сыне. <i>Басня</i>	328
300. Стиходун	329
301. «Дорошевич кровожаден...»	329
302. Из альбома пародий	330
303—304. Стихотворения Лермонтова. <i>Подрижание новым поэтам:</i>	
1. Вуаль	330
2. Месса	331
305. Бессоница	332

II

Июль 1914 — Февраль 1917

Н. Я. АГНИВЦЕВ

306. Сказка о трех набобах 335
307. Брат Антонио 336

С. А. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

308. Король Бубён 337

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

309. Куплетисты 354
310. Стаиславы. *Из монолога бюрократа* 355
311. Щегол 355
312. Колесо и конь 356
313. Волк и лев 356

А. С. БУХОВ

314. Приятный собеседник. *Набросок желчью* 358
315. Философские стихи 359
316. Спекулянты 360
317. Тыловик 360

ЕВГЕНИЙ ВЕНСКИЙ

318. Герой 363
319. Война и богема 364
320. В бурю... во-о-о грозу... 365
321. Ну и времечко! 367
322. Элегия 368
323. Как я живу 369
324. Издатель 369

А. Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

325. Nihil 371
326. У нас всегда 1-е апреля 372

В. В. ВОИНОВ

327. Сумерки кумиров 374
328. Очевидец 376
329. Брешь 377
330. Если — то... 378

А. И. ГОМОЛИЦКИЙ

331. Нецензурная мебель	379
332. Всероссийский купец	379

В. ГОРЯНСКИЙ

333. Страшное стихотворение	380
334. Живописец Пчелкин	380
335. Вот это — музыка	382

А. С. ГРИН

336. Знай наших. <i>Басня</i>	385
337. Военная хроника	386
338. Флюгер	387
339. Эстет и щ. <i>Басня</i>	388
340. Работа	390

А. д'АКТИЛЬ

341. Не тот коленкор. <i>Необходимая пародия</i>	392
342. Брешко	393
343. Культура	393
344. Седьмая держава	394
345. Мяслик Головорезов и военный заем. <i>Письмо в редакцию</i>	395
346. «Девка виновата!»	396
347. В кинематографе	397
348. То, что неизбежно	398
349. Подходное	398

ВЛАДИМИР ЗЛОБИН

350. «Часы Публичной библиотеки...»	400
351. Университет	400

Ю. ЗУБОВСКИЙ

352. Крепостник	402
---------------------------	-----

А. А. ИЗМАЙЛОВ

353. Ротмистр на воеводстве	403
---------------------------------------	-----

В. В. КНЯЗЕВ

354. Паразиты войны	404
355. «В былые, давние лета...»	405

356—358. (Из цикла «Лукоморская компания»):	
1. «„У «Лукоморья» дуб зеленый“...»	405
2. «У «Лукоморья» старый дуб...»	406
3. «Не то беда, что Сологуба...»	406
359. Каннова печать	406
360—362. Требник капиталиста	
1. Соборная молитва	407
2. Верую	408
3. Акафист проценту	408
363. О хвостах	410

СЕРГЕЙ КРЕМКОВ

364. Заклинание	412
-----------------	-----

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

365. Сказка о том, как царь места лишился	414
---	-----

И. С. ЛОГИНОВ

366. Поэту-мещанину	423
367—369. Т р и о:	
1. «Биржевка»	423
2. «Русское слово»	424
3. «Речь»	424
370. 400...	424

Д. МАИЗЕЛЬС

371. Американский курорт. <i>Сонет</i>	425
372. Уолл-стрит, биржа	425

С. Я. МАРШАК

373. Война и театр	427
374. Муха це-це	428
375. История русского футуризма. <i>От Игоря до наших дней</i>	429

В. В. МАЯКОВСКИЙ

376. Вам!	430
377. Гимн судье	430
378. Гимн ученому	432
379. Гимн критику	433
380. Гимн обеду	434
381. Великолепные нелепости	435
382. Внимательное отношение к взяточникам	437

383. Чудовищные похороны	438
384. Надоело	439
385. Хвой	441

С. МИХЕЕВ

386. Из жизни военной газеты «Мы не моргнем». В редакции . . .	444
387. Осеннее	445

СЕРГЕЙ НЕДОЛИН

388. Вздох читателя	447
-------------------------------	-----

ЛЕВ НИКУЛИН

389. О Сверянинне	448
390. «Правовед»	450

М. ПУСТЫНИН

391. Прежде и теперь	451
--------------------------------	-----

А. А. РАДАКОВ

392. Жирный	452
393. Печать	453
394. Схема	453
395. Сатирикоч	454

Л. М. РЕЙСНЕР

396. Медному всаднику	455
---------------------------------	-----

Б. САДОВСКИЙ

397. Литературные типы. <i>История одинокого человека</i>	457
398. Превратность судьбы	457

СКАНДЕРБЕГ

399. Белая ворона. <i>Басня</i>	459
400. Говорящие камни. <i>Басня из Трилуссы</i>	460

Ф. К. СОЛОГУБ

401. Портрет	461
------------------------	-----

В. СТАРИКОВ

402. Песенка («Его превосходительство...») 462

М. СТРОНИЦ

403. Молитва мародера 463

Д. Н. ТИГЕР

404. Тот, кому повезло. *Монолог времен ближайших* 464
405. Отроковица Дума. *Почти ода* 465
406. Десятый круг. *Подражание Данте* 466

О. ТОМСКИЙ

407. «„Война, война — вплоть до победы!..“» 468

ЧУЖ-ЧУЖЕНИН

408. Про фараона 469

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

409. Овидиевы метаморфозы 472
410. Творчество 473
411. Эстеты 473
412. Ай-люли. *Наигрыш русской. Пародия* 474
413. Календарь подцензурного журналиста. *После написания
статьи* 474
414. В тылу 475

III

Март — Октябрь 1917

МИХАИЛ АГАТОВ

415. Г-м Милюковым 479

Н. Я. АГНИВЦЕВ

416. Гильотина 480
417. Павел Первый 481
418. Рассеянный король 481

А. В. АМФИТЕАТРОВ

419. Прибежище во скорбех 483

С. А. БАСОВ-ВЕРХОЯНЦЕВ

420. (Из поэмы «Сказ, отколь пошли цари у нас») 484

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

421. «Петельки» 491
422. Новая комбинация 491
423. «Центродух» 492
424. «Контрразведчики» 492
425. Чужое и свое. *Солдатская* 494
426. Социал-запки 495

М. М. БЕСКИН

427. «Трюк» 497

ГРИБКО-ГОЛЬШОВСКИЙ

428. Новочеркасский мессия 498

А. Д'АКТИЛЬ

429. *Transit gloria mundi* 499
430. Буржуа. *Манифест самосохранения* 500
431. Буржуй. *Еще одно внеочередное заявление* 501
432. Три года 502
433. Эпитафия 502
434. История одной жизни 503

Н. ДУБРОВСКИЙ

435. Квартет 506

И. ЗВЕРЬКОВ

436. Прохожий и собака. *Басня* 508

И. ИОНОВ

437. По Сеньке и шапка 510

В. КИЧУЙСКИЙ

438. Чей голос? 511
439. Как это произошло? *К психологии «творчества»* 512

В. В. КНЯЗЕВ

440. Живой труп. *4-я Государственная дума* 513
441. Взятие Константинополя 514
442. Муций Иванович Гучков 515
443. Буржуазная газета 516
444. Шкурный вопрос 517
445. Обывательщина 517
446. «Съехалось, сражается...» 519

ЕВТ. КОНДАКОВ

447. «Понедельничная» газета. *Шарж* 520
448. К съезду общественных деятелей 521

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

449. «На опрокинувшемся троне...» 523
450. Монумент 523
451. Гражданин 525
452. «Проклятые вопросы» 526
453. «Проказник бунт! Лихому сорванцу...» 527
454. Дорожное 527
455. Песенка о Гендерсоне 528
456. «Ручная» работа 530
457. Смотрины 530
458. «„Читали? Вежливая «Речь»“...» 532
459. Почти библейское 532
460. «„Финал?“ — „Чудесные дела...“» 533

И. С. ЛОГИНОВ

461. Марсельеза оборонцев 534
462. Безработный 535
463. Вояки 536
464.левой! Правой! 536
465. Братание 537
466. Поповский манифест 537
467. Частушки 538

В. В. МАЯКОВСКИЙ

468. Сказка о Красной шапочке	539
469. «Нетрудно, ландышами дыша...»	540
470. Интернациональная басня	541
471. «Ешь ананасы, рябчиков жуй...»	541

И. И. МУКОСЕЕВ

472. Романовская колыбельная песня	542
473. О Корнилове	543
474. Мои сердечные пожелания	544

ЛЕВ НИКУЛИН

475. О старце Григории и русской истории. <i>Сказка наших дней</i>	546
476. День министра-председателя	560
477. Эпитафия «Новому времени»	560
478. «Патриот»	561

Я. ОКСНЕР

479. Кафе-пессимисты	562
--------------------------------	-----

А. РАДЗИЕВСКИЙ

480. Издыхающий зубр	564
481. Из «Ликов современности». <i>Средний человек</i>	565

Д. Н. СЕМЕНОВСКИЙ

482. Политические святки	568
------------------------------------	-----

СКАНДЕРБЕГ

483. Два Николая	569
484. Газават. <i>Сонет</i>	570
485. Генеральское пальто. <i>Шутка</i>	571
486. «Справляет смерть веселый бал...»	572
487. Коронки	573
488. Кретин и Константин. <i>Басня</i>	573
489. Зелень	574
490. В мире неясного и нерешенного	574

491. Выкинутые	575
492. «Радуйся, желтая пресса! »	575
493. Спешка	575
494. Переплатили	576
495. Пушкинское	576
496. Возвращение	577
497. Б. Ф. Керенский	577
498. Отсрочка	577
499. Рижская песенка	578

В. СТАРИКОВ

500. «Муть»	580
-----------------------	-----

А. М. ФЛИТ

501. Ее величество Пошлость	581
502. В защиту смеха	582
503. Похороны	583

ЧУЖ-ЧУЖЕНИИ

504—505. (Из «Новых частушек-коротушек про войну»):	
1. «Деревенские девицы...»	584
2. «Развелось в России франтов...»	584
506—509. (Из «Новых припевок»):	
1. «Все законы-миротворцы...»	585
2. «Выходил один оратор...»	585
3. «У богатого — телята...»	585
4. «Две копейки с полкопейкой...»	585

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

510. История спокойного короля. <i>Хуже песни</i>	586
511. Плантаторы	587
512. Карьера кадета	587
513. «Скучная картина! Тучи без конца...»	588
514. В альбом	588
515—517. Наши партии:	
1. Ка-дэ	589
2. Большевик	589
3. Соц.-революционер	589
518. Внимание!	590
519. Сказка про старого воробья	590
520. Сказка о мужике Филате, храбром солдате	591

521. «Русское слово». <i>Альбом эпиграмм</i>	592
522. Седина в бороду, а бес — в ребро	593
523. Социалист-революционер. <i>Правый</i>	593
524. «Монолог» Керенского. У Петергофских фонтанов	594
Примечания	595
Аннотированный список периодических изданий	686
Именной указатель	694
Указатель авторов	709
К иллюстрациям	712

РУССКАЯ
СТИХОТВОРНАЯ САТИРА

1908—1917 гг.

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1974,
736 стр. План выпуска 1974 г. № 341

Редактор
В. С. Киселев
Художник
И. С. Серов
Художественный редактор
А. Ф. Третьякова
Технический редактор
М. А. Ульянова
Корректор
Ф. С. Флейтман

Сдано в набор 27/III 1974 г. Подписано
в печать 13/VIII 1974 г. М 20735. Бума-
га 84×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 23,0+4 вкл.
(39,06). Уч.-изд. л. 33,24. Тираж 25 000 экз.
Заказ № 294. Цена 1 р. 69 к.

Издательство «Советский писатель», Ленин-
градское отделение. Ленинград, Невский
пр., 28

Ордена Трудового Красного Знамени Ленин-
градская типография № 5 Союзполиграф-
прома при Государственном комитете Со-
вета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
91	12 сверху	поэтическом	политическом
134	4 сверху	«Брешешь, барин, ой, как брешешь	«Брешет, барин, ой, как брешет
136	14 сверху	Пред иконою	Под иконою
159	14 сверху	ясно	явно
178	18 сверху	объяденье	объеденье
426	4 сверху	биржи	биржи